

ЗАГОВОР

20 ИЮЛЯ 1944 ГОДА

**Дело полковника
ШТАУФФЕНБЕРГА**

КУРТ ФИНКЕР

KURT FINKER

STAUFFENBERG und der 20. Juli 1944

2., erweiterte Auflage

Union Verlag

Berlin

1971

КУРТ ФИНКЕР

ЗАГОВОР

20 ИЮЛЯ 1944 ГОДА

Дело полковника

ШТАУФФЕНБЕРГА

Перевод с немецкого Г. Рудого

Под редакцией Е. А. Гнедина

Предисловие Д. Мельникова

Издательство „Прогресс“

Москва

1976

Редакция литературы по вопросам мирового рабочего и коммунистического движения и международных отношений

Курт Финкер

Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауффенберга

© Перевод на русский язык
Издательство „Прогресс“, Москва, 1975

Ф $\frac{11105-2(91)}{006(01)-76}$ 84-75

ПОЛКОВНИК КЛАУС ФОН ШТАУФФЕНБЕРГ И ЗАГОВОР ПРОТИВ ГИТЛЕРА

Предисловие

Книгу Курта Финкера о Клаусе Штауффенберге с полным основанием можно назвать наиболее подробным в исторической литературе ГДР исследованием одного из драматических событий истории Германии — заговора 20 июля 1944 года. В центре этого исследования стоит человек, который взял на себя исполнение замысла заговорщиков — начать путч убийством Гитлера. Граф Клаус фон Штауффенберг, полковник гитлеровского вермахта и начальник штаба армии резерва, в день 20 июля 1944 года принес в своем портфеле бомбу в ставку фюрера — в картографический барак, где Гитлер проводил свои совещания о положении на фронтах. Бомба взорвалась, убив и ранив несколько человек, но фюрер, как известно, остался жив. Попытка «дворцового переворота» потерпела неудачу.

Но Штауффенберг не только исполнитель самой акции покушения. Он представитель патриотического крыла заговора, которое в убийстве Гитлера видело лишь сигнал для широкого антифашистского переворота в стране. Известная «персонификация» (в лице Штауффенберга) демократических устремлений определенной части заговорщиков не привела автора к неоправданному сужению своей темы. Его книга охватывает большую сумму проблем, связанную с «кризисом верхов» фашистской Германии в целом к концу войны и особенно с ролью демократически настроенных элементов в том пестром и сложном социально-политическом явлении, каким является заговор 20 июля 1944 года.

Автор в заключительной главе пытается определить то новое, что вносит его исследование в уже существующую, поистине огромную литературу о заговоре 20 июля 1944 года. Главную свою задачу он видит в том, чтобы показать и проанализировать процесс поляризации общественных сил, участвовавших в заговоре, вокруг двух основных центров: реакционно-консервативного во главе с «гражданским руководителем» заговора Гёрделером и демократическо-патриотического, во главе которого стояли такие деятели, как Штауффенберг, Мольтке, Йорк фон Вартенбург и другие. Своего героя Штауффенберга автор рассматривает как ключевую фигуру второго направления в этом процессе поляризации. Думается, что это вполне правомерно по двум причинам: во-первых, Штауффенберг представлял самую активную часть заговорщиков, которая сочетала антифашистские убеждения с конкретными действиями и определенным планом переворота; во-вторых, Штауффенберг по своим убеждениям занимал среди заговорщиков наиболее последовательно-демократические позиции. Вокруг него собирались те силы, которые связывали заговор с широкими задачами антифашистской борьбы.

Но анализом расслоения сил в лагере заговорщиков книга Финкера не ограничивается. Содержание ее переросло первоначальный замысел, и в итоге перед нами комплексное исследование «кризиса верхов» фашистской Германии в целом. Некоторые дополнения и критические замечания, которые будут высказаны в данном предисловии, исходят именно из этого «конечного продукта» работы автора. И прежде всего хотелось бы отметить, что для изучения проблемы «кризиса верхов» и заговора 20 июля 1944 года книга Финкера представляет большой интерес.

Заслугой автора является то, что он показывает процессы созревания заговора, размежевания различных сил и становления различных центров во всей их сложности, не упрощая историческую действительность. Оценки его различны и неоднозначны для характеристики многообразных течений в лагере заго-

воршиков. Такой подход очень важен для оценки любых исторических явлений. Он совершенно необходим при исследовании сложного комплекса проблем, связанных с заговором 20 июля 1944 года, ибо попытка найти единую оценку, которая подходила бы ко всем разноречивым устремлениям и рекомендациям руководителей заговора, могла бы привести лишь к искажению истинной картины заговора. Такие попытки характерны вместе с тем для ряда исторических трудов, которые в описании событий, связанных с 20 июля 1944 года, применяют лишь две краски — либо черную, либо белую.

Не удивительно поэтому, что книга Финкера во многом полемическая. Ведь девять десятых трудов, издаваемых в ФРГ по истории фашизма, посвящены именно событиям 20 июля 1944 года. В этих трудах западногерманские историки пытаются «модернизировать» историю заговора, приспособить трактовку исторических событий к потребностям той или иной обстановки или той или иной партии, исторической школы, политической доктрины. Для подобного рода намерений дифференцированный подход к различным группам заговорщиков непригоден. И когда марксистская наука в анализе заговора применяет такой подход, ее противники поднимают шум о «необъективности» и попытках «оторвать» прогрессивную часть заговорщиков от основной массы участников заговора. Книга Финкера является убедительным, весомым ответом на эти обвинения. Она свободна от односторонности, характеризуется строго дифференцированным подходом к политическим программам и политическим деятелям, замешанным в заговоре.

При всей широте охвата проблем, связанных с заговором, книга Финкера остается все же биографической — она в основном посвящена полковнику фон Штауффенбергу. Политическая биография — вот тот жанр, к которому относится данное произведение. И конечно, если оценить то новое, что вносит в историческую литературу исследование Финкера, то надо прежде всего отметить вклад его в конкретный исторический анализ событий, связанных со Штауффенбергом, его программой и действиями.

Автор дает наиболее полное описание взглядов Штауффенберга и — что особенно важно — связи воззрений группы Штауффенберга с потребностями и программой антифашистской борьбы более широких слоев населения Германии. Автор не теряет критического подхода к некоторым сторонам идейного багажа группы Штауффенберга, хотя — как будет сказано ниже — можно упрекнуть его иногда в недостаточной последовательности в соблюдении такого критического подхода в отношении ранних периодов эволюции взглядов полковника Штауффенберга.

В исторической литературе Штауффенберг иногда изображался как изолированный от реальности мечтатель, который не был связан с антифашистским движением в стране. Однако факты, приводимые Финкером, опровергают эту легенду. На его взгляды оказывали влияние теория и практика антифашистской борьбы, и он был информирован о действиях и программах организаций, которые вели в подполье борьбу против гитлеровского режима. Следовательно, деятельность группы Штауффенберга надо рассматривать также как часть этой антифашистской борьбы.

Далее, книга Финкера содержит во многом новый анализ состава группы Штауффенберга и детальную характеристику главных ее участников. Это является ценным подспорьем для любого дальнейшего изучения деятельности группы Штауффенберга, результатом кропотливого исследовательского труда.

В литературе, изданной в Западной Германии, исторические деятели из группы Штауффенберга оставались, как правило, в тени. Мы очень мало знали до выхода книги Финкера о таких людях, как Штифф, Линдеман, фон Хефтен, Бертольд фон Штауффенберг (брат полковника Клауса фон Штауффенберга) и др. Этот пробел восполнен исследованием Финкера.

Много дополнительного материала книга Финкера дает и для раскрытия такого важного аспекта деятельности группы Штауффенберга, как связь ее с тылом фашистской Германии. Автор хорошо показывает влияние событий в гитлеровском тылу на эволюцию взглядов Штауффенберга. А как начальник штаба

армии резерва, расквартированной на территории са-
мого рейха, Штауффенберг, естественно, был хорошо
информирован о настроениях немцев в тылу, знал
истинное экономическое положение в стране, наблю-
дал за истощением ее ресурсов, за ухудшением про-
довольственного снабжения населения и т. д.

Важное достоинство книги Финкера — это раскры-
тие в ней не только идейной связи с антифашистским
движением, но и прямых контактов с антифашистски-
ми организациями, и прежде всего с Коммунистиче-
ской партией Германии и с движением Национального
комитета «Свободная Германия» — организации, соз-
данной на территории Советского Союза немецкими
офицерами и солдатами, взятыми в плен Советской
Армией. Здесь автору удалось мобилизовать обшир-
ный материал, который во многом рисует в новом
свете намерения группы Штауффенберга, ее контак-
ты с передовыми отрядами антифашистского движе-
ния.

Наконец, книга Финкера вносит немало нового и
в описание самого хода заговора, акции покушения
на Гитлера, действий различных групп заговорщиков.
Автор опирается при этом на множество архивных
материалов и на беседы с пережившими гитлеров-
ский террор участниками заговора или родственни-
ками руководящих деятелей заговора, казненных гит-
леровцами.

В целом автор создает весьма полную и убед-
тельную картину истинных намерений различных
групп заговорщиков, расхождений между ними, карти-
ну хода событий перед покушением на Гитлера и
действий заговорщиков и нацистских властей после
неудачи покушения.

Политическая биография — трудный жанр. Труд-
ный хотя бы потому, что очень непросто определить
место личности в общем ходе исторических событий
даже в том случае, когда мы имеем дело с относитель-
но частным явлением — таким, как заговор против
фашистского диктатора. Две опасности особенно
подстерегают историка, поставившего перед собой
цель написать исследование об определенной истори-
ческой личности: с одной стороны, соблазн поставить

личность над ее временем, оторвать ее от исторической реальности и идеализировать ее; с другой стороны, переносить критерии той эпохи, к которой относится деятельность данного «героя», на нашу современность, неправильно оценить тем самым опыт и характер данной личности и уроки, которые надо извлечь из ее жизни.

Книга Финкера, в основном, сочетает достоинство биографического жанра и общен исторического исследования. Как нам кажется, в этом и причина успеха произведения Финкера, которое в ГДР выдержало два издания и переведено на ряд иностранных языков.

II

Автор исходит из того, что Штауффенберг и его приверженцы составляли особую группу в заговоре, которая объединяла наиболее демократически настроенные слои офицерства в пестром лагере заговорщиков. Такое выделение кружка, возникшего вокруг Штауффенберга, из общего состава заговорщиков имеет принципиальное значение. Это говорит о том, что Штауффенберг не был «одиночкой», каким его рисуют многие буржуазные историки; что он представлял не только «самого себя», а целое направление в германском оппозиционном офицерстве; что его эволюция характерна для эволюции большей части офицерских кругов, принимавших участие в заговоре; и наконец, что выводы, к которым он пришел, определяли действия и цели особого крыла заговорщиков.

Автор убедительно доказывает свой тезис, мобилизовав для этого большой материал. И именно такой подход оправдывает интерес к фигуре Штауффенберга, дает возможность «типизировать» некоторые черты его биографии и его морально-этических и политических взглядов.

Выделение Штауффенберга и его друзей в особую группу требует четкого «отграничения» ее от других групп заговорщиков, ясного представления о том, что объединяло и что разъединяло различные кружки или группы, образовавшиеся в ходе заговора в офицерском корпусе гитлеровского вермахта. Именно

об этом хотелось бы напомнить в предисловии в дополнение к тому, что сказано в книге Финкера.

Общим для различных групп оппозиционного офицерства является генезис их идейного и организационного становления и развития. В основе возникновения этих групп лежало разочарование в эффективности гитлеровского военного руководства и в реальности фашистских планов установления европейского и мирового господства германского милитаризма. К этому можно добавить и резко отрицательную реакцию, которую у части офицерства вызвали кровавые методы фашистского господства в захваченных странах и временно оккупированных советских областях, злодеяния гитлеровских карательных частей.

Общим для подавляющего большинства офицеров, примкнувших к концу войны к оппозиции, было непонимание сути фашизма, зараженность национализмом, стремление к созданию «Великой Германии», которая включала бы немало территорий чужих государств. Потребовалось много времени, чтобы угар агрессивного национализма развеялся и стала ясной неизбежность краха фашистской авантюры. Решающую роль в этом процессе «прозрения» играли поражения гитлеровских войск на советско-германском фронте, крушение мифа о непобедимости германской армии, военная катастрофа, в которую Гитлер вовлек страну.

Следовательно, эволюция идейных установок оппозиционного офицерства имела вполне «материальную» основу — она не была просто результатом «морального перерождения», «пробуждения совести» и действия прочих внутренних моральных и психологических факторов. Понадобились крупные военные потрясения, миллионы жертв, принесенные фашистскими властителями на алтарь честолюбивых планов установления мирового господства германского монополистического капитала, чтобы часть германского офицерства поняла авантюристичность гитлеровской военной доктрины и аморальность не только методов, но и целей фашистского диктатора.

Таковы были глубинные причины процесса отрезвления и «прозрения», развивавшегося в определенной

части германского офицерства в период фашистского господства. Начальная стадия этого процесса протекала в общем одинаково среди разных групп оппозиционных офицеров. Но темпы развития его, глубина и конечные выводы, к которым пришли представители отдельных групп, были различны. Наиболее далеко идущие (и наиболее правильные) уроки из крушения фашистского вермахта и фашистской идеологии среди германского офицерства извлекла группа Штауффенберга. Это отличает ее программу и действия от программ и действий других групп. При анализе характера группы Штауффенберга важно разобраться в наиболее существенных чертах, отличающих ее взгляды, цели и намерения от установок другого крыла заговора, того, которое мы называли реакционно-консервативным.

Существенные различия, как нам кажется, затрагивают два важных аспекта воззрений заговорщиков и их программы.

Во внутривнутриполитическом плане — это представление о целях заговора, об оценке долгосрочных намерений заговорщиков после ликвидации господства фашистского диктатора.

Во внешнеполитическом плане — это вопрос об ориентации страны в будущем и о непосредственных акциях на Востоке и Западе с целью ликвидации фашистской авантюры.

В отличие от реакционно-консервативных лидеров заговора типа Гёрделера, Хасселя, Попица, Вицлебена и др. Штауффенберг считал целью заговора не «дворцовый переворот», который не затронул бы существа режима, а установление республиканско-демократического строя в Германии. Один из друзей Штауффенберга, Йорк фон Вартенбург, ясно сформулировал эту цель в разговорах с другими участниками заговора. На допросах в гестапо один из заговорщиков, фон Лендорф, показал следующее: «Йорк заявил мне, что такие люди, как Гёрделер и Попиц, слишком стары и реакционно настроены, чтобы можно было ожидать от них образования авторитетного правительства. По его мнению, необходимо создать значительно более широкую базу, добиться включения (в правитель-

ство. — Д. М.) представителей рабочего класса...». Сам Штауффенберг говорил, что следует добиваться «создания поддержанного широкими народными массами нового социального государства».

Группа Штауффенберга совместно с Крайзауским кружком, о котором также подробно говорится в книге Финкера, разработала программу социально-экономических преобразований, которая предусматривала, в частности, национализацию ключевых отраслей промышленности в Германии, обуздание власти монополистического капитала в стране. Такую далеко идущую социальную программу не выдвигала ни одна из прочих буржуазных оппозиционных партий или групп в фашистской Германии. Именно она создала Штауффенбергу и его группе в буржуазных кругах репутацию «социалиста», хотя, как известно, национализация определенных отраслей промышленности вполне укладывается в рамки буржуазно-демократического строя.

Что касается внешнеполитической программы группы Штауффенберга, то центральный пункт в ней — это полный разрыв с установками на сепаратный мир с Западом, четкая ориентация на окончание войны на всех фронтах и заключение мира не только с США, Англией и Францией, но и с Советским Союзом. Именно в этом — коренное отличие внешнеполитической программы Штауффенберга от программы ведущих деятелей заговора — Гёрделера, Хасселя и др.

Штауффенберг говорил, что «необходимо использовать каждую возможность вести политические переговоры с Россией, которая является нашим соседом». Он настаивал на том, чтобы были предприняты конкретные шаги для установления контакта с советским правительством.

Более того, установление мира на Востоке Штауффенберг считал первоочередной задачей, ибо хорошо понимал, что на советско-германском фронте решается судьба войны, именно здесь фашистский вермахт потерпел решающие поражения.

Правда, понимание роли Советского Союза в войне пришло далеко не сразу; оно также явилось результатом не абстрактно-теоретических размышлений, а

конкретных итогов героической борьбы Советской Армии и советского народа против гитлеровского нашествия, результатом крупнейших поражений, нанесенных фашистским войскам на советско-германском фронте. Тем не менее следует признать, что именно группа Штауффенберга сумела извлечь из этих поражений правильные уроки.

Все сведения, которыми мы располагаем о взглядах Штауффенберга и его друзей, говорят о том, что противоречия между Штауффенбергом и реакционно-консервативными руководителями заговора неизбежно должны были углубляться и в конечном итоге привести к полному разрыву между ними. Речь идет, как нам кажется, не просто о разногласиях между различными представителями сравнительно узких кругов заговорщиков, а о споре, который затрагивал гораздо более широкие общественные круги Германии и касался коренных проблем дальнейшего развития страны. В этом — актуальность вопросов, поставленных в книге Финкера, с точки зрения той политической и идеологической борьбы, которая разворачивается в современной Западной Германии. Можно поэтому с полным основанием сказать, что исследование Финкера — не отвлеченный исторический труд, представляющий лишь академический интерес. Оно живо перекликается со многими проблемами нашей современности.

III

Вопрос о причинах возникновения оппозиции Гитлеру в рядах офицерства до сих пор еще стоит в центре дискуссий, разворачивающихся вокруг проблем, связанных с историей заговора 20 июля 1944 года. Главный тезис буржуазной историографии, особенно западногерманской, сводится к тому, что морально-этические соображения играли здесь главную роль. Некоторые реакционно настроенные историки вообще отрицают всякое влияние событий на фронтах на эволюцию взглядов заговорщиков и их действия.

Нельзя, разумеется, отрицать значение морально-этических факторов в процессе созревания заговора

и в эволюции позиций той или другой личности по отношению к фашистскому режиму и к гитлеровской войне. Безжалостное истребление населения на оккупированных территориях, массовые расстрелы заложников, бесчеловечное обращение с военнопленными, гестаповские методы истязаний и пыток, одним словом, вся кровавая практика фашистского режима открывали глаза многим из тех, кто первоначально поддавался под влияние демагогической пропаганды гитлеровцев, поверил в то, что нацисты выполняют некую национальную, патриотическую миссию.

Тем не менее в ряду факторов, определивших отход части офицерства от нацистских доктрин и фашистского руководства, морально-этические соображения занимают второстепенное место. Мы бы сказали, что они явились производными другого процесса — разочарования в достижимости целей, провозглашенных нацистами, в возможности победы, а к концу войны — распространения настроений обреченности и предчувствий или понимания близкой гибели. Главной причиной такой эволюции настроений были поражения, понесенные фашистскими войсками на советско-германском фронте.

Таким образом, показ тесной взаимосвязи развития заговора с событиями на советско-германском фронте чрезвычайно важен для понимания истинных мотивов перехода различных групп офицерства в оппозицию против Гитлера. И в этом отношении, как нам кажется, книга Финкера нуждается в некотором дополнении.

Дело в том, что до первых поражений гитлеровской армии на Востоке «оппозиционность» даже таких патриотически настроенных офицеров, как Штауффенберг, носила весьма отвлеченный характер. Впрочем, об этом пишет и сам Финкер, указывая на то, что только в 1941—42 г. у Штауффенберга произошел перелом по отношению к гитлеровской войне. До этого он просто стремился выполнять свой «долг солдата» в соответствии с прусско-милитаристской традицией, которая не во всем совпадала с требованиями нацистского руководства.

Первые признаки активизации оппозиции против Гитлера в смысле ее организационного оформления и формулировки общих задач борьбы против фашистского диктатора появились после поражения германской армии под Москвой зимой 1941 года. И не случайно ядром оппозиции на данном этапе стала группа офицеров, действовавших на Центральном фронте в штабе фельдмаршала Бока, а после его увольнения с этого поста — фельдмаршала Клюге. Здесь собрались близкие друзья Штауффенберга, участники его группы: генерал-майор Хеннинг фон Тресков, граф фон Лендорф и другие.

Дальнейшая эволюция заговора также связана с событиями на советско-германском фронте. Решающую роль в превращении оппозиции в организованный заговор сыграла военная катастрофа фашистского вермахта под Сталинградом. Она ярко обозначила грядущий крах всей гитлеровской военной авантюры, и с тех пор мысль об убийстве Гитлера окончательно овладела умами части офицеров.

В подготовке заговора после Сталинградской битвы можно достаточно отчетливо различить три этапа, соответствующие основным вехам разгрома фашистской армии на советско-германском фронте.

Первый этап — от поражения фашистских войск под Сталинградом до Курской битвы в июне 1943 года, в которой гитлеровскому вермахту был нанесен еще один сокрушительный удар. На этом этапе был создан руководящий центр заговора, начата разработка программы и сделаны первые наброски состава будущего правительства. К этому же времени относится серия попыток покушения на Гитлера.

Второй этап — это период от Курской битвы до весеннего наступления Советской Армии 1944 года, приведшего к массовому изгнанию гитлеровских армий с советской территории. Он характеризуется разработкой и принятием плана действий, получившего наименование «плана Валькирии», и определением состава правительства, которое должно было сменить правительство Гитлера. В это же время были составлены основные программные документы заговорщиков, которые должны были быть обнародованы после

убийства Гитлера. Это означало, что заговор окончательно оформился не только в организационном плане, но получил определенную политическую платформу.

Наконец на третьем этапе, завершившемся покушением на Гитлера, были закончены все технические приготовления к его осуществлению, определены непосредственные исполнители этого замысла, разработан детальный план последующих действий.

В центре всей этой организационной и идеологической работы стоял полковник фон Штауффенберг. Он был, по выражению одного из заговорщиков, «мотором» заговора, подлинным его организатором, хотя его собственные замыслы и планы нашли лишь очень бледное отражение в официальных документах заговорщиков, которые представляли собой компромисс между различными группами в их лагере, причем компромисс, в котором реакционно-консервативные элементы явно одержали верх над демократическими.

В целом автор книги без предвзятости рисует образ Штауффенберга, отмечая, что к заговору против Гитлера и «нарушению присяги» его привел долгий путь сомнений, разочарований и в конечном итоге искреннего возмущения безответственными действиями фашистского военного руководства и ненависти к кровавым методам гитлеровского режима. Тем не менее в описании ранних стадий развития мировоззрения героя не всегда, по нашему мнению, правильно расставлены акценты.

Можно, конечно, восхищаться профессиональными навыками и качествами офицера даже тогда, когда речь идет о буржуазных армиях или о событиях военной истории капиталистических стран. Но гитлеровский вермахт был армией особого свойства. В нем все было подчинено целям подготовки к фашистской агрессии, и офицер, который безоговорочно до определенного времени поддерживал эти цели, несет ответственность за воспитание солдат именно в таком духе. Вряд ли его рвение и то, что он получал поощрения от начальства, заслуживают особой похвалы.

Штауффенберг воспитывался как офицер в гитлеровское время. Он окончил военную академию

в 1936 году, затем участвовал во всех гитлеровских походах, где и проявились его офицерские качества. В ряде мест своей книги автор с большой похвалой отзывается об этих профессиональных качествах. «Он просто излучал доверие», — цитирует автор свидетельство другого офицера — товарища Штауффенберга — и рассказывает, что даже «генералы, когда им приходилось иметь дело в генеральном штабе, стремились побеседовать с ним». В другом месте автор, говоря об участии Штауффенберга в походе против Франции, отмечает, что он критически относился к действиям германских властей после разгрома Франции. «Ему же, — пишет далее Финкер, — грезилось примирение с нею после войны».

О каком же «примирении» с Францией могла быть речь «после войны», то есть после того, как страна была растоптана фашистскими оккупантами? Стоит ли хвалить Штауффенберга за «доверие», которое он излучал, выполняя, по-видимому, особенно ретиво приказы фашистских военачальников? Можно ли называть доблестью тот факт, что эти военачальники так жаждали беседовать с ним?

Подобные вопросы невольно могут возникнуть при чтении таких мест в разделах книги, касающихся военной карьеры Штауффенберга. Тут, по-видимому, яснее можно было выразить отношение автора к фашистскому вермахту в пору подготовки его к агрессии и начального периода войны.

Военная оппозиция против Гитлера была очень разнородной. Финкер, как уже отмечалось выше, дифференцированно подходит к различным группам заговорщиков, отмечая их принадлежность к различным направлениям в лагере заговорщиков.

Но иногда все же он склонен причислить к заговорщикам таких деятелей, которые к истинной оппозиции против Гитлера никакого отношения не имели. Это, в частности, касается начальника военно-экономического отдела ОКВ (верховного главнокомандования вермахта) генерала Томаса. Он действительно на правил руководству нацистской партии несколько меморандумов, в которых высказывал «крамольные» мысли об экономическом положении страны и проро-

чувствовал, что Германия может потерпеть крушение, если не будет найден выход из создавшейся обстановки. Но на этом основании включать его в список противников фашистского фюрера вряд ли оправданно.

То же самое можно сказать и о преемнике Канариса на посту начальника «абвера» (фашистской военной разведки) полковнике Ганзене. Он был связан с некоторыми кругами заговорщиков, но всегда верой и правдой служил фашизму и непосредственно в заговоре участия не принимал. На наш взгляд, можно было и более определенно отделить от лагеря оппозиции против Гитлера бывшего начальника его генерального штаба Франца Гальдера. У него были заслуги скорее перед Гитлером, чем перед его противником.

Задача предисловия — не только привлечь внимание читателя на позитивные стороны труда, но попытаться дать некоторые сведения, которые могли бы дополнить картину, нарисованную автором книги. Высказанные здесь замечания преследовали именно эту цель. Книга Финкера — не только ценное исследование, но и интересное публицистическое произведение. Она представляет собой заметный вклад в изучение одной из важных сторон истории фашизма — вызревания «кризиса верхов» фашистской империи к концу второй мировой войны и оппозиции против Гитлера в фашистском вермахте. Исследование Финкера значительно дополнит литературу по этим проблемам, изданную на русском языке.

Книга Финкера нашла уже широкий круг читателей в ГДР и в некоторых других странах. Она, несомненно, будет встречена с большим интересом и советским читателем.

*Доктор исторических наук,
профессор Д. Мельников*

Предисловие ко второму немецкому изданию

Название настоящей книги — «Штауффенберг и заговор 20 июля 1944 г.» — определяет рамки рассматриваемого в ней предмета. Моей задачей являлась в первую очередь разработка биографии графа Штауффенберга. Вместе с тем, желая раскрыть побудительные причины действий этого офицера-патриота, я стремился продолжить изучение событий заговора в свете прогрессивной исторической науки.

Я настоятельно подчеркиваю ограничение темы моей книги именно этими рамками потому, что сам жанр биографии, монографического исследования не дает возможности подробно осветить движущие силы, в конечном счете определявшие ход исторического процесса в данный период, и позволяет наметить лишь основные линии и тенденции. Укажу, что в основу книги и детального изучения темы положены принципиальные положения «Истории германского рабочего движения»¹. На базе и при помощи научных методов этого исторического труда я предпринял попытку тщательно изучить тот эпизод истории Германии фашистского периода, который у одних вызывает эмоциональное одобрение, а у других — осуждение и в силу своего драматизма нашел отражение даже в художественном творчестве. Его трагичность и созданные вокруг него легенды используются буржуазными кругами, не способными или не желающими видеть подлинное антифашистское Сопротивление, в целях замалчивания той полной жертв последовательной борьбы, которую вело против гитлеровского фашизма германское рабочее движение.

Написать биографию Штауффенберга — значит поэтому прежде всего воздать должное немецким антифашистам — представителям рабочего класса, которые с самого первого часа фашистской диктатуры выступали против нее, которые в самые мрачные времена оставались верны своему делу и которые после решающей битвы на Волге последовательно, безоговорочно и твердо помогали довести борьбу до победного конца, видя перед собой великую цель — новую, демократическую, социалистическую Германию.

Только рассматривая деятельность Штауффенберга и заговор 20 июля в данной взаимосвязи, в контексте политических и идейных битв рабочего движения, можно по справедливости оценить значение антифашистской борьбы рабочего класса, а тем самым и ясно показать своеобразие деяний самого Штауффенберга и поступков его друзей.

После выхода в свет первого издания книги, которое быстро разошлось, я получил множество написанных в подобном духе откликов как историков-специалистов, так и интересующихся историей читателей. Эти высказывания не только говорят о большом интересе к рассматриваемому предмету, но и содержат критические указания, замечания и дополнения, которые оказали мне значительную помощь при подготовке второго издания. Это относится также к тем материалам, которые были предоставлены мне участниками событий 20 августа 1944 г. За прошедшее время я имел возможность лично беседовать с некоторыми родственниками казненных нацистами участников заговора, что помогло мне еще более уточнить картину событий.

Все это привело к необходимости, готовя книгу ко второму изданию, подвергнуть ее основательной переработке и дополнению. Изменения, относящиеся к ее концепции, а также уточнения имеются в каждой главе; кроме того, повсюду расширен фактический материал.

В ряде откликов на книгу высказывалось критическое замечание, что в первом издании изложение биографии Штауффенберга слишком концентрировалось на самом 20 июля, и создавалось впечатление,

будто его действия были уже задолго до того предопределены. Разумеется, такая трактовка никогда не входила в мои намерения. Поэтому вся работа была подвергнута критическому пересмотру, что и вызвало необходимые коррективы.

Второе существенное замечание касалось отношения героя книги к окружавшим его социальным условиям, то есть коренной проблемы при разработке биографии исторических личностей. Для историка-марксиста вопрос этот теоретически решен, но на практике необходим конкретно-творческий подход в каждом отдельном случае и самостоятельный ответ на те многие частные вопросы, которые ставит перед ним такая работа. При переработке книги особое внимание было обращено на то, чтобы отчетливее показать те влияния, которые испытывал на себе Штауффенберг и которые определяли его развитие. Граф Штауффенберг принадлежал к господствующему классу и по своему происхождению и развитию отнюдь не был предназначен содействовать историческому прогрессу. К нему в особенности относится сказанное Карлом Марксом в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»: «Люди сами делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не они сами выработали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»². Я пытался как можно четче выявить влияние окружающих общественных условий и путь развития Штауффенберга от аристократа до прогрессивного патриота, чтобы показать, насколько ему удалось идейно преодолеть воспринятое от прошлого и встать на новые позиции.

Создание исторической биографии — дело сложное; при рассмотрении же данного объекта научного изучения трудности по уже указанным причинам возрастают в еще большей степени. Восхищение, как и критика, «в равной мере и то и другое», необходимы для хорошей биографии, отмечал Франц Меринг в предисловии к своему знаменитому жизнеописанию Карла Маркса³, которое служит образцом для марксистской биографической историографии. Чем слож-

нее предмет описания, тем сильнее должно быть стремление автора не отдавать восхищению приоритет перед критикой, перед соблюдением историком разумной дистанции. Поэтому я согласен со всеми критиками моей работы, которые указали на необходимость соблюдения этого соотношения и предостерегли меня от героизации.

И еще одному следует поучиться у Франца Меринга: «История — всегда одновременно и искусство и наука, и это в особенности применимо к жизнеописаниям»⁴. Насколько удалось автору соблюсти эти высокие требования, пусть судит сам читатель.

Курт Финкер

Потсдам, март 1970 г.

Примечания

¹ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung» in acht Bänden, Band 5, Berlin, 1966, S. 115.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 119.

³ Франц Меринг, Карл Маркс. История его жизни, М., 1957, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 27.

Юность и военная карьера 1907—1933 гг.

Родительский дом. Школа. Среда

«20 июля повергло меня в состояние шока, но не пробудило во мне никаких надежд. В концлагере Дахау мы сразу же узнали о происшедших событиях, и очень скоро нам стало ясно, что предпринятая попытка покушения наверняка не вызовет изменения к лучшему... Тогда я еще был убежден, что, находясь я в тот момент на свободе, несомненно, принял бы участие в этой акции, в которой участвовали или же, как я полагал, должны были участвовать мои близкие друзья, а также братья фон Хефтен. Ныне мое духовное развитие заставляет меня считать такое свое участие невозможным»¹.

Эти слова из письма пастора Мартина Нимёллера, написанного в январе 1967 г., достаточно ясно освещают ту противоречивую, сложную ситуацию, в которой находился тогда, в 1944 г., не только немецкий народ в целом, но и каждый немец в отдельности. Группа политиков и офицеров поднялась против гитлеровской тирании. И хотя восстание это было через несколько часов подавлено, оставался в силе вопрос: кем были эти политики и офицеры? Какие цели они ставили перед собой? Кто поддерживал их? Служил ли тот путь, которым они хотели пойти, действительно выходом из национальной катастрофы, началом которой явилось установление нацистского режима?

В центре событий того июля 1944 г. стоял молодой офицер генерального штаба, который дотоле был известен только в кругу своих друзей и военных. Звали

его полковник службы генерального штаба граф Клаус Шенк фон Штауффенберг.

Когда обнаруженные после войны документальные источники позволили вскрыть закулисные причины заговора 20 июля 1944 г., оценка этого события стала вскоре пробным камнем оценки многих коренных вопросов германской истории новейшего времени.

Глубокую, основанную на всестороннем анализе источников характеристику заговора и его видных представителей дает «История германского рабочего движения». В ней говорится:

«Группа Гёрделера хотела заменить гитлеровское правительство доверенными лицами монополистического капитала и милитаристов, не слишком сильно скомпрометированными гитлеровским фашизмом... Тем самым внутри- и внешнеполитические планы группы Гёрделера воплощали собою лишь другой вариант антинациональной политики германского монополистического капитала. Они не указывали немецкому народу выхода, не давали решения жизненных национальных вопросов»².

Вместе с тем в «Истории германского рабочего движения» подчеркивается, что в заговоре участвовали «патриоты из кругов офицерства и буржуазии», отвергавшие реакционную концепцию группы Гёрделера³. «Прогрессивные силы заговора, — говорится далее, — осуществляли свою деятельность в группе, сложившейся вокруг Штауффенберга. В ней объединились разумные и отважные люди, не испытывавшие панического страха перед народом и не питавшие иллюзий в отношении империалистических западных держав»⁴.

Эта высокая оценка человека, который вместе со своими друзьями попытался устранить Гитлера и уничтожить преступный нацистский режим, дает нам основание более подробно осветить его жизненный путь и в большей степени отдать должное его деятельности и борьбе, чем это имело место во всех вышедших до сих пор работах о 20 июля 1944 г.

Граф Клаус Филипп Мария Шенк фон Штауффенберг родился 15 ноября 1907 г. в Еттингене (Бавария) и был третьим сыном графа Альфреда Шенка фон

Штауффенберга. Детство и юность его прошли под знаком огромных общественных потрясений и событий всемирно-исторического значения⁵.

Первая мировая война 1914—1918 гг., носившая империалистический характер, глубочайшим образом всколыхнула народы воюющих стран и вызвала крайнее обострение всех антагонистических противоречий империализма. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России открыла новую эпоху в истории человечества и явилась первым шагом на пути к победе социализма во всемирном масштабе. На одной шестой части земного шара рабочий класс сверг капитализм и победоносно отстоял свою власть от всех внутренних и внешних врагов. Таким образом, полностью развернулся общий кризис капитализма, проявившийся в связи с первой мировой войной. Неудержимо шел процесс прогрессирующего распада капитализма и ослабления его внутренних сил. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии ликвидировала монархический строй, положила конец войне народов и привела к образованию буржуазно-парламентской Веймарской республики. В ожесточенных и кровопролитных боях немецкие рабочие отражали натиск наступающей контрреволюции, сопротивлялись стремлению переложить на их плечи бремя войны и послевоенного периода. В огне Ноябрьской революции родилась Коммунистическая партия Германии — та партия, которая необходима рабочему классу для его победы. Уроком Ноябрьской революции явилось то, что «мир, свобода и прогресс могут быть обеспечены немецкому народу только тогда, когда руководство немецкой нацией перейдет к рабочему классу и он осуществит свою историческую миссию», что свою историческую задачу он сможет выполнить только в том случае, «если во главе его стоит сплоченная революционная боевая партия, последовательно и творчески руководствующаяся учением марксизма-ленинизма»⁶.

Эти положения дают ту историческую мерку, с которой следует подходить к оценке исторических движений и личностей того времени.

Граф Клаус фон Штауффенберг происходил из

старинного аристократического рода, генеалогическое древо которого можно проследить вплоть до 1262 г. Род этот имел свои многочисленные ветви в Верхней Франконии, Вюртемберге и Баварии.

В свое время Штауффенберги являлись церковными князьями — епископами Бамберга и Констанцы (на Боденском озере. — *Перев.*), а также входили в баварские государственные советы. Баварский король Людвиг II в 1874 г. пожаловал прадеду Клауса барону Францу Людвигу фон Штауффенбергу графский титул. Отсюда и пошли баронская и графская ветви этого рода.

Клаус был на два года моложе своих братьев-близнецов Бертольда и Александра. Отец до самой Ноябрьской революции служил обер-гофмаршалом при дворе вюртембергского короля Вильгельма II. Убежденный католик и монархист, консервативный по своему мировоззрению, противник буржуазно-демократической республики, он был, однако, человеком широким и энергичным во всем, что касалось вопросов практической жизни. По словам современника, он был наделен талантом подлинной представительности в организации дворцового церемониала и празднеств, а также во всех связанных с этим практических жизненных вопросах, далек от эмоционального взгляда на вещи, который сам он бичевал с почти благожелательным сарказмом. Вместе с тем старый граф был «универсально одаренным любителем-ремесленником, умевшим мастерить, клеить обои, делать электропроводку и ремонтировать мебель; он собственноручно выпалывал сорняки на дорожках любовно лелеемого сада в своем лейтлингенском поместье, выращивал розы, прививал фруктовые деревья и даже, несмотря на неподходящий климат Шварцвальда, снимал урожай артишоков»⁷. Восхищение, которое питали его сыновья к Гёльдерлину*, он охлаждал трезвой репликой, мол, «он не понимает, что

* Гёльдерлин, Иоганн Христиан Фридрих (1770—1843) — поэт, видный представитель буржуазно-революционного направления немецкой классической литературы. (*Здесь и далее примечания, отмеченные звездочками, принадлежат переводчику.*)

находят нынче в этом поэте, которого и при жизни ни один человек не знал, не говоря уж о том, чтобы читать»⁸.

Мать — графиня Каролина, урожденная графиня Юкскюль-Гилленбанд, приходилась правнучкой Гнейзенау*. Служа в течение многих лет придворной дамой вюртембергской королевы, она, когда это позволяли обычные обязанности, отдыхала в мире поэзии. От нее унаследовали сыновья свой художественный дар. «Наряду с тем, к чему ее обязывали положение и должность супруга, она прежде всего и во все времена оставалась матерью своих детей. Она верила в них даже тогда, когда порой не понимала их интересов. Будучи по своему вероисповеданию протестанткой, она тем не менее весьма благожелательно относилась к их религиозному католическому воспитанию. Она не избегала бесед с учителями и друзьями, посетила в Гейдельберге Стефана Георге**, чтобы лично обрести успокоительную ясность насчет связей его кружка, читала книги, привлекавшие ее сыновей в годы их бурного духовного развития, и с королевским достоинством и предельным пониманием, без звука жалобы на устах восприняла 20 июля со всеми столь печальными для нее событиями, оставшись верна своим сыновьям», — вспоминает один из буржуазных современников, школьный друг братьев Штауффенберг⁹.

Поскольку граф должен был исполнять обязанности при дворе, семья жила по большей части в Штутгарте, где братья Штауффенберг посещали гимназию Эберхарда Людвига. Трое братьев поддерживали между собой сердечные отношения, особенно тесными были они между Клаусом и Бертольдом¹⁰.

Старый замок, сообщает Теодор Пфицер, был «настоящим отчим домом для мальчуганов Штауф-

* Гнейзенау, Нейдхардт (1760—1830) — прусский генерал, выдающийся германский военный деятель и военачальник периода национально-освободительной борьбы немецкого народа против наполеоновского господства.

** Георге, Стефан (1868—1933) — буржуазный поэт-лирик, представитель антидемократического декадентско-мистического направления немецкой поэзии.

фенберг. Здесь, на его широких галереях, на огромной парадной лестнице, в таинственных уголках и покоях они играли в разбойников и в войну, гоняли по коридорам на детской педальной тележке, не останавливаясь в своих забавах и перед дверями салона графини; здесь однажды шестилетний Клаус ножницами обкорнал фалды фрака у лакея, недвижно застывшего у парадной двери»¹¹.

Штутгарт, столь живописно лежащий со своим старым городом в долине Неккара, окруженный виноградниками и поросшими лесом холмами, вызывал разнообразные чувства не только своей дворцовой жизнью, но и своей архитектурой, своими культурными достопримечательностями, а также не в последнюю очередь своей процветающей промышленностью.

Но детство и отрочество Клауса фон Штауффенберга было временем кризиса старого общественного строя и его идеологии¹², временем суровых потрясений. Какое же влияние оказали на духовное формирование подраставшего юноши отчий дом, школа и общественная среда? Клаус фон Штауффенберг провел беззаботное детство. Он и его братья росли, не зная материальной нужды, окруженные заботами матери, уважаемые как привилегированные представители высшего общества, опекаемые и обслуживаемые прислугой, используя все возможности для развития своих многогранных способностей. И никто из них — а меньше всего сам Клаус — не сомневался в том, что они со временем займут принадлежащее им, как они считали, по праву место в существующей системе.

В ноябре 1918 г., когда революция смела кайзеровский и королевские троны, Клаусу исполнилось 11 лет; его братьям было тринадцать. Школьный товарищ братьев Штауффенберг Теодор Пфицер писал об их настроениях в то время: «Мы, тогда тринадцати и двенадцатилетние, просто поверить не могли, чтобы германский рейх рухнул, а короли отреклись от престола. Ведь на дворце Вильгельма (вюртембергского короля. — *Перев.*) все еще развевались королевские штандарты, на Западе, несмотря на ошеломляющие известия, германские войска все еще выдерживали натиск противника, а старый строй все еще казался

незыблемым — пришедшие в движение силы пока давали о себе знать лишь отдаленным гроыханием грома»¹³.

Революционные события принесли некоторые изменения в положение семьи Штауффенберг, но существенного влияния на стиль их жизни не оказали. Поскольку короля вюртембергского свергли, не было больше нужды и в обер-гофмаршале. Однако старый граф фон Штауффенберг стал генеральным уполномоченным свергнутого короля и председателем дворцовой палаты; в качестве такового он представлял перед Веймарской республикой интересы бывшей королевской династии Вюртемберга. Свое крайне монархическое мировоззрение он продемонстрировал тем, что отныне прекратил посещать бывший дворцовый театр, с придворных лож которого были сняты орлы. Многокомнатную квартиру в Старом замке пришлось оставить. Но казенная квартира герцогского казначейства на штутгартской Егерштрассе была все же достаточно просторна и не очень стесняла семью. Кроме того, она владела, как и прежде, своим замком в Лёйтлингене. Бывшая королева, которая наедине была с графиней Каролиной на «ты», являлась частой гостьей в доме Штауффенбергов в Штутгарте или Лёйтлингене. Здесь ей оказывались все почести, словно никакой революции и не бывало.

Учитывая все это, следовало бы полагать, что молодой граф фон Штауффенберг рос исключительно в аристократической консервативной среде, упорно ожидающей возврата монархии, далекой от реальности, враждебно настроенной по отношению к буржуазно-демократическим тенденциям и процессам. Однако это верно лишь отчасти. Разумеется, консерватизм и монархические взгляды господствовали в доме Штауффенбергов. Но все же родители проявляли достаточную терпимость, чтобы не навязывать подрастающим сыновьям свое собственное мировоззрение. В доме Штауффенбергов давал себя знать определенный буржуазно-либеральный дух, по крайней мере в том смысле, что сыновьям не запрещалось знакомство с различными идейными течениями и движениями того времени.

В школьные годы Клаус и Бертольд фон Штауффенберг примкнули к буржуазному юношескому движению «Новые следопыты». Оно выделилось из бойскаутского движения довоенного времени, распавшегося после войны на несколько групп, и под руководством Регенсбургского кружка провело реформы, которые должны облегчить его сближение с движением «Перелетные птицы». В определенной мере в эти организации проник буржуазно-демократический дух. Туристские походы, беседы, чтение вслух у лагерного костра и другие соответствующие общим духовным интересам впечатления в значительной мере заменили распространенные в довоенное время милитаристские нравы, а также военные игры. Политические изменения в духе событий 1918 г. и их последствий оказывали влияние и на часть буржуазного юношеского движения. Руководители союза «Новых следопытов» так формулировали его мировоззрение: «Глубокая взволнованность космическо-религиозным смыслом всего сущего и происходящего, смирение перед непостижимостью судьбы, дарующей народу или отнимающей у него присущие его характеру и природе новые формы жизни»¹⁴.

Подобная идеология была призвана отвечать мироощущению той части молодежи, которая пережила «смутное время» революции и послевоенных классовых битв, так и не поняв их сути. Штауффенберг и его друзья поначалу не питали добрых чувств к Веймарской республике и ее лидерам. «Слишком уж много обрушилось на нас сразу», — писал Теодор Пфистер¹⁵. Поэтому не удивительно, что эта молодежь пассивала перед «непостижимостью судьбы», искала выхода «в космическо-религиозном смысле всего сущего», и притом все сильнее — зачастую не сознавая и не желая того — втягивалась в водоворот милитаристско-националистических течений.

По свидетельству графини Нины фон Штауффенберг, приверженность Клауса к юношескому движению была очень сильна, ведь все, что он делал, он делал со страстью. «Мы, — вспоминает Теодор Пфистер, — отправлялись в горы и леса нашего родного края, метали копьа, читали вслух у огня перед

палаткой «Звезду союза» (стихотворение Стефана Георге. — К. Ф.), пели ландскнехтские песни. На рождественские праздники в декабре 1922 г. мы украсили на свой лад унылый школьный зал и под сенью зажженной елки наряду со словами надежды, веры и любви из «Коринфских посланий» * декламировали стихи Гёльдерлина, а потом, вставши в круг и взявшись за руки, пели вместе с нашими учителями»¹⁶.

Участие Клауса в юношеском движении вызвало недовольство у отца, который в силу своего консерватизма и вместе с тем практицизма воспринимал его скептически и высмеивал увлечение сына мистикой.

Для того духа, который царил в семье Штауффенберг, характерен следующий эпизод. Хотя отец и относился отрицательно к общению своих сыновей с «молодежными фюрерами», братья однажды пригласили одного из них к себе. Несмотря на всю свою неприязнь, старый барин позаботился, чтобы нежеланного гостя приняли в его доме с таким же радушием, как и других.

Клаусу фон Штауффенбергу были присущи чувства внутренней связи с природой и большая любовь к родному краю. Он часто бродил с друзьями по долинам и холмам Швабской Юры, по ее лесам, задумчиво лежал у бивачных костров. Надо отметить, что Клаус свободно владел местным диалектом¹⁷.

Каникулы юные Штауффенберги проводили по большей части в Лёйтлингене — деревне, расположенной в юго-западной части Швабской Юры, у подножия Балингера и около гор Хёйберга. «Усадьба представляет собой скромный загородный дом, построенный в середине XIX в. на месте укрепленного замка, о прежнем существовании которого все еще напоминают крепостные стены с четырьмя небольшими угловыми башнями. Весьма безыскусный как снаружи, так и внутри, дом был окружен природой, сочетающей суровость скалистых гор с умиротворяющим покоем долин...»¹⁸. Юный Клаус занимал в во-

* По Новому завету — послания св. Павла христианской общине Коринфа.

сточной башне комнату с походной койкой, столом и стулом; единственным убранством служили в ней книги и картины.

Отсюда он частенько один или с друзьями отправлялся бродить по горам и долам Швабской Юры. Теодор Пфицер вспоминает об одной такой прогулке вместе с Клаусом к горному ущелью — «его любимому месту на высоко вздымающейся вверх скале, обрамленной зеленою буковых лесов; отсюда взору открываются живописные тихие долины. Мы беседовали о будущем, о мучительном становлении новой Германии, о задачах государства, о возможности нашей деятельности в нем, о профессиональных желаниях и надеждах. Ни он, ни я не знали тогда, каким же должен быть наш путь»¹⁹.

Очень ярко проявлялись у Клауса унаследованные от матери и поощрявшиеся ею склонности к художественному творчеству. Одно время он намеревался учиться архитектурному делу. Вместе с тем охотно музицировал — играл на виолончели, временами выказывая даже склонность стать музыкантом, но отказался от этого плана, когда понял, что настоящего мастерства ему не достигнуть. Частое посещение концертных залов и театров, а также участие в школьных концертах и спектаклях — таковы еще некоторые черты Клауса фон Штауффенберга в годы юности.

Родители заботились о том, чтобы сыновья воспитывались в духе римско-католического вероисповедания. Клаус фон Штауффенберг признавал, что он верующий католик, хотя сам, как и его брат Бертольд, не принадлежал к числу прихожан, регулярно посещавших церковь²⁰. Как рассказывает его вдова, он оставлял за собой свободу совести и в этой области. Религию Клаус рассматривал как гуманистический институт, как хранилище государства и морали и считал ее важной для воспитания детей. «Происходя из семьи, давшей князей-епископов, он чувствовал себя в высокой степени обязанным церкви. Именно в конце жизни в нем заметнее проступили христианские черты. Я имею основание полагать, что именно под конец своих дней он исповедался и принял святое причастие. Он заменил крестного отца при конфирмации

старшего сына. Решения его базировались на христианских принципах»²¹.

Братья Штауффенберг учились в гимназии Эберхарда Людвига, которая имела за собой вековую традицию и преподавание в которой носило гуманистический характер. Эта буржуазная гимназия, зиждившаяся на фундаменте «античности, христианства и гуманизма», была известна своим высоким духовным уровнем. Оттуда вышло много видных теологов, офицеров, ученых, деятелей искусства, получивших основы образования и воспитания²². В речи перед ее учащимися в январе 1959 г. Александр фон Штауффенберг сказал, что «здесь в немалой степени были заложены духовные основы нашего бытия»²³.

Д-р Эберхард Целлер, закончивший гимназию двумя годами позже Клауса фон Штауффенберга, так рисует характерную для первых послевоенных лет атмосферу, которая царила среди буржуазной молодежи в Штутгарте: «Выставка нового немецкого искусства, устроенная в 1924 г. в Штутгарте и привлекавшая к себе всеобщее внимание, открыла перед молодежью дотоле почти неведомые возможности; новая музыка, зачастую революционная по своей тональности, манила или ужасала ее; искусство романского стиля и архаическая скульптура древних греков изучались и воспринимались с жадностью; экскурсии в этнографию, предпринимавшиеся в форме докладов, читавшихся в Линден-музее, обращали взор слушателей в далекие, высокоразвитые или примитивные культуры — скажем, такие, как Перу, Бали, Тибета; беседы о Клагесе или Шпенглере, Лоеланде и Кейзерлинге, о Мэри Вигмэн и Достоевском, о Рудольфе Штайнере и вальдорфской школе пленяли уже шестнадцатилетних; они читали Томаса Манна, Стефана Цвейга и Рильке или же находили свой духовный приют у Гофмансталя, у Георге. Союзы молодежного движения — зачастую конкурируя между собой — вербовали себе членов и наряду со школой сознательно культивировали свойственную им форму. Многообразие нового уравнивалось для нас — хотя нередко мы этого не замечали или не желали — школой на Хольцгартенштрассе. Здесь античность и класси-

цизм все еще давали нам твердую почву под ногами...»²⁴.

Приведем снова воспоминания Теодора Пфицера, учившегося в одном классе с Бертольдом и Александром: «Мы читали «Жертвоприношение» Биндинга и «Пчелку Майя» Бонзельса, содержание которых нам однажды рассказал Бертольд ясной летней ночью у догорающего костра перед скалистым входом в пещеру Шиллера высоко над долиной Эрмса вблизи Ураха. Читали мы и «Пруссачество и социализм» Освальда Шпенглера, а также его морфологические рассуждения о закате Запада, «Дух готики» Карла Шеффлера, «Толкование доисторического искусства» Вильгельма Воррингера. Но мы уже и тогда... нашли путь к Гёте и Гёльдерлину... Этот широкий круг вопросов и интересов находил отражение и в тех беседах, которые происходили в доме Штауффенбергов. В часы вечернего чая двери зала и салона графини были гостеприимно распахнуты; здесь мы исповедовались в томивших нас школьных заботах и опасениях, обсуждали новые книги, спорили о политике. А на столе между чашками, печеньем и поджаренными хлебцами лежали журналы и издания, являвшиеся драгоценностью для библиофила. За домом вверх поднимался сад, переходивший в виноградник; на его ступенях мы часто сидели с книгами или беседовали, а под нами в летнем мареве расстился Штутгарт, и вокруг, несмотря на близость главного вокзала, царила почти сельская тишина»²⁵.

В этом мире, отнюдь не выходившем за пределы буржуазного мышления, жил и учился школьник Клаус Штауффенберг. Целлер вспоминает, что он выделялся из гимназической массы: «В отличие от двух своих старших физически более крепких братьев Клаус Штауффенберг был телосложения скорее хрупкого и долгое время не посещал школу. В нашей детской памяти он запечатлелся как юноша совершенно артистического жизнерадостного склада характера, со спадающей на лоб прядью мягких волос, особенно когда на вечерах камерной музыки играл на виолончели. Но мы знали и то, что, будучи хорошим лыжником, он ходил по родным горам и зачастую приводил

спутников в изумление своим отчаянно смелым скоростным спуском. Мы полностью разделяли его чувства, когда в школьной постановке «Вильгельма Телля» он с подъемом произносил слова о свободе, столь созвучные нашему юношескому порыву... Если соученики предсказывали Бертольду дипломатическую карьеру, то Клауса Штауффенберга они представляли себе в будущем только как человека творческой профессии»²⁶.

Финансовых забот семья Штауффенберг, как и прежде, не знала. Хотя и претерпевшая изменения после 1918 г., но все еще доходная должность старого графа обеспечивала материальное благосостояние, позволявшее ему дать сыновьям всестороннее образование. Когда Клаусу из-за болезни пришлось покинуть школу, он продолжал учебу в Лёйтлингене у домашних учителей.

5 марта 1926 г. — тремя годами позже своих братьев — Клаус фон Штауффенберг сдал выпускные экзамены с общей оценкой «удовлетворительно». Отметки по отдельным предметам были таковы: письменное сочинение, история немецкой литературы, введение в философию, естествознание, латынь — «удовлетворительно», французский, история и география, математика — «хорошо»²⁷. Но даже при том, что оценки эти в рамках всего класса были вполне хороши²⁸, они отнюдь не говорили о действительных способностях Клауса. По болезни ему пришлось сдавать экзамены экстерном.

В 1923 г. братья Штауффенберг познакомились со Стефаном Георге и вошли в его кружок. До конца его жизни они сохраняли преклонение перед «мастером»²⁹, многие стихотворения Клаус знал наизусть; он старался как можно чаще бывать в кругу Георге. Но когда в 1926 г. Клаус вступил в рейхсвер, эти связи продолжали внешне выражаться лишь в эпизодических посещениях. Хотя Клаус фон Штауффенберг в отличие от Бертольда, которому Георге даже посвятил стихотворение, и не принадлежал к кругу самых близких друзей поэта, встречи с ним оказывали на молодого человека большое духовное воздействие³⁰. Как утверждают, группа, сложившаяся вокруг Штауффен-

берга в 1943—1944 гг., именовалась по названию одного стихотворения Георге из сборника «Новый рейх» «Тайна», или «Тайная Германия»³¹.

Современники рассказывают, что у Георге никогда не было никакого повода ни в чем упрекнуть Клауса фон Штауффенберга в отличие от многих других членов его кружка. Он не дал Клаусу и никакого прозвища, что имел обыкновение делать в отношении других своих приверженцев³².

Стефан Георге (1868—1933), проживавший с 1931 г. большей частью в Швейцарии, скончался 4 декабря 1933 г. в Локарно. Вместе с друзьями Клаус фон Штауффенберг стоял у его гроба в часовне сельского кладбища в Минузио.

Что же связывало Клауса фон Штауффенберга с этим поэтом, о котором Арнольд Цвейг сказал, что он жил в «призрачном кругу роскошного цезаристского, поистине византийского одиночества»³³.

Арнольд Цвейг так рисует внешний облик Георге: «Тот, кому доводилось на дороге, ведущей к Дворцовой тропе в Гейдельберге, встречать в первые послевоенные годы мужчину среднего роста, в темной грубошерстной пелерине на плечах и почти нищенской одежде, без шляпы, с расплывающимся в мягком свете желтовато-серым лицом волшебного гнома, в глазах, подбородке и надбровных дугах которого чувствовалась магическая одержимость, — тотчас же знал, что перед ним сам Стефан Георге. Сразу же осеняла мысль, что дарования определенного типа, чувствительные, предрасположенные к подчинению, должны были склоняться перед мощью этого лба...»³⁴.

Однако Клаус фон Штауффенберг, несмотря на свою молодость, отнюдь не обладал натурой, склонной к подчинению. Он был готов восхищаться тем, кто заслуживал почитания, но вовсе не покоряться ему. Поэтому влияние Георге должно было быть чем-то большим, нежели просто психическим воздействием исключительной личности.

Несомненно, на жадно воспринимающего искусство и все прекрасное юношу в первую очередь должны были оказать воздействие ранние стихи Георге, «тот божественно чистый звук, с каким

сливается с природой одинокая душа»³⁵. К этому добавлялись личная симпатия и дружба, преклонение и восхищение младшего перед старшим и более опытным человеком³⁶.

Стефан Георге, уже в 1890 г. выпустивший сборник своих стихов и два года спустя основавший в качестве рупора своего мировоззрения и органа кружка своих приверженцев журнал «Блеттер фюр ди кунст», являлся поэтом, творчество которого отчетливо отражало идейный кризис буржуазии в период перехода к империализму и революционным потрясениям. Георге осуждал буржуазное искусство, а вместе с ним и всю окружающую действительность, которую он воспринимал как разложившуюся. «Поэзия, — анализирует взгляды Георге на искусство грейфсвальдский литературовед Бруно Марквардт, — не терпит подле себя никаких иных богов, а прежде всего политики. Художественно-образное сознательно стремится быть свободным от всякого мировоззрения: «Все государственное и общественное исключается». Подчеркнуто отвергаются «попытки улучшить мир и мечты осчастливить всех», в которых, исходя из натуралистического мировоззрения, некоторые «видят зародыш всего нового». Пусть подобные утопии могут быть «весьма прекрасными», но лежат они в другой области, «нежели поэзия»... К тому же «деяние отдельной личности» стало считаться «бесплодным» для конечного эффекта: ведь «никогда» еще «диктатура масс» не играла такой решающей роли, как ныне. И хотя допускается, что «иногда мыслима» такая ситуация, при которой надо взяться за меч и художнику... прежде всего высказывается высокомерное мнение, что он стоит «над всеми этими мировыми, государственными и общественными переворотами (так!)... подобно хранителю вечного огня»»³⁷.

Внешний отказ от всякой политики, вне всякого сомнения, тоже являлся политикой. Презрение к демократии и массам, культ «сильной личности» — господина, прорицания, представление о своем мессианстве сочетались у Георге с мистической, коренящейся в античных и средневековых образцах концепцией «нового рейха», в котором призвана господствовать элита,

новая аристократия. Порочную действительность должен сменить новый героический век под главенством этой элиты. Идейная преемственность ницшеанства была здесь несомненна³⁸.

Георге сочинял свои стихи для узкого круга избранных. Для того чтобы и внешне выразить необычность и исключительность своего творчества, его чуждый всему буднично-повседневному характер, Георге отступил от общепринятой орфографии, произвольно пользовался знаками препинания, вопреки правилам немецкого правописания писал существительные со строчной буквы. Георге и его кружок, несомненно, принадлежали к тому течению, которое Гуго фон Гофмансталь и другие называли «консервативной революцией». Разумеется, на самом деле речь шла не о революции, а о контрдвижении, порожденном консервативным мировоззрением. Оно было направлено как против расширения влияния революционных марксистских идей, а тем самым и связанных с ними революционных потрясений — прежде всего против Парижской Коммуны и Великой Октябрьской социалистической революции, — так и против порожденных ходом империалистического развития явлений духовного распада капиталистического общества. По сути своей эта «консервативная революция» в конечном счете была контрреволюционна, ибо имела целью остановить революционный натиск рабочего класса и некоторым частичным обновлением сделать существующую политическую и идеологическую систему более устойчивой, придать ей иммунитет против революции.

Стефан Георге не только собрал вокруг себя кружок видных представителей интеллигенции, но и оказывал «постоянное воздействие на образованную молодежь из среды крупной (и не только крупной. — К. Ф.) буржуазии тех десятилетий»³⁹.

Когда в 1923 г. 16-летний Клаус фон Штауффенберг впервые встретился с Георге, воздействие кризисной ситуации на образованную буржуазную молодежь стало еще более ощутимым. Октябрьская революция в России, Ноябрьская революция в Германии, крушение старого строя, схватки развернувшейся

в стране по существу гражданской войны. Версальский договор с его катастрофическими последствиями — все это глубоко потрясло ее мысли и чувства. Как и другие, молодой Штауффенберг видел в лице Георге провозвестника, пророка, который, преодолевая «смуту» времени, рисовал картину «нового рейха», хотя и без ясных контуров, но, быть может, потому и особенно притягательную.

Александр фон Штауффенберг рассказывал, насколько сильное влияние оказывал Георге и его кружок на молодежь: «Первые годы, которые мы, мои братья и я, провели с друзьями вблизи поэта, особенно зима 1924—25 г. в Берлине, были благодаря ему окрашены ощущением глубокого счастья и вызывали в нас невероятное, никогда не испытанное нами вновь чувство любви к жизни»⁴⁰. Как подчеркивает Александр, именно книга «Новый рейх» особенно затронула братьев.

Дабы наглядно проиллюстрировать это воздействие, мы приведем ниже довольно обширную цитату из речи памяти Стефана Георге, которую Александр фон Штауффенберг произнес в 1958 г. Само собою разумеется, мы не разделяем высказанные в ней взгляды. Он сказал: «И если нам было весьма созвучно все творчество Георге, стихи которого мы читали вместе вслух, то произведением, в атмосфере которого мы главным образом жили и действовали и которое, я хотел бы сказать, было нам внутренне близким и посвященным именно нам, явился еще задолго до его выхода в свет «Новый рейх», значительная часть которого была затем опубликована в последних номерах «Блеттер фюр ди кунст» и стала общедоступной»⁴¹. Содержащееся в этом сборнике стихотворение «Замок Фалькенштайн», которое в декабре 1928 г. было прочитано перед публикой самим Георге, Александр фон Штауффенберг называл «хвалой и дифирамбом немецкому народу, но отнюдь не Германии, а неслыханным возможностям немцев в будущем, поскольку эти возможности уже однажды были реальностью в период позднего средневековья и власти императоров Священной Римской империи германской нации... Предвещая здесь наступление не-

мецкого (сколь далекого?) будущего, а это, как можно было бы доказать, не лишено политического смысла, поэт вместе с тем напоминает о великом германском прошлом»⁴². По Александру фон Штауффенбергу, Стефан Георге требовал «вновь примкнуть к традиции», которая оборвана многими столетиями раздробленности Германии; к воспоминанию о Священной империи... Но не только в мечте об императорской власти (*Sacrum Imperium*)* видел Георге залог более прекрасного германского будущего, он видел его и в лице древних греков, в чем ему был порукой завет поэта-провидца Гёльдерлина...»⁴³.

Такие прорицания находили глубокий отклик у буржуазной молодежи послевоенного времени. Характерным для этой молодежи — в большинстве своем гимназистов и студентов — было то, что она слабо представляла себе реальности политической и социальной жизни. Мистические мечтания и элитарное мышление, частично перемешанные с националистическими или расистскими «идеями», были в ее среде типичным явлением. Воздвигнутый Стефаном Георге рейх эстетической иллюзии казался ей безупречным совершенством в противоположность царству суровых реальностей тогдашней действительности. Стихи Георге доставляли эстетическое наслаждение и вместе с тем — сознательно или бессознательно — служили уходу от политики. Вот, вероятно, почему стихи Георге так часто читали у лагерных костров и на вечерах «Следопытов» и «Перелетных птиц» и так горячо откликались на них после первой мировой войны. Не будет преувеличением говорить о существовавшем среди части буржуазного юношеского движения преклонении перед Георге⁴⁴.

Примерно то же относилось и к Клаусу фон Штауффенбергу. Ему, выросшему при дворе вюртембергского короля, не имевшему еще никаких связей с новой государственной формой, далекому от мира рабочих и от их борьбы, Георге давал духовное прибежище, указывал новую цель стремлениям. В «Новом рейхе» поэта он видел мир, творить который чувствовал

* Священная империя (лат.).

себя призванным и способным. Он считал себя соучастником созидания этого мира. Здесь ему виделось прекращение «смуты» современности, здесь ему мерещился выход из мрачного настоящего в предполагаемое светлое будущее. Большое обаяние личности поэта усиливало это воздействие.

Не разделяя точки зрения сегодняшних поклонников поэта, будто поступок Клауса фон Штауффенберга 20 июля 1944 г. вырос из «духа Георге», следует, с другой стороны, признать, что встречи с поэтом оказали большое влияние на него и на его духовное формирование. Имея в своем роду среди предков полководцев, епископов и королевских советников, он разделял элитарное мышление Георге и его видение господства новой аристократии⁴⁵. Но (что отличает Клауса фон Штауффенберга от некоторых других почитателей Георге) этот мир идей получил у него в дальнейшем своеобразную, в сущности своей гуманистическую интерпретацию и преобразование, направленные на сближение с действительностью.

В сознании Клауса фон Штауффенберга выкристаллизовалась мысль, что принадлежность к аристократии не означает права на привилегии. До нас дошли слова молодого Штауффенберга, что владение поместьем — лишь средство, позволяющее обеспечить семье такой жизненный уровень, какой необходим, чтобы сыновья смогли получить надлежащее образование и стать офицерами, государственными чиновниками и т. п. Смысл жизни не в паразитическом пользовании имением. Служба обществу в целом — вот в чем видел Клаус фон Штауффенберг свою благороднейшую задачу⁴⁶.

Вдова Клауса фон Штауффенберга дополняет это свидетельство: «Таким образом, для него, как и для всех нас, было само собою разумеющимся видеть предназначение дворянства в том, чтобы поставить все те привилегии, которые даются воспитанием, словом, традицией, на службу всем, кто их лишен. Надо способствовать этому хотя бы своей собственной примерной жизнью и поведением»⁴⁷. Имеются и свидетельства, что Клаус фон Штауффенберг выражал желание свершить что-либо необыкновенное.

Ссылаясь на слова своего прадеда, он требовал от того, кто высоко стоит на общественной лестнице, чтобы тот «не был мелок в мыслях и скареден в чувствах»⁴⁸. В развитии такого мироощущения определяющую роль, разумеется, сыграло не только знакомство с Георге. Мы можем с уверенностью предполагать, что события революции и первых классовых битв послевоенных лет породили у Клауса фон Штауффенберга предчувствие того, что устойчивость существующего общественного строя прежними методами и средствами обеспечить больше уже не удастся.

Анализируя все высказывания Клауса фон Штауффенберга, следует, конечно, исходить из предпосылки, что он не желал никакого иного общества, кроме как существовавшего буржуазного классового общества. Служба «всему обществу», к которой он стремился, на практике была службой в интересах сохранения господствовавшей общественной системы. Государство и право, которым он жаждал служить, казались ему вечными неизменными принципами на благо всего народа. В действительности же то были государство и право господствующей буржуазии. Любая мысль о коренном изменении существующих отношений собственности и власти явилась бы тогда для Клауса фон Штауффенберга абсурдной. Если же в этом обществе что-то необходимо было улучшить (а мы вполне допускаем, что он этого желал), то, по его мнению, для этого нужно было, чтобы «призванные к власти» перешли от паразитической бездеятельности к энергичным действиям, способствовали этому более высокой нравственной ответственностью, своей «образцовой жизнью и поведением».

Таким образом, отнюдь не было противоречия в том, что молодому аристократу были чужды кастовый дух и высокомерие по отношению к простым людям. Во время частого пребывания в Лёйтлингене между братьями Штауффенберг и жителями этой промышленной деревни установились дружественные отношения. Эти отношения характеризовались, как сообщает графиня Нина фон Штауффенберг, взаимным уважением. «Братья, если нужно было, помогали крестьянам в уборке урожая, и Клаус фон Штауффенберг особенно

гордился тем, что не только умел косить траву на равнине, но и владел искусством косить на склонах. Тесная связь с деревенскими жителями сохранялась не только в юношеские годы»⁴⁹.

Очевидно, в этом играл большую роль и пример матери. Хотя графиня Каролина фон Штауффенберг придерживалась строго традиционных взглядов своего сословия, это не мешало ей по-человечески участливо относиться к жителям деревни. Когда после 20 июля 1944 г. в деревню приехал некто, чтобы собрать подписи крестьян против семьи Штауффенберг, ему ответили: «Здесь не найти никого, кто подпишет такое! А если кто и найдется, так это несколько подонков!»⁵⁰

Говоря об этих отношениях, нельзя, разумеется, забывать, что здесь еще сильно царили патриархальные условия, а также и то, что Штауффенберги не противостояли деревенским жителям в качестве помещиков. Поэтому объективные противоречия между крестьянами и аристократической чиновничьей семьей не выступали так отчетливо. Молодому Штауффенбергу эти впечатления детства и юношества облегчили позднее сближение с людьми, не принадлежавшими к его классу.

Проследивая жизнь графа Штауффенберга до середины 20-х годов, мы отнюдь не обнаруживаем в ней ничего такого, что говорило бы о его исключительной судьбе. Молодой представитель высшего сословия, он шел вполне «нормальным» путем: получение образования для того, чтобы впоследствии занять свое место среди представителей господствующего класса. Бросаются в глаза привлекательные черты его внешнего облика, его одаренность и многогранные интересы. Знакомство с Георге вызвало в нем своеобразные мысли и размышления, но в остальном в нем нет ничего, выделяющего его из ряда ему подобных. Он еще ничем не отличается от других молодых людей из среды аристократии и буржуазии.

Офицер рейхсвера

В 1926 г. Клаус фон Штауффенберг поступил на военную службу фанен-юнкером* в 17-й кавалерийский полк рейхсвера в Бамберге.

Тем временем период послевоенного революционного кризиса сменился периодом временной и относительной стабилизации капитализма. После подавления рабочего класса осенью 1923 г. германскому финансовому капиталу удалось вновь укрепить свою экономическую и политическую власть. Экономической базой временной стабилизации капитализма явилась более интенсивная эксплуатация трудящихся в результате усиленных темпов труда и введения системы капиталистической рационализации. Американский финансовый капитал, который приобрел возрастающее влияние на империалистический мир, оказывал поддержку германскому империализму займами и капиталовложениями, в результате чего значительная часть немецкой экономики перешла в американскую собственность.

Изменение соотношения сил в пользу монополистического капитала привело к усилению реакции во всех областях жизни. В январе 1925 г. образовалось правительство буржуазного блока, в состав которого впервые вошли и представители Немецкой национальной партии, ориентировавшейся на тяжелую промышленность и юнкерство. Вместо умершего социал-де-

* Фанен-юнкер — кандидат в офицеры.

мократического президента Германии Эберта на этот пост в апреле 1925 г. был избран бывший кайзеровский генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург. «Стальной шлем», «Вервольф», «Союз Танненберг» и другие милитаристские организации устраивали шествия и походы, терроризировали классово сознательных рабочих и вели широкую шовинистическую и антикоммунистическую пропаганду, направленную не только против КПГ и Советского Союза, но и на захват французских, польских и других чужих территорий. По мере роста сил германского империализма передел мира, произведенный западными державами на основе Версальского договора, уже переставал отвечать новому соотношению сил на мировой арене. Германский империализм намеревался создать предпосылки для возобновления борьбы за мировое господство⁵¹.

В военном отношении Германия подвергалась по Версальскому договору сильным ограничениям. Открытый разрыв его при тогдашнем соотношении сил был еще невозможен. Поэтому военное руководство Германии осуществляло перевооружение частично втайне, а частично — утонченно используя лазейки в статьях этого договора. Таким образом, насчитывавший тогда 100 тысяч солдат рейхсвер систематически превращался в кадровую армию, которая должна была послужить базой для создания в будущем империалистического массового войска. В это время уже существовало Управление вооружений в качестве тайного отдела, имевшего задачей не только в сотрудничестве с промышленностью подготовить меры по экономической мобилизации, но и разрабатывать планы, предусматривавшие быстрое увеличение сухопутных сил с 7 дивизий до 21. Военное обучение проводилось так, чтобы кадровые солдаты могли в этом случае использоваться как унтер-офицеры, а последние — как офицеры, что в огромной степени и имело место в вермахте после 1933 г. Германские милитаристы планомерно, с дальним прицелом вели подготовку к реакшистской войне.

Офицерский корпус рейхсвера в подавляющей массе своей занимал антидемократическую позицию, в нем господствовали реакционные взгляды. Многие

офицеры служили в бывшей кайзеровской армии, они, как и прежде, были настроены монархически и ненавидели буржуазно-демократическую республику.

Что привело Клауса фон Штауффенберга к решению быть офицером, ныне уже точно установить невозможно, но ранее он еще долго лелеял мысль стать архитектором. Наверняка сыграли свою роль традиционные связи семьи, мужские отпрыски которой издавна находились на государственной службе. По мнению графини Нины фон Штауффенберг, в этом могло сказаться и влияние Стефана Георге⁵². Во всяком случае, Штауффенберг выбрал свою профессию по доброй воле, тем более что подверженность болезням могла вызвать сомнение в его пригодности к военной карьере. Но, судя по облику 19-летнего Штауффенберга, который нам известен, он был убежден, что в качестве офицера сможет наилучшим образом служить «обществу» — разумеется, в своем понимании. По его представлениям, армия была тем институтом, который должен служить всей нации.

Город Бамберг, ставший второй родиной графа фон Штауффенберга, оказал благодаря своим культурно-историческим богатствам и достопримечательностям огромное влияние на молодого человека. Четырехбашенный собор германских императоров с его знаменитой конной статуей и вырезанной Рименшнайдером * надгробной плитой с изображением императора Генриха II и императрицы Кунигунды; стоящая посреди реки Старая ратуша, Старая дворцовая канцелярия резиденции князя-архиепископа, внушительное здание Бёттингерхауза в стиле барокко, вид с Нижнего моста на «Малую Венецию» — все это, несомненно, вызывало его восхищение.

Первоначально Штауффенберг прослужил в части, как и все кандидаты в офицеры, год в качестве рекрута. Затем он поступил в пехотное училище в Дрездене, которое должны были оканчивать все кандидаты

* Рименшнайдер, Тильман (ок. 1460—1531) — выдающийся немецкий скульптор и резчик, представитель поздней готики.

в офицеры, прежде чем их направляли в специальные училища определенных родов войск. В дрезденском пехотном училище Штауффенберг близко познакомился с племянником ставшего позже главнокомандующим сухопутных войск Вальтера фон Браухича, Манфредом фон Браухичем. Последнему принадлежит следующее свидетельство, дающее дополнительное представление о существенных чертах характера Клауса фон Штауффенберга:

«Мы вместе окончили первый курс офицерского училища и за эти девять месяцев подружились. В частности, вместе посещали музеи, а иногда и богослужения в исторических церквях; при этом внимание наше приковывала в первую очередь не религиозная, а эстетическая сторона — архитектура, музыка. Штауффенберг был человек своеобразный, особенный, он явно стоял выше среднего уровня тогдашнего офицерства. Он никогда не был «бравым солдатом» в прусском духе; в его поведении, манере держаться, ходить слегка покачиваясь было что-то небрежное, по тогдашним представлениям невоенное. Самой приметной чертой его характера были выдающиеся духовные способности, отточенный ум. Когда у нас встречались трудности с усвоением учебного материала, он легко преодолевал их; кроме того, он начал дополнительно изучать русский язык, а также посвящал свое свободное время занятиям искусством. Штауффенберг был рожден, скорее, стать ученым, а не офицером. Если его решение сделаться офицером еще как-то объяснимо семейной традицией, то я никак не могу понять, почему он оставался офицером и позже. Штауффенберг отвергал тупой и зачастую грубый дух офицерского казино. Отнюдь не чуждавшийся приятельских вечеринок, он, однако, осуждал попойки товарищей по службе и ставил это в вину друзьям. Отношение его к женщинам тоже было несколько своеобразным: оно характеризовалось сдержанностью и рыцарственностью. Он отрицательно, более того, с полным непониманием относился к любовным интрижкам. По своим политическим взглядам многие офицеры были монархистами и видели в кронпринце будущего властителя Германии. Мы отвергали Веймарскую респуб-

лику и считали ее переходной стадией, которая рано или поздно кончится. Нашим главным врагом были красные, социал-демократы, которые занимали в Веймарской республике важные правительственные посты. Антикommунизм был для нас само собою разумеющимся, а коммунистов мы считали отбросами общества, с которыми нечего дискутировать»⁵³.

Клаус фон Штауффенберг не принадлежал к какой-либо партии или политической организации, тем более что и законы Веймарской республики официально запрещали военнослужащим партийно-политическую деятельность и даже участие в выборах. Он был консервативен, не любил веймарской Германии, но проявлял определенное понимание реальностей, в том числе и политической жизни. Так, в отличие от многих офицеров, он резко отвергал презрительное отношение к республике и к ее черно-красно-золотому флагу, поскольку речь шла о государстве, которому он принес присягу как солдат⁵⁴. Штауффенберг придерживался взгляда, что рейхсвер должен служить важной опорой нации, за безопасность и престиж которой офицер несет особую ответственность независимо от того, какую политическую форму имеет это государство и кто стоит во главе него. Он был далек от осознания классового характера Веймарской республики как государства и понимания сути политических боев своего времени.

В свободное от службы время Штауффенберг, насколько это удавалось, навещал старых друзей. «Стоило ему, молодому блестящему офицеру рейхсвера, появиться в кругу друзей, — сообщает Александр фон Штауффенберг, — как он сразу же действовал на всех подобно живительной силе своим энергичным нравом (он был самым энергичным из всех), своей высокой интеллектуальностью, побеждавшей в спорах и находившей выражение в его искрящихся умах монологах, своей неумемной жизнелюбивостью»⁵⁵.

Манфред фон Браухич * ушел с военной службы в

* См. его книгу: Manfred von Brauchitsch. Ohne Kampf kein Sieg. Berlin, 1964 (русский перевод: Манфред фон Браухич. Без борьбы нет победы. М., изд-во «Прогресс», 1972).

Дрездене и через несколько лет стал знаменитым автогонщиком, Клаус фон Штауффенберг продолжал тот путь, на который вступил. После обязательной общевоинской подготовки в пехотном училище он поступил в кавалерийское училище в Ганновере. Не принадлежа к числу физически самых сильных и будучи подвержен заболеваниям, он все же благодаря своей силе воли добился весьма хороших успехов и по тем предметам, которые требовали большого физического напряжения. Так, он стал отличным конником, испытывая особенную склонность к выездке. По окончании учебы в Ганновере Штауффенберг вернулся в Бамберг в свой полк, где 1 ноября 1930 г. был произведен в лейтенанты. Затем за период с ноября 1930 по февраль 1931 г. он прошел офицерские курсы в Дёбериче и 1 мая 1933 г. получил чин оберлейтенанта.

Один из близких друзей Клауса фон Штауффенберга вспоминает об этих годах: «Он не был человеком с «лицевой и оборотной стороной медали» или тем более с «двойной моралью» — он был всегда самим собой и всегда цельным. В этом состояла тайна его обаяния, этим объяснялось воздействие его личности. Именно потому, что он целиком, убежденно и — во всех важных вопросах — бескомпромиссно был верен своему слову, своему мнению, своему решению, своему делу, он мог требовать и от других внимания к собственным словам и, если приходилось приказывать, беспрекословного повиновения... Для его внутреннего отношения к другому человеку (при всей кажущейся внешне одинаковой любезности оно было дифференцированным) определяющим являлись истинная ценность этого человека, а не внешние обстоятельства. Поэтому его отношения с некоторыми солдатами и унтер-офицерами могли быть доверительными и сердечными, между тем как какая-нибудь «важная персона», несмотря на видимые усилия, так никогда и не могла преодолеть вежливой, но достаточно заметной дистанции. В отношении слабостей других Штауффенберг был крайне снисходителен, но зато реагировал на нечистоплотный образ мыслей, даже и в мелочах, бескомпромиссно до резкости... Теплый и

открытый характер Штауффенберга наилучшим образом выражался в его идущем от сердца, расковывающем и заразительном смехе, который не раз помогал ему выходить из трудных ситуаций»⁵⁶.

26 сентября 1933 г. Клаус фон Штауффенберг женился в Бамберге на баронессе Нине фон Лерхенфельд, происходившей из старинного верхнефранконского дворянского рода. Отец ее барон Густав фон Лерхенфельд со времени первой мировой войны находился на дипломатической службе, а мать была русской дворянкой, с которой он познакомился во время своей деятельности в Литве. По имени бабушки дочь называли Ниной. От брака с нею у Клауса фон Штауффенберга родилось пятеро детей: Бертольд (1934 г.), Хаймеран (1936 г.), Франц Людвиг (1938 г.), Валерия (1940 г.) и Констанция (27 января 1945 г.)⁵⁷. Он проявлял огромную родительскую заботу о том, чтобы дети его выросли сознающими свой долг, особенно позже, когда вступил на опасный путь борьбы за ликвидацию гитлеровского режима. Ему было ясно, что это значило. Принимая в расчет возможность неудачи заговора, он говорил жене: «Один из нас должен остаться жить для детей!»⁵⁸

В Бамберге семья Штауффенберга проживала в доме Лерхенфельдов на Шютценштрассе, 20. То был просторный, но отнюдь не роскошный дом; столовое серебро и утварь напоминали (и напоминают по сей день) о происходившей из России матери жены. Здесь находился кабинет Штауффенберга, в котором он работал и тогда, когда в 1943—1944 гг. приезжал из Берлина домой на короткие побывки в конце недели.

При изучении воспоминаний о Клаусе фон Штауффенберге обращает на себя внимание то примечательное единодушие, с каким все подчеркивают прямоthu его характера, честность, порядочность, присущее ему сознание своей ответственности, его уважение к другим людям, открытый нрав и острый, отшлифованный ум.

Штауффенберг не принадлежал к тем, кто бездумно жил день за днем. Он задавался вопросами о смысле жизни, о тех требованиях, которые она предъяв-

ляет к каждому человеку. Однако ответ, который он давал себе на такие вопросы, определялся не только его собственными психологическими переживаниями и силой его ума, но в еще большей степени его классовым происхождением, образованием и общественной средой.

Он смутно чувствовал, что старый мир сословных различий и привилегий уже начал рушиться, что ход истории прогрессивен. Ведь в конечном счете молодой офицер находился на службе парламентарной республики, которую он хотя и не любил, но и фрондировать против которой не желал. Штауффенберг верил в грядущее «обновление» государства — наверняка в духе Георге, — однако вопрос о форме государства для него на первом плане не стоял. Он служил государству, считая, что тем самым служит своему народу. Он верил, что нашел свое место в обществе и что место это необходимо и морально оправдано. Сознание того, что государство — это инструмент власти крупной буржуазии, крупных помещиков и милитаристов, направленный против трудящихся масс, у Штауффенберга отсутствовало, ибо такая постановка вопроса в той среде, из которой он происходил и в которой жил, была бы сочтена абсурдной или же плодом извращенных мудрствований. Интересы рабочего класса, понимание его исторической роли, его борьбы были Штауффенбергу чужды.

Однако борьба КПГ за национальное и социальное освобождение немецкого народа оказывала свое воздействие и на представителей господствующего класса. В 1928 г. к КПГ примкнул саксонский аристократ и бывший офицер Арнольд Фит фон Гольсенау, ставший известным как писатель Людвиг Ренн; в том же году такой же шаг сделала Мария Луиза фон Гаммерштейн-Экворд, дочь генерала, ставшего позднее начальником войскового управления рейхсвера; в марте 1931 г. о своем одобрении целей КПГ заявил лейтенант рейхсвера Рихард Шерингер; в июле того же года о готовности вместе с КПГ бороться против фашизма заявили 13 бывших офицеров и командиров буржуазных и военизированных союзов. Коммунисти-

ческая партия расширяла свой антифашистский фронт. Но вышеназванные случаи оставались исключением из правила, гласившего: буржуазия, аристократия и милитаристская каста в целом — непримиримые враги революционного рабочего движения.

Примечания

¹ Письмо д-ра Мартина Нимёллера Гюнтеру Вирту от 31. 1. 1967 г.

² «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, Berlin, 1966, S. 411/412.

³ Ibid., S. 412.

⁴ Ibid., S. 413.

⁵ События и проблемы этого времени рассматриваются в многочисленных работах, поэтому автор считает возможным ограничиться данным указанием. См.: Helmut Otto, Karl Schmiedel, Helmut Schnitter. Der erste Weltkrieg. Berlin, 1964; «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 2—5.

⁶ См.: «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 3—5.

⁷ Th. Pfizer. Die Brüder Stauffenberg. Sonderdruck aus: Robert Boehringer. Eine Freundesgabe. Tübingen, 1957, S. 491.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid., S. 493.

¹⁰ Граф Бертольд Шенк фон Штауффенберг родился 15. III. 1905 г. в Штутгарте, изучал правовые и экономические науки, затем служил в органах юстиции. Вместе с Клаусом фон Штауффенбергом принимал участие в заговоре 20 июля 1944 г. и был казнен 10 августа 1944 г. (См. 327 стр. настоящей книги.)

Его близнец граф Александр Шенк Штауффенберг после окончания гимназии изучал право и государственное устройство, а затем археологию и античную историю в различных университетах. Во время второй мировой войны служил офицером в действующей армии во Франции и на Восточном фронте, был дважды ранен. Хотя он и не участвовал в заговоре 20 июля 1944 г., был арестован и заключен в тюрьму, откуда освобожден лишь после войны. В 1948 г. получил кафедру древней истории в Мюнхенском университете. Его научные работы: «Империя и великое переселение народов», «Поэзия и государство в античном мире» и «Тринакрия» — древняя история Сицилии и Великогреции. Умер 27 января 1964 г. в Мюнхене. Посмертно вышел в свет изданный профессором Рудольфом Фарнером сборник его стихов «Памятник».

Александр фон Штауффенберг выполнил завет своих павших в борьбе против фашизма братьев и выступал за создание демократических условий в Западной Германии. В 1952—1953 гг. он протестовал против антикоммунистической истерии в Западной Германии, приведшей, в частности, к преданию анафеме историков Арно и Аннелизы Петерс. Он писал тогда: «К чему же мы пришли, если определенная идейная позиция ученого, стоит ей оказаться кое-кому не по вкусу, приводит к осуждению безусловно заслуженного труда всей его жизни, к априорному по сути своей объявлению этого труда выражением чужеродного учения, уродливым плодом догмы, враждебной культуре, короче говоря — клеймится как преступное дело».

В числе немногих западногерманских историков Александр фон Штауффенберг 25.IX.1958 г. отмежевался от недостойных провокаций против ученых ГДР на съезде историков в Трире*. Несколько недель спустя он назвал ФРГ «затхлым полицейским государством меттернихского образца» и писал: «В конечном счете суверенное право народа в тех случаях, когда перед выборами правительственная пропаганда вводит его в заблуждение и обманывает его, выражать свой протест демонстрациями, митингами и т. п., а по мне, и подобными плебисциту свободными голосованиями и даже путем всеобщей забастовки»**. По отношению к ГДР и ее проблемам он проявлял открытый подход и понимание. По свидетельству Гудрун Корфес, посетившей его в Мюнхене, Александр фон Штауффенберг был готов к публичным выступлениям в ГДР, но опасался репрессий против своей семьи в Западной Германии.

Герман Кальб, главный редактор «Neue Zeit», имел с ним в 1957—1959 гг. ряд бесед. В это время Александр фон Штауффенберг с симпатией относился к «Клубу 1954». О содержании этих бесед Г. Кальб сообщает следующее: «Во время бесед со мной Штауффенберг проявил заинтересованность в том, чтобы, как он откровенно сказал мне, получить нефальсифицированное представление о политике ГДР и ее общественной жизни. Особенно большое впечатление на него произвела позиция проф. Вальтера Хагемана и мужественное выступление последнего перед Национальным советом (Национального фронта демократической Германии. — *Перев.*) и обмен мнениями между проф. Хагеманом и Вальтером Ульбрихтом. При второй или третьей беседе в 1959 г. в Мюнхене Штауффенберг дал мне обещание тоже выступить перед Национальным советом и высказать там свою точку зрения по национальному вопросу нашего народа, а также относительно возможности совместных действий против рокового курса аденауэровского ХДС. Он уполномочил меня вести в этом смысле переговоры с нашими компетентными орга-

* См.: «Trier — und weiter?», Materialien, Betrachtungen und Schlussfolgerungen auf dem Trierer Historikertag am 25.9. 1958. Berlin, 1969, S. 18.

** «Blätter für deutsche und internationale Politik» (Heft 10/1958, S. 773 f).

нами. В качестве даты намечалось лето 1960 г. Со своей стороны Штауффенберг просил понять причины этой отсрочки, поскольку сначала он хотел закончить рукопись книги». (Сообщение Г. Кальба Г. Вирту.)

¹¹ Th. Pfizer, Op. cit., S. 491.

¹² См.: Wolfgang Heise. Aufbruch in die Illusion. Zur Kritik der bürgerlichen Philosophie in Deutschland. Berlin, 1964.

¹³ Th. Pfizer, Op. cit., S. 490, 495.

¹⁴ Günter Ehrenthal. Die deutschen Jugendbünde. Berlin, 1929, S. 53/54.

¹⁵ Th. Pfizer, Op. cit., S. 495.

¹⁶ Ibid., S. 498.

¹⁷ Сообщение графини Нины фон Штауффенберг, цит. по: Joachim Kramerz. Claus Graf von Stauffenberg. Frankfurt (Main), 1965, S. 23.

¹⁸ Th. Pfizer, Op. cit., S. 498.

⁹ Ibid.

²⁰ В одном из гестаповских донесений приводится следующее показание Бертольда Штауффенберга: «Мы отнюдь не были теми, кого называют правверными католиками в собственном смысле слова. Мы редко посещали церковь и не ходили на исповедь. Мой брат и я считаем, что из христианства вряд ли может еще родиться что-либо творческое». — «Заговор в зеркале гестапо. Донесения Кальтенбруннера Борману и Гитлеру о покушении 20 июля 1944 г., изданные архивом Петера». Штутгарт, 1961 г. «Spiegelbild einer Verschwörung. Die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944. Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt, hrsg. vom Archiv Peter für historische und Zeitgeschichtliche Dokumentation», Stuttgart, 1966. — Далее: «Kaltenbrunner Berichte», S. 435.

²¹ Сообщение графини Нины фон Штауффенберг.

²² «Festschrift des Eberhard-Ludwigs-Gymnasiums Stuttgart zur Einweihung des neuen Schulgebäudes». Stuttgart, 1957, S. 11; Th. Pfizer, Op. cit., S. 493 f.

²³ Alexander Graf von Stauffenberg. Ansprache vor dem Eberhard-Ludwigs-Gymnasium im Januar 1959 (hekto-graphiertes Manuskript).

²⁴ Eberhard Zeller. Zum Gedenken der Grafen Claus und Berthold Stauffenberg, in: «Festschrift des Eberhard-Ludwigs-Gymnasiums...», S. 65/66.

²⁵ Th. Pfizer, Op. cit., S. 495/496.

²⁶ Ibid., S. 66/67.

²⁷ По копии свидетельства об окончании гимназии Эберхарда Людвиг, предоставленной автору ректором этой гимназии.

²⁸ Сообщение обер-штудийендиректора д-ра В. Хауссмана.

²⁹ Клаус фон Штауффенберг говорил позднее своей жене: «Я считал высшей милостью иметь своим лучшим другом моего брата [Бертольда] и быть связанным с величайшим человеком моего времени [Георге]». (Сообщение графини Нины фон Штауффенберг.)

³⁰ Наследник Стефана Георге профессор Роберт Берингер писал по этому поводу автору: «Речь может идти не о подчинении, а об иерархии духа, как выразился Гёте в беседе с Эккерманом во вторник 30 марта 1824 г. ...Если Вы раскроете страницу 138 моего фотоальбома, Вас поразит, с каким восхищением глядит Клаус фон Штауффенберг на поэта, который этого даже не заметил. Из любви к Стефану Георге он стал «новым человеком», попытавшимся свершить самое великое деяние».

³¹ Edgar Salin. Um Stefan George. Erinnerungen und Zeugnis. München — Düsseldorf, 1954, S. 324, Anm. I. Присущее Стефану Георге понимание истории оказало сильное воздействие на историка Эрнста Канторовица (1895—1963 гг.). В 1934 г. он, будучи профессором, был изгнан нацистами из университета Франкфурта-на-Майне за свое еврейское происхождение; в 1949 г. уволен американцами из Университета в Беркли за отказ участвовать в принесении профессорами присяги, обязывавшей их в порядке лояльности служить «барьером против коммунизма». (См.: «Bücher von Autoren jüdischer Herkunft in deutscher Sprache. Eine Ausstellung der B'nai B'rith Wien». Wien, 1967, S. 129 f.)

В своей книге «Император Фридрих II» (Берлин, 1927; новое изд. Дюссельдорф, 1964) Эрнст Канторовиц писал, что во время празднования в мае 1924 г. 700-летия Неаполитанского университета, основанного Гогенштауфенами, на саркофаге Фридриха II в Палермском соборе лежал венок с надписью: «Своему кайзеру и герою — «Тайная Германия»». Профессор Эрнст Хадерман писал по этому поводу: «Я сам в 1932 г. осматривал гробницы императора Генриха VI, Констанции и императора Фридриха... Там перед величественным саркофагом из темно-красного порфира, в котором погребен император Фридрих II, я видел большой венок с лентой, на которой была та же самая надпись. Разумеется, я знал, кто это «Тайная Германия», и был глубоко потрясен». По этому же поводу автору настоящей книги писал профессор Эдгар Залин из Брюсселя: «Одно несомненно: деяние 20 июля 1944 г. порождено влиянием Георге, и именно благодаря Штауффенбергу военный круг заговорщиков... чувствовал себя обязанным действовать по завету и в духе Георге. Уже с 1938 г. стихотворение «Антихрист» служило опознавательным знаком для офицеров, связанных между собой дружбой, и, говоря о своей Германии, они всегда называли ее общим именем: «Наша тайная Германия», тайная в интерпретации стихотворения Георге».

Автор данной книги цитирует нынешних почитателей Георге столь обширно (см. также прим. 30) для того, чтобы показать то влияние, которое поэт сохраняет и по сей день. Однако автор не думает, чтобы было можно установить прямую связь между Георге и 20 июля 1944 г. и считать поступок Штауффенберга порожденным воздействием мировоззрения поэта. Штауффенберг испытывал на себе и другие значительные влияния.

³² Например, Александр получил от Георге прозвище Оффа — имя сказочного принца ангов (германское племя).

³³ Arnold Zweig. Standbild und Einsturz des Stefan George, in «Neue Deutsche Literatur», Heft 11/1957, S. 108.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid., S. 111.

³⁶ См. Robert Boehringer. Mein Bild von Stefan George. Düsseldorf, 1951.

³⁷ Bruno Markwardt. Geschichte der deutschen Poetik, Band V: Das zwanzigste Jahrhundert (=«Grundriss der Germanischen Philologie», 13/V, Berlin, 1967, S. 204.

³⁸ См.: Bruno Markwardt. Op. cit., S. 207. Бруно Марквардт пишет в этой книге: «За такими декларациями Георга, как «гибнущий мир во всех своих проявлениях самым жалким образом стремился быть справедливым к нищим духом; пусть же восходящий [мир] согласует свои помыслы с богатыми духом», стоит Ницше с его теорией создания элиты любой ценой, даже отвергая сострадание к слабым. Это было «принципом господина», который считал, что идет по пути превращения в сверхчеловека, и мнил, что народ обретается где-то далеко внизу, в каких-то призрачных глубинах».

Главное направление буржуазной идеологии того времени и ее отражение, особенно в поэзии, характеризует Вольфганг Хайзе: «Растущие внутренние противоречия и начинавшаяся борьба за передел мира требовали своего идеологического оправдания и выдвигания идей, оказывающих мобилизующее воздействие на массы. Шкала этого процесса простирается от Ницше до собственно философии войны 1914—1918 гг. в ее первой фазе... Решающим источником, определившим ее содержание, была лежащая вне области научного исследования эстетическая культура. Здесь, в сфере сознательного самообмана, уже предварительно эмоционально образно предвосхищалась (в качестве отражения и воспроизведения капиталистической повседневности и фантастического дополнения к присущему ей отчуждению) та романтика освобождения от пут совести, опьянения, воспевания насилия и искупления, безграничной экспансии и эстетически смакуемой гибели, которая в равной степени продуцировалась и маскировалась повседневной практикой капитализма и была по тенденции своей имманентна ей, вместе с тем играя роль эстетического глянца, предназначенного скрыть жестокость бизнеса как потребности». Хайзе справедливо подчеркивает возможные, а также и практически ставшие действительными тенденции этого хода развития: «То, что действительно «проигрывалось» в сфере эстетической эмоциональности, то, что использовалось как не заслуживающая, чтобы принимать ее всерьез, декорация политической власти, позднее в условиях усиливающихся противоречий общественной жизни, нарастания жажды империалистической экспансии обрело форму политико-социальной идеологии, превратилось в мировоззрение, во всеобщую философскую формулу программы действий»*.

* W. Heise. Aufbruch in die Illusion. Zur Kritik der bürgerlichen Philosophie in Deutschland. Berlin, 1964, S. 140.

Хайзе тоже указывает на взаимосвязь между Ницше и Георге: «Ницшеанская мифологическая концепция о воле к власти как сущности бытия характеризует новизну... Он (Ницше. — К. Ф.), обладающий наибольшей силой воздействия, самый оригинальный и последовательный из целого легиона идеологов. Одна часть их находилась в оппозиции к академической философии, другая перешла к борьбе против либерализма с консервативных позиций, а третья стремилась к «новому» философствованию мировоззренческо-религиозного характера и проявляла себя в целом как мировоззренческое концептирование тех тенденций, которые затем стали «плодоносными» в «народных» и пангерманских течениях, а также в литературной неоромантике и в кружке Георге»*.

«Художественная литература также отражает в различных фазах глубокое беспокойство этого первого этапа империализма. Таковы мессианские надежды конца столетия (типичным является «Эммануэл Квинт» Гауптмана); упадочные настроения «конца века», смакование бренности бытия и наслаждение мимолетным мгновением; трансформация декадентского ощущения в глубокое декадентское варварство призыва к силе и актам насилия — жестокого у Ницше, опозитизированного у Георге и его аристократического кружка, где ницшеанская модель человека-господина преобразовывалась в картину будущего господства над массами, а тем самым — в преодоление «превращения в массу»...»**.

³⁹ Hans Jürgen Geerdts. Deutsche Literaturgeschichte in einem Band. Berlin, 1966, S. 486.

⁴⁰ Alexander Graf von Stauffenberg. Erinnerung an Stefan George. Rede auf einer Gedenkfeier am 4. 12. 1958 in Westberlin (hektografiertes Manuskript).

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ В сатирическом стихотворении «Вечные перелетные птицы» Эрих Вайнерт высмеял увлечение «аполитичных» юношеских союзов Стефаном Георге.

⁴⁵ Нацисты притязали на творчество Стефана Георге в качестве своего духовного наследия, для чего оно действительно давало некоторые основания. Хотя сам Георге относился к нацистам и их режиму резко отрицательно, националистический ход его мыслей, элитарная идеология, идея господства новой аристократии и многие другие отправные точки его мировоззрения послужили для нацистов поводом к тому, чтобы 12 мая 1933 г., в день 65-летия поэта, учредить премию имени Стефана Георге в качестве высшей литературной награды. Геббельс намеревался присуждать эту премию не действительно выдающимся произведениям, а тем изданиям последних лет, в которых «нашли свое наиболее захватывающее и художественно самое зрелое отраже-

* W. Heise. Aufbruch in die Illusion. Zur Kritik der bürgerlichen Philosophie in Deutschland, Berlin, 1964, S. 145.

** Ibid., S. 178.

ние волнующие события наших дней» («Der Grosse Brockhaus», Ergänzungsband. Leipzig, 1935, S. 352).

Сам Георг в 1933 г. некоторое время назывался в качестве кандидата на освободившийся после исключения Генриха Манна пост президента тем временем уже унифицированной Германской Академии поэзии (отделение поэзии Прусской Академии искусств). Даже такому безоговорочному поклоннику Георге, как Александр фон Штауффенберг, пришлось позже признать: «Некоторые из ближайших приверженцев поэта перенесли его пророчества непосредственно на свое собственное время; они думали, что перед их взорами теперь возникла страна обетованная. Ныне все видят, сколь горько, сколь позорно заблуждались они. Разумеется, едва ли можно упрекать их в этом, ведь повод для такого толкования имелся».

⁴⁶ Joachim Крамарз. Op. cit., S. 20.

⁴⁷ Сообщение Нины фон Штауффенберг.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Joachim Крамарз. Op. cit., S. 22.

⁵⁰ Сообщение Нины фон Штауффенберг.

⁵¹ Wolfgang Ruge. Deutschland von 1917 bis 1933. Berlin, 1967, S. 249 f.

⁵² Joachim Крамарз. Op. cit., S. 33.

⁵³ Сообщение Манфреда фон Браухича.

⁵⁴ Свидетельство Нины фон Штауффенберг. Цит. по: Joachim Крамарз. Op. cit., a. a. O.

⁵⁵ Alexander Graf von Stauffenberg. Erinnerungen an Stefan George, a. a. O.

⁵⁶ Берндт фон Петцольд. Цит. по: Joachim Крамарз. Op. cit., S. 37/38.

⁵⁷ См. запись регистрации родившихся в г. Франкфурте-на-Одере. Поскольку графиня Нина фон Штауффенберг подверглась ограничению права свободного выбора местожительства, заявление о рождении ребенка было передано в административные органы эсэсовским офицером. Врач д-р Цорн, все еще проживающий во Франкфурте-на-Одере, на наш запрос сообщил, что во второй половине войны он был призван в вермахт и потому не мог принять сам роды графини фон Штауффенберг. Документы его клиники, относящиеся к тому времени, исчезли. За эти сведения автор благодарит г-на Иоганнеса Цукерторта (Франкфурт-на-Одере).

⁵⁸ Сообщение Нины фон Штауффенберг.

II

Офицер в фашистской Германии
1933—1943 гг.

Фашистская диктатура и борьба КПГ за создание единого фронта антифашистского Сопротивления

1933 год стал для немецкого народа роковым. Установление нацистской диктатуры и последствия этого политического акта оказали решающее воздействие на судьбу не только всего народа в целом, но и каждого немца в отдельности.

30 января 1933 г. президент Германии генерал-фельдмаршал фон Гинденбург назначил фюрера НСДАП* Адольфа Гитлера рейхсканцлером.

Германию, особенно после провокационного поджога рейхстага, захлестнула волна кровавого террора. Партийные работники и активисты КПГ и СДПГ, законно избранные депутаты ландтагов и рейхстага, писатели-гуманисты, прогрессивно настроенные деятели культуры, оппозиционные представители церкви были брошены в переполненные тюрьмы и концентрационные лагеря или же вынуждены были скрываться от своих палачей. Рабочие организации подверглись запрету, буржуазные партии капитулировали перед фашистским режимом и самораспустились. При помощи безудержной антикоммунистической и шовинистической пропаганды в сочетании с коварной национальной и социальной демагогией нацисты стремились изолировать прогрессивные силы, особенно коммунистов, от народа и заставить массы поддерживать фашистский режим.

* Сокращенное название нацистской партии, от нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei.

Правительство Гитлера казалось наиболее реакционным группам германского финансового капитала, юнкерства и милитаристов самой надежной гарантией от народной революции и самым надежным инструментом подготовки и ведения войны за мировое господство. Путем установления фашистской диктатуры наиболее агрессивные круги германского монополистического капитала стремились «силой повернуть вспять переход от капитализма к социализму, закономерно начатый во всемирном масштабе Великой Октябрьской социалистической революцией, уничтожить Советскую страну, восстановить нераздельное господство мирового империализма»¹.

Фашизм в Германии не был, как постоянно утверждают буржуазные историки, политики и публицисты ФРГ, диктатурой одного человека или одной партии; не был он и всего лишь продуктом «национализма, действующего при помощи насилия»². Фашистское господство было установлено в интересах наиболее реакционных групп германского монополистического капитала. «Закулисными господами фашистской НСДАП и гитлеровского правительства являлись действительные хозяева Германии — самые реакционные монополисты, милитаристы и юнкеры»³.

Развитие государственно-монополистического капитализма достигло в Германии в условиях фашистской диктатуры своей высшей точки. Слияние власти финансовой олигархии с властью государства, полное подчинение государственного аппарата господству финансового капитала, диктатура крупнейших монополий над всей экономической жизнью страны — вот что было характерно для положения Германии. Вся общественная жизнь была пронизана государственно-монополистическими формами господства монополий.

В области внутренней политики цель фашистской диктатуры состояла в том, чтобы обеспечить эксплуатацию и угнетение трудящихся, ликвидировать любую попытку создания организованного антифашистского движения Сопротивления под руководством КПГ. Вместе с тем государственно-монополистический аппарат власти должен был воспрепятствовать отходу части правящего класса от намеченной общей политической

линии ведущих сил фашистского германского империализма⁴. Последовало построение мощной машины угнетения как путем преобразования уже имевшихся государственных органов, так и создания новых государственных инструментов подавления. Центральной организацией фашистского террористического аппарата стали СС.

Установление фашистской диктатуры привело к возникновению опасного очага войны в центре Европы. Уже 3 февраля 1933 г. Гитлер, выступая перед высшим командованием рейхсвера, обрисовал те цели, которые он намеревался достигнуть в интересах германского финансового капитала: «Искоренение марксизма. Воспитание молодежи и всего народа в духе идеи, что нас может спасти только борьба... Закалка молодежи... Создание вермахта как важнейшая предпосылка достижения цели — обретения нового политического могущества... Вероятно, завоевание новых возможностей для экспорта, вероятно — что было бы лучше, — захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация»⁵. Однако публично фашисты маскировали свои подлинные замыслы фразами о «народной общности», «равноправии» Германии, «примирении народов» и т. п.

Тем временем дело отнюдь не ограничивалось словами. Опираясь на проведенную еще в годы Веймарской республики подготовку, гитлеровцы систематично осуществляли увеличение численного состава и перевооружение армии. Первой кульминационной точкой этого хода развития явилось восстановление всеобщей воинской повинности в марте 1935 г. За период с 1933 до начала войны в 1939 г. германская армия возросла с 10 до 51 дивизии. Одновременно создавались мощные военно-воздушные силы и танковые войска, призванные сыграть решающую роль в осуществлении планов блицкрига, намеченных германскими милитаристами.

Коммунистическая партия Германии еще до 1933 г. самоотверженно противостояла нарастающей коричневой волне и призывала рабочих Германии к единству действий в борьбе против фашизма. 30 января 1933 г. Вальтер Ульбрихт по поручению ЦК КПП

обратился к Правлению СДПГ с предложением о совместных действиях. В этом обращении КПГ призывала СДПГ, Свободные профсоюзы, Христианские профсоюзы и «Рейхсбаннер» * «провести вместе с коммунистами всеобщую забастовку против фашистской диктатуры Гитлера, Гинденбурга, Папена, против разгрома рабочих организаций, за свободу рабочего класса!»⁶ Как и раньше, правые лидеры СДПГ и теперь отказались от совместных с коммунистами действий. Тем самым они способствовали консолидации фашистского режима.

На нелегальном пленуме ЦК КПГ, состоявшемся 7 февраля 1933 г. в спортивном зале Цигенхальз (около Цейтена), Эрнст Тельман предостерег от каких-либо иллюзий насчет возможности легальной борьбы. Он указал, что гитлеровское правительство может быть отстранено от власти только путем революционного свержения, но это свержение и пролетарская революция отнюдь не обязательно должны быть тождественны. Эрнст Тельман призвал всех коммунистов организовывать массовую борьбу и Единый фронт рабочих⁷. В глубочайшем подполье, подвергаясь постоянной опасности быть раскрытыми, арестованными, погибнуть, немецкие коммунисты и многие революционные социал-демократы вели борьбу, стремясь вырвать трудящиеся массы из-под влияния фашистской идеологии, ослабить нацистский режим и создать предпосылки для его свержения.

Новое положение, возникшее в результате установления фашистской диктатуры, потребовало пересмотра стратегии и тактики КПГ. Выработанная VII конгрессом Коминтерна линия стратегии и тактики была творчески применена к условиям борьбы в Германии на Брюссельской конференции КПГ (1935 г.), на которой основной доклад сделал Вильгельм Пик. Коммунистическая партия проанализировала свою прежнюю политику и извлекла необходимые для дальнейшей борьбы выводы как из имеющегося опыта, так и из своих недостатков и ошибок.

* Социал-демократическая военизированная организация рабочих самосброны Союз имперского флага.

Новое заключалось в том, чтобы сконцентрировать все силы на создании Единого фронта с социал-демократами и профсоюзами и вызвать к жизни широкое движение Народного фронта всех противников фашизма. Вальтер Ульбрихт, участник этой конференции, позднее так сформулировал ее итоги: «Стратегической целью было свержение гитлеровского правительства и образование в Германии правительства Народного фронта в качестве антифашистско-демократического правительства. Коммунисты указывали рабочему классу и всему народу путь к свержению Гитлера и к созданию демократической германской республики: антифашистский Народный фронт на основе единства действий рабочих партий и профсоюзов»⁸.

Брюссельская конференция дала антифашистской борьбе направление и цель, выработав соответствующие новому положению стратегию и тактику⁹. Решения Брюссельской конференции КПГ, дававшие возможность сплотить все слои народа на совместную борьбу, являлись во времена нацистской диктатуры программой той единственной немецкой партии, которая указывала путь к национальному и социальному освобождению народа¹⁰. Только одна лишь КПГ давала немецкому народу реальную альтернативу. В последующие годы эта программа подвергалась дальнейшей разработке и конкретизации.

В июне 1936 г. Политбюро ЦК КПГ опубликовало «Основные установки для выработки политической платформы немецкого Народного фронта», представлявшие собой базу для обсуждения ее всеми сторонниками Народного фронта. О «государственных принципах нового германского государства» в документе говорилось: «Объединенные в рядах Народного фронта партии, направления, организации, группы и лица объявляют важнейшим государственным принципом, что новое государство должно быть демократической республикой, в которой народ свободно решает все вопросы экономики, внутренней и внешней политики страны, а правительство формируется в результате решения трудового народа на основе всеобщих, равных и прямых выборов при тайном голосовании». Далее предлагалось вновь вступить в Лигу Наций, за-

ключить пакты о ненападении, гарантировать соблюдение демократических прав внутри страны, запретить образование реакционных организаций, очистить государственный аппарат от фашистских элементов и осуществить меры по улучшению жизненного положения масс ¹¹.

На своей Бернской конференции 30 января — 1 февраля 1939 г. (она состоялась в действительности в Дравей около Парижа) КПГ предупредила об угрозе войны и заявила, что «борьба против войны, за свержение ее поджигателя Гитлера — высшая национальная задача всех немцев... Если же, несмотря на все усилия противников Гитлера, спровоцированную Гитлером войну против других народов не удастся предотвратить, национальные интересы немецкого народа диктуют необходимость как можно скорее и всеми средствами прекратить ее путем свержения гитлеровского режима. Ибо только так немецкий народ может спасти себя от ужасных последствий этой войны для жизни и благосостояния, для самого существования нации» ¹².

В своем решении КПГ подчеркивала, что после свержения Гитлера должна быть создана демократическая республика, которая, однако, в противоположность Веймарской республике должна отчуждением собственности фашистского монополистического капитала лишить фашизм материальной базы. «В новой, демократической республике — опять-таки в противоположность Веймарской республике — судьбу страны в свои руки возьмет не крупная буржуазия, которая под прикрытием коалиции с одной из рабочих партий посягала на экономические и политические права народа, а рабочий класс, преодолевший свой раскол и объединенный в Народном фронте с крестьянством, мелкой буржуазией и интеллигенцией» ¹³.

К началу второй мировой войны в 1939 г. КПГ была той единственной политической партией, которая разоблачала политику фашистской Германии как политику империалистических захватов и всесторонне организовывала движение Сопротивления гитлеровскому режиму ¹⁴.

На основе этих решений под руководством своего Центрального Комитета нелегальные партийные организации КПГ вели борьбу против фашизма. Под их руководством возникли организации Сопротивления, в которых сотрудничали коммунисты, социал-демократы, христианские демократы и другие антифашистские силы.

Важное значение имели разъяснение трудящимся характера фашизма и на этой базе мобилизация их на борьбу против грозящего преступления войны. Этой цели служило, в частности, нелегальное распространение разъяснительных материалов. Согласно гестаповскому донесению, в 1936 г. было конфисковано 164 300, а в 1937 г. — 927 430 антифашистских материалов, из которых примерно 70% было подготовлено коммунистами¹⁵. Эти цифры говорят о большой активности, поскольку количество действительно распространенных материалов значительно превосходило их. При всем том не следует забывать, с какими трудностями и опасностями приходилось сталкиваться антифашистам при подготовке нелегальных печатных материалов.

К Сопротивлению относились также организация выступлений с целью улучшения жизненного положения трудящихся, помощь иностранным и угнанным на фашистскую каторгу рабочим, а также создание под лозунгом «Работай медленно!» помех вооружению и организация саботажа в области военной экономики. В 1936—1939 гг. в различных местах (например, на берлинских заводах концерна Сименса, на некоторых шахтах Рурской области, на предприятиях акционерного общества «Адам Опель АГ», на строительстве автострад и Западного вала) имели место краткосрочные стачки, митинги протеста и организованное замедление темпов работы¹⁶. В декабре 1935 г. нацисты устроили массовый судебный процесс по делу 628 коммунистов, социал-демократов и членов Свободных, Христианских профсоюзов, членов «Германского трудового фронта» и советов доверенных лиц. Их обвинили в том, что они восстановили в районе Вупперталя Свободные профсоюзы и организовали борьбу против снижения заработной платы,

усиления эксплуатации и повышения принудительных норм¹⁷. Этот процесс был лишь одним из многих.

Многие немецкие патриоты участвовали в вооруженной борьбе против фашизма. Около пяти тысяч немецких антифашистов последовали призыву ЦК КПГ и приняли участие в антифашистской борьбе испанского народа в рядах Интернациональных бригад и других частей республиканской армии Испании. Во время второй мировой войны несколько тысяч немецких антифашистов с оружием в руках сражались против нацистского вермахта почти на всех театрах военных действий в Европе, особенно в рядах Красной Армии и в отрядах советских партизан, а также среди французских маки, в партизанских подразделениях в Греции, Югославии и Чехословакии.

Важной задачей в рамках Сопротивления являлась передача за границу информации о фашистских преступлениях с тем, чтобы побудить мировую общественность не допустить новых преступлений и подорвать позиции германского фашизма в зарубежных странах. Немецкие эмигранты-антифашисты, особенно многие писатели, вели в этом отношении обширную работу. В период обострившейся угрозы войны и во время нее передача вооруженным силам антигитлеровской коалиции, а особенно Красной Армии, военной информации о германских военных планах, о новых типах вооружения, о намечаемых актах агрессии также являлась важной задачей борцов немецкого движения Сопротивления, ценным вкладом в дело свержения фашистского режима.

Достаточно напомнить о ведшейся по заданию советской разведки работе немецкого коммуниста Рихарда Зорге, который передачей важной информации из германского посольства в Токио оказал существенную помощь Советскому Союзу. Возглавлявшаяся коммунистом Арвидом Харнаком и антифашистски настроенным обер-лейтенантом авиации Харро Шульце-Бойзенем организация Сопротивления, действовавшая в тесной связи с нелегальной КПГ, также установила контакт с советскими разведывательными органами и своей разведывательной деятельностью внесла ценный вклад в разгром фашизма¹⁸. Точно так же, как

и Зорге, организация Шульце-Бойзена — Харнака предупреждала советские органы о готовящемся военном нападении фашистской Германии.

Проф. Герхард Риттер, игравший после второй мировой войны ведущую роль в западногерманской историографии, дошел до того, что назвал членов организации Шульце-Бойзена — Харнака «предателями родины», которых, мол, справедливо казнили¹⁹. В вышедшем в ФРГ «Руководстве по германской истории» о борьбе коммунистов говорится так: «Здесь соседствовали друг с другом сопротивление, шпионаж и измена родине»²⁰. В этих высказываниях проявляется давно уже типичная для западногерманской историографии тенденция исключить коммунистов из движения Сопротивления, замолчать их героические действия, оклеветать их. Во многих других писаниях о коммунистах не упоминалось вовсе²¹.

Ныне в антикоммунистической историографии появился новый вариант. Борьба коммунистов против фашизма больше уже не замалчивается; ей даже для вида частично воздается должное. Так, проф. Ганс Ротфельс пишет, что коммунисты принесли большие жертвы и что они были «весьма активны в распространении листовок и в другой агитации»²². Но этим «достойная оценка» и исчерпывается. Отрицается, что КПГ выработала альтернативу нацистскому режиму, что она была единственной партией, обладающей реальной программой свержения фашизма и установления демократической республики. Главными силами Сопротивления, как и прежде, объявляются военные, буржуазные политики и представители крупного капитала и юнкерства. Таким образом, после того как выяснилось, что замалчивание героической борьбы КПГ стало для империалистических идеологов невыгодным, они приняли на вооружение более гибкий вариант антикоммунизма в историографии, стремясь, как и прежде, приуменьшить борьбу КПГ за интересы немецкого народа.

Что же касается Сопротивления церковных кругов, то его мотивы и формы проявления были весьма различны на разных этапах: ранние предупреждения об опасности национал-социализма (например, со сто-

роны Эмиля Фукса, Карла Кляйншмидта и других религиозных социалистов²³); позднее — быстрый поворот тех, кто поначалу предавался иллюзии о «пробуждении нации» (напомним о позиции многих руководящих деятелей так называемой Исповедальной церкви²⁴); далее, конкретные действия церковных кругов ради обеспечения собственных прав и некоторой свободы совести, а также во имя ограниченных политических целей (речь идет здесь прежде всего об их позиции в период так называемого чешского кризиса 1938 г., а также против антисемитизма и «эвтаназии» *); наконец, участие ведущих представителей церкви в движении «Свободная Германия» (как на территории СССР, так и в США и Швеции²⁵).

В качестве кульминационной точки церковного Сопротивления могут рассматриваться примерно 1935—1936 гг., то есть время формирования Исповедальной церкви, а также оба последних года войны, учитывая борьбу Национального комитета «Свободная Германия»²⁶. Кроме того, никак нельзя упускать из виду вопрос о том, в какой мере оно действительно являлось сопротивлением со стороны самой церкви, как таковой, или же речь шла лишь о «бунте совести» у отдельных верующих-христиан²⁷.

Решающее значение имело то, что Коммунистическая партия Германии, особенно после Брюссельской конференции и в 1943—1945 гг., настойчиво заявляла о своей готовности к политике союза с другими противниками гитлеризма; точнее, к политике антифашистского Народного фронта; эти заявления оказывали определенное влияние и на церковные круги²⁸.

За свою всестороннюю и последовательную борьбу в защиту национальных интересов немецкого народа КПГ подвергалась такому террору, который не испытала на себе ни одна другая партия в Германии. Из примерно 300 тыс. членов, насчитывавшихся в рядах КПГ в 1933 г., около 150 тысяч подверглось в нацистской Германии репрессиям, аресту или отправке в концлагеря, десятки тысяч были убиты. Из 422

* Насильственное умерщвление лиц, признанных фашистским режимом «неполноценными» в расовом, физическом или психическом отношении.

руководящих работников (членов ЦК, ведущих функционеров окружного масштаба и массовых организаций) к середине 1935 г. было арестовано 219, а 24 — убито. В 1936 г. было арестовано 11 687 коммунистов и 1374 социал-демократа; в 1937 г. — соответственно 8068 и 733. В начале войны гестапо арестовало более 2000 функционеров КППГ, а также других антифашистов, в том числе бывшего социал-демократического депутата рейхстага Отто Гротеволья. С 1933 по 1945 г. в Хемнице (ныне Карл-Маркс-Штадт) были арестованы члены следующих политических организаций: 665 — КППГ, 101 — Коммунистического союза молодежи Германии, 146 — СДПГ, 17 — Социалистической рабочей партии, 10 — Социалистической рабочей молодежи, 1 — Центра и 156 — беспартийных. Из 96 убитых в Хемнице антифашистов 51 принадлежал к КППГ, 12 — к СДПГ, 3 — к Социалистической рабочей партии, 13 — к Коммунистическому союзу молодежи Германии, 19 были беспартийными. После войны в одном только Гамбурге ходатайства о признании их лицами, подвергавшимися преследованию нацизмом, подали 12 163 человека. Они принадлежали к следующим политическим направлениям: 3175 — к КППГ, 1793 — к СДПГ, 64 — к Демократической партии, 38 — к Центру, 303 — деятели профсоюзов, 413 — жертвы 20 июля 1944 г.²⁹

Несмотря на неустанную и самоотверженную борьбу коммунистов, а вместе с ними и других антифашистов, им не удалось предотвратить войну и собственными силами свергнуть фашистский режим. Значительная часть немецкого народа поддавалась нацистской национальной и социальной демагогии, шовинистическому натравливанию на другие народы или же оказалась запуганной безудержным террором. Фашистская идеология глубоко внедрилась в сознание широких слоев немецкого народа³⁰.

Генералитет как составная часть системы фашистского господства

Выдвинутое после второй мировой войны историками ФРГ утверждение о «сопротивлении» высших военных кругов нацистскому режиму принадлежит

к миру легенд. Оно призвано снять с офицерского корпуса, и особенно с участвовавших в перевооружении Западной Германии бывших нацистских генералов, историческую вину за их активное участие в величайшем преступлении всей германской истории.

Еще до 30 января 1933 г. командование рейхсвера приняло значительное участие в подрыве Веймарской республики и в обеспечении прихода к власти правительства Гитлера — Гугенберга — Зельдте³¹.

Стабилизация фашистской диктатуры в 1933—1934 гг. вряд ли была бы возможна без поддержки военного руководства. Хотя в этой среде время от времени возникали недовольство или разногласия с режимом³², хотя здесь и отпускали язвительные шуточки насчет новых властителей страны и новых порядков, посмеиваясь над «богемским ефрейтором» и его манерами, но на деле всеми силами поддерживали Гитлера. Те же немногие генералы (такие, как Курт фон Шлейхер, Вильгельм Грёнер, барон Курт фон Гаммерштейн-Экворт), которые не во всем были согласны с политической и военной доктриной фашизма, против него не выступали. Нацистский режим получил время, необходимое ему для своего упрочения. Немногие неугодные лица из высшего военного руководства были быстро устранены: 1 января 1934 г. генерал барон Вернер фон Фрич заменил на посту начальника войскового управления Гаммерштейна, а 30 июня 1934 г. был убит Шлейхер.

Офицерский корпус в своем подавляющем большинстве одобрил то, что сказал генерал фон Рейхенау в феврале 1933 г. при назначении его на руководящий пост начальника так называемого Управления министерства рейхсвера: «Никогда еще вермахт не был столь тождествен с государством, как ныне»³³. Никто из офицерства не возражал, когда нацистская клика 21 марта 1933 г., в День Потсдама, продемонстрировала свой союз с консервативно-милитаристским пруссачеством. Газета «Потсдамер тагесцайтунг» писала: «Разумеется, в этом празднестве участвует и рейхсвер, он не только выделил роту почетного караула. Представители СС, СА, «Гитлерюгенд»,

Национал-социалистского лесничества, боевые группы партии немецких националов, «Стального шлема», Немецкой национальной партии, Союза германского студенчества, «Добровольной трудовой повинности», офицерских союзов — все они радостно протянули друг другу руки в этот день»³⁴.

Рейхсвер и его командование своим участием в параде, последовавшем за государственным актом в потсдамской гарнизонной церкви, продемонстрировали, что идут вместе с нацистами. На параде присутствовало множество генералов старой кайзеровской армии, в том числе фон Маккензен и фон Сект³⁵. В то время как фашистские политики в официальных заявлениях заверяли в своем миролюбии, в массовой пропаганде то там, то тут уже звучали тона, позволявшие догадываться о действительной цели союза нацистских главарей и генералов. Так, в местной газете «Ангермюндер цайтунг унд крайзблатт» от 22 марта 1933 г., в частности, можно было прочесть: «Марширующие батальоны людей в новой и старой полевой военной форме, СА, СС и прочих военных союзов подчеркивали волю Германии вновь завоевать себе место под солнцем».

Большинство военных руководителей Германии верили, что установление фашистской диктатуры означает для них начало «золотого века». Когда десять лет спустя Вальтер Ульбрихт спросил находившегося в советском плену генерал-фельдмаршала Паулюса, как оказалось возможным, что он, человек образованный, служил столь варварскому правительству, тот ответил: «Я прошу Вас понять, что Гитлер дал нам, германским генералам, все, в чем мы нуждались. Он поставил политическую цель — завоевание жизненного пространства. Он дал хорошее оружие, и он сумел привлечь на свою сторону народ для осуществления своих целей»³⁶.

Обещанное искоренение коммунизма было для генералов веской причиной помочь Гитлеру сесть в седло. Так, Сект писал в 1922 г.: «Опасность угрозы большевизма не может и не должна никоим образом оспариваться; точно так же следует подчеркнуть, что против проникновения и распространения большевиз-

ма надлежит бороться всеми средствами... и что при этом необходимо действовать с гораздо большей жестокостью, чем это имеет место сегодня»³⁷.

Генерал фон Гаммерштейн-Экворд, сам ставший впоследствии противником Гитлера, заявил в 1931 г. после четырехчасовой беседы с фюрером: «Мы хотим сделать это медленнее. А в остальном мы единого с ним мнения»³⁸.

Тождество интересов военного руководства и нацистских главарей определяло его позицию и побуждало его энергично содействовать усиливавшемуся процессу фашизации армии. 14 марта 1934 г. рейхсвер добровольно принял фашистскую эмблему: державного орла со свастикой. Подавляющее большинство офицерского корпуса молча смирилось с убийством неугодных нацистам генералов фон Шлейхера и фон Бредова 30 июня 1934 г., которое вошло в историю под названием «Ночь длинных ножей». После смерти Гинденбурга рейхсвер безо всякого сопротивления принес присягу на верность лично Гитлеру. Если раньше солдаты и офицеры формально присягали «народу и отечеству», то новая формула присяги гласила: «Клянусь пред господом богом сей священной присягой безоговорочно повиноваться фюреру Германской империи и народа Адольфу Гитлеру, верховному главнокомандующему вооруженных сил, и как храбрый солдат быть готовым, выполняя эту присягу, отдать свою жизнь»³⁹. Факту такой присяги было суждено во время войны сыграть свою роковую роль, поскольку она мешала многим офицерам и солдатам перейти к активным действиям против Гитлера либо служила предлогом для того, чтобы «стоять до конца».

Начало перевооружения, введение всеобщей воинской повинности, увеличение армии — все это полностью отвечало интересам генералитета и скрепило его союз с фашизмом. Один из тех, кому это было хорошо известно, тогдашний германский военный атташе в Германии, а позже генерал-лейтенант Мориц фон Фабер дю Фор (кстати, хорошо знавший Штауффенберга по Штутгарту), следующим образом рисует си-

туацию внутри военного руководства ко времени маневров 1935 г.:

«Это были первые маневры после введения всеобщей воинской повинности. Генералы сияли, и все, включая Фрича, демонстрировали верноподданность своему верховному полководцу. У меня сложилось впечатление, что всеми ими владела одна лишь мысль: показать себя на деле.

Весь тогдашний Берлин был для меня в новинку. Он здорово изменился под властью своего фюрера. Все дышало бахвальством, и все думали только об одном: произвести впечатление. Все считали, что цель Германии — снова стать великой державой — уже достигнута и что она обязана этим одному только фюреру. Хотя в министерстве рейхсвера еще не знали, следует ли входить с фашистским приветствием или с поклоном, и докладывать о своем прибытии приходилось секретарше в приемной, никакого ущерба росту власти это не наносило. Теперь мы что-то значим! — это чувствовалось на каждом шагу, в Главном командовании сухопутных войск у Фрича не меньше, чем у Бломберга, Рейхенау и Канариса, которые теперь принадлежали к штабу Верховного главнокомандования вооруженных сил... У меня было такое чувство, что я и сам начинаю держать голову выше, даже не отдавая себе отчета почему»⁴⁰.

Аналогичное описание положения среди будущих офицеров генерального штаба дает полковник запаса Бернгард Вацдорф, который тогда проходил генштабистское обучение. Он сообщает, что во время политических споров некоторые офицеры «высказывали те или иные оговорки в отношении нацистской партии или лично Гитлера. Так, капитан Штифф, уже тогда проявлявший ярко выраженный интерес к политическим вопросам и впоследствии принявший участие в заговоре 20 июля 1944 г. против Гитлера, отрицательно относился к фашистским мероприятиям против церкви и к преследованиям евреев. Офицеры из дворян, такие, как фон Кваст, фон Грольман и другие, особенно откровенно заявляли, что, учитывая низкое социальное происхождение Гитлера, не испытывают к нему никакой симпатии и как офицеры лишь поне-

воле подчиняются бывшему ефрейтору. Но во всех вопросах внешней политики и в военно-политических установление фашистской диктатуры не вызывало у продвигающихся по служебной лестнице офицеров генерального штаба никакой потребности принимать коренное политическое решение. Реваншистская военная программа Гитлера отвечала господствовавшим в рейхсвере взглядам. Поэтому ее осуществление приветствовалось и поддерживалось нами. Все оговорки и предубеждения были оттеснены на задний план успехами гитлеровского правительства во внешней политике и в военно-политической области. Особую роль сыграло введение 16 марта 1935 г. всеобщей воинской повинности, с которой перспективы успешной карьеры приняли для нас реальное очертание»⁴¹.

В «приподнятом настроении» пребывали не только офицеры рейхсвера. Офицеры запаса или в отставке в большинстве своем тоже поддерживали нацистский режим: ведь они были составной частью господствующей системы. Значительная часть их была вновь призвана на действительную службу. Позиция этих старых офицеров времен первой мировой войны, естественно, должна была в особенной мере оказать воздействие на молодых офицеров, в значительной степени формируя их политическое лицо.

Крупнейший в Германии Немецкий офицерский союз в 1932 г. призвал 100 тысяч своих членов отдать голоса за НСДАП и партию немецких националистов. Хотя этот союз со времени его основания в 1918 г. декларировал свою верность кайзеру Вильгельму II, он в 1933 г. весьма быстро примирился с «эрзац-кайзером» Гитлером. На съезде союза в конце мая 1933 г. его председатель генерал Хутир выразил благодарность Гинденбургу, а особенно Гитлеру, который, по его словам, «осуществил те высокие цели, к которым стремились и о которых мечтали национальные круги нашего народа. Особенно связывает нас, офицеров старой армии, с личностью канцлера то обстоятельство, что солдатская сущность — это главное. Мы с радостью следуем за ним по указанному им пути»⁴². Направление марша было дано.

Все существовавшие в то время в Германии офицерские союзы были в феврале 1934 г. объединены в Имперский союз немецких офицеров. Председателем его стал пресловутый «балтийский живодер» генерал граф Рюдигер фон дер Гольц, а его заместителем — полковник Рейхенау, который одновременно имел высокий эсэсовский чин. 16 февраля 1934 г. фон дер Гольц опубликовал обращение, в котором призвал всех бывших офицеров «как верных товарищей служить отечеству плечом к плечу с рейхсвером, СА, «Стальным шлемом», резервами СА и организациями НСДАП, а также и внутри них»⁴³.

26 апреля 1934 г. Гитлер принял руководителей Имперского союза немецких офицеров: генерал-майора фон дер Гольца, генерала фон Чишвица, полковника Райнгарда, майора фон Визе унд Кайзерсвальдау и майора Шлимана. Гитлер выразил свое удовлетворение по поводу образования союза и готовности старых офицеров к сотрудничеству с фашистским государством. Генерал фон Чишвиц в последующие годы содействовал подготовке агрессивной войны своими военно-теоретическими работами. Офицерам действительной службы Гитлер высказал свою признательность еще раньше, в своей речи 23 сентября 1933 г.: «Все мы хорошо знаем, что, если бы в дни революции (подразумевается захват власти нацистами. — К. Ф.) армия не была на нашей стороне, сегодня мы не стояли бы здесь»⁴⁴.

Когда некоторые фюреры СА и СС стали упрекать военную касту за ее монархическое мировоззрение, кастовый дух и «реакционные умонастроения», усматривая в этом помеху пропагандировавшейся ими «народной общности», генерал фон дер Гольц взял офицеров под свою защиту и заявил, что их «кайзеровский образ мыслей — это дело сердца и порядочности, а не политики... Опасность для государства со стороны «реакции» — злонамеренная выдумка людей, имеющих в виду тех, кто не будет идти вместе со всеми... Опасность представляет собой только большевизм». Гольц заверил: «Из вышесказанного следует, что старый военный командный слой может стать одной из прочнейших опор третьего рейха, если

его правильно поймут и умело используют». В заключение он подчеркнул, что «со дня церемонии в потсдамской гарнизонной церкви в марте 1933 г.» все благоразумные и способные к служебному росту офицеры стоят за Адольфа Гитлера⁴⁵.

Если даже не все офицеры разделяли такой взгляд, то подавляющее большинство шло именно по этому пути до тех пор, пока суровая действительность второй мировой войны не заставила их изменить позицию. Военное руководство в целом не стояло вне фашистской системы, а, наоборот, было ее неотъемлемой составной частью.

Штауффенберг и фашистский режим

Граф Штауффенберг стал офицером добровольно. Он и после образования гитлеровского правительства видел в лице государства стоящий «над схваткой» институт, которому желал служить, а вопрос о том, какое правительство стоит во главе этого государства, интересовал его лишь во вторую очередь. Так думали многие молодые офицеры, мышление которых было ограничено такими же взглядами.

Активным национал-социалистом граф Штауффенберг не был и не стал, однако национальная и социальная демагогия фашистов оказала свое воздействие и на него. Некоторые программные заявления и обещания нацистов вызывали у него симпатию⁴⁶. Так, он считал справедливыми требования национального равноправия Германии и пересмотра Версальского договора, не видя, что требования эти служили лишь маскировкой и пропагандистским оправданием подготовки войны. Он надеялся, что объявленные нацистами меры в области социальной политики приглушат внутренние противоречия в народе. В одном из свидетельств говорится о воодушевлении Штауффенберга тем фактом, «что народ поднимается против оков Версальского договора и что в результате обеспечения работой ликвидируется бедствие безработицы, а также стремлением властей осуществить и другие меры социального обеспечения трудового народа»⁴⁷.

Бертольд фон Штауффенберг в своих показаниях, данных гестапо после 20 июля 1944 г., говорил, что они с братом по большей части вполне одобряли основные идеи национал-социализма в области внутренней политики, особенно идею об «ответственном только перед самим собою и компетентном руководстве в сочетании с идеей здоровой субординации и народной общности», а также принцип «общественная польза выше личной», «борьба против коррупции», «подчеркивание крестьянского» начала, а также «расовые идеи» и стремление к «новому, определяемому немецким национальным характером правопорядку»⁴⁸. Аристократическое, элитарное мышление, получившее новую питательную почву и еще более укрепившееся в результате общения со Стефаном Георге, сочеталось с неспособностью распознать за демагогией нацистов их подлые намерения.

Преследование Коммунистической партии Германии и других рабочих организаций, ликвидация вызывавшего всеобщую ненависть в офицерской среде парламентаризма и усиление государственной центральной власти — все это (хотя мы и не располагаем непосредственными свидетельствами), очевидно, не вызывало возражений молодых офицеров.

Штауффенберга очень интересовал вопрос, каким образом Гитлеру удалось за весьма короткое время подняться из мрака неизвестности до главы сильного политического движения, а в конце концов — Германии. По сообщению Рудольфа Фарнера, он пришел к следующему объяснению: Гитлер сумел свалить демократию кажушимися на вид демократическими средствами. «Перед таким методом оказался слаб весь аппарат государственного управления и вся система партий в Германии». Вину за взлет Гитлера, говорил он, несли и западные державы. «Тем методом, при помощи которого они считали возможным обосновать «мир», они дали Гитлеру сильнейшие аргументы и на многие годы позволили ему делать вид, будто он выступает за справедливые чаяния народов». И наконец, свое большое определяющее влияние возымели «социальные меры» Гитлера: «При помощи их он обосновал эффективную внутреннюю позицию против коммунизма»⁴⁹.

Таким образом, приход Гитлера к власти казался Штауффенбергу обусловленным прежде всего тактико-политическими, внешнеполитическими и психологическими факторами. Эти его наблюдения и рассуждения частично были весьма верны, но оставляли вне поля зрения социально-экономическую базу происходивших событий. Вопрос о классовом характере фашизма субъективно для Штауффенберга не существовал.

Однако известно, что у Штауффенберга вызывали отвращение различные внешние формы проявления нацистского режима. В 1934 г. он и его бамбергские друзья демонстративно покинули нацистский митинг, ибо оратор — Юлиус Штрейхер — разразился площадной бранью по адресу евреев и при этом, несмотря на присутствие девушек из нацистского Союза германских девушек, перешел на отвратительный сексуальный жаргон⁵⁰.

В той же плоскости рассказывает о своей встрече со Штауффенбергом бывший капитан Эрнст Хадерман: «Вместе со своим Кассельским полком я в период 1935—1938 гг. находился на стрельбах в Ордурфе. Однажды воскресным вечером мы сидели за рюмкой в саду перед офицерским казино — с нами был и граф Штауффенберг. Разговор зашел о греческом эросе, восхваляемом Платоном, и его «Симпозионе» и «Фандросе». Штауффенберг решился защищать этот эрос и даже превозносить его — в духе Платона и Стефана Георге, причем со столь великолепным знанием вопроса, что с ним согласились все образованные офицеры. Это был явный афронт порядкам и мероприятиям нацистского правительства. Я, будучи не только знатоком, но и поклонником Платона, поддержал его... Потом мы продолжали разговор уже вдвоем, беседуя весьма сдержанно и с почитанием о «мастере», то есть о Георге»⁵¹.

Еще больше усомнился Штауффенберг в моральной безупречности нацистского режима в связи с событиями «Хрустальной ночи» в ноябре 1938 г.*. Как свидетельствует один его знакомый, Штауффенберг резко осуждал эти террористические акты, «указывая

* Ночь 9 ноября 1938 г., когда по всей Германии были проведены массовые еврейские погромы.

на тот ущерб, который они нанесут нашему отечеству в глазах всего мира. В период после ноября 1938 г. Штауффенберг критиковал руководящих лиц и организации НСДАП, которые, учитывая их характер и поведение, были для него бельмом на глазу».

Критика Штауффенбергом руководящих лиц и злоупотреблений нацистской системы не являлась, однако, выражением прочного антифашистского мировоззрения. Он критиковал не систему, а частные явления, да и это делал лишь с позиции гуманистически мыслящего образованного человека, у которого все вульгарное и примитивное вызывало отвращение.

Несмотря на это, следует отметить, что частичное симпатизирование фашистской программе в первые после 1933 г. годы превратилось у Штауффенберга в 1938 г. в растущее разочарование, отрезвление и усиливающееся отмежевание. Мы можем поверить свидетельству Бертольда фон Штауффенберга в 1944 г., согласно которому он и Клаус пришли к мнению, что поначалу одобрявшиеся ими основные идеи национал-социализма «в процессе осуществления их режимом почти все были превращены в свою противоположность»⁵³. Клаус фон Штауффенберг начал осознавать, что действительность отнюдь не совпадает с лозунгами и обещаниями нацистских главарей. Однако это возникавшее понимание первоначально затуманивалось необходимостью — как считал Штауффенберг — выполнения солдатского долга.

Генштабистская подготовка и первое назначение

В 1934 г. Штауффенберг был вторично направлен в кавалерийское училище в Ганновере, где сдал экзамены по программе военного округа и получил диплом военного переводчика английского языка.

Окружные экзамены являлись одной из созданных в веймарской Германии форм замаскированного обучения офицеров службы генерального штаба, которое осуществлялось под наименованием «подготовка помощников командиров»⁵⁴. Эти экзамены должны были сдаваться офицерами каждого военного округа по истечении определенного срока службы и включали

примерно такие дисциплины, как тактика (до полкового масштаба), теория оружия и его материальная часть, иностранные языки (причем наряду с английским и французским особое предпочтение отдавалось русскому), история, математика и физика. Наиболее пригодные офицеры из числа выдержавших окружные экзамены предназначались для генштабистской подготовки в узком смысле слова, в то время как меньшая часть этой отобранной группы получала подготовку в области управления войсками в масштабах крупных частей и соединений.

До осени 1932 г. это обучение проходило под вывеской «подготовки помощников командиров» в военных округах и длилось свыше трех лет; при этом изучались задачи в рамках от полка до армии. 3 октября 1932 г. в берлинском районе Моабит в присутствии президента Германии фон Гинденбурга, начальника Управления сухопутных войск генерала фон Гаммерштейн-Экворда и начальника Общевоинского управления генерал-майора Адама была вновь открыта Военная академия, однако (поскольку по условиям Версальского договора это запрещалось) она возобновила свою деятельность под маскировочным названием «Берлинские офицерские курсы». Обучение ее первого выпуска длилось с 1932 до 1935 г.⁵⁵

В октябре 1935 г. наименование «Военная академия» было уже введено официально. Для молодых офицеров рейхсвера не составляло никакой тайны, что здесь шло хорошо продуманное и интенсивное обучение офицеров службы генерального штаба. Штауффенберг, способности которого значительно превышали средний уровень других офицеров, тоже пожелал стать генштабистом. Он выдержал необходимые для этого окружные экзамены с весьма хорошими оценками, причем ему позволили не держать экзамен по иностранному языку, а представить диплом о присвоении звания военного переводчика английского языка.

Как и раньше, Штауффенберг проявлял многообразные интересы: к истории, политике, литературе, философии, искусству. Играл на виолончели, бывал в концертах, вел активную светскую жизнь, встречаясь с друзьями и знакомыми. Но на первом плане у него

по-прежнему стояло выполнение своего военного долга в том смысле, как он его понимал. Он стремился всеми силами отвечать предъявлявшимся к нему требованиям. По свидетельству, относящемуся к вторичному пребыванию Штауффенберга в Ганновере, «его отличал дар совершенно непринужденного и сердечного товарища. Это было тем примечательнее, что все вокруг признавали его неординарные духовные способности. Любая беседа, в которой он принимал участие, приобретала благодаря ему более высокий уровень; особенно любил он оживленные споры, вспыхивавшие и разгоравшиеся благодаря его веселому и живому темпераменту. Штауффенберг все делал по-научному. Ему было мало простой информации, он докапывался до сути всех вещей. Во время обучения конному делу он поражал нас всех своими знаниями верховой езды и методами выездки лошадей»⁵⁶.

Командир эскадрона в служебной характеристике, относящейся к октябрю 1933 г., называл Штауффенберга человеком с «надежным и самостоятельным характером» и выделял его «незаурядное тактическое и техническое мастерство», подчеркивал его интерес к социальным, историческим и религиозным взаимосвязям явлений. Начальник Штауффенберга отмечал, однако, и некоторые «недостатки» в его поведении: «Сознавая свое военное мастерство и духовное превосходство, он порой склонен проявлять в отношении товарищей по службе высокомерие, выражающееся в легкой насмешке, но никогда не являющееся оскорбительным. Если бы не некоторая небрежность в выправке и одежде, внешний вид молодого офицера мог бы быть более бравым и энергичным»⁵⁷.

К своим подчиненным Штауффенберг относился по-товарищески, уважая человеческое достоинство. Когда однажды один офицер, тоже заботившийся о своих солдатах, назвал их своими «людишками», Штауффенберг сказал жене: «Видишь ли, тут есть разница — я зову их моими людьми!» Стремясь к тому, чтобы солдаты его минометного взвода умели вести огонь не только по таблицам, он давал им основы математических знаний. Один солдат даже сказал о нем: «У нашего господина обер-лейтенанта математи-

ка в крови»⁵⁸. По рассказу его вдовы, у Штауффенберга был «ярко выраженный педагогический талант». Арно фон Ленски (в 1933—1935 гг. адъютант начальника кавалерийского училища в Ганновере), которому довелось дважды встречаться с ним по делам службы, несмотря на кратковременность контакта, вынес впечатление, «что Штауффенберг принадлежал к числу тех офицеров, которые серьезно относились к своей профессии и по собственной инициативе пытались улучшить систему обучения»⁵⁹.

Определенные политические оговорки и сомнения, которые, как показано выше, время от времени возникали у Штауффенберга, не мешали ему выполнять свои военные задачи. Он все еще считал военную сферу особым миром, казавшимся ему резко отграниченным от мира политики.

В сентябре 1936 г. Штауффенберг совершил двухнедельную поездку в Англию на стипендию, предоставленную ему за хорошие результаты экзамена по военному переводу.

1 октября 1936 г. Штауффенберг в числе ста офицеров был направлен в Военную академию в Берлине для прохождения курса обучения офицера службы генерального штаба. 1 января 1937 г. он получил повышение в чине — произведен в ротмистры. Ввиду большой потребности в офицерах службы генерального штаба срок обучения был ограничен двумя годами, и, таким образом, летом 1938 г. Штауффенберг уже покинул стены академии.

Курсы в Военной академии подразделялись на «аудитории» примерно по 20 офицеров в каждой. Среди слушателей группы, к которой принадлежал Штауффенберг, были, в частности, Альбрехт Риттер Мерц фон Квирнгейм и Эберхард Финк; с ними у него вскоре установилась тесная дружба. Благодаря своим способностям Штауффенберг считался одним из сильнейших в аудитории. Товарищи в шутку звали его «новым Шлиффеном» или «достойным преемником Мольтке». Полковник Финк так характеризует Штауффенберга в то время: «Своими умственными способностями он превосходил всех остальных слушателей, а также

своим темпераментом и красноречием увлекал за собой весь курс»⁶⁰.

Многое свидетельствует о том, что Штауффенберг проявлял весьма живой интерес к проблемам экономической политики и к социальным проблемам. Он приветствовал проведенные после 1933 г. мероприятия нацистского правительства по ликвидации безработицы — разумеется, не понимая их закулисных причин и сути. Он видел в них первоначально прежде всего смягчение социальных противоречий, а это, по его мнению, в свою очередь должно было оказать положительное воздействие на военную мощь государства. Поэтому Штауффенберг, с другой стороны, с удивительным интересом следил за экономическим курсом Рузвельта, особенно за его антикризисными мерами. Будущий американский четырехзвездный генерал Ведемейер (тогда вольнослушатель германской Военной академии) сообщает о своих беседах со Штауффенбергом по экономической теории Кейнса. (Джон Мэйнард Кейнс был одним из видных теоретиков государственно-монополистического капитализма. Он утверждал, что империалистическое государство при помощи системы мер регулирования и манипулирования может исключить кризисы и обеспечить постоянную полную занятость населения.) Далее, Штауффенберг усматривал причины первой мировой войны в экономических противоречиях между Германией и Англией⁶¹.

Эти свидетельства в принципе совпадают с тем, что нам известно о взглядах Штауффенберга в 20-е годы. Его явно тревожило, что общество, в котором он жил, сотрясали глубокие социальные противоречия. Он желал устранения этих противоречий, ибо видел в них огромную опасность для государства и народа. Поэтому Штауффенберг приветствовал все, что, как он считал, могло содействовать процессу интеграции народа. Такое «единство» народа и нации, само собой разумеется, являлось утопией, ибо в конечном счете требовало примирения непримиримого. По сути дела, его точка зрения означала одобрение всех мер государственно-монополистического регулирования, причем характер этой политики он ни в коей мере не осознавал.

В военной области Штауффенберг находился под сильным влиянием тогдашнего начальника германского генерального штаба генерала Бека, которого очень почитал.

Главным предметом изучения в Военной академии было тактическое искусство в масштабах дивизии и армии. Кроме того, изучалась военная история, материально-техническое обеспечение войск, военная экономика, а также применение специальных родов войск. Выпускники Военной академии первоначально использовались как начальники отделов 1а, 1b и 1с штаба дивизии*. Начальник отдела 1а являлся непосредственным помощником командира дивизии и отвечал за тактическое командование, 1b руководил материально-техническим снабжением, а 1с занимался оценкой «данных о противнике» и обязан был давать сводки о «положении противника».

Научные интересы Штауффенберга и его разносторонность проявились в двух работах, написанных им в Военной академии.

Одна из них — о войсковой кавалерии — не привлекла, однако, к себе особого внимания, вероятно потому, что в ней, несмотря на возросшее за это время значение моторизованных и танковых войск, возможности ее переоценивались. Однако Штауффенберг вовсе не выступал против военно-технических новшеств, что доказывается следующей выдержкой из его работы: «Под кавалерией в принципе следует понимать тот резерв Главного командования в руках полководца, почти исключительным средством подвижности которого еще несколько лет назад был конь. Тем не менее надо с самого начала считать, что кавалерия в последнее время уже отнюдь не связана полностью или частично с конем как средством подвижности, ибо автомобиль явно создает возможность еще более повысить ее оперативную маневренность»⁶².

Другая работа — «Отражение высадки вражеских парашютистов в глубоком тылу», написанная для конкурса, объявленного военно-теоретическим

* 1а — оперативный отдел, 1b — служба тыла, 1с — разведывательный отдел.

журналом «Виссен унд вер», — привлекла большое внимание военных специалистов. Автор получил первую премию в сумме 300 марок, а сама работа вскоре была распространена среди офицеров как информационный материал.

Интерес к вопросам использования парашютно-десантных войск был в то время весьма велик. Этому не в последнюю очередь способствовал советский опыт в данной области, а особенно проведенные в Советском Союзе в 1936 г. маневры, в ходе которых было опробовано применение парашютно-десантных войск.

28 апреля 1938 г. Штауффенберг сделал доклад на эту тему на заседании, устроенном Немецким обществом военной политики и военной науки и Обществом авиационных исследований имени Лилиенталя. Затем доклад был опубликован в виде статьи в журнале «Виссен унд вер»⁶³. Штауффенберг проводил различие между «парашютно-десантными войсками», имевшими задачу дезорганизовать жизнь во вражеском тылу, и «парашютно-десантными боевыми частями», предназначенными для более крупных военных действий, а также анализировал возможности применения этих войск и обороны против них.

Статья примечательна и по другим причинам. В противовес империалистическим германским теоретикам блицкрига, сделавшим ставку, в частности, на решающее для исхода войны значение отдельных родов войск, Штауффенберг подчеркивал зависимость каждого в отдельности боевого средства от совокупности всех материальных и духовных факторов военного дела. Он писал: «Объем и характер применения и действия *каждого* боевого средства в первую очередь зависит от его положения внутри системы *всех* средств ведения войны и зависит от развивающегося военного искусства. Иначе говоря, каждое отдельное явление войны может рассматриваться и правильно оцениваться только в рамках войны как целого»⁶⁴.

В своих рассуждениях Штауффенберг исходил из оборонительного для Германии характера предполагаемой войны. Его соображения диктовались предположением, что Германия подвергнется нападению

извне и должна будет защищаться. В статье не содержалось никаких указаний относительно наступательного применения парашютно-десантных войск.

Примечательна в статье Штауффенберга и трезвая оценка будущей войны. В то время, когда нацисты похвалялись военной мощью, когда Геринг заявлял, что пусть его назовут Мейером, если германскую границу перелетит хоть один вражеский самолет, молодой ротмистр фон Штауффенберг писал:

«В последнее время вся государственная территория или глубокий тыл ведущей войну державы стали базой военных операций. Нет ни одной отрасли народной жизни, которая не оказалась бы прямо или косвенно втянутой в процесс войны... Однако более или менее верная оценка нами угрозы действий парашютно-десантных войск для тыла в рамках современной войны будет возможна лишь при условии, что мы будем видеть всю совокупность тех опасностей, которых приходится ожидать ныне: блокирование путей подвоза сырья и продовольствия и возникновение вследствие этого продовольственных затруднений, а особенно бомбардировки, от которых при войне на несколько фронтов страны нашего масштаба не могут более быть в безопасности ни в какой своей части. События в Испании и Китае, о которых первая мировая война дала нам только самое первичное представление, достаточно ясно показывают, что предстоит пережить тылу в результате налетов вражеской авиации даже при максимальном удалении от района военных действий».

Эти предостережения молодого офицера, вытекавшие из трезвого анализа, были оставлены без внимания. Ныне не требуется никаких особых доказательств того, насколько практика второй мировой войны подтвердила их.

И наконец, заслуживает внимания деловая констатация, что в своих соображениях автор почти полностью опирается на статьи и сообщения из Советского Союза. Штауффенберг в трех местах упоминает Советский Союз и Красную Армию, причем деловой характер его высказываний противоречил обязательным тогда антисоветским выпадам.

Штауффенберг показывает себя в своей статье квалифицированным военным специалистом, обладающим острым пониманием военных реальностей и отвергающим авантюризм. В это время он еще не верит в наличие у фашистской политики агрессивных целей, а считает, что его долг офицера — защищать родину от нападения. Однако высказывания Штауффенберга совершенно ясно говорят, что он не желает войны, ибо предвидит, что современная война принесет и тылу, то есть народным массам, тяжелые потери и опустошения.

Находясь в Берлине, Штауффенберг подружился со специалистом по германской истории д-ром Рудольфом Фарнером, работавшим тогда над биографией Гнейзенау. Она вызвала у Штауффенберга интерес, естественно, не только к его великому предку, но и прежде всего к выдающемуся военному деятелю, который стремился также и к политическому обновлению. В последующие годы Штауффенберг уделял работам Гнейзенау большое внимание.

По окончании Военной академии летом 1938 г. Штауффенберг стал начальником отдела Ib штаба 1-й легкой дивизии, дислоцировавшейся в Вуппертале. Командовал ею генерал-лейтенант Гёпнер. Тогдашние «легкие дивизии» (то есть дивизии сокращенного состава. — *Перев.*) создавались с 1935 г. в ходе быстрого увеличения численности соединений вооруженных сил и представляли собой компромисс между требованиями всесторонней моторизации и развития танковых войск, с одной стороны, и не соответствовавшими этим требованиям возможностями — с другой. В то время, как танковая дивизия насчитывала около 400 бронеединиц, легкие дивизии имели их всего немногим более 200, в том числе свыше 100 броневигов. Осенью 1939 г. они были преобразованы в танковые дивизии, причем часть из них получила на вооружение захваченные чешские танки.

На пути осуществления своих планов завоевания мирового господства германский империализм предусматривал прежде всего подчинение себе Центральной Европы. В марте 1938 г. он аннексировал Австрию. Принявшие на себя ответственность за ее защиту за-

падные державы не предприняли ни единого шага, чтобы воспрепятствовать этой аннексии.

Летом и осенью 1938 г. фашистская Германия под предлогом помощи немецкому меньшинству, которому якобы угрожали чехи, готовила военное нападение на Чехословакию. В то время еще имелась возможность посредством совместных с Советским Союзом действий Англии, Франции и ЧСР обуздать фашистских агрессоров. Такая позиция в отношении германского правительства, несомненно, способствовала бы росту антифашистского Сопротивления в Германии и создала бы благоприятные условия для свержения нацистского режима. Однако западные державы отклонили совместные с Советским Союзом действия и вымогательским Мюнхенским соглашением фактически выдали ЧСР на произвол агрессора. На основании этого соглашения германские войска в начале октября 1938 г. заняли экономически весьма важные пограничные области Богемии (Чехии. — *Перев.*) и Моравии с населением, говорившим на немецком языке.

Вместе с 1-й легкой дивизией Штауффенберг принял участие в оккупации Судетской области. В качестве офицера службы тыла он, в частности, был обязан обеспечивать дальнейшее функционирование сельскохозяйственного и промышленного производства на захваченной территории. Рассказывают, что Штауффенберг резко возмущался тем, что немецкие офицеры и солдаты в огромном количестве скупали товары, которые вследствие мер по экономической подготовке к войне уже давно отсутствовали в самой Германии. 16 октября 1938 г. дивизия была отозвана в Германию.

После полного захвата Чехословакии в марте 1939 г. германский империализм направил свои дальнейшие агрессивные шаги против Польши, чтобы захватить и ограбить эту страну, а население ее превратить в рабочих рабов германских монополистов и крупных землевладельцев. Западные державы вновь уклонились от совместных с Советским Союзом действий по пресечению германской агрессии. Поскольку и польское правительство исключало союз с Советским Союзом, Польша стала легкой добычей герман-

ских фашистов. За три недели превосходящие силы нацистского вермахта разгромили польские войска и уничтожили польское государство. Для польского народа наступила страшная ночь оккупации, за время которой 6 миллионов человек были уничтожены, а миллионы других насильно угнаны в Германию на подневольный труд.

В сентябре 1939 г. Штауффенберг вместе со своей дивизией, преобразованной в 6-ю танковую, принял участие в польской кампании. Его организаторский талант, проявившийся в обеспечении своей части и в преодолении внезапно наступивших трудностей, был поставлен на службу войне. Он не желал войны, но он был офицер и верил в то, что обязан выполнять свой военный «долг». Более того, можно сказать, что военные действия порою вовлекали его в свой поток. Как сообщают, быстрые и успешные операции германского вермахта в Польше оказали на него большое влияние⁶⁵. Молниеносная военная победа произвела сильное впечатление на многих, и на Штауффенберга тоже.

Разногласия внутри господствующего класса

В 1939 г. Штауффенбергу стало известно, что внутри военного руководства существуют различные оценки положения и будущего хода развития. Однако пока эти явления никакого влияния на него лично не оказывали. Прошло еще некоторое время, прежде чем они, правда особым образом, втянули в свою сферу и его.

Установление фашистской диктатуры отнюдь не устранило существовавших еще в Веймарской республике разногласий внутри господствующего класса. Напротив, вновь возникшие экономические и политические трудности обострили конфликты между различными монополистическими группами, в политической руководящей верхушке, а также и в среде военного командования. Расхождения касались главным образом средств и методов укрепления фашистской диктатуры, темпов, центра тяжести и общей концепции вооружения, внешнеполитической тактики. Кроме того,

спор шел за наиболее влиятельные посты в системе государственно-монополистического капитализма⁶⁶.

Одна группа, представляемая министром хозяйства Шмиттом, желала преодолеть социальные и финансовые затруднения (например, в начале 1934 г. в стране все еще насчитывалось 4 миллиона безработных) путем некоторого сокращения бремени, ложась- гося на народные массы, и путем временного замедле- ния темпов вооружения. Против этой линии боролись представители тяжелой индустрии, группировавшиеся вокруг Тиссена и Круппа, командование рейхсвера во главе с Бломбергом и президент Рейхсбанка Шахт.

В военной области имелись разногласия насчет то- го, должна ли массовая армия создаваться на базе милиции или же в виде постоянного войска. Главари штурмовиков во главе с Ремом хотели милиционной системы, при которой формирования СА должны были бы служить ядром армии; сами же они претендовали в ней на высшие командные посты. Эти планы натолк- нулись на решительное сопротивление генералитета.

Во внешнеполитической области споры шли вокруг того, следует ли преодолеть сопротивление Франции германскому вооружению путем достижения некоего рода «взаимопонимания» или же ее надо «переиграть» с помощью США и Англии. За «взаимопонимание» выступали Шлейхер и Рем, между тем как командова- ние рейхсвера, Шахт, Тиссен и Геринг отстаивали вто- рое решение.

Еще более обострились разногласия в результате борьбы различных клик в нацистском руководстве, а также ввиду смертельного заболевания Гинденбурга весной 1934 г., что поставило на повестку дня вопрос о его преемнике.

Разногласия временно прекратились в связи с убийством 30 июня 1934 г. Гитлером Рема и других фюреров СА, а также генералов фон Шлейхера, фон Бредова и других неугодных представителей буржу- азно-консервативной оппозиции (в общей сложности — свыше 1000 человек). Верх одержали те силы, «кото- рые желали еще более усилить безудержный террор и ускорить вооружение»⁶⁷. Господствующие позиции рурских монополий тяжелой промышленности и груп-

пы Шахта, назначенного на пост имперского министра экономики, укрепились. Лишив силы СА, в лице которых военщина видела своего опасного конкурента, нацистским главарям удалось преодолеть разногласия с командованием рейхсвера и достигнуть единства с ним на базе быстрой и не останавливающейся ни перед чем подготовки войны. «Избавившееся от конкуренции СА командование рейхсвера чувствовало себя подлинным победителем 30 июня»⁶⁸. Оно позволило Гитлеру после смерти Гинденбурга 2 августа 1934 г. занять также пост президента Германии и в качестве «фюрера и рейхсканцлера» стать верховным главнокомандующим вермахта.

Однако разногласия среди господствующего класса были преодолены лишь на время. Вследствие экономических трудностей в 1937—1938 гг. вновь возникли споры по вопросам стратегии и тактики вооружения и внешней политики. Группа Шахта, Фрица Тиссена и других, учитывая нехватку сырья и валюты, хотела временно дать приоритет экспорту и получить иностранные займы, прежде всего от США, чтобы тем самым создать солидную основу для дальнейшего вооружения. Она отнюдь не была против фашистских захватнических планов, а лишь хотела лучше обеспечить их в военно-экономическом отношении и посредством сотрудничества с западными державами, направленного против Советского Союза, избежать опасности для Германии войны на два фронта. Сторонником нового передела мира путем достижения взаимопонимания с западными державами являлся и бывший имперский комиссар по вопросам цен д-р Карл Гёрделер.

Против этого выступала группа «четырёхлетнего плана», к которой принадлежали «ИГ Фарбен», электроконцерны, Флик, Крупп и Маннесман. Она была политически ведущей и считала, что, опираясь на «четырёхлетний план», можно и дальше поддерживать усиленный темп вооружения. Она желала таким образом как можно скорее начать осуществление плана военных захватов, пусть даже это грозит опасностью войны на два фронта.

В результате разногласий в ноябре 1937 г. вместо Шахта министром экономики стал Вальтер Функ —

доверенный человек Геринга. Министр иностранных дел барон фон Нейрат, сторонник сотрудничества с западными державами, был заменен закоренелым нацистом Иоахимом Риббентропом, выступавшим за союз с Италией и Японией против Советского Союза, а также против западных держав.

Тем самым в развитии фашистской Германии начался тот этап, «на котором германский империализм перешел к осуществлению своих преступных планов, к сознательному развязыванию войны и, таким образом, к вовлечению человечества во вторую мировую войну»⁶⁹.

Разногласия внутри крупной буржуазии и в руководящей политической верхушке Германии отражались и внутри военного руководства, ибо оно являлось частью общей системы империалистического господства. Однако свои особые черты эти разногласия приобрели еще и потому, что речь шла о специальных военно-теоретических вопросах во взаимосвязи с подготовкой новой войны⁷⁰.

Как уже говорилось, германский генералитет энергично содействовал установлению и упрочению фашистской диктатуры. Но все же среди части офицерского корпуса наблюдалось определенное недовольство, имевшее различные причины.

Первая из них заключалась в том, что место отстраненных от власти 30 июня 1934 г. СА вскоре занял новый конкурент генералитета, пользовавшийся особым покровительством нацистских главарей, — СС.

Другая причина проистекала из того, что закосневший в традициях офицерский корпус с беспокойством относился к предпочтению, отдаваемому определенным видам вооруженных сил и родам войск, был недоволен, что в результате происходило усиленное внедрение в его ряды заведомо нацистских кадров. В сухопутных силах с их традиционными родами войск — пехотой, кавалерией, артиллерией и инженерно-саперными частями, — а также в военно-морском флоте были наиболее сильны консерватизм и традиции, восходившие еще ко временам кайзеровской армии и флота — этих «железных столпов» рейха.

Важные изменения в личном составе офицерского корпуса и в его общественном престиже наступили тогда, когда создание новых видов вооруженных сил и родов войск стало вестись совершенно открыто. Таковы были танковые войска, подводный флот и военная авиация, причем последняя даже получила ранг третьей составной части вермахта, то есть самостоятельного вида вооруженных сил. В то время как в прежних видах вооруженных сил и родах войск среди офицерства еще преобладал консервативный, большей частью аристократический элемент, офицерский корпус этих новых, быстро развивавшихся видов и родов войск в преобладающей мере состоял из более молодых офицеров, находившихся под влиянием фашистской идеологии. Тот факт, что новые виды вооруженных сил и рода войск особенно поощрялись нацистскими главарями (это прежде всего относилось к возглавлявшейся Герингом люфтваффе), вел к известным противоречиям внутри офицерского корпуса; старая военная каста опасалась, что лишится своего привилегированного общественного положения. Во время войны аналогичная ситуация возникла в отношении войск СС, которые в качестве военно-политического войска-элиты пользовались особым благорасположением нацистских главарей.

И наконец, среди военного руководства существовали разноречивые мнения в пользу и против возможной войны на два фронта, насчет перспектив блицкрига и относительно некоторых оперативно-тактических вопросов, например применения танков и самолетов.

Западногерманские историки основывают на этих расхождениях свое утверждение о «сопротивлении» генералов. В действительности же то был лишь спор относительно наилучших средств и методов достижения цели — завоевания и обеспечения господства Германии в Европе.

Первая вспышка разногласий между Гитлером и некоторыми представителями военного руководства произошла в 1936 г. в связи с занятием демилитаризованной Рейнской зоны. Генералы фон Бломберг, фон Фрич и Бек не выступали принципиально против этого шага, но боялись военной контракции Франции

и Англии, отразить которую Германия еще не смогла бы, ибо из 36 дивизий, о формировании которых было объявлено в 1935 г., даже в октябре 1936 г. имелось всего 28. В значительной мере позицию генералов определял порожденный опытом первой мировой войны страх перед войной на два фронта, поскольку с 1935 г. был в силе пакт о взаимопомощи Франции с Советским Союзом и Чехословакией. В этом отношении возражения военных совпадали с теми, которые выдвигались несколько позже, в частности и Шахтом. Имперский военный министр фон Бломберг и начальник генерального штаба Бек изложили свои сомнения Гитлеру, который отверг их, но в конце концов пошел лишь на одну уступку: в случае военных действий противной стороны он даст германским войскам приказ отступить обратно за Рейн. Гитлер сделал ставку на проводившуюся западными державами антисоветскую политику уступок Германии и возымел успех. «Оппоненты» замолкли.

5 ноября 1937 г. Гитлер развернул перед имперским военным министром генерал-фельдмаршалом фон Бломбергом, главнокомандующим сухопутных войск генерал-полковником бароном фон Фричем, главнокомандующим военно-морским флотом генерал-адмиралом Редером, главнокомандующим военно-воздушными силами генерал-полковником Герингом и имперским министром иностранных дел бароном фон Нейратом свой план. План гласил: «Германский вопрос» — это вопрос «нехватки пространства», который должен быть решен путем «расширения пространства», для чего необходимо «сломить сопротивление и пойти на риск». «Для решения германского вопроса есть только один путь, — путь насилия, а он никогда не может быть лишенным риска», — говорится в протоколе о выступлении Гитлера⁷¹. Военные руководители Германии согласились с планом задуманного преступления. В дальнейшем они высказывали некоторые опасения насчет недостаточной степени вооружения Германии, опасности войны на два фронта, силы французской армии и чехословацких укреплений. В беседе между Нейратом, Фричем и Бекком 7 ноября было констатировано, что, начиная

войну, надо иметь минимум 51 процент шансов на успех, но этого 51 процента в наличии нет. Однако Гитлер наотрез отверг эти опасения, высказанные ему Фричем и Нейратом.

Генералы поддерживали фашистскую политику войны всем своим профессиональным умением и знанием. Уже 24 июня 1937 г. Бломберг дал директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне. В этой директиве говорилось, что, хотя Германия не ожидает какого-либо нападения на нее иностранной державы, вермахт должен находиться в состоянии военной готовности с тем, «чтобы смочь использовать в военном отношении любые предоставляющиеся политически благоприятные возможности»⁷².

Хотя в принципе военные руководители одобряли политику нацистов, группа Гитлера — Геринга в согласии со всеми поборниками идеи скорого блицкрига решила избавиться от нескольких генералов, колебания, сомнения и некоторые военно-теоретические воззрения которых могли помешать немедленному осуществлению планов военной агрессии.

В январе 1938 г. Бломберг и Фрич (первый — под предлогом скандальной женитьбы, а второй — гомосексуализма) были смещены со своих постов. Хотя обвинение, выдвинутое против Фрича, и оказалось ложным, восстановлен в своей должности он не был. Одновременно было снято или переведено на другие должности довольно большое число генералов.

В связи с произведенными изменениями в феврале 1938 г. была предпринята также реорганизация руководства вермахта. Вместо имперского военного министерства было учреждено Верховное главнокомандование вооруженных сил (ОКВ), выполнявшее, однако, лишь функцию рабочего штаба верховного главнокомандующего Гитлера. Гитлеру непосредственно подчинялись главнокомандующие сухопутных войск, военно-морского флота и авиации. Место Фрича занял генерал-полковник Вальтер фон Браухич. Начальником ОКВ был назначен известный своей преданностью Гитлеру генерал Кейтель. Под руководством нового командования отныне началось осуществление той захватнической политики, первыми шагами кото-

рой явились аннексия Австрии и подготовка нападения на Чехословакию.

Летом 1938 г. вследствие форсированной подготовки войны усилились экономические трудности Германии. Грозил опасность инфляции. Некоторые руководящие политики и военные во главе с Людвигом Бек и Карлом Гёрделером считали вооружение и военную экономику Германии недостаточно мощными для того, чтобы выдержать длительную войну на два фронта. За время с сентября 1937 по февраль 1939 г. германская промышленность не смогла выполнить 41,4% военных заказов ввиду нехватки сырья и производственных мощностей.

Людвиг Бек (род. в 1880 г.) происходил из Рейн-Гессена и уже в первой мировой войне участвовал в качестве офицера службы генерального штаба. 1 октября 1933 г. он стал начальником управления сухопутных войск, 1 июля 1935 г. — начальником генерального штаба сухопутных войск, а 1 октября 1935 г. был произведен в чин генерала артиллерии. Первоначально Бек был вполне готов сотрудничать с национал-социалистами: ведь еще в 1930 г., будучи командиром полка, он взял под защиту лейтенантов Людина и Шерингера, обвинявшихся в национал-социалистских происках в армии. В 1938 г. в нескольких меморандумах и докладах Браухичу Бек заявил, что хотя и выступает за «большее жизненное пространство» Германии в Европе и заморских владениях, а также за ликвидацию «Чехии» как «очага опасности», однако считает, что на пути достижения этой цели в настоящее время стоят слишком крупные препятствия. Таковы военная коалиция Чехословакии с Францией, Англией и США, возникновения которой следует ожидать; незавершенность формирования и вооружения вермахта; опасность с воздуха; «низкий уровень финансового, продовольственного и сырьевого положения» Германии⁷³.

В памятной записке Браухичу от 16 июля 1938 г. Бек писал, что, если Франция и Англия вступят в войну, для них «речь пойдет о войне с Германией не на жизнь, а на смерть». В заключение он приходит к выводу: «На основе изложенных мною ранее

соображений считаю себя сегодня обязанным... высказать настоятельную просьбу побудить верховного главнокомандующего приостановить проводимые по его приказу военные приготовления и отложить намерение насильственно решить чешский вопрос до тех пор, пока военные предпосылки для этого не изменятся коренным образом. В настоящее время я считаю их бесперспективными...»⁷⁴

Таким образом, Бек, не будучи принципиально против аннексии чехословацкой территории, предлагал Браухичу, чтобы высшие военные руководители потребовали от Гитлера прекращения военных приготовлений; в случае отказа они должны коллективно заявить о своей отставке. Послушный Гитлеру Браухич, которому предостережения Бека и без того пришлось не по вкусу, поскольку вынуждали его к самостоятельному решению, отклонил эти требования. Бек сделал из этого вывод и в августе 1938 г. подал в отставку, которая была принята Гитлером с одновременным производством его 31 октября 1938 г. в генерал-полковники. Тем, что он не ограничился выражением своих опасений в не обязывающей его форме и не остановился и перед выводами, касавшимися его личной судьбы, Бек отличался от других «оппозиционных» элементов в офицерском корпусе, которые и не помышляли всерьез о каких-либо действиях против Гитлера.

Вокруг Бека образовалась группа офицеров, оппозиционная позиция которых была, однако, гораздо менее определенно выраженной. К этой группе принадлежал и начальник Военно-экономического управления ОКВ генерал Томас, который в 1939 г. в одной памятной записке писал, что нападение Германии на Польшу будет иметь своим следствием мировую войну, выдержать которую Германия в материально-техническом отношении, однако, не сможет. Томас особенно предостерегал от войны против Советского Союза, указывая на его гигантский экономический и военный потенциал. Весьма решительную личную позицию против нацистского руководства занял бывший начальник Управления сухопутных войск генерал-полковник фон Гаммерштейн-Экворт. В ноябре 1933 г.

он заявил одному своему знакомому, что не желает участвовать в войне против русских. Когда в 1939 г. война началась, он говорил своим друзьям, что Германия должна ее проиграть, ибо только так она сможет избавиться от нацистов⁷⁵. Однако Гаммерштейн умер уже в апреле 1943 г.

Все эти офицеры как в Веймарской республике, так большей частью и в фашистской Германии более или менее активно участвовали в вооружении и военных приготовлениях. Однако, будучи военными специалистами, они понимали, каково соотношение сил. Когда из авантюристической политики нацистских главарей выросла опасность для германского милитаризма, а тем самым и для основы их личного существования, они стали высказывать свои опасения и взвешивать планы государственного переворота, отнюдь не желая при этом коренного изменения империалистического строя.

В 1938—1940 гг. группа офицерства вокруг Бека неоднократно обсуждала планы государственного переворота и устранения Гитлера. Различными путями, в том числе и через церковные круги, предпринимались попытки установить контакт с английским правительством, чтобы после устранения Гитлера заключить мир с Англией. Однако все эти планы не были принципиально направлены против фашистского режима. Они имели целью ликвидировать лишь некоторые его крайности и прежде всего посредством своевременного заключения мира не допустить военного поражения Германии, которое компетентные в своем деле военные считали неизбежным. Но поскольку фашисты первоначально смогли записать в свой актив значительные внешнеполитические и военные успехи (Мюнхенское соглашение, военные победы в Польше, Норвегии и Франции), планы государственного переворота каждый раз клались под сукно. К тому же Гитлер не скупился ни на повышения в чине, ни на ордена. Только в один день 19 июля 1940 г. после победы в Норвегии и на Западе Гитлер присвоил чин генерал-фельдмаршала 12 генералам, в том числе фон Браухичу, фон Клюге, фон Вицлебену, фон Рейхенау, Кейтелю, а еще восемнадцати (среди них

Гальдеру, Гудериану, Гёпнеру и Фромму) — генерал-полковника. Никто из произведенных и награжденных до поры до времени больше и не думал ни о каком государственном перевороте.

Один бывший офицер из тогдашнего близкого окружения Вицлебена, позднее ставший генералом Мартин Латтман сообщает, что в период с октября 1939 по июнь 1940 г. тот «совершенно открыто высказывался против Гитлера», поскольку считал ошибочным его «сближение с Россией» (имеется в виду пакт 1939 г. о ненападении между Германией и Советским Союзом. — *Перев.*). Когда однажды Латтман при случае сказал, что «попал в поистине реакционное общество», ему ответили, «что это не так уж плохо — теперь дело в том, чтобы выиграть войну и против Англии»⁷⁶. Это еще раз подтверждает, что в период крупных военных побед Гитлера генералы — за исключением Бека и Гаммерштейна — и не помышляли всерьез противостоять ему⁷⁷.

Аналогичной была и позиция критиков из гражданской сферы, группировавшихся вокруг Гёрделера. И здесь тоже речь шла лишь о разногласиях внутри правящего класса по вопросу о наилучшем пути и о наилучших методах достижения реакционных классовых целей.

Карл Гёрделер (род. в 1884 г.) после получения юридического образования подвизался в области экономики и административного управления⁷⁸. В 1918 г. он в чине капитана служил начальником Финансового управления германских оккупационных властей в Литве и Белоруссии. Затем, в 1919 г., являлся политическим посредником в штабе XVII армейского корпуса в Данциге, которым командовал генерал фон Белов.

В Данциге Гёрделер принадлежал к числу крайних антипольских элементов. При помощи кровавой провокации он хотел развязать войну, которая должна была бы привести к военному разгрому Польши⁷⁹. Чтобы обеспечить спокойный тыл для этой войны, он требовал арестовать руководителей рабочего класса. Такая позиция обеспечила ему прием в члены Немецкой национальной партии, — партии тяжелой ин-

дустрии и остэльбского крупного землевладения. К данцигским временам относится и возникновение его дружбы с майором Зигфридом Вагнером, ставшим позже фюрером «Стального шлема» и одновременно председателем реваншистского антипольского «Остмаркенфрейна». Впоследствии Вагнер⁸⁰ в качестве полковника, служившего в ОКВ, тоже принял участие в заговоре 20 июля 1944 г.

После многолетней деятельности в Кёнигсберге (Восточная Пруссия) Гёрделер в 1930 г. был избран обер-бургомистром Лейпцига. По описанию Г. Риттера, он особенно заботился о наведении экономии в городском бюджете, о строгом сбалансировании доходов и расходов прежде всего за счет трудящихся. «Больше работать без повышения заработной платы, то есть производить более дешевые товары без уменьшения покупательной способности каждого отдельного рабочего, — такова была суть его предложений», — пишет Г. Риттер⁸¹.

В 1931 г. Гинденбург назначил Гёрделера имперским комиссаром по вопросам цен. Когда в 1932 г. Брюнинг подал в отставку с поста рейхсканцлера, он рекомендовал в качестве своего преемника Гёрделера; однако кандидатура эта провалилась из-за противодействия с разных сторон, особенно со стороны Шлейхера.

Гёрделер приветствовал ликвидацию парламентской демократии и требовал установления чрезвычайной диктатуры. Г. Риттер признает: «Никакого сомнения: и он тоже в своем рвении преодолеть огромный экономический кризис вел опасную игру с конституционным правом. Он тоже внес свою явно заметную долю в тот ход развития, который привел от брюнингских чрезвычайных распоряжений через кабинет Папена к Закону о полномочиях Гитлера от 24 марта 1933 г.»⁸².

Гёрделер признавал, что «в первые годы после 1933 г. сотрудничал с НСДАП на основе полного взаимного доверия»⁸³. В 1934 г. Гитлер попросил Гёрделера остаться на посту имперского комиссара по вопросам цен до 1935 г. и даже предоставил в его распоряжение свой личный самолет.

Постепенно Гёрделер вступил в противоречие с политикой нацистских главарей. Это как раз и было то время, когда он установил более тесные отношения с генералом Беком. Гёрделер выступал против некоторых мер государственно-монополистического управления и регулирования со стороны фашистского государства и требовал большей свободы для отдельного предпринимателя. Таким образом, он был и противником «четырёхлетнего плана». Гёрделер боялся, что мероприятия нацистов приведут к экономическому упадку, а тем самым — к убыткам для монополистической буржуазии. В 1937 г. он сложил с себя обязанности обер-бургомистра Лейпцига. Формальное обоснование гласило, что он не согласен со сношением стоявшего в Лейпциге перед «Гевандхаузом» памятника композитору Мендельсону.

Еще осенью 1935 г. Гёрделер получил от Густава Круппа фон Болен унд Гальбах предложение занять пост в дирекции концерна «Крупп АГ». Однако теперь Крупп от выполнения своего предложения воздержался, поскольку Гитлер поставил его в известность, что не желает видеть в руководстве крупновскими предприятиями человека с такими взглядами в области экономической политики, как у Гёрделера. Отказав Гёрделеру, Крупп предложил ему в качестве компенсации крупную сумму. В 1937 г. Гёрделер стал советником электроконцерна «Бош АГ» в Штутгарте. Роберт Бош и его друзья принадлежали к той группе, которая в принципе была согласна с вооружением и политикой экспансии, но с некоторой тревогой взирала в будущее, ибо, по ее мнению, политика руководящей группировки создает величайшие трудности для самих монополий.

У Гёрделера имелись хорошие связи и с Рёйшем, руководителем металлургического концерна «Гутехофнунгсхютте», и с Венцель-Тойченталем, одним из богатейших землевладельцев Германии. По поручению кружка Боша и Круппа Гёрделер на деньги из выплаченной ему в сумме 100 тысяч марок «компенсации» совершил в 1937—1939 гг. несколько продолжительных поездок за границу, чтобы прозондировать положение в различных странах, выяснить их пози-

цию в отношении Германии и установить контакты с зарубежными политиками и влиятельными людьми делового мира. Результатами этих поездок интересовался и Шахт. Но прежде всего Гёрделер докладывал об их итогах Герингу, который поручил ему после каждой поездки лично информировать его об отношении отдельных стран к Германии.

Первая поездка привела Гёрделера в 1937 г. в Бельгию, Голландию, Францию и США. Во время второй поездки, предпринятой в начале 1938 г., он посетил Швейцарию, Италию, Югославию, Румынию и Болгарию. Весной 1939 г. он побывал во Франции и Алжире, летом 1939 г. — в Англии, Ливии, Египте, Палестине, Сирии, Турции и Швейцарии. После поездок он составлял отчеты, которые посылались Круппу, Бошу, Герингу и Шахту, а также генералам фон Фричу, Беку, Гальдеру и Томасу, с которыми Гёрделер тоже поддерживал связь. Первое время отчеты эти направлялись и в имперскую канцелярию.

В своих отчетах о поездках Гёрделер пытался давать нацистскому правительству рекомендации насчет проведения экспансионистской политики с минимальным риском, без угрозы военных осложнений. Весьма показательны в этом отношении его «Заключительные выводы о поездке в Северную Африку и Переднюю Азию», написанные 6 августа 1939 г.⁸⁴

Прежде всего Гёрделер предостерегает в этом документе от иллюзии, будто Германия может найти себе союзников среди арабских стран бассейна Средиземного моря. Он обосновывает это тем, что Италия сделала себя врагом арабских народов и что «золотая длань Англии гораздо длиннее, чем Германии». Гёрделер считает войну против Англии и Франции, к которым примкнут США, бесперспективной также потому, что Германия останется в одиночестве:

«В нашем распоряжении нет настоящих союзников. Япония — это не союзник, а страна, которая хладнокровно извлекает выгоду из положения в Европе и в случае победы беззастенчиво уничтожит и германские интересы в Восточной Азии. Какую ценность представляет собой итальянский союзник, видно из

моего отчета о поездке в Италию; по существу же, Германии пришлось бы рассчитывать только на свои собственные силы».

Далее Гёрделер рассматривает вопрос о том, что Англия и Франция неизбежно воспрепятствуют новым завоевательным шагам Германии. «Англия и Франция, после того как в Мюнхене они неожиданно для многих пошли на уступки, не смогут примириться с дальнейшей потерей своего престижа, ибо тогда их верность договорам считалась бы равной нулю, воля и сила их подверглись бы осмеянию, а их мировые империи оказались бы взорванными изнутри... Поэтому они, где бы и когда бы в Европе и в политически тяготеющих к ним районах ни были предприняты односторонние территориальные изменения, немедленно вступят в борьбу». Но это, считает Гёрделер, означало бы «большую войну». Германии пришлось бы вести ее фактически без союзников, западные державы блокировали бы Северное море; кроме того, у Германии нет больше валюты для оплаты импорта. Он приходит к выводу: «Согласно тому материалу, которым я располагаю, вступление Германии в большую войну недопустимо, потому что выиграть ее нельзя, а поэтому надо иметь в виду опасность заключения вновь ослабляющего нас мира».

Исходя из этой ситуации, Гёрделер рекомендует пока отказаться от войны и пытаться добиться нового передела мира мирными средствами. Он требует «поставить ясные вопросы и таким образом достоверно определить перспективу возможностей брать и давать мирным путем». По его мнению, необходимо добиться следующего: «Нам должны быть предоставлены на Востоке границы 1914 г., колонии, золото, доступ к сырью». Он настаивает на быстрых действиях, ибо, «как только пределы наших экономических возможностей ведения войны будут распознаны западными державами и их союзниками, может оказаться слишком поздно». Таким образом, Гёрделер считал, что в то время соотношение сил могло измениться в ущерб Германии.

Гёрделер выступал, следовательно, в августе 1939 г. не только просто в качестве поверенного гер-

манского финансового капитала, но и как внешнеполитический советник Гитлера, Геринга и Риббентропа. Он советовал им довольствоваться «ограниченной» программой экспансии. Все различие между концепцией Гёрделера и концепцией нацистов состояло только в том, что он выступал за новый передел мира в пользу Германии за столом переговоров, между тем как те уже давно имели в виду путь войны. Предложенные Гёрделером захваты за столом переговоров, хотя и были умереннее, чем намеченные нацистами военные захваты, казались ему более безопасными, верными и прочными. Гёрделер отражал в этом случае точку зрения Боша, Рёйша и других монополистов, которые считали, что открытая, безудержная политика может поставить под угрозу само существование германского империализма. Ход войны укрепил Гёрделера — несмотря на первоначальные победы Германии — в этой его позиции.

Основой воззрений Гёрделера служил антикоммунизм. В памятной записке от 1 июля 1940 г. он рисовал картину прозябающей под игом гитлеровского господства Европы, бедствующие народные массы которой представляли бы собой наилучшую питательную почву для «большевистских идей». Как и прежде, его критика нацистского правительства сочетается с рекомендациями и предложениями «как сделать лучше». Гёрделер не собирается устранять фашистский режим, он хочет лишь реформировать его, умерить «безмерность» захватнической политики, а не ликвидировать эту политику, «смягчить эксцессы» (преследование евреев, убийство военнопленных и гражданского населения в оккупированных странах), ибо это вредит престижу и кредиту Германии.

В конце 1940 — начале 1941 г. Гёрделер составил для своих политических друзей обширный меморандум «Цель»⁸⁵. В нем он детально изложил свои взгляды. Речь, как и прежде, идет о варианте реакционной и агрессивной стратегии германского империализма, целью которой являлось завоевание и обеспечение его мирового господства.

Во внешнеполитической части этого меморандума после нескольких геополитических формулировок

общего характера в первой же фразе говорилось: «Все совместно проживающие немцы подлежат включению в одно национальное государство; при этом будет отнюдь не ослаблением, а, наоборот, усилением немецкого престижа, если и вне подлежащих такому определению границ германского рейха будут проживать крупные немецкие контингенты»⁸⁶. Трудно обнаружить здесь какое-либо существенное различие с «Великогерманией» нацистов. Подчеркивание «крупных немецких контингентов» за пределами Германской империи, необходимых для «усиления немецкого престижа», напоминает ту ирредентистскую подрывную деятельность, при помощи которой фашисты готовили свои захватнические походы на Восток.

Второй внешнеполитический пункт касался военного вопроса: «Характер народа и центральное положение Германии в Европе в кругу других национальных государств принуждают германский рейх к сохранению достаточно сильного вермахта. Это внешнеполитически достижимо... Сохранение германского вермахта столь важно, что эта точка зрения должна выдвигаться на первый план в отношении момента и способа окончания данной войны. Вермахт необходим также и в качестве связующей внутривнутриполитической силы, и как школа воспитания народа...» Этот пункт тоже ничем не отличается от фашистских взглядов. Речь ни разу не заходит здесь о военной реформе или хотя бы о скромной демократизации военного дела. Выдвигалось лишь требование, «чтобы народнохозяйственное и политическое воспитание приобрело в генеральном штабе широкую основу» и чтобы «погоны традиционной формы и цвета снова стали исключительной привилегией офицера». Войска СС следовало не расформировать, а только включить в состав вермахта.

В третьем пункте обосновывается необходимость германского господства в Европе: «Развитие техники требует... большого хозяйственного пространства... Предназначенное для Германии большое хозяйственное пространство — это определено Европа. Однако, не говоря о том, что на ближайшие два десятилетия

ввиду отсталости России оно является недостаточным, было бы трусливым отказом не пожелать использовать нашу производственную мощь и в других частях мира... Центральное положение в Европе, численная сила населения и предельное напряжение производственной мощи гарантируют немецкому народу руководство европейским блоком, если только он сам не подорвет это руководство неумеренностью или властолюбивыми манерами. Говорить о немецком сверхчеловеке-господине глупо и самонадеянно... Руководства Европой достигнет та нация, которая как раз уважает малые нации и умеет руководить их судьбами мудрым советом и мудрой рукой, а не жестокой силой... Предпринимая же все возможное для того, чтобы сделать руководство незаметным, подчеркнуто давая внешнее преимущество другим, можно играючи вести европейские государства к общему благу». Война и политика силы поначалу разрушили эти возможности, говорится в меморандуме, но «не будет слишком смелым сказать, что при своевременно осуществленных действиях, то есть при прекращении войны ради создания разумной политической системы, федерация европейских государств под германским главенством станет через 10—15 лет фактом».

В отношении Советского Союза в меморандуме Гёрделера говорилось: «На Востоке никакое плодотворное экономическое и политическое сотрудничество с большевистской Россией развиваться не может... Весь опыт истории предостерегает нас от насильственного вмешательства. Оно может вызвать к жизни невиданные национальные силы. При всех условиях рекомендуется постоянный контакт с Англией, США, Китаем и Японией. Целью должно быть постепенное включение России в европейское объединение...»

Мы несколько обширнее процитировали эту часть меморандума, ибо в ней более отчетливо видно отличие концепции Гёрделера от открыто фашистской стратегии и тактики.

Общее в концепциях Гёрделера и нацистов — стремление к господству в Европе и обеспечению для германского империализма позиций мировой державы. Однако Гёрделер высказался против неприкрытой

политики насилия, против громогласного подчеркивания культа немца-сверхчеловека, против юридической и моральной дискриминации других народов, против «неумеренности» Германии. Он хочет господства германского империализма в лайковых перчатках — без гестапо и СС, с соблюдением формального равноправия подчиненных народов. Он не хочет больше постоянно слышать о том, что Германия — это избранная нация господ, он хочет «внешне», «подчеркнуто дать преимущество» малым нациям, чтобы те по возможности добровольно признали главенство германского финансового капитала. Гёрделер даже не хочет уничтожать «большевизм» в Советском Союзе военной силой, ибо это слишком рискованно, он хочет в союзе с другими империалистическими великими державами «вовлечь» СССР в «европейское объединение», а это может значить только одно: подвергнуть его шантажу, разложить изнутри, удушить извне. Но — это главное — Гёрделер желает господства германского империализма.

Таким образом, в концепции Гёрделера мы имеем дело с другим стратегически-тактическим вариантом, по сути своей, единой политики мирового господства германского империализма — вариантом, характеризующимся большой эластичностью и «гибкостью», перемещением направления основного удара, большим вуалированием действительных намерений, максимальным использованием невоенного пути, однако со все еще угрожающе стоящим на заднем плане «сохранением достаточно сильного вермахта». Такая тактика должна была парализовать сопротивление народов, усыпить его, вместо того чтобы активизировать, к чему в конечном счете вели действия нацистов.

Следующий пункт программы в комментариях не нуждается: «Полезно, чтобы германский рейх имел колонии. Компактную колониальную область в Африке следует в общем и целом предпочесть широко разбросанным колониальным владениям».

В пятом пункте Гёрделер требовал «возможно более свободного товарообмена со всеми частями мира».

Под конец Гёрделер вновь подтвердил свое выдвинутое еще до войны требование достижения мирной

договоренности с западными державами о переделе мира: «На основе пунктов 1—5 удастся достигнуть приемлемых соглашений с Британской империей, а также с Соединенными Штатами Северной Америки».

В области внутренней политики меморандум Гёрделера требовал весьма ограниченного восстановления буржуазных прав и свобод. Концентрационные лагеря ликвидации не подлежали; их лишь следовало передать вермахту, а заключенных отдать под суд. «Если они не подлежат уголовному наказанию, то об их дальнейшем содержании под стражей, поскольку оно необходимо для безопасности рейха во время войны, должен распорядиться имперский министр внутренних дел». Фактически это означало, что коммунисты и дальше должны были оставаться в заключении, ибо по смыслу закона они либо «подлежали уголовному наказанию», либо могли «содержаться под стражей».

В области экономики тоже должно было измениться немного: «Во всех отраслях хозяйства временно сохраняются существующие организации (группы). В настоящее время мы имеем имперское продовольственное сословие, крестьянских фюреров, хозяйственные группы, отраслевые группы, окружные группы, гильдии и т. д. Упрощение этой системы будет представлено самому хозяйству...» Избранию, а не, как прежде, назначению подлежат спустя некоторое время только руководители отдельных организаций.

«Германский трудовой фронт» следует преобразовать в организацию рабочих и служащих с сохранением и в дальнейшем принудительного членства в нем. Руководители должны избираться. Однако Гёрделер желал, чтобы председатель и заместитель утверждались государством. Восстановления профсоюзов программа Гёрделера не предусматривала.

В той части, которая касается экономической политики, содержалось следующее требование: «Общая экономическая политика государства должна быть, далее, направлена на то, чтобы как можно сильнее оттеснить картели, синдикаты, концерны, тресты и т. п. и вновь разукрупнить их на самостоятельные предприятия, чтобы дать простор отдельной творче-

ской личности и ее чувству ответственности». Это требование было явно рассчитано на поддержку со стороны немонополистической буржуазии. Однако, для того чтобы не было никаких «кривотолков», дальше указывалось: «Вредным является не всякое объединение (картель и т. п.). Если доказано, что объединение приносит в экономическом отношении большие доходы... его следует поставить под государственный контроль... Так же надо поступить с теми объединениями, которые необходимы для улучшения условий конкуренции германского хозяйства на мировом рынке». Таким образом, Гёрделер вновь показал себя представителем интересов монополий; он и в данном случае требовал лишь лучшей маскировки их господства, а также некоторого учета интересов немонополистической буржуазии. Система государственно-монополистического господства и регулирования должна была быть сохранена и «улучшена» в соответствии с его предложениями. В прежней социальной политике нацистов, по мнению Гёрделера, «изменить следовало немного». Предполагалось восстановить лишь самоуправление в системе социального страхования.

«Гитлеровская молодежь» («Гитлерюгенд») подлежала не роспуску, а преобразованию в «Государственную молодежь»; ее надо было поставить под руководство «опытного в вопросах воспитания генерала». В установках для «Государственной молодежи» говорилось: «Необходимо усиленно развивать уже в молодежи лишенное классовый принадлежности чувство народной общности. Естественной основой молодежной организации в не меньшей степени остается группа и школа. Призванным руководителем молодежи в группе является учитель гимнастики и спорта. В школе эту задачу следует доверить особенно пригодному к тому учителю — бывшему солдату. Сверстники должны объединяться и по округам. Для руководства следует привлечь офицеров, имеющих особое педагогическое дарование и специально обученных для этой цели».

Гёрделер полностью разделяет капиталистическую точку зрения о «необходимости» для прибыльной капиталистической экономики существования резервной

промышленной армии, то есть безработных. Он пишет: «Борьба с безработицей имеет для государства значение только в том случае, если та принимает особенно угнетающий масштаб. В небольшом же объеме она в крупном хозяйственном организме явление неизбежное. От ее последствий каждый человек в отдельности должен защищать себя сам путем своевременных сбережений или же — при необходимости — свободного страхования... Лишь в том случае, если число безработных превысит в Германии примерно 600 тысяч, безработица станет тем явлением, справиться с которым отдельному человеку находящимся в его распоряжении средствами будет не под силу». По этому поводу можно сказать, что даже нацисты не выражали своей антирабочей позиции столь открыто.

Гёрделер требовал отменить все законы, дававшие нацистской партии господствующее влияние на общественную жизнь. Однако саму нацистскую партию он распускать не собирался: «В остальном она продолжает существовать. Мнения должны будут выясниться и выяснятся вскоре сами собой». Таким образом, нацисты и после устранения Гитлера должны были сохранять возможность вести свою политическую деятельность.

Реакционный характер гёрделеровских планов особенно отчетливо проявился и в разделе о конституции. Активное и пассивное избирательное право он считал нужным предоставить соответственно с 24 и 28 лет. Прямые выборы депутатов должны иметь место только в общинах, а представительства районов, гау* и общеимперские подлежат ступенчатым выборам. Часть депутатов должна назначаться хозяйственными палатами. «Бургомистр, ландрат и глава гау связаны решениями собрания депутатов не во всех вопросах».

Высшее народное представительство должно состоять из двух палат — рейхстага и имперской сословной палаты. Возрастной ценз членов рейхстага — не

* Область, возглавлявшаяся нацистским партийным руководителем (гауляйтером).

менее 35 лет. Выборы должны проводиться наполовину представителями гау, наполовину — прямым путем. «Имперская сословная палата состоит из председателя и руководителей групп Имперской хозяйственной палаты, председателей всех остальных имперских палат (врачей, адвокатов, лиц творческих профессий и т. п.), равного числа ректоров высших учебных заведений, земельных предводителей и — числом до 30 — из тех лиц, которых глава государства за их деяния на благо немецкого народа назначает пожизненно». Рабочий класс, по планам Гёрделера, должен и впредь оставаться бесправным и не иметь никаких возможностей для действительного представительства своих интересов.

Во главе рейха должен стоять рейхсфюрер. «Рассмотрению подлежат: наследственный император, избираемый император, избираемый на определенный срок фюрер». Высказав некоторые соображения насчет монархии, Гёрделер пишет далее: «Итак, следует, руководствуясь холодным рассудком, отдать предпочтение монархическому главе государства. Остается открытым вопрос, должен ли он быть наследственным или же избираемым». Наследственная монархия казалась Гёрделеру «обремененной меньшим количеством источников ошибок». Рейхсфюрер должен являться верховным главнокомандующим вермахта и «носителем государственной власти в отношении чиновников». На переходный период Гёрделер рекомендовал назначение «имперского регента».

Изложенная Гёрделером в его меморандуме «Цель» программа во всех своих главных пунктах мало чем отличалась от фашистской политики. Гёрделер отстаивал агрессивную, антикоммунистическую и антидемократическую концепцию германского финансового капитала. Он хотел лишь внешне смягчить некоторые формы и методы империалистического господства, вызывавшие отвращение и приводившие к результатам, противоположным их цели. Никакой демократической альтернативы фашизму эта программа не выдвигала. Она даже означала шаг назад по сравнению с буржуазно-демократической Веймарской рес-

публикой. Не удивительно поэтому, что ныне Гёрделер поднимается в ФРГ на щит реакционными идеологами и историками в качестве образца «борца Соппротивления».

Высказывания Гёрделера натолкнулись на критику даже в его собственном лагере. Поэтому в следующем обширном меморандуме, озаглавленном позже «Путь», он попытался обосновать необходимость и правильность своих предложений, исходя из исторического развития Германии⁸⁷. В этом меморандуме Гёрделер подверг критике некоторые тактические недостатки политики империалистических германских правительств со времен Бисмарка, но в принципе заявил о своем согласии с этой политикой.

Взгляды Гёрделера в основном разделяла целая группа буржуазных политиков, частично происходивших из старых буржуазных партий и непосредственно связанных с крупной буржуазией. К числу наиболее известных из них принадлежали: Ульрих фон Хассель, приятель банкира Шнивинда, бывший член Немецкой национальной партии, с 1932 по 1938 г. — германский посол в Риме, противник союза с фашистской Италией, поскольку знал ее военную, экономическую и политическую слабость; профессор д-р Иоганнес Попиц, министр финансов Пруссии, который, однако, по некоторым вопросам не был согласен с Гёрделером; д-р Пауль Лежен-Юнг, деятель целлюлозной промышленности, бывший депутат рейхстага от партии немецких националистов; д-р Йозеф Вирмер, адвокат, бывший член католической партии Центра, технический сотрудник при генеральном уполномоченном по особым вопросам химического производства в III военном округе; Альбрехт Гаусгофер, профессор геополитики в Высшей политической школе (Берлин); д-р Карл Лангбен, адвокат, имевший связи с высшими фюрерами СС; д-р Эрвин Планк, сын знаменитого физика Макса Планка, статс-секретарь в отставке, до 1933 г. — личный референт рейхсканцлера Брюнинга, впоследствии — директор в правлении концерна Отто Вольфа; профессор Йенс Йессен, смещенный нацистами за критику поста директора Института мировой торговли и мор-

ского транспорта, с 1941 г. — капитан при штабе генерал-квартирмейстера; Цезарь фон Хофаккер, кузен Штауффенберга, руководящий сотрудник концерна «Ферайнигте штальверке».

Гёрделер стремился обеспечить массовую базу для своей будущей политической линии. Поэтому он установил связи с бывшими руководителями христианских профсоюзов, особенно с Якобом Кайзером, и с Максом Хаберманом — бывшим секретарем профсоюза торговых служащих, примыкавшего к Немецкой национальной партии. Далее, он вошел в контакт с бывшими правыми лидерами СДПГ и Всегерманского объединения профсоюзов (АДГБ), в том числе с Вильгельмом Лейшнером, Юлиусом Лебером, Теодором Хаубахом, Эмилем Хенком, Эрнстом фон Харнаком и другими. Однако под воздействием собственного опыта некоторые социал-демократические лидеры преодолели свои антикоммунистические предубеждения и впоследствии отмежевались от реакционной программы гёрделеровской группы.

Гёрделеровская концепция была принята к сведению представителями крупной буржуазии, но до поры до времени держалась ими в резерве. Несмотря на отдельные возражения, финансовый капитал пока продолжал делать ставку на фашистский режим, разбойничья политика которого в тот период удовлетворяла все желания крупной буржуазии.

Когда готовилось нападение на Советский Союз, в правящем классе Германии не поднялась ни одна рука, чтобы не допустить этого преступления. В этой связи особенно ясно проявилось, что по главным вопросам империалистической захватнической политики никаких принципиальных противоречий между «оппозицией» и нацистами не имелось. Ведь все монополисты были заинтересованы в том, чтобы «разжиться» за счет Востока. Ведущие представители военщины — такие, как Кейтель, фон Браухич, фон Клюге, фон Лееб, фон Бок, Гудериан и другие — не только задолго до 22 июня 1941 г. знали о существовании плана нападения на Советский Союз, но и сами готовили его со всей тщательностью и основательностью. Только Бек и Гаммерштейн осуждали его и говорили,

что он принесет поражение Германии во всей войне в целом⁸⁸.

Под влиянием поражения вермахта под Москвой зимой 1941/42 г., означавшего окончательный провал «блицкрига» против Советского Союза, вновь вспыхнули расхождения внутри правящего класса. Под воздействием тяжелых потерь и провала германского наступления на Восточном фронте в 1942 г., так и не достигшего своей стратегической цели, несмотря на временные успехи фашистских войск, дошедших до Кавказа и Волги, эти расхождения превратились в острые разногласия.

Среди военных возникло несколько оппозиционных групп, недовольных ходом боевых действий и ведением войны и искавших выхода из создавшегося положения⁸⁹.

Одна из этих групп образовалась в штабе главнокомандующего группой армий «Центр»; ее возглавлял Хеннинг фон Тресков, ставший позже генерал-майором. Преобладание оппозиционных элементов именно здесь было отнюдь не случайно: ведь как раз на центральном участке Восточного фронта вермахт зимой 1941/42 г. потерпел свое первое за всю войну тяжелое поражение. Офицерам и солдатам этой группы армий теперь стала особенно ясна разница между авантюризмом планов ОКВ и суровой действительностью.

Вторая группа существовала в штабе командующего армией резерва на Бендлерштрассе в Берлине. Во главе ее стоял генерал Фридрих Ольбрихт.

Третья группа возникла в генеральном штабе сухопутных войск в Цоссене. Ее руководящими деятелями были генерал Штифф, генерал-квартирмейстер Вагнер и генерал Линдеман.

В штабе командующего армией резерва достаточно хорошо знали воздействие хода войны на экономическое и военное положение Германии. Служившие там офицеры могли изо дня в день сопоставлять сухие цифры с ложью и пустыми фразами имперского министерства пропаганды. Постепенно они осознавали, что война проиграна. Поэтому не случайно, что именно здесь возникли активные оппозиционные группы.

Группа оппозиционно настроенных офицеров стала образовываться и в Париже, в штабе командующего германскими войсками во Франции. Возглавляли ее генерал фон Штюльпнагель и полковник Цезарь фон Хофаккер — двоюродный брат Штауффенберга.

Кроме того, отдельные оппозиционные офицеры имелись и в группе армий «Юг», и в органах военной администрации в Норвегии, в штабах военных округов Берлина и Вены, а также в отделе «Абвер-заграница» (военная разведка). Сотрудники секретной службы, особенно адмирал Канарис и генерал Остер, были информированы лучше других и весьма хорошо знали изменявшееся не в пользу гитлеровской Германии соотношение сил.

Оппозиционно настроенные офицеры либо непосредственно, либо через посредников поддерживали контакт с генерал-полковником в отставке Людвигом Бекон. Оставались связанными с Бекон также и после своей отставки генерал-фельдмаршал фон Вицлебен и генерал-полковник Гёпнер⁹⁰, в то время как другие уволенные Гитлером с действительной службы генералы (такие, как фон Браухич и Гальдер) держались пассивно.

Однако в целом оппозиция по своему количественному составу представляла собой крошечную группу. Основная масса офицерского корпуса, как и прежде, находилась под влиянием нацистской идеологии.

Политические взгляды оппозиционных офицеров были по своему уровню весьма различны. Наряду со старыми генералами Бекон и Гаммерштейном, еще с довоенных времен считавших фашистскую политику ошибочной, были и другие, более молодые офицеры, которые стали критически мыслить под воздействием тяжелых поражений. Преобладало мнение: для того чтобы выиграть войну или хотя бы привести ее к сносному исходу, Гитлер должен быть отстранен от командования.

На протяжении 1942 г. происходило сближение между гражданскими и военными руководителями оппозиции⁹¹. Гёрделер и его приверженцы стремились привлечь на свою сторону для выступления против Гитлера военных, занимавших высокие посты. В августе

1942 г. Гёрделер встретился в Кёнигсберге с командующим группой армий «Север» генерал-фельдмаршалом фон Кюхлером, затем в Смоленске — с командующим группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалом фон Клюге и начальником оперативного отдела его штаба (1а) генералом фон Тресковым. Клюге неоднократно критически высказывался о Гитлере, но на активные действия никак решиться не мог. Одновременно Гёрделер через своих шведских знакомых, банкиров Якоба и Маркуса Валленбергов, активизировал усилия для того, чтобы войти в контакт с английским правительством и получить от него определенные заверения на случай переворота в Германии. Целью гёрделеровской группы было достижение мира с западными державами, с тем чтобы получить возможность продолжать войну на Востоке для удержания в своих руках еще оставшейся добычи.

Поскольку было известно, что с Гитлером противники нацистской Германии переговоры вести не станут, на первый план все больше выдвигалась идея его отстранения от руководства. В то время как Гёрделер предавался мечтаниям о том, чтобы путем переговоров побудить Гитлера уйти в отставку, дабы по возможности избежать крушения всей системы власти германского империализма, у некоторых решительных офицеров, прежде всего у генералов Хеннинга фон Трескова и Фридриха Ольбрихта, зрел план устранить Гитлера, убив его.

Таким образом, постепенно оппозиция превратилась на протяжении 1942 г. — под воздействием военных поражений — в заговор, участники которого начали активно готовить переворот в Германии. Этот заговор, движущей силой которого являлись крупная буржуазия и военные, искал империалистического выхода из преследовавшей империалистические цели войны, рассчитывая при этом на поддержку со стороны западных держав.

После битвы на Волге в Германии назрел внутриполитический кризис.

Открыто проявилось противоречие между целями и возможностями германского империализма в военной, экономической и политической областях.

Начался процесс отрезвления и самого немецкого народа, усиливавшийся ожиданием поражения и страхом перед его последствиями, что ослабляло морально-политическое положение Германии.

Усилилась антифашистская борьба коммунистов и других сил, выступавших против фашизма. Благодаря созданию Национального комитета «Свободная Германия» возник под руководством КПГ национальный центр германского антифашистского Соппротивления⁹².

Правящие круги Германии искали выход из этого кризиса в организации «тотальной войны». «Тотальная война» была попыткой германского империализма при помощи как можно более далеко идущего совершенствования государственно-монополистического господства привести его потенциал в соответствие с его военными целями и целями войны и еще более усилить фашистский террористический режим для подавления народных масс»⁹³.

Основополагающую роль в этом играли монополии в союзе с военщиной, фашистским государственным аппаратом и органами нацистской партии, создававшие всеобъемлющую систему государственно-монополистического регулирования и подавления.

Однако перед лицом грозящей катастрофы заправила монополий стали активнее лавировать. Не ослабляя усилий по форсированному производству вооружения, они поддерживали как нацистскую клику, так и группу Гёрделера. Руководящие представители угольной, металлургической и электропромышленности — такие, как Герман Бюхер («АЭГ»), Карл Бош («ИГ Фарбен»), Роберт Бош («Бош АГ»), Герман Рёйш («Гютехофнунгсхютте»), Яльмар Шахт, Карл Фридрих фон Сименс (концерн Сименса), Альберт Фёглер («Ферайнигте штальверке»), Ганс Вальц («Бош АГ») ⁹⁴ — все больше ориентировались на Гёрделера, ибо верили в то, что найдут в его концепции приемлемый выход из того глубокого кризиса, который угрожал самому существованию монополистического капитала в Германии. Эта концепция казалась им своего рода «страховкой на будущее».

Под давлением военных поражений 1942—1943 гг. Гёрделеру пришлось отказаться от некоторых из сво-

их экспансионистских требований. Но в принципе он придерживался все той же линии, которая была намечена в меморандуме «Цель», о чем свидетельствует документ, разработанный им в конце лета или осенью 1943 г.⁹⁵ и призванный послужить основой договоренности с Англией и США после устранения Гитлера. Примерно на этой базе должен был совершиться переход от войны к миру.

Гёрделер исходил из того, что «Германия должна быть морально и материально сильной», что существует «противоположность интересов Англии и России», что «Европа нуждается в гарантии против русского превосходства в силах» и что поэтому «рационально» «осуществить естественную общность интересов Англии и Германии».

Преобладающую часть своей рукописи Гёрделер посвящает проблемам сотрудничества между германским и британским империализмом во имя антикоммунизма. Что же касается обновления Германии, то по этому вопросу Гёрделер заявляет лишь, что «закон и справедливость» должны быть восстановлены, а «преступления против права» подлежат наказанию. Осуждение военных преступников международным трибуналом он отвергает.

Затем Гёрделер пишет: «Германия должна вновь стать достаточно сильной в экономическом отношении — это проистекает из необходимости по меньшей мере обезопасить германский рейх от постоянного давления огромной русской мощи. Отсюда возникает также необходимость сохранить территориальную целостность Германии в том виде, в каком она рационально и с необходимостью сложилась в процессе исторического развития». В соответствии с этим Гёрделер считал «необходимым» следующие границы:

«На востоке — примерно границы Германской империи 1914 г., на юге — признанная на конференции в Мюнхене граница, включая Австрию; Южный Тироль — эта чисто немецкая земля — также подлежит возврату Германии до границы Боцен-Меран...

На западе вопрос об Эльзас-Лотарингии решить крайне трудно...

а) или Эльзас-Лотарингия станет автономной страной, скажем, на положении Швейцарии, или

б) нейтральной комиссией будет установлена языковая граница, как она имелась в 1918 и в 1938 гг. Между этими линиями должна пролегать граница между Францией и Германией».

Польша должна «получить замену Западной Пруссии и Познани путем государственной унии с Литвой» (которая, как известно, с 1940 г. входит в состав СССР. — К. Ф.).

«По отношению к России германским вермахтом обеспечивается лишь старая восточная граница Польши».

Эти высказывания показывают, что и «оппозиционные» монополисты тоже держались империалистической захватнической политики.

Гёрделер считал необходимым предостеречь Англию от «большевистской опасности». «Если нынешняя Россия установит свое господство в Европе, центральные и западноевропейские народы, ослабленные войной, движимые страстями, стоящие перед почти неосуществимыми задачами, в первую очередь окажутся добычей радикального большевизма. Это означало бы гибель европейской культуры и потерю Европой своего значения, а также явилось бы большой опасностью и для Англии».

Гёрделер развивал высказанную выше мысль дальше, утверждая, будто Англии грозит со стороны России «смертельная опасность», заявляя, что такую опасность не смогли бы устранить ни Италия, ни Франция, ни объединение малых народов. Это могла бы сделать только лишь сильная Германия. Однако этому препятствует требование безусловной капитуляции и разоружения Германии, а потому от капитуляции надлежит отказаться.

Гёрделер рекомендовал «разделение труда» между Германией и Англией в «защите» от «большевизма»: «Мы, немцы, должны будем отказаться от военно-морского флота. Мы тоже любим море и будем плавать по морям, но можем признать, что охрана их должна осуществляться Англией из сферы ее собственных интересов, в то время как мы, немцы, возьмем на себя

главное бремя охраны Европы на суше. Но мы крайне заинтересованы в том, чтобы нести бремя этой охраны не одним. Поэтому нам кажется необходимым объединение европейских народов в союз европейских государств».

Далее Гёрделер рекомендовал также создать для объединенной Европы министерство экономики, единые вооруженные силы и министерство иностранных дел.

В области внутренней политики Гёрдлер повторял, что должны быть в ограниченной мере восстановлены буржуазные свободы и «что только монархия в парламентских рамках может вновь дать Германии внутренний покой и сделать ее особо важным фактором сотрудничества».

При сравнении этого документа с меморандумом «Цель» от августа 1941 г. бросается в глаза, что Гёрделер больше уже не говорит открыто о необходимости господства Германии в Европе, а ведет речь лишь о разделе ею доминирующего положения с Англией. Отсутствуют также требования колоний. Это, несомненно, результат изменившегося соотношения сил. Гёрделер хотел, чтобы империалистическая Германия получила свободу рук на Западе для борьбы против Советского Союза. Отсюда постоянно повторяющаяся ссылка на «большевистскую опасность», грозящую и Англии. Война на Западе должна быть прекращена на общей базе антикоммунизма — таков конечный смысл этой концепции.

Гёрделер надеялся, что под флагом антикоммунизма удастся спасти от уничтожения военную мощь Германии, удержать часть захваченных областей и достигнуть такого соглашения с Англией, которое обеспечивало бы руководящее положение германского империализма на большей части Европейского континента. «Идея Европы», провозглашаемая здесь, не только имела антикоммунистическое содержание, но была вызванной изменившимся соотношением сил, являлась новой, более гибкой формой притязаний на власть германского финансового капитала.

Здесь не место проводить сравнение концепции Гёрделера с политикой западногерманских империали-

стов после второй мировой войны. Но сходство поразительно.

В то время как Гёрделер развивал свои политические планы спасения германского империализма, Тресков и Ольбрихт занимались подготовкой покушения на Гитлера. В декабре 1942 г. Гёрделер, Тресков и Ольбрихт встретились в Берлине и решили создать все условия, необходимые для того, чтобы после удавшегося покушения на Гитлера вермахт взял власть в свои руки.

Тресков готовил в штабе группы армий «Центр» убийство Гитлера при помощи бомбы. С этой целью он достал английскую пластиковую взрывчатку, а также бесшумные английские запалы и производил эксперименты с взрывателями, чтобы добиться желаемого замедления взрыва. Ольбрихт совместно с секретной службой генерала Остера разработал план военного захвата власти частями армии резерва в Берлине, Кёльне, Мюнхене и Вене. Эта работа по планированию переворота была трудна, ибо для захвата власти необходимо было изолировать СС, а заговорщики не имели ясного представления о созданных за последние годы базах дислокации частей и соединений СС. Помогла хитрость: при помощи полиции нравов было установлено местонахождение недавно открытых новых публичных домов — вблизи этих злачных заведений находились и крупные части СС. Таким образом удалось установить их расположение⁹⁶.

Тем временем социал-демократы Мирендорф, Хаубах и Хенк, встретившись на рождество 1942 г. в Оберсдорфе (Альгей), решили воздействовать на военных с целью отложить покушение. Каковы же были причины этого столь странного решения, особенно если учесть, что именно в это время уже назревала сталинградская катастрофа? Ответ дает Эмиль Хенк, один из участников этого совещания, в своей появившейся в 1946 г. брошюре «Трагедия 20 июля 1944 года»:

«Сталинград явился с военной точки зрения первым смертельным ударом для армии Гитлера. Русские были на подъеме... Между союзниками тогда никаких окончательных соглашений относительно будущего Европы не имелось. До тех пор пока англосаксы не ста-

ли континентальной силой, не могли приниматься и никакие решения насчет Европы.

В условиях военной обстановки конца 1942 г. свержение Гитлера было бы равнозначно продвижению Востока. Европа оказалась бы не подготовленной к внезапному миру — на эту часть земного шара низверглись бы чудовищные, неразрешенные политические проблемы. А это означало: о покушении на Гитлера можно говорить только после удавшегося вторжения американцев и англичан»⁹⁷.

Итак, эти «социалисты» хотели и дальше использовать Гитлера в качестве заслона против Советского Союза, что в принципе отвечало линии Гёрделера. То, что при этом немецкий народ, особенно рабочий класс, продолжал истекать кровью ради того, чтобы облегчить англо-американскому капиталу путь в Европу, их явно мало беспокоило. Оказалось, что некоторые патристически мыслящие офицеры обладали в этом вопросе большим чувством национальной ответственности. Однако впоследствии Хаубах и Мирендорф внесли коррективы в свою точку зрения, между тем как Хенк и в 1946 г. все еще защищал ее в своей брошюре.

В конце февраля 1943 г. Ольбрихт сообщил Трескову, что приготовления закончены. Теперь Гитлера побудили посетить группу армий «Центр», что и произошло 13 марта 1943 г.

Первоначально намечалось, что надежная войсковая часть арестует Гитлера. Полковник фон Безелагер был готов сделать это, но генерал-фельдмаршал фон Клюге запретил эту акцию ввиду якобы ожидавшегося превосходства в силах войск, верных Гитлеру⁹⁸. Тогда Тресков решился на покушение при помощи бомбы.

Закончив совещания с командующими армиями группы «Центр», Гитлер вылетел в свою главную ставку. Тресков попросил полковника Брандта, сопровождавшего Гитлера, захватить для полковника Штиффа из ОКВ пакет с парой бутылок коньяка. В этом пакете находилась бомба с часовым механизмом, которая должна было взорваться во время полета. Одновременно в Берлин было сообщено Ольбрихту, что акцию можно начинать. Но тщетно ждали заговорщики из-

вестия о том, что самолет Гитлера взорвался в воздухе и рухнул: он благополучно приземлился в Растенбурге. Адъютант Трескова Шлабрендорф был немедленно отправлен в ставку фюрера забрать пакет, что и удалось сделать с извинением: произошла ошибка и пакет перепутали с другим. Выяснилось, что, хотя сам взрыватель оказался в порядке, случайно не сработал капсюль.

Следующее покушение на Гитлера предполагалось совершить уже 21 марта 1943 г. Полковник Герсдорф намеревался во время осмотра Гитлером выставки трофейного советского оружия в Берлинском цейхгаузе подойти как можно ближе к нему с двумя бомбами в карманах и взорваться вместе с ним. Но манера Гитлера быстро и внезапно менять свои планы сорвала и это покушение. Вместо объявленных 30 минут он пробыл на выставке всего минут восемь, и у Герсдорфа не хватило времени привести взрыватель в действие.

Новый план покушения предусматривал опять побудить Гитлера посетить группу армий «Центр». Семеро офицеров были готовы застрелить его одновременным залпом из своих пистолетов. Но Гитлер не прибыл: теперь он все реже и реже покидал свою ставку.

В это время возникла мысль осуществить покушение в самой ставке фюрера. Однако для этого был необходим офицер не только согласный пожертвовать своей жизнью, но и имеющий доступ к Гитлеру. Тресков был готов на это, но Клюге лишь иногда брал его с собой в ОКВ на совещания по обсуждению обстановки. Поэтому использование Трескова с данной целью сильно зависело от случая.

В апреле 1943 г. заговор впервые подвергся серьезной опасности. Гестапо раскрыло некоторые зарубежные связи абвера и арестовало сотрудников секретной службы Остера, Донаньи, Дитриха Бонхеффера и Йозефа Мюллера. Остера выпустили, но он был вынужден уехать из Берлина в Лейпциг, где находился под надзором. Таким образом, Ольбрихт лишился своего важнейшего до той поры помощника. Бек в марте перенес тяжелую операцию желудка.

Мартовская акция показала, что разработанные в Берлине планы покушения неудовлетворительны. Ольбрихт снова принялся за дело, но ему сильно мешало отсутствие Остера. Тогда Тресков подал рапорт о предоставлении ему на август продолжительного отпуска по состоянию здоровья и получил его. Он прожил десять недель у своей сестры в Нойбабельсберге и вместе с Ольбрихтом работал над планом государственного переворота. Ольбрихт предложил вызвать в Берлин подполковника фон Штауффенберга, о котором он навел справки, и посвятить его, уже хорошо известного способного офицера генерального штаба, в планирование военных акций.

10 августа Штауффенберг прибыл в Берлин и Ольбрихт задал ему решающий вопрос, на который тот ответил согласием. Тресков знал Штауффенберга по его поездкам на фронт в 1941 г. и одобрил его привлечение к заговору.

С вступлением Штауффенберга в ряды заговорщиков начался этап новой активности. Поэтому обратимся сначала к вопросу о том, каким образом Штауффенберг пришел к участию в заговоре, из каких соображений он это сделал и как способствовал поляризации среди самих заговорщиков.

Путь Штауффенберга к заговору против Гитлера

Многое указывает на то, что только в конце 1938 г. граф Штауффенберг впервые стал серьезно задумываться над положением в политической и военной верхушке Германии (в той мере, в какой оно вообще было ему известно). Он должен был знать о разногласии между Бекем и его противниками. Зимой 1938/39 г. Рудольф Фарнер во время прогулки спросил Штауффенберга, допустит ли вермахт повторение того, что совершали от имени немцев во время событий, связанных с «Хрустальной ночью»⁹⁹. В ответ Штауффенберг впервые открыто заговорил о возможности переворота. Он высказал мнение, что центральной фигурой оппозиции Гитлеру в вермахте является Бек;

можно также рассчитывать и на Гёпнера, в то время командира дивизии. «От доверия к более широким кругам высшего офицерства, а тем более к принимавшей массовый характер армии он настойчиво предостерегал и при этом обронил такие слова: от людей, у которых уже раз-другой был сломан хребет, нельзя ожидать, чтобы, принимая новое решение, они стояли навывтяжку»¹⁰⁰. Если в 1938 г. Штауффенберг еще был убежден в том, что Гитлер сделает все возможное, дабы избежать войны, то весной 1939 г. в разговоре с Фарнером он бросил: «Этот дурак затевает войну!»¹⁰¹

Совершенно очевидно, что Штауффенберг следил за дальнейшим ходом событий с нараставшим опасением. Однако, когда война началась, он считал первостепенным делом выполнять свой воинский долг, ибо полагал, что война как бы олицетворяет судьбу всей нации, уклониться от которой нельзя. Аналогичной была позиция и его друга Мерца фон Квирнгейма, а также многих офицеров младшего поколения¹⁰². Мы уже упоминали, что успешный ход польской кампании произвел на Штауффенберга большое впечатление. Но нам известно, что он выступал против террора военнослужащих германского вермахта в отношении польского гражданского населения¹⁰³.

По возвращении Штауффенберга из Польши его посетили дядя граф Николаус фон Юкскуль и заместитель обер-президента Бреславля граф Фриц Дитлоф фон дер Шуленбург, с которым он также был знаком. Шуленбург — член нацистской партии с начала 1932 г. — уже ко времени отставки Фрича, будучи тогда заместителем полицей-президента Берлина, идейно порвал с нацизмом; он на свою ответственность выпустил на другой день после «Хрустальной ночи» арестованных евреев, за что получил резкий нагоняй от Геббельса. Его отношение к нацистскому режиму характеризуют слова, сказанные им весной 1939 г.: «Нами правят глупцы и преступники»¹⁰⁴. Шуленбург и Юкскуль обрисовали Штауффенбергу положение и призвали его примкнуть к оппозиции. Тот был потрясен их рассказами, но отказался на том основании, что он как офицер штаба дивизии не видит возможно-

сти решительного вмешательства в ход событий. Вероятно, он сделал это также и потому, что еще не видел необходимости столь далеко идущих решений. По другим свидетельствам, Штауффенберг, как ни неожиданно звучит это, придерживался мнения, что успешное сопротивление может быть оказано только рабочим классом, позиция которого ясна; армия же для этого непригодна и к этому неспособна ¹⁰⁵.

Когда 10 мая 1940 г. началось германское наступление на Францию, Штауффенберг, как и прежде, служил начальником отдела тыла (1b) штаба 6-й танковой дивизии. Дивизия входила в состав группы армий «А», которой командовал генерал-полковник фон Рундштедт. Она состояла из 45 дивизий, в том числе трех моторизованных и семи танковых. Главный удар наносился через Люксембург и Арденны в направлении Сен-Квентин — Аббевиль с выходом к Ла-Маншу; при этом ставилась задача отрезать бельгийско-англо-французские войска, находившиеся в Бельгии и Северной Франции. Еще во время наступления Штауффенберг был переведен в организационный отдел генерального штаба, чего тот безуспешно добивался с 1938 г.

Организационный отдел, который в то время возглавлял генерал Буле, с 1939 г. непосредственно подчинялся начальнику генерального штаба генерал-полковнику Гальдеру, сменившему в 1938 г. на этом посту Бека. В задачи организационного отдела входило формирование и комплектование армии мирного и военного времени, а также ее обеспечение, путем предъявления соответствующих требований к промышленности, вооружением и снаряжением (за исключением боеприпасов и горючего) ¹⁰⁶.

Штауффенберг получил отделение «армия мирного времени» и был обязан разрабатывать организационные вопросы полевых войск, армии резерва и оккупационных войск и вносить эти вопросы на рассмотрение командных инстанций. Он оставался здесь до начала 1943 г. и пережил неоднократные передислокации генерального штаба: Годесбер, Шиме (Бельгия), Фонтенбло, Цоссен, Мауервальд (Восточная Пруссия), Винница и вновь Мауервальд.

Деятельность Штауффенберга охватывала инспектирование боеготовности войск, проведение совещаний и переговоров с различными инстанциями по вопросам обучения, подготовка решения проблем офицерского состава, установление статуса полицейских сил чужих национальностей и др. Решение многообразных задач требовало частых служебных поездок в различные части рейха и в оккупированные страны. О стиле работы Штауффенберга имеется свидетельство его бывшего сотрудника барона фон Тюнгена:

«Каждый раз, как я открывал дверь кабинета Клауса, я видел его говорящим по телефону. Перед ним — стопка бумаг, левой рукой он держит трубку, а правой, вооруженной карандашом, что-то пишет. Говорил он живо, в зависимости от того, кто был его собеседником, — смеясь (без смеха дело никогда не обходилось), или ругаясь (что тоже нередко случалось), или приказным тоном, или раздумчиво. Одновременно он что-то писал или подписывал бумаги, накладывал краткие, примечательно точные резолюции. Рядом с ним обычно сидел писарь, которому Клаус в минуты ожидания у телефонного аппарата мгновенно подписывал бумаги, диктовал письма и служебные записки, с педантичной точностью не забывая при этом о тщательно соблюдавшейся высоким штабом официальной форме переписки (наименование адресата, входящий и исходящий номер и т. п.). Клаус принадлежал к тем людям, которые могут со всей концентрацией внимания одновременно делать несколько дел. Он обладал удивительной способностью обрабатывать бумаги, то есть с первого же взгляда отделять важное от несущественного. Выражал свои мысли он четко, и его молниеносные, попадающие в самую точку реплики нередко повергали собеседника в растерянность. Прирожденная светскость и общительность, непринужденная грациозность воинского такта младшего по отношению к старшему, свобода и отсутствие скованности в общении с равными по чину — таков был в своих внешних проявлениях Клаус, эта крупная личность, совершенно без всяких усилий завоевывавшая к себе уважение и доверие. Глубоко взволнованный происходящими событиями, он равно-

душно относился к своему внешнему виду, одежде, чему придавали такое большое значение другие»¹⁰⁷.

Штауффенберг пользовался большим уважением и симпатией своих сотрудников и подчиненных. Он просто излучал доверие. Рассказывают, что даже генералы, когда им приходилось иметь дело в генеральном штабе, стремились побеседовать с ним. Когда он запаздывал к обеду, сотрудники говорили: «Верно, опять какой-нибудь генерал плачется ему в жилетку»¹⁰⁸.

Первым событием во время войны, укрепившим сомнения Штауффенберга, было недостойное, на его взгляд, обращение германских властителей с побежденной Францией. Ему же грезилось примирение и сотрудничество с нею после войны. Вместо этого, как он убедился, она низведена до положения завоеванной страны, и ее национальная честь унижена. Штауффенберг понимал, что из такой ситуации не может возникнуть плодотворного сотрудничества, и в 1940 г. в беседе с Гальдером назвал Гитлера «победителем без чувства меры и без дальнего прицела»¹⁰⁹. Если вначале он еще верил в возможность настоящего «нового порядка» в Европе, то теперь стал догадываться, что фашистские властители стремились лишь к захвату других стран и порабощению побежденных.

В апреле 1941 г. граф Штауффенберг получил чин майора. Известное значение для дальнейшего формирования взглядов Штауффенберга имело его личное знакомство с начальником генерального штаба Гальдером. Гальдер, преемник Бека, находился на периферии той группы, которая в 1938—1940 гг. неоднократно вынашивала намерение путем применения военной силы отстранить Гитлера от руководства Германией, чтобы достигнуть взаимопонимания с западными державами. В 1940—1941 гг. Штауффенберг вел с Гальдером многочисленные беседы, в ходе которых генерал высказывал критические замечания, имея в лице своего собеседника внимательного и согласного с ним слушателя. Однако гальдеровская критика направлялась в первую очередь только против Гитлера лично и его ближайших палатинов, а не против фашистского режима.

Сам Гальдер пишет об этих беседах со Штауффенбергом: «Мы часами вновь и вновь анализировали возможность устранить этого изверга, не нанеся притом чувствительного ущерба находящимся в соприкосновении с противником армиям при выполнении ими их задач по обороне страны и не подвергая потрясению государство в целом... Настроение широких кругов Германии было в результате французской кампании в пользу Гитлера. Поэтому наряду с возможностями и средствами переворота главным предметом обсуждения являлся выбор самого момента для него. Таковы мысли, которые я, насколько мне помнится, обсуждал с Клаусом Штауффенбергом»¹¹⁰.

Надо полагать, беседы эти все же имели в большой мере характер теоретических рассуждений насчет определенных возможностей предотвратить военное поражение Германии. В пользу такого предположения говорит не в последнюю очередь и тот факт, что сам Гальдер ни в каких действиях против гитлеровского режима участия не принял и верно служил своему фюреру до тех пор, пока тот не прогнал его в сентябре 1942 г. Не участвовал Гальдер и в заговоре 20 июля. Однако не следует отрицать, что беседы с Гальдером наверняка способствовали тому, что отрицательное отношение Штауффенберга к нацистскому режиму приобрело более отчетливые акценты. Тем не менее твердо установлено, что в 1940—1941 гг. Штауффенберг еще не был готов на активное сопротивление и считал еще невозможным устранение Гитлера. «Он еще слишком побеждает», — сказал Штауффенберг весной 1941 г., имея в виду Гитлера и шансы на успех переворота¹¹¹.

Как воспринял Штауффенберг нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, точно нам неизвестно. Но то, что он осудил его, видно из следующего высказывания Гальдера: «И в дальнейшем, когда все более созревало решение Гитлера о нападении на Россию, и, наконец, во время войны в России беседы шли насчет того, как, не превращая Гитлера в мученика, военными средствами свергнуть его и подорвать власть [нацистской] партии»¹¹². До нас дошел и следующий характерный эпизод. Зимой 1941/42 г. Штауффенберг

велел повесить в своем кабинете портрет Гитлера, а когда один из посетителей выразил свое удивление, сказал: «Я повесил именно этот портрет для того, чтобы каждый проходящий ко мне увидел в нем диспропорцию и безумие»¹¹³.

В декабре 1941 г., когда Браухич был смещен и Гитлер принял лично на себя командование сухопутными войсками, Штауффенберг приветствовал это, ибо считал, что тем самым создается единство руководства армией и рациональное распределение обязанностей в военной верхушке. По крайней мере теперь начальник генерального штаба сухопутных войск получает возможность сам докладывать Гитлеру. Некоторое время Штауффенберг еще верил, что положение на Восточном фронте может быть стабилизировано. Но надежды эти просуществовали недолго. Тяжелые потери вермахта в зимней битве 1941/42 г. под Москвой и на других участках Восточного фронта привели к повышенной потребности в людях и технике, что в свою очередь привело к тому, что соперничество между сухопутными силами, войсками СС и авиацией вспыхнуло с еще большей силой. Войска СС воспользовались своим политическим положением для того, чтобы обеспечить себе сравнительно наибольшую часть материального пополнения за счет армии. Геринг как ближайший доверенный человек Гитлера добился того же для люфтваффе. В силу своего служебного положения Штауффенберг имел представление об этих интригах, которые еще более усилили его отвращение к нацистским главарям.

Полковник Вольф Хенкель, служивший тогда в отделе боевой подготовки генерального штаба сухопутных войск, писал в 1944 г. о Штауффенберге в газете «Фрайес Дойчланд»: «Штауффенберг был офицером генерального штаба, стоявшим по своим способностям выше среднего уровня. Будучи разумным, сознающим свою ответственность офицером, он в высшей степени критически наблюдал за уже резко выявившимся конфликтом между Гитлером, фон Браухичем и Гальдером. Он принадлежал к тем молодым офицерам генерального штаба, которые не жалели сил, чтобы осуществить свое «бегство из ОКХ», то есть добиться

перевода в один из крупных общевойсковых штабов действующих войск, чтобы избавиться от невыносимой атмосферы, возникшей в результате разногласий внутри высшего командования. Полковник граф фон Штауффенберг на основании своего доверительного положения в ОКХ имел глубокое представление о сложившихся условиях. Как немногие другие, он осознал ту катастрофу, к которой вело Германию руководство Гитлера»¹¹⁴.

Штауффенбергу пришлось понять: после зимней битвы 1941/42 г. людские потери сухопутных войск больше не могли быть возмещены за счет пополнений из Германии. В организационном отделе генерального штаба высчитали, что нехватка штатного состава в армии, сражающейся на Восточном фронте, составляла на 1 ноября 1942 г. уже 800 тысяч человек и к весне 1943 г. должна возрасти до 1,2 миллионов человек. В августе — сентябре 1942 г. сухопутные войска потеряли на 27 тысяч человек больше, чем получили в виде пополнения¹¹⁵. Только в ходе зимних боев 1941/42 г. были разбиты свыше 50 немецких дивизий; потери к 28 февраля 1942 г. значительно превысили 1 миллион человек. Для восполнения этих потерь Главному командованию сухопутных войск пришлось перебросить на Восточный фронт 39 дивизий и 6 бригад из Германии, а также других европейских стран, где в это время крупных военных действий не велось¹¹⁶. Хотя летняя и осенняя кампании вермахта в 1942 г. привели его к берегам Волги и к горам Кавказа и принесли ему большой выигрыш территории, поставленных стратегических целей он так и не достиг. Это обошлось еще в 1 миллион убитыми, ранеными и пленными. Командованию же Красной Армии, напротив, удалось не только компенсировать потери, но и создать крупные людские резервы и резервы военной техники. В 1941 г. Советский Союз производил 24 700 танков и 25 400 самолетов, Германия же — 9300 танков и 14 700 самолетов¹¹⁷. Соотношение сил на советско-германском фронте к концу 1942 г. изменилось в пользу Советского Союза¹¹⁸.

Все это не могло укрыться от Штауффенберга и неизбежно должно было оказать воздействие на его

взгляды. Однако процесс этот шел не прямолинейно и не без противоречий.

С отвращением воспринимал Штауффенберг в это время сообщения о том, как обращается вермахт с населением оккупированных областей на Востоке. Он с возмущением выступал против жестокого ограбления и угнетения людей в этих областях и характеризовал обращение с «восточными рабочими» как «безответственное провоцирование Востока»¹¹⁹. На совещании в Виннице в октябре 1942 г., на котором присутствовало около 40 офицеров службы генерального штаба, он резко осудил германскую восточную политику и заявил, что Германия сеет на Востоке такую ненависть, «которая когда-нибудь еще найдет свое отмщение на наших детях». Германская восточная политика «способствовала лишь тому, чтобы превратить людские массы на Востоке в наших врагов»¹²⁰. Штауффенберг считал скандальным, что среди руководящих лиц не находится никого, кто однажды открыто сказал бы фюреру об этом. Однако эти слова, сказанные на официальном совещании, надо рассматривать лишь как прием самозащиты, ибо к тому времени Штауффенберг уже не верил в то, что преступления и бесчеловечная жестокость творятся без ведома Гитлера и вопреки его намерениям.

Осведомленность о военных преступлениях, творившихся германским вермахтом на территории Советского Союза, в значительной мере способствовала формированию и укреплению антинацистской позиции Штауффенберга. Однако надо отметить, что к этому времени он еще ни в коей мере не избавился от порожденного его происхождением и воспитанием антикоммунистического мировоззрения. У него еще преобладало представление, будто более хорошим обращением с населением оккупированных восточных областей можно сделать это население союзником Германии в антисоветской борьбе. Этой идеей Штауффенберг руководствовался и в своей деятельности, связанной с формированием восточных «добровольческих соединений». То была, если несколько упростить этот процесс, происходившая в нем своего рода духовная война на два фронта.

Во второй половине 1942 г. Штауффенберг все больше приходил к идее активного выступления с целью устранения Гитлера. Укреплению в нем этой идеи содействовали в первую очередь сведения о преступлениях в отношении гражданского населения и советских военнопленных, сообщения о тяжелых и невосполнимых потерях на Восточном фронте, известия о приостановке германо-итальянского наступления у Эль-Аламейна в Северной Африке и, наконец, все более частое вмешательство Гитлера в ход военных действий, а также те оскорбления, которым тот подвергал генералов и офицеров. К этому добавлялось и следующее: осенью 1942 г. стало очевидно, что германское наступление в районе Сталинграда и на Кавказском фронте ввиду упорного советского сопротивления не может быть успешным.

Мы знаем, что в первые годы после 1933 г. Штауффенберг еще питал иллюзии насчет национал-социализма и верил многим обещаниям фашистских главарей. Иллюзии давно уже рассеялись как дым, а отрезвление, пережитое в 1938 г., превратилось теперь в ненависть к губителям Германии. Штауффенберг начал распознавать в Гитлере главного врага немецкого народа. Во время одной утренней верховой поездки в Виннице в августе 1942 г. он с гневом воскликнул: «Да неужели в ставке фюрера не найдется ни одного офицера, который выстрелом из пистолета прикончит эту свинью?»¹²¹ Когда однажды — осенью того же года — в среде оппозиционных офицеров было выдвинуто требование сказать наконец фюреру «правду», Штауффенберг ответил: «Дело не в том, чтобы сказать правду, а в том, чтобы убить его, и я готов пойти на это!»¹²²

Если ранее Штауффенберг еще более или менее абстрактно взвешивал все «за» и «против», обсуждая с близкими людьми возможности и перспективы политического переворота, то теперь его высказывания становились все определеннее и были нацелены на конкретные действия. Устранение Гитлера стало для него в конце 1942 г. уже не вопросом теоретических рассуждений, а неизбежной практической необходимостью.

Однако при этом Штауффенберг еще не имел никакого представления о том, что же именно должно произойти после устранения Гитлера.

Придя к убеждению о необходимости что-то предпринять против Гитлера, он стал делать самостоятельные шаги в этом направлении. Во время многочисленных служебных поездок во второй половине 1942 г. он искал контактов с единомышленниками, которых, естественно, надо было сначала найти. Но прежде всего Штауффенберг хотел установить, насколько генералы и фельдмаршалы готовы пойти против Гитлера. Во всяком случае, ему представлялось, что Гитлер должен быть отстранен от власти путем акции, сплотно предпринятой высшими военачальниками, особенно командующими групп армий, примерно так, как этого еще в 1938 г. требовал Бек. Однако фельдмаршалы, даже если Штауффенбергу и удавалось заводить с ними речь об этом, высказывали свое отрицательное отношение к его взглядам.

Бывший генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн сообщает об одном таком разговоре со Штауффенбергом: «Я мог лишь согласиться с ним... А также сказал ему, что вполне осознаю военные ошибки Гитлера (о политической системе которого речь у нас вообще не заходила) и что изменение военного руководства является желательным. Мне представлялось целесообразным назначение сознающего свою ответственность начальника генерального штаба вермахта, который должен был бы взять на себя фактическое военное руководство, или по меньшей мере учреждение поста главнокомандующего германскими войсками на Востоке. Я был готов — как это и произошло в дальнейшем — попытаться добиться от Гитлера такого изменения. Из слов Штауффенберга нельзя уяснить, что он хотел бы достигнуть совместного выступления всех командующих против Гитлера, то есть осуществить государственный переворот... У меня, скорее, сложилось впечатление, что Штауффенберг был в отчаянии от всего того, что ему приходилось видеть в ОКХ, а поэтому я посоветовал ему добиваться перевода в один из фронтовых штабов, чтобы вырваться из безрадостной атмосферы ставки фюрера...

Если бы я, учитывая обстановку на Востоке, считал свержение Гитлера возможным и неизбежным, я бы ... действовал сам. Но я придерживался тогда и придерживаюсь сегодня точки зрения, что такое выступление привело бы к краху Восточного фронта, воспрепятствовать которому я надеялся вплоть до моего смещения»¹²³.

Итак, Манштейн не был готов пойти на совместные действия — он предпочел идти и дальше с Гитлером, чтобы в конце концов пережить крах Восточного фронта. Совет Манштейна молодому офицеру, озабоченному судьбой нации, в качестве средства против отчаяния добиваться перевода во фронтовой штаб воспринимается почти как насмешка. От высказанного Манштейном взгляда, будто можно побудить Гитлера согласиться на персональные изменения в военной руководящей верхушке, Штауффенберг давно уже отказался. Он больше не добивался бесед с Манштейном, поскольку понял всю бесцельность обсуждения смелых планов с верноподданнически преданным Гитлеру фельдмаршалом.

Гальдер, который начиная с 1938 г. в качестве начальника генерального штаба подготавливал и выполнял гитлеровские приказы, под воздействием положения на Восточном фронте больше уже не желал безусловно повиноваться Гитлеру и потому 24 сентября 1942 г. был смещен. Штауффенберг явно ожидал теперь от Гальдера более решительной позиции, а потому посетил бывшего начальника генштаба в его берлинской вилле. Но и этот визит успеха не возымел: Гальдер так и остался пассивен.

Несомненно, в это время Штауффенберг вел множество разговоров с высшими офицерами о выступлении против Гитлера. Но то, что он не получил согласия с их стороны, Штауффенберг подтвердил позднее в Африке своему тогдашнему командиру дивизии, который пишет об этом следующее: «Все они сказали ему, что вполне понимают: дальше так продолжаться не может и что-то надо предпринять. Но никто не отдал себя в его распоряжение и не захотел взять на себя руководство»¹²⁴.

Этот печальный опыт заставил Штауффенберга проникнуться презрением ко всем тем высшим офицерам, которые под личиной «только солдата» прятали свой страх перед четкими решениями. Он и не скрывал этого. Осенью 1942 г. в кругу молодых офицеров, искавших выхода в бегстве из штабов в действующую армию, Штауффенберг сказал: «Дать убить себя врагу — это ложный героизм, всего только трусливое уклонение от ответственности, которое ничуть не лучше, чем отговорка маршалов долгом повиновения и ссылкой на то, что они «только солдаты». Он требовал: «Тот, кто по рангу и по чести призван командовать другими, олицетворяет единство личности и задачи, при которых нет больше места никакому иному расчету, кроме как отвечать за суть дела в целом». Штауффенберг критиковал образ мыслей большинства офицеров: «Получаю свое жалованье, выполняю свой долг, верю в фюрера и радуюсь отпуску. На кого же рассчитывать тогда отечеству?» Он не скупился в этой беседе на резкие слова по адресу тех, кто уклоняется от ответственности: «Бюргеры, охотники за теплыми местечками, подхалимы в генеральском чине»¹²⁵.

С большой тревогой следил Штауффенберг за ходом событий под Сталинградом. Он надеялся, что Гитлер даст окруженным войскам 6-й армии и частям 4-й танковой армии приказ на прорыв, и осуждал самонадеянное обещание Геринга о гарантировании снабжения по воздуху находившихся в котле войск. И он надеялся также, что по крайней мере хоть теперь найдется мужественный генерал, который поднимется против безумного гитлеровского приказа. Но тщетно. Исход битвы на Волге — потеря 32 дивизий со всем вооружением и снаряжением — и переход стратегической инициативы в руки Красной Армии окончательно укрепили в Штауффенберге понимание того, что война Германией проиграна. Он был, сообщает барон фон Тюнген, «совершенно убежден в неизбежной катастрофе и глубоко подавлен этим. Больше, чем когда-либо ранее, Штауффенберг был убежден в том, что «он» должен исчезнуть с лица земли»¹²⁶.

1 января 1943 г. Штауффенберг был произведен в подполковники, и его вскоре в порядке очередной

смены офицерского состава перевели в штаб действующих войск. Здесь он должен был освежить и пополнить свой фронтовой опыт, так как в дальнейшем предполагалось назначить его на более высокий пост. В кругах ОКХ и ОКВ Штауффенберга считали кандидатом на пост начальника генерального штаба. Эта мысль уже высказывалась в окружении Гитлера. Штауффенберг отнесся к своему переводу в войска безразлично. 1942 г. закончился для него большими разочарованиями, так как ни один из фельдмаршалов и командующих армейскими корпусами не проявил готовности к выступлению против Гитлера. Кроме того, ему казалось уместным временно несколько отойти на задний план, чтобы не привлекать к себе внимания верных Гитлеру офицеров. Поэтому понятны его слова: «Пришло время мне отсюда исчезнуть»¹²⁷.

Перед отъездом в Африку, куда он получил назначение, Штауффенберг посетил в госпитале своего бывшего однополчанина, ставшего позже полковником, Петера Зауэрбруха. Тот вспоминает: «Штауффенберг был тогда очень подавлен и предсказывал такое развитие событий на африканском театре военных действий, которое потом и наступило»¹²⁸.

В ходе своего успешного наступления в Северной Африке англичане 23 января 1943 г. достигли Триполи и отбросили германо-итальянские войска на позиции у Марета, лежащего на линии тунисско-ливийской границы. Высадившиеся в начале ноября 1942 г. в Алжире и Марокко англо-американские войска в течение ноября тоже продвинулись с запада до Туниса, который после высадки союзников в Северо-Западной Африке был занят германскими войсками. 10-я танковая дивизия, к которой принадлежал Штауффенберг, приняла в середине февраля участие в наступлении на американцев между Фаидом и Гафзой, а также в начале марта — в последнем и тоже безуспешном ударе по 8-й британской армии с позиций у Марета. В конце марта 8-я британская армия перешла в контр-наступление и заставила фашистские войска отступить на север, что им удалось осуществить ценой больших потерь. Успеху союзников способствовало в пер-

вую очередь господство в воздухе, которого они добились в Африке, поскольку германская авиация гибла на Восточном фронте. Англо-американские истребители-бомбардировщики почти неограниченно хозяйничали в тылу противника.

Первоначально фронтовая атмосфера вновь захватила Штауффенберга. Вскоре он стал выделяться в дивизии своим товарищеским, открытым характером, своим знанием военного дела. Его манера отдавать приказания оценивалась как обдуманная и точная; он использовал любую возможность для того, чтобы поддерживать прямую личную связь с ведущими бой войсками. Штауффенберг не скрывал от командира дивизии и других офицеров, которым доверял, своего враждебного отношения к Гитлеру и фашистскому режиму. Теперь он исполнял свои обязанности ради дела, которое больше не считал своим.

Во время отступления дивизии 7 апреля 1943 г. автомашина Штауффенберга была атакована английскими самолетами с бреющего полета, и он был тяжело ранен. Его доставили в госпиталь в Карфагене. Он потерял левый глаз, два пальца левой руки и правую руку.

Из Карфагена Штауффенберга перевезли в мюнхенский госпиталь, где он провел полгода, так как процесс заживления шел медленно. Участливое отношение родных, друзей, товарищей по военной службе к его судьбе было велико; Штауффенберга часто навещали сослуживцы, в том числе и те офицеры, которые хотели заполучить его в свои учреждения. Новый начальник генерального штаба генерал-полковник Цейтцлер вручил ему при своем посещении Золотой знак за ранение. Графиня Штауффенберг рисует ту исключительную силу воли, с какой тяжелораненый преодолевал свой физический недуг: «Он отказывался принимать обезболивающие средства; гордился тем, что может обходиться без посторонней помощи; учился есть, бриться, умываться тремя пальцами; однажды даже не дал помочь завязать бабочку к смокингу — только для того, чтобы доказать, что может сделать это сам»¹²⁹.

Ввиду тяжелого ранения Штауффенберг имел возможность добиться своего увольнения из вермахта

по инвалидности. Но он не сделал этого, ибо знал, что именно теперь для устранения Гитлера нужен каждый человек. «У меня такое чувство, что я должен сделать что-то для спасения государства!» — сказал он жене еще в госпитале шутливо-серьезным тоном, за которым скрывалось истинное чувство¹³⁰. Петеру Зауэр-бруху он позже заявил: «Я не смог бы глядеть в глаза женам и детям погибших, если бы не сделал всего, что в моих силах, чтобы прекратить это бессмысленное принесение людей в жертву»¹³¹.

В госпитале Штауффенберга навестил и граф фон Юкскюльль, его дядя, который еще осенью 1939 г. призывал его присоединиться к активному движению против Гитлера. В результате беседы с Юкскюллером он заявил: «Раз генералы до сих пор ничего не достигли, что ж, придется взяться за дело полковникам»¹³². Решение Штауффенберга было твердым: не уклоняться, как сделали другие, а начать борьбу против зла. Когда управление кадров сухопутных войск предложило ему занять должность начальника штаба при начальнике Общевойскового управления ОКХ, он согласился.

Общевойсковое управление Главного командования сухопутных войск, возглавлявшееся с 1940 г. генералом Ольбрихтом и помещавшееся в Берлине в здании бывшего министерства рейхсвера на Бендлерштрассе, являлось перед войной, наряду с генеральным штабом и управлениями вооружений, кадров и административным, одним из пяти управлений ОКХ. С началом войны все управления, не связанные непосредственно с руководством операциями (общевойсковое, вооружений и административное), были подчинены командующему армией резерва Фромму, ставшему позднее генерал-полковником. Тот на основе директив главнокомандующего сухопутных войск, отвечал за боевую подготовку, пополнение и вооружение сухопутных войск, а также за конструирование, заказ и прием от промышленности вооружения и боеприпасов¹³³.

10 августа 1943 г. Штауффенберг прибыл в Берлин, чтобы представиться Ольбрихту и ознакомиться со своим кругом обязанностей. При этом генерал задал

ему вопрос; готов ли он принять участие в свержении Гитлера. Следует предположить, что Ольбрихт до этого получил сведения о Штауффенберге от графа Юкскульля и других офицеров. Вероятно, даже посещение Юкскульлем своего племянника в госпитале тоже имело место по поручению или по меньшей мере с его ведома. Штауффенберг дал Ольбрихту согласие.

Когда известный хирург профессор Зауэрбрух, обследовавший Штауффенберга, заявил, что до протезирования искусственной руки необходимо сделать еще две операции, после которых нужен длительный отпуск, тот наотрез отказался и заявил, что у него есть дела более неотложные ¹³⁴.

Из Берлина Штауффенберг отправился в Лёйтлинген, где встретился со своим братом Бертольдом и в конце августа — с Рудольфом Фарнером. Клаус сообщил им о своем решении и получил их одобрение. Впервые был поднят вопрос, что же должно стать с Германией после свержения Гитлера. К этому времени Штауффенбергу было ясно, что необходимо не только устранить Гитлера, но и ликвидировать всю нацистскую систему.

По свидетельству Фарнера, участники беседы придерживались взгляда, что в новом государстве должна царить свобода совести, что следует поощрять объединение и сотрудничество народов и что «к правлению» следует привлечь «пригодных людей из всех слоев народа». Далее говорилось о том, что надо, «вероятно, основать народное представительство в Германии совершенно иным образом, нежели на базе политических партий прежнего типа — скажем, исходя из политических реальностей, в виде представительства общин, профессиональных групп и сообществ интересов, которые будут затем публично выступать в парламенте за самих себя и достигать своих целей открыто, а не окольными путями, в результате сделок с преследующими собственные интересы партиями или торга с ними». Затем речь шла о том, «что необходимо основывать отношения между предпринимателями и работниками на их совместном труде и общей ответственности по отношению ко всему обществу и к чувству человечности каждого в отдель-

ности». Техника, промышленность и хозяйство должны служить человеку, а не играть порабощающей его роли¹³⁵.

Эти взгляды еще имели весьма общий характер и носили следы сословного мышления, а понятия и формулировки отражали влияние кружка Георге. Но все же достаточно ясно было главное: братья Штауффенберг стремились к ликвидации политического произвола, к восстановлению достоинства и прав человека, к созданию подлинно народного представительства, причем насчет характера и формы этого представительства (что после опыта с парламентами Веймарской республики и нацистского рейхстага было понятно) у них пока ясных воззрений не имелось. И наконец, они хотели во внешней политике мирных отношений с другими народами.

Примечательно, что участники этих бесед обращали внимание и на вопросы экономической политики. Они выступали за «совместную ответственность» рабочих и предпринимателей, за служение хозяйства и промышленности человеку. Даже будучи весьма абстрактными и в конечном счете утопическими, эти представления могли послужить отправной точкой для дальнейшего осознания действительности. Это подкрепляется тем, что на встречах говорилось «о той силе, которая порождается добровольным отказом» от крупной собственности, о том, «как произвести добровольный раздел крупного землевладения, который будет происходить по инициативе самих владельцев (зачатки этого уже имеются), и послужит действенным примером, а также может привести к новым социально-экономическим формам»¹³⁶. Интересны здесь не столько обсуждавшиеся возможности добровольного раздела помещичьего землевладения, который, разумеется, являлся утопией, сколько то, что оба молодых графа вообще ставили вопрос о преодолении противоречия между крупными собственниками и неимущими и даже взвешивали возможность (а быть может, и необходимость) «новых социальных экономических форм».

Все это свидетельствует о том, что мировоззрение Клауса фон Штауффенберга достигло поздней осенью 1943 г. новой качественной стадии. Критически на-

строенный, но «верный присяге» офицер гитлеровского вермахта превратился в политически мыслящего человека, который желал уничтожить вместе с Гитлером и всю ту систему, преступность которой он осознал, и стремился воздвигнуть на ее месте нечто новое. Хотя это новое еще и не имело четко выраженных контуров, существенные черты его были уже определены. Если свести их к краткой формуле, можно было бы охарактеризовать их так: демократические права и свободы, мир, социальные реформы, призыв к имущим устранить социальные конфликты и противоречия. Здесь лежал зародыш того развития, которое неизбежно должно было привести Штауффенберга к конфликту с Гёрделером и его закулисными покровителями из среды крупной буржуазии, что и произошло в дальнейшем.

Из Лейтлингена Штауффенберг на несколько дней поехал в Бамберг к семье. Он посвятил жену в свое решение участвовать в осуществлении планов Ольбрихта.

В начале сентября Штауффенберг уже снова был в Берлине. Официально он еще находился в отпуске для окончательного излечения; фактически же вскоре начал подготовку к реализации плана переворота. Он поселился в квартире брата на Тицианштрассе в берлинском районе Ванзее и 1 октября 1943 г. приступил к выполнению своих обязанностей в Общевойсковом управлении ОКХ.

Тем самым для Клауса фон Штауффенберга начался новый этап его жизни — самый короткий, но самый содержательный и последний.

Примечания

¹ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 11.

² Речь президента ФРГ Густава Хайнемана по случаю 25-й годовщины заговора 20 июля 1944 г. «Stuttgarter Zeitung», 21. VII. 1969, S. 9.

³ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 55.

⁴ «Концепция подготовки 4-томной «Истории Германии в годы второй мировой войны» (авторский коллектив под руководством Вольфганга Шумана). «Jahrbuch für Geschichte», 3. Teil, Berlin, 1969, S. 30.

⁵ Г. Ферстер, Г. Гельмерт, Г. Отто, Г. Шниттер. Пруско-германский генеральный штаб. 1640—1965. К его политической роли в истории. М., 1966.

⁶ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 13.

⁷ Ibid., S. 21.

⁸ Walter Ulbricht. Fünfzig Jahre Kommunistische Partei Deutschlands, in: «Neues Deutschland» vom 31. 12. 1968, S. 4.

⁹ См. также: Wilhelm Pieck. Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur. Referat und Schlusswort auf der Brüsseler Konferenz der KPD. Berlin, 1960; «Revolutionäre deutsche Parteiprogramme vom Kommunistischen Manifest zum Programm des Sozialismus», herausgegeben und eingeleitet von Lothar Berthold und Ernst Diehl. Berlin, 1964.

¹⁰ См.: «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 128.

¹¹ Ibid., S. 482—484.

¹² «Revolutionäre deutsche Parteiprogramme», S. 168.

¹³ Ibid., S. 179/180. Цит. по: Вальтер Ульбрихт. К истории новейшего времени. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 19—20.

¹⁴ См.: «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 245 ff.

¹⁵ Günter Weisenborn. Der lautlose Widerstand. Hamburg, 1954, S. 151.

¹⁶ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 139—142.

¹⁷ Ibid., S. 143.

¹⁸ Ibid., S. 280/281. См. также: К. Г. Бирнат, Л. Краусаар. Организация Шульце-Бойзена — Харнака в антифашистской борьбе. М., изд-во «Прогресс», 1974.

¹⁹ Gerhard Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1956, S. 107.

²⁰ Bruno Gebhardt. Handbuch der deutschen Geschichte, Band 4: Die Zeit der Weltkriege, von Karl Dietrich Erdmann. Stuttgart, 1959, S. 302.

²¹ См.: Kurt Finker. Was erfährt die Jugend in den Schulen Westdeutschlands über die Geschichte des Nationalkomitees «Freies Deutschland», in: Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» und seine militärpolitische Bedeutung. Potsdam, 1963, S. 188.

²² Hans Rotfels. Werden Historiker dem 20. Juli gerecht?, in «Die Zeit» vom 18. 7. 1969, S. 30.

²³ Kurt Meier in: «Ruf und Antwort», Festgabe für Emil Fuchs. Leipzig, 1964, S. 182 ff; Hans Joachim Kraus in: «Entscheidungsjahr 1932. Zur Judenfrage in der Endphase der Weimarer Republik». Tübingen, 1966, S. 266.

²⁴ Carl Ordnung. Martin Niemöller. Berlin, 1967 (Reihe «Christ in der Welt», Heft II), S. 13 f.

²⁵ См.: Friedrich-Wilhelm Krummacher. Ruf zur Entscheidung. Berlin, 1965; Herbert Trebs, Karl Barth. Berlin, 1966 (=Reihe «Christ in der Welt», Heft 8); «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 375, 380.

²⁶ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 180 ff.

²⁷ Reimund Schabel, Die Frommen in der Hölle. Berlin, 1966.

²⁸ CM.: «Auf dem Wege zur gemeinsamen humanistischen Verantwortung» (Dokumentenband), Berlin, 1967.

²⁹ Lothar Berthold. Das System des faschistischen Terrors in Deutschland und die Haltung der einzelnen Klassen und Volksschichten, in: «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Heft 1/1964, S. 14/15.

³⁰ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 235/236.

³¹ CM.: Kurt Schützle. Reichswehr wider die Nation. Zur Rolle der Reichswehr bei der Vorbereitung und Errichtung der faschistischen Diktatur in Deutschland (1920—1933). Berlin, 1963.

³² Ibid., S. 78 f.

³³ «Völkischer Beobachter» von 6. Februar 1933, zitiert in: G. Förster u. a. Op. cit., S. 226.

³⁴ «Potsdamer Tageszeitung» vom 21. März 1933, Abendausgabe.

³⁵ Ibid.

³⁶ «Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere» (далее «AeO»), Heft 8/1963, S. 4.

³⁷ Friedrich von Rabenau. Seeckt. Aus seinem Leben. Leipzig, 1940, S. 606.

³⁸ Kunrat Freiherr von Hammerstein. Spähtrupp. Stuttgart, 1963, S. 20.

³⁹ «Reichsgesetzblatt», Teil 1, Jahrgang 1933, S. 1017; Jahrgang 1934, S. 785.

⁴⁰ Moritz von Faber du Faur. Macht und Ohnmacht. Erinnerungen eines alten Offiziers. Stuttgart, 1953, S. 188—194.

⁴¹ Bernhard Watzdorf. Die getarnte Ausbildung von Generalstabsoffizieren der Reichswehr von 1932 bis 1935, in: «Zeitschrift für Militärgeschichte», Heft 1/1963, S. 86.

⁴² «Berliner Börsenzeitung» vom 1. Juni 1933.

⁴³ «Berliner Börsenzeitung» vom 16. Februar 1934.

⁴⁴ G. Förster u. a. Op. cit., S. 222.

⁴⁵ Sonderdruck aus der Zeitschrift «Reichsverband Deutscher Offiziere», Nr. 6, 25. Februar 1935.

⁴⁶ В предыдущих публикациях сообщалось, будто 30 января 1933 г. Штауффенберг в полной форме возглавил в Бамберге колонну фашистской демонстрации и за это получил замечание от своего начальника. Й. Крамарц в биографии Штауффенберга доказал, что это описание основано на ложной информации. (См.: J. Kramarz. Op. cit., S. 42—46.) Графиня Нина фон Штауффенберг заявила автору настоящей книги, что о поступке подобного рода ей ничего не известно.

⁴⁷ J. Kramarz. Op. cit., S. 46.

⁴⁸ «Kaltenbrunner-Berichte», S. 447/448. «Донесения Кальтенбруннера» (по фамилии их фактического составителя называемые также донесения Кильпинского) — секретные отчеты Главного управления имперской безопасности, составленные на основе до-

просов арестованных после 20 июля 1944 г. участников заговора и посылавшиеся Борману, который передавал их затем Гитлеру. Содержат выдержки из протоколов допросов, передачу показаний в косвенной речи, а также резюме гестаповцев. Если учесть при этом, что допрашиваемые зачастую подвергались пыткам и неоднократно выдвигали те или иные утверждения для защиты самих себя и других участников, можно сделать вывод об ограниченной ценности данных донесений в целом как источника. Однако методы научной критики источника позволяют особо выделить такие материалы, наличие истины в которых не вызывает сомнений. Например, цитируемые нами высказывания Бертольда Штауффенберга логически соответствуют тому представлению, которое имеется у нас о духовном развитии братьев Штауффенберг, особенно под влиянием Стефана Георге. В дальнейшем поэтому цитируются только такие выдержки из «Донесений Кальтенбруннера», истина в которых кажется более или менее гарантированной.

⁴⁹ По свидетельству Рудольфа Фарнера, цит. по: Eberhard Zeller. *Geist der Freiheit*. München, 1965, 5 Auflage, S. 241.

⁵⁰ J. Kramarz. *Op. cit.*, S. 46.

⁵¹ Сообщение проф. д-ра Эрнста Хадермана (ум.) из Галле.

⁵² Werner Reerink, zit. bei. J. Kramarz. *Op. cit.*, S. 72.

⁵³ «Kaltenbrunner-Berichte», S. 448.

⁵⁴ См.: Karl-Wilhelm Nuss. *Die Rolle der Reichswehr-generalität bei der militärischen Aufrüstung Deutschlands in der Weimarer Republik*, Phil. Diss. (MS). Potsdam, 1962, S. 178 f.

⁵⁵ См.: B. Watzdorf. *Op. cit.*

⁵⁶ Свидетельство Вильгельма Бюрклина, цит. по: J. Kramarz. *Op. cit.*, S. 36/37.

⁵⁷ J. Kramarz. *Op. cit.*, S. 38/39.

⁵⁸ Сообщение графини Нины фон Штауффенберг.

⁵⁹ Сообщение генерала в отставке Д. Арно фон Ленски.

⁶⁰ E. Zeller. *Op. cit.*, S. 228.

⁶¹ J. Kramarz. *Op. cit.*, S. 54.

⁶² Цит. по копии рукописи, находящейся в собственности графини Нины фон Штауффенберг.

⁶³ «Wissen und Wehr». *Monatsschrift der Deutschen Gesellschaft für Wehrpolitik und Wehrwissenschaft*, Heft 7/1938, S. 459 f.

⁶⁴ Ibid., S. 460. Последующие цитаты также взяты из этого источника.

⁶⁵ Сообщение графини Шарлотты фон Штауффенберг.

⁶⁶ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 61/62.

⁶⁷ Ibid., S. 62.

⁶⁸ «Deutsche Geschichte», Band 3, S. 202.

⁶⁹ Ibid., S. 243.

⁷⁰ См. об этом также: Gerhard Förster. *Totaler Krieg und Blitzkrieg*. Berlin, 1967.

⁷¹ «Der Nürnberger Prozess», *Ausgewählt und eingeleitet von Prof. Dr. P. A. Steiner*, Bd. II. Berlin, 1960, S. 94/95.

⁷² Ibid., S. 110.

⁷⁸ Wolfgang Förster. Generaloberst Ludwig Beck. München, 1953, S. 99/100.

⁷⁴ Ibid., S. 120.

⁷⁵ Kunrat von Hammerstein. Op. cit., S. 66, 91.

⁷⁶ Сообщение генерала в отставке Мартина Латтмана.

⁷⁷ Представление об обсуждавшихся осенью 1939 г. планах дает Винценц Мюллер в своих мемуарах: V. Müller. Ich fand das wahre Vaterland. Berlin, 1963, S. 369—375. (Русский перевод: В. Мюллер. Я нашел подлинную Родину. Записки немецкого генерала. М., изд-во «Прогресс», 1964.)

⁷⁸ Биографические данные заимствованы главным образом из: Gerhard Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1956.

⁷⁹ G. Ritter. Op. cit., S. 27/28.

⁸⁰ Не путать с генералом Эдуардом Вагнером, являвшимся сторонником Штауффенберга.

⁸¹ G. Ritter. Op. cit., S. 49.

⁸² Ibid., S. 67.

⁸³ Цит. по: G. Ritter. Op. cit., S. 68.

⁸⁴ Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Auswärtiges Amt. Nachrichten- und Presseabteilung, Nr. 60634, Bl. 1 ff. Abgedruckt bei Johannes Glasneck. Eine Denkschrift Goerdelers vom Sommer 1939, in: «Bulletin des Arbeitskreises, «Zweiter Weltkrieg»», Heft IV, 1965, S. 19 ff. Приводимая цитата взята из этой публикации.

⁸⁵ Издатель меморандумов Гёрделера — Бека Вильгельм Риттер фон Шрамм во введении к своей книге высказывает точку зрения, что участие Бека в разработке этих меморандумов было большим, чем это обычно принято считать. См.: Wilhelm Ritter von Schramm. Beck und Goerdeler. Gemeinschaftsdokumente für den Frieden 1941—1944. München, 1965, Einleitung.

⁸⁶ W. von Schramm. Op. cit., S. 97. Последующая цитата из меморандума также взята из того же источника. В своем введении Шрамм оспаривает тождество этого требования с «Великогерманским рейхом» нацистов. Он считает, что Бек и Гёрделер имеют в виду лишь «естественное и отвечающее духу времени объединение всех тех, кто говорит на немецком языке», а не «гитлеровское сведение [их] воедино». Однако он не приводит доказательств политического различия этих понятий.

⁸⁷ W. von Schramm. Op. cit., S. 167 ff.

⁸⁸ Kuart von Hammerstein. Spährtrupp. S. 242.

⁸⁹ См.: Д. Мельников. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии, изд. 2-е, доп. М., 1965, стр. 76—77.

⁹⁰ Эрих Гёпнер, будучи командиром дивизии, получил за польскую компанию «Рыцарский крест». В январе 1942 г. был уволен из вермахта за то, что вопреки приказу Гитлера во время битвы под Москвой, находясь в безнадежном положении, дал своей танковой армии приказ на отход.

⁹¹ См.: Д. Мельников. Указ. соч., стр. 41.

⁹² О характере и роли Национального комитета «Свободная Германия» см.: Erich Weinert. Das Nationalkomitee «Freies Deutschland», 1943—1945. Bericht über seine Tätigkeit und seine

«Auswirkung», Berlin, 1957; «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, Berlin, 1966; Willy Wolff. Zur Fronttätigkeit des Nationalkomitees «Freies Deutschland» 1943—1945. Diss. (MS). Potsdam, 1969. См. также: А. Бланк, Б. Лёвель. Наша цель — свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия» (1943—1945 гг.). М., 1969.

⁹³ «Anatomie des Krieges. Neue Dokumente über die Rolle des deutschen Monopolkapitals bei der Vorbereitung und Durchführung des zweiten Weltkrieges», herausgegeben und eingeleitet von Dietrich Eichholtz und Wolfgang Schumann. Berlin, 1969, S. 28. (Русский перевод: «Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала во второй мировой войне». М., изд-во «Прогресс», 1971.)

⁹⁴ Ганс Вальц был вервиртшафтсфюрером, гауптштурмфюрером СС, членом «Кружка друзей рейхсфюрера СС Гиммлера», управляющим делами концерна «Роберт Бош ГмбХ» (ГмбХ — акционерное общество с ограниченной ответственностью). После войны награжден в ФРГ «Большим крестом за заслуги со звездой». (См.: «Braunbuch. Kriegs- und Naziverbrecher in der Bundesrepublik». Herausgeber: Nationalrat der Nationalen Front des demokratischen Deutschland, Dokumentationszentrum der Staatlichen Archivverwaltung der DDR. Berlin, 1965, S. 61.)

⁹⁵ «Anatomie des Krieges», S. 255 ff. Последующие цитаты также взяты из этого источника. См. также: G. Ritter. Op. cit., Anhang, S. 586 ff. У Риттера см. и другие меморандумы и разработки Гёрделера.

⁹⁶ Hans Bernd Gisevius. Bis zum bitteren Ende. Hamburg, 1947, Band 2, S. 222.

⁹⁷ Emil Henk. Die Tragödie des 20. Juli 1944. Heidelberg, 1946, S. 35.

⁹⁸ Хотя во время приезда Гёрделера в Смоленск осенью 1942 г. Ключе и дал свое согласие на участие в заговоре, тем не менее в октябре 1942 г. принял по случаю своего 60-летия денежный подарок от Гитлера в сумме 250 тысяч марок.

⁹⁹ Свидетельство проф. д-ра Рудольфа Фарнера, цит. по: E. Zeller. Geist der Freiheit. München, 1965, S. 242.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Ibid., S. 243.

¹⁰² Сообщение Гудрун Корфес, урожд. Мерц фон Квирнгейм.

¹⁰³ J. Kramarz. Op. cit., S. 67. В отличие от Штауффенберга его бывший товарищ по военному училищу граф фон Кильманзегг активно участвовал в осуществлении фашистской политики террора и уничтожения в Польше. Польская Главная комиссия по расследованию нацистских преступлений установила, что Кильманзегг, будучи начальником разведки (Ic) 1-й танковой дивизии, несет ответственность за убийство по меньшей мере 443 гражданских лиц («Neues Deutschland» vom 25. I. 1967, S. 7).

В 1941 г. Кильманзегг опубликовал написанную им в духе нацистской пропаганды книжонку «Танки между Варшавой и Атлантикой», в которой восхвалял фашистские захватнические походы и открыто выражал свою поддержку Гитлера и его политики. Впоследствии организовывал акты террора во Франции и

других странах. (K. Finker, Kiellmannsegg gestern und heute, in: «Mitteilungsblatt der AeO», Heft 11/1963, S. 12 ff.)

¹⁰⁴ Albert Krebs. Fritz-Dietlof Graf von der Schulenburg. Zwischen Staatsraison und Hochverrat, Hamburg, 1964, S. 175.

¹⁰⁵ Bodo Scheurig. Claus Graf Schenk von Stauffenberg, Berlin (W), 1964, S. 18.

¹⁰⁶ Waldemar Erfurth. Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945. Göttingen, 1960, S. 185.

¹⁰⁷ E. Zeller. Op. cit., S. 237.

¹⁰⁸ J. Kramarz. Op. cit., S. 82.

¹⁰⁹ E. Zeller. Op. cit., S. 244.

¹¹⁰ J. Kramarz. Op. cit., S. 89. Сравнение с позицией и действиями Штауффенберга в указанное время позволяет предположить, что, воспроизведя этот разговор, Гальдер преувеличивает, очевидно, чтобы подчеркнуть свою «антифашистскую» позицию и выставить себя идейным отцом последующего поступка Штауффенберга.

¹¹¹ E. Zeller. Op. cit., S. 244.

¹¹² J. Kramarz. Op. cit., S. 89.

¹¹³ Сообщение проф. И. Шнеера, цит. по: E. Zeller. Op. cit., S. 244.

¹¹⁴ «Freies Deutschland», 2. Jgg., № 33, 13. 8. 1944, S. 3.

¹¹⁵ J. Kramarz. Op. cit., S. 98.

¹¹⁶ «Geschichte des Grossen Vaterländischen Krieges der Sowjetunion», Band 2, Berlin, 1963, S. 425.

¹¹⁷ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 334.

¹¹⁸ Ibid., S. 576/577.

¹¹⁹ E. Zeller. Op. cit., S. 236.

¹²⁰ Ibid., S. 246/247.

¹²¹ J. Kramarz. Op. cit., S. 113.

¹²² Ibid.

¹²³ Ibid., S. 116.

¹²⁴ Сообщение генерал-лейтенанта в отставке барона Фридриха фон Бройха, цит. по: J. Kramarz. Op. cit., S. 114.

¹²⁵ E. Zeller. Op. cit., S. 247/248.

¹²⁶ J. Kramarz. Op. cit., S. 120.

¹²⁷ E. Zeller. Op. cit., S. 248.

¹²⁸ «Kaltenbrunner-Berichte», S. 395.

¹²⁹ Heinrich Fraenkel und Roger Manvell. Der 20. Juli. Berlin/Frankfurt (Main), Wien, 1964, S. 206, Anm. 2.

¹³⁰ Свидетельство графини Нины фон Штауффенберг, цит. по: J. Kramarz. Op. cit., S. 132.

¹³¹ Ibid.

¹³² Свидетельство Вильгельма Бюрклина, цит. по: Ibid., S. 131.

¹³³ G. Förster, H. Helmert, H. Otto, H. Schnitter. Der Preussisch-deutsche Generalstab 1640—1965, S. 263/264.

¹³⁴ Ferdinand Sauerbruch. Das war mein Leben. München, 1951. Цит. по: J. Kramarz. Op. cit., S. 132.

¹³⁵ E. Zeller. Op. cit., S. 254.

¹³⁶ Ibid.

III

В борьбе за свободную Германию 1943—1944 гг.

Борьба КПГ, движения «Свободная Германия» и других антифашистских сил

Граф Клаус Шенк фон Штауффенберг никогда прежде не соприкасался серьезно с коммунистическими идеями; не стал он коммунистом и до конца своей жизни. Тем не менее борьба немецких коммунистов и действовавших совместно с ними других патриотических сил оказала влияние на его позицию и на его решение. В кульминационной точке своей жизни и борьбы, готовя главный, как он надеялся, удар по нацистскому режиму, Штауффенберг и его друзья были на пути к союзу с немецкими коммунистами и с патриотическим движением «Свободная Германия».

Но прежде осветим кратко борьбу КПГ и других антифашистских сил, особенно движения «Свободная Германия», не претендуя при этом на всестороннее описание истории Сопротивления во время войны¹.

После 22 июня 1941 г. ЦК КПГ призвал немецкий народ к борьбе против фашистского нападения на Советский Союз. В обращении от 6 октября 1941 г. ЦК партии охарактеризовал эту войну как войну безнадёжную для немецкого народа. «Единственное спасение для немецкого народа — это положить конец войне. Но для того чтобы покончить с войной, надо свергнуть Гитлера. Пока Гитлер и его банда будут у власти, война не прекратится. И горе нашему народу, если мы, немцы, сами не наведем порядок в своей стране, а предоставим другим народам очищать Европу от фашистской чумы.

Пробил час, когда наш народ должен взять судьбу Германии в собственные руки, положить конец войне и добиться почетного мира»².

ЦК КПГ заявил, что освобождение от фашистского режима должно привести к созданию такой Германии, «которая сможет наконец жить в мире и станет воплощением истинной воли народа. В ней не будет места для господства гиен-плутократов и фашистских разбойников. Вся власть в этой Германии будет принадлежать нашему честному, трудолюбивому народу. В новой Германии не будет безработицы. Право на труд в ней будет гарантировано, а крестьяне получат право распоряжаться по своему усмотрению продуктами своего труда. В новой Германии будет покончено с фашистским варварством и не богатство и происхождение, а способности и труд человека будут определять его положение в обществе. И в этой Германии навсегда исчезнет вопиющее противоречие между богатством одних и невероятной нуждой других. Это будет нерасчлененная, независимая Германия, равная среди равных, живущая в мире со всеми народами»³.

В этой программе действий нашла свое применение стратегия и тактика, выработанная на Брюссельской и Бернской конференциях КПГ; она указывала путь к спасению немецкой нации.

Немецкие коммунисты реагировали на фашистское нападение усилением своей борьбы. Во многих частях Германии произошел подъем антифашистской деятельности. Вместе с другими антифашистами коммунисты создали такие крупные, централизованные организации Сопротивления, как организация Урига, организация Шульце-Бойзена — Харнака, организация Бестляйна — Якоба — Абсхагена, организация Нойбауера — Позера и организация Лехляйтера⁴. Удалось вовлечь в борьбу и многих антифашистов, не принадлежавших к коммунистическому движению. Самоотверженно боролись против нацистского режима также многие члены и функционеры социал-демократической партии.

Находившиеся в эмиграции социал-демократические лидеры заняли двоякую позицию. Лондонская

группа Правления СДПГ в конце июня 1941 г. выразила питаемую антисоветской ненавистью надежду на то, что Германия и Советский Союз взаимно истощат себя в «длительных схватках», дабы «мощь британской и американской демократии» смогла «стать господствующим фактором политического преобразования мира»⁵. Другие же группы, напротив, высказались за антигитлеровскую коалицию. Однако правые лидеры социал-демократии, как и прежде, отклоняли совместные действия с коммунистами.

В своей борьбе за создание широкого антифашистского фронта немецкие коммунисты сталкивались с тем воздействием, которое оказывала на широкие слои немецкого народа, в том числе и на трудящиеся массы, разнузданная антикоммунистическая, шовинистическая пропаганда. Многие немцы, писал Вальтер Ульбрихт о тогдашних условиях, «почувствовали себя «хозяевами Европы», которым позволено грабить и поработать другие народы. Во имя утверждения «нового порядка» в Европе, во имя расширения «жизненного пространства» для Германии они оправдывали грабительские войны Гитлера против всех европейских стран. Даже среди рабочих были такие, которые усматривали «немецкий социализм» в тех жалких крохах, которые перепалили им со стола немецких монополистов и юнкеров — подлинных хозяев Германии. Они повторяли ложь Геббельса, будто в Германии финансовый капитал утратил свое решающее значение»⁶.

Только обретя в дальнейшем горький опыт тяжелых испытаний, широкие круги немецкого народа осознали, что освобождение от фашизма отвечает их национальным интересам.

Растущему пониманию того факта, что война проиграна, содействовали прежде всего крупные поражения вермахта зимой 1941/42 г. Сообщения о зверствах нацистов в оккупированных областях все больше приводили людей различных классов и слоев к осознанию необходимости уничтожить нацистский режим.

Многие из тех, кто дотоле верил антикоммунистической лжи, начали теперь проявлять интерес к заяв-

лениям коммунистов, убеждаясь в том, что эти заявления указывают реальный выход, что коммунисты в своей политике на самом деле всегда исходили из национальных интересов, а антикоммунистическая пропаганда постоянно старалась исказить это. Разъяснительная работа коммунистов находила все больший отклик.

Примером подобного развития служит «Белая роза» — известная буржуазная студенческая группа, образовавшаяся в Мюнхенском университете. Ее руководители Ганс Шолль и Александр Шморелль сумели избавиться от антисоветских и антикоммунистических предрассудков и в составленной ими в январе 1943 г. листовке призвали всех немцев: «Не верьте национал-социалистской пропаганде, заставляющей вас дрожать от страха и ужаса перед большевизмом!.. Идею империалистического господства, с какой бы стороны она ни шла, надо обезвредить навсегда... При помощи разумного социализма рабочий класс должен быть освобожден из того состояния глубочайшего рабства, в котором он находится»⁷. Таким выводам способствовали также и личные контакты студентов с коммунистами, в том числе с д-ром Фальком Харнаком — братом Арвида Харнака.

Попавшие в советский плен немецкие солдаты и офицеры наиболее отчетливо увидели сами последствия фашистской политики, ведущей к катастрофе, а также вопиющее противоречие между геббельсовской ложью и реальной действительностью. Разумеется, и здесь процесс осознания шел не без конфликтов и длился немалое время.

Подавляющая часть немецких солдат все еще находилась под влиянием фашистской идеологии и из ложно понятого чувства национального и воинского долга даже в плену отказывалась открыто выступать против Гитлера. Большинство военнопленных поначалу все еще верили в победу германского вермахта и потому рассчитывали на свое скорое освобождение из плена.

Однако под воздействием убедительных аргументов, после основательного обсуждения, 158 находившихся в советском плену немецких солдат 10 октября

1941 г. подписали «Призыв к немецкому народу», начинавшийся словами: «Поражение Гитлера неизбежно! Свержение Гитлера — спасение немецкого народа!» Обращение, проект которого был предложен Политбюро ЦК КПГ, подробно разъясняло, почему фашистская Германия должна неизбежно проиграть войну, обосновывало принципы новой, демократической Германии. Оно заканчивалось словами: «Гитлер ведет Германию к самому худшему Версалию, ведет к тому, что Германия будет расчленена, а немецкому народу придется платить за все причиненные войной убытки, которые Европа и Советский Союз понесли из-за Гитлера. Хотите избежать этой участи — свергайте Гитлера и создавайте свободную и независимую Германию»⁸. В числе подписавших это обращение 158 человек, составлявших примерно десятую часть военнопленных одного из лагерей, было 113 рабочих, 13 сельскохозяйственных рабочих, 11 крестьян, 9 служащих, 7 лиц свободных профессий и представителей среднего сословия⁹.

На офицерском собрании лагеря военнопленных в Елабуге 21 мая 1942 г. капитан д-р Эрнст Хадерман произнес речь, которая, будучи затем напечатанной в виде листовки в количестве 500 тысяч экземпляров, оказала значительное влияние на изменение позиции немецких солдат и офицеров. Д-р Хадерман, буржуазный школьный советник из Касселя, почитатель Платона и Стефана Георге, раненым попавший в советский плен, сравнивал в своей речи нацистскую ложь с действительностью, осудил захватническую и угнетательскую политику властителей Германии и опроверг аргументацию противников открытой борьбы против Гитлера. Вопрос о том, служит ли присяга, принесенная Гитлеру, препятствием для этой борьбы, все еще играл для военнослужащих вермахта большую роль. Поэтому Эрнст Хадерман особо остановился на данном вопросе.

«Да, мы связаны нашей присягой... Отречься от нее было для нас тяжело, очень тяжело. Мужская сдержанность не позволяет нам говорить о пережитой нами душевной борьбе. Но господь, испытующий нашу совесть и прозревающий ее, узрит наши страда-

ния, чистоту наших помыслов и оправдает нас... Придя к власти путем злодеяний, он [Гитлер] ослепленный безумием, ведет народ к катастрофе... Превыше верности одному человеку, Адольфу Гитлеру, для нас верность всему нашему народу, и мы приняли наше решение, готовые заплатить за него своей жизнью. Мы принимаем это решение со святой убежденностью в том, что только так можно спасти наш народ от катастрофы и обеспечить его будущее...

Что такое измена? Измену совершает тот, кто ради собственной выгоды наносит ущерб Отечеству. Мы же ради спасения Отечества берем весь ущерб на себя. Мы не предатели Отечества, а спасители Отечества... Наше достоинство и наша честь — не в формальном выполнении присяги, принесенной нами Гитлеру, а в подлинном выполнении нашего долга верности своему народу»¹⁰.

Отвечая на другие обвинения сторонников Гитлера, Эрнст Хадерман заявлял, что антифашисты ведут дело не к краху Германии, а к тому, чтобы свержением Гитлера не допустить этого краха: они стремятся не к расчленению Германии, а к тому, чтобы воспрепятствовать ему немедленным заключением мира. В ответ на еще одно обвинение он говорил:

«Наши буржуазные сослуживцы по армии бросают нам обвинение в том, что мы — марксисты. Мы не воспринимаем это как обвинение, ибо в наших глазах быть марксистом — не позор. Однако мнение наших противников необоснованно. К нашей антифашистской группе принадлежат люди всех политических оттенков — за исключением национал-социалистов, люди различных сословий и различного вероисповедания. И мы хотим вовсе не создания марксистской Германии. У нас одна общая цель: свержение Гитлера, восстановление свобод немецкого народа и мира. Выбор государственной формы — дело самого немецкого народа»¹¹.

То были слова офицера, который не являлся коммунистом и который не уклонился от трудного решения, но на основании своего опыта и своего гуманистического мировоззрения, пройдя далеко не простой

процесс развития, бескомпромиссно встал на позицию антифашизма. Этот путь проделали в дальнейшем многие немецкие солдаты и офицеры.

Если сравнить политические взгляды, к которым пришел майор Штауффенберг во второй половине 1942 г., с изложенными выше взглядами капитана Хадермана, можно без преувеличения сказать: знай Штауффенберг об этой речи, он, вероятно, воспринял бы ее положения как собственные. И для него лично проблема присяги решалась аналогичным образом, он тоже безоговорочно стоял за свержение Гитлера, за установление демократического строя внутри страны и мирных отношений с другими странами.

6 декабря 1942 г. руководство КПГ опубликовало «Манифест мира к немецкому народу и германскому вермахту», переданный по радиостанции «Дойчер фольксзендер» и распространенный в Германии подпольными партийными организациями. «Манифест» расценивал военное и политическое положение Германии как безнадежное и призывал народ не допустить грозящей катастрофы: «Путь к справедливому миру откроется перед нашим народом только в том случае, если он сам покончит с этой войной, гитлеровской системой и ее политикой насилия!.. Такие силы есть как в подавленных гитлеровским правительством партиях и организациях, так и в вермахте и среди оппозиции внутри национал-социалистского лагеря; они есть в рядах рабочего класса так же, как и интеллигенции, крестьянства, средних слоев и буржуазии. Будь то сторонник одной из старых крупных партий — Центра, Немецкой национальной партии, Коммунистической партии или социал-демократии, будь то бывший член христианских или Свободных профсоюзов, кооперативов или спортивного движения, будь то старый штурмовик или человек, по принуждению вступивший в одну из национал-социалистских организаций, всех их должна объединить в борьбе общая воля к миру, праву и свободе!

Каждый, кто против войны и против Гитлера, должен быть в рядах великого национального движения за мир!»¹²

Распространение «Манифеста» явилось важным шагом на пути создания того национального центра антифашистского Сопротивления, который был предложен Политбюро КПГ еще в апреле 1942 г.¹³

Крупное поражение фашистского вермахта на Волге в начале 1943 г. дало толчок повороту в умах многих людей в самой Германии, а также многих солдат и офицеров на фронте. В стране назревал внутриполитический кризис, все более обострявшийся в течение 1943 г. и становившийся самым всеобъемлющим кризисом фашистского строя.

После подготовительных совещаний и обсуждений 12—13 июля 1943 г. в Красногорске, под Москвой, по инициативе ЦК КПГ был основан Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ), в который вошли военнопленные немецкие солдаты и офицеры, депутаты рейхстага от КПГ, профсоюзные функционеры, писатели, верующие — христиане обоих вероисповеданий. НКСГ имел следующий социальный состав: 13 рабочих, 1 крестьянин, 4 служащих, 19 интеллигентов, 1 священнослужитель, 1 студент, 1 издатель, 4 кадровых военных. КПГ была представлена 13 членами НКСГ, в том числе: Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Вильгельм Флорин, Антон Аккерман, Вилли Бредель, Эдвин Хёрнле. 25 членов НКСГ являлись солдатами и офицерами (в чине до майора). Председателем НКСГ был избран поэт-коммунист Эрих Вайнерт, вице-председателями: майор Карл Хец, лейтенант граф Генрих фон Айнзидель и солдат Макс Эрмендёрфер. НКСГ представлял собой «прочный антифашистский боевой союз различных слоев народа и национально мыслящих элементов армии, в котором рабочий класс под руководством КПГ осуществлял свою гегемонию»¹⁴.

Учредительное заседание НКСГ приняло «Манифест Национального комитета «Свободная Германия» к немецкому народу» — совместную политическую платформу борьбы за прекращение войны и за создание независимой, антифашистской, свободной Германии. «Манифест» давал оценку положения на фронтах и констатировал: «Война проиграна. Германия может продержаться еще некоторое время лишь ценой неиз-

меримых жертв и лишений. Продолжение безнадежной войны было бы равносильно гибели нации»¹⁵. «Манифест» звал на борьбу за создание народного правительства, которое уничтожит нацизм, немедленно заключит мир, ликвидирует последствия войны, покарает военных преступников и конфискует имущество тех, кто виновен в войне и нажился на ней. О характере нового государства в «Манифесте» говорилось: «Сильная демократическая государственная власть, которая не будет иметь ничего общего с бессилием веймарского режима, демократия, которая будет решительно подавлять в зародыше любую попытку возрождения заговоров против прав и свободы народа или против мира в Европе»¹⁶.

Образование НКСГ положило начало новому этапу немецкого антифашистского Сопротивления. НКСГ превратился в политический и организационный центр немецких антифашистов внутри Германии и за ее пределами. Он представлял собой германскую антигитлеровскую коалицию, руководящую роль в которой играли рабочий класс и его революционная партия.

История возникновения, цели, состав и деятельность НКСГ категорически опровергают выдвинутый фашистами и подхваченный впоследствии западногерманскими империалистическими идеологами тезис, будто НКСГ являлся советским пропагандистским инструментом. У НКСГ не было иной цели, кроме как свержение фашизма, спасение немецкого народа и создание основ миролюбивой демократической Германии. Само собой разумеется, Советский Союз, ведший тяжелую, полную жертв борьбу против фашистов, проявлял большой интерес к тому, чтобы найти и привлечь на свою сторону союзников в самом немецком народе. Поэтому советские государственные органы и КПСС оказывали НКСГ поддержку и с большой заинтересованностью следили за его деятельностью. Борьба за уничтожение фашизма отвечала интересам как советского, так и немецкого народа.

Значительное расширение фронта этой борьбы произошло в связи с образованием 11—12 сентября 1943 г. в Лунева, под Москвой, Союза немецких офи-

церов (СНО). Президентом союза, в который к февралю 1945 г. вступило около 4000 офицеров, в том числе — генерал-фельдмаршал и 51 генерал, был избран генерал Вальтер фон Зейдлиц. СНО объявил о своем присоединении к движению «Свободная Германия», и генерал фон Зейдлиц и генерал-лейтенант Александр Эдлер фон Даниэльс стали также и вице-председателями НКСГ. Вплоть до конца войны НКСГ и СНО вели на фронте и в лагерях для военнопленных широкую работу, направленную на то, чтобы побудить военнослужащих вермахта к прекращению бессмысленной войны и привлечь на свою сторону немцев для демократического строительства послевоенной Германии.

В январе 1944 г. Вальтер Ульбрихт писал в газете «Фрайес Дойчланд»: «Чем сильнее будут в нашем народе здоровые силы, которые, объединившись в движение «Свободная Германия», мужественно начинают в рядах вермахта и в тылу борьбу против Гитлера, тем скорее будет сметено обанкротившееся гитлеровское правительство, тем скорее будет прекращено разрушение Германии и обескровливание нашего народа, тем скорее будет устранен тот позор, который навлек Гитлер на немецкий народ, тем скорее голос немецкого народа снова станет слышен всему миру»¹⁷.

После происшедшего в феврале 1944 г. в районе Корсунь-Шевченковского окружения, в котле которого в результате преступного приказа «биться до последнего» нашли свою смерть 55 тысяч немецких солдат, генерал Вальтер фон Зейдлиц писал: «Необходимо всеми силами бороться с тем помутнением разума, до которого довел немцев Гитлер. Для этого мы будем идти по следам каждой лжи Гитлера, вскрывать и уничтожать ее. И мы преодолеем это помутнение разума. Необходимо и физически уничтожить тех, кто совершает преступление по отношению к немецкому народу, — Гитлера и его верных подручных. Мы не остановимся и перед этим»¹⁸.

В феврале 1944 г. подпольное оперативное руководство КПГ в Германии приняло документ «Мы, коммунисты, и Национальный комитет «Свободная

«Германия»», в котором солидаризировалось с этим движением и подчеркнуло необходимость широкого антифашистского фронта. «Мы, коммунисты, — говорилось в документе, — протягиваем руку любому противнику Гитлера ижимаем каждую руку, честно протянутую нам для совместной борьбы против Гитлера, этого врага народа»¹⁹. Главными лозунгами документа служили те же лозунги НКСГ: свержение Гитлера, немедленное прекращение войны, создание свободной, демократической Германии.

Сопоставление этой политической линии с политической линией группы Гёрделера еще раз показывает их принципиальную противоположность, определяющуюся противоположными классовыми позициями. Конечно, Гёрделер и его единомышленники тоже желали свержения Гитлера, однако только для того, чтобы по возможности спасти самое существование германского империализма, более того — даже и значительную часть захваченных областей и награбленных ценностей. Немецкие коммунисты, а также другие прогрессивные силы отдавали себе отчет в том, что главные силы оппозиционного движения крупной буржуазии, о существовании которого им давно известно, не носят антифашистского характера, а стремятся вовремя сбежать с тонущего корабля, то есть отмежеваться от Гитлера и некоторых наиболее скомпрометировавших себя нацистских главарей, чтобы спасти позиции своей власти.

Организация Шульце-Бойзена — Харнака, политическое ядро которой состояло из коммунистов и которая через Клауса Бонхёффера, Вильгельма Лёйшнера и Адама Тротт цу Зольца находилась в контакте с заговором Гёрделера, писала в одной из своих подпольных листовок:

«Политика определенных германских феодалов, дипломатов, банкиров и т. п., мечтающих о том, чтобы после государственного переворота путем кровавого преследования всех прежде причастных к власти лиц создать новую политическую базу и затем за счет России примирить реставрированную Германию с «плутократами» (подразумевались империалистические круги западных держав. — К. Ф.), не имеет под собой

никакой почвы и не принесет мира. При помощи ненависти, демагогии и враждебного прогрессу мировоззрения будущего не обеспечить. Наоборот, друзья нашего народа находятся в рядах прогрессивных сил Европы и в СССР. Сотрудничество с этими силами — вот к чему должно стремиться будущее германское правительство. Эти силы должно оно поддерживать»²⁰. Эта организация антифашистского Сопротивления боролась за республику, в которой власть осуществлялась бы рабочим классом в союзе со всеми трудящимися, и отвергала реакционные цели Гёрделера.

Из приведенных высказываний видно, что оперативное руководство КПГ в Германии имело ясное представление о положении внутри господствующего класса и делало из этого надлежащие выводы. В материале, предназначавшемся для руководящих кадров подпольной борьбы, ситуация октября 1943 г. оценивалась следующим образом:

«Кризис германского фашизма является не только кризисом одной лишь клики или государственного аппарата, а кризисом германской буржуазии. И точно так же, как итальянская буржуазия свержением Муссолини пытается обеспечить себе выход с целью сохранения своего классового господства, германская буржуазия тоже не навеки заключила брак с Гитлером. Она сделает все для того, чтобы — если не с ним, так против него, — несмотря на военный разгром и политическую катастрофу, найти для себя выход, позволяющий сохранить капиталистическую систему»²¹.

Однако борьба КПГ и НКСГ была направлена не только против отдельных главарей режима, а имела целью разгром фашистской системы в целом. Это включало уничтожение социально-экономических корней фашизма, бескомпромиссную борьбу с нацистской идеологией, а также установление мирных отношений с другими странами и подлинно демократического строя внутри самой Германии.

Вместе с тем эти цели служили критериями подлинного антифашистского Сопротивления. Поэтому абсурдно выдавать империалистический заговор Гёрделера за вершину «Сопротивления», как это де-

дается в бесчисленных писаниях западногерманской историографии, которая стремится не только создать алиби немецкой крупной буржуазии, но и зачеркнуть борьбу коммунистов.

Вальтер Ульбрихт вполне справедливо утверждал в своей речи по случаю 50-летия КПГ:

«Состав и политика Национального комитета «Свободная Германия» показали немецкому народу, что Коммунистическая партия последовательно боролась за объединение всех антигитлеровских сил и поддерживала движение, еще более широкое, чем Народный фронт.

Таким образом, Коммунистическая партия Германии являлась единственной партией, которая занимала четкую позицию по всем вопросам борьбы против Гитлера, имела свои руководящие органы как в самой стране, так и за ее пределами и, несмотря на огромные жертвы, возглавляла антифашистскую борьбу и привлекла на свою сторону в этой борьбе в качестве ее участников многих немцев из всех слоев народа»²².

Образование патриотической группы Штауффенберга

Когда граф Штауффенберг 1 октября 1943 г. приступил к службе в Общевойсковом управлении Главного командования сухопутных войск (ОКХ) в Берлине, он был не только готов действовать против нацистского режима: у него уже имелись определенные соображения насчет того, как должна выглядеть Германия после свержения Гитлера. Как отмечалось выше, соображения эти еще носили весьма общий, а отнюдь не четко очерченный программный характер. Для конкретизации их имело значение то, что здесь, в Берлине, Штауффенберг встречался с людьми различных направлений, некоторые из которых придерживались прогрессивных политических взглядов. Вскоре Штауффенберг — и это было для него ново — стал принимать участие в спорах относительно политиче-

ских концепций, причем слово его приобретало все больший вес.

В августе или сентябре 1943 г. Штауффенбергу пришлось впервые лично встретиться с Гёрделером и Беком. Встречи с ними стали в дальнейшем частыми. Гёрделер сообщил адвокату Вирмеру, что для планирования военных акций «теперь используется один особенно способный офицер генерального штаба»²³. Штауффенбергу, Беку и Ольбрихту удалось убедить Гёрделера в необходимости покушения на Гитлера с целью его устранения. Первоначально Гёрделер требовал, чтобы военные лишь создали ему, Гёрделеру, возможность обратиться по радио к народу и вермахту. Таким образом он надеялся изолировать Гитлера. Но теперь все планы предусматривали в качестве отправной точки успешно осуществленное покушение.

Однако Штауффенберг участвовал и в политических дискуссиях с Гёрделером и его группой. Его связывало с Гёрделером то, что и тот желал устранения Гитлера и ради этого тоже рисковал жизнью.

Реакционные политические планы Гёрделера поначалу еще не являлись для Штауффенберга предметом критического анализа. Штауффенберг — и, учитывая его происхождение, это неудивительно — еще в 1943 г. и в первые месяцы 1944 г. считал наилучшим решением немедленное заключение мира с Англией и США, чтобы удерживать фронт на Востоке. Военные успехи Красной Армии, а также собственный политический опыт привели его в конечном счете к пониманию того, что мир и добрососедские отношения следует установить со всеми государствами, в том числе и с Советским Союзом. Для вызревания этой и подобных точек зрения важное значение имели встречи Штауффенберга с людьми, стоявшими на прогрессивных позициях.

Чем более ухудшалось положение в Германии, чем грознее становился надвигавшийся военный, политический и экономический крах, тем настоятельнее вставала перед оппозиционными силами необходимость действовать, а вместе с нею — и вопрос: что же будет после свержения Гитлера? В ходе этого процесса внутри буржуазной оппозиции к концу 1943 — началу

1944 г. образовалась вокруг Клауса фон Штауффенберга группа патриотов, которые начали преодолевать свою буржуазную классовую ограниченность и создавать концепцию, во многих пунктах отвечавшую движению «Свободная Германия» или же, по меньшей мере, близко подходившую к ней. Эта группа отличалась от группы Гёрделера, которая по сути своей выражала классовые интересы определенной части крупной буржуазии, а также военной касты.

Группа Штауффенберга отличалась также и от группы уволенных в отставку военных старой школы — таких, как Бек, фон Вицлебен и Гёпнер. Правда, к Беку Штауффенберг питал личную симпатию.

Кто же были люди, сгруппировавшиеся вокруг Штауффенберга? Это прежде всего группа молодых офицеров генерального штаба. Подобно самому Штауффенбергу, они до войны видели в военной службе лишь «выполнение своего долга», некоторые из них первоначально даже приветствовали нацизм. Пережитое во время войны, результаты хода военных действий, осведомленность о фашистских преступлениях — все это заставило их осознать необходимость устранения Гитлера и уничтожения всего нацистского террористического аппарата. Однако представления об облике Германии после свержения Гитлера были у них весьма различны. К этой группе принадлежали в первую очередь Мерц фон Квирнгейм, Штифф и Тресков.

Полковник генерального штаба *Альбрехт Риттер Мерц фон Квирнгейм* (род. в 1905 г.), дворянский род которого происходил из Южной Германии, дружил со Штауффенбергом еще со времен совместной учебы в Военной академии. В 1920 г. Мерц переехал в Потсдам, так как его отец, генерал-лейтенант доктор *honoris causa* Герман Риттер Мерц фон Квирнгейм, стал президентом Имперского архива. Здесь он посещал гимназию им. Виктории. В январе 1923 г. поступил в 19-й пехотный полк в Ландсхуте. Во время войны идейно порвал с нацизмом.

Сестра Мерца фон Квирнгейма вышла замуж за генерал-майора Корфеса, который, попав под Сталинградом в плен, вскоре стал одним из самых активных деятелей Союза немецких офицеров и НКСГ.

Мерц одобрял поведение своего родственника и солидаризировался с целями НКСГ²⁴. Генерал Корфес писал после 20 июля 1944 г. о Мерце: «Духовно высокоодаренный и обладавший прекрасными чертами характера, он не посрамил имя родителей своей короткой жизнью и своей смертью. Военские склонности сочетались в нем с серьезной любовью к науке, особенно, как и у его отца, к истории... Во время войны Альбрехт фон Мерц занимал различные должности в генеральном штабе, затем до середины 1943 г. работал в Организационном управлении генерального штаба, а под конец был начальником штаба XXIX армейского корпуса.

В 1933 г. Альбрехт фон Мерц был откомандирован в отряды СА. Его первоначальное увлечение национал-социализмом быстро уступило место разочарованию, лишь только он распознал пустоту и неискренность, глубокое противоречие между словом и делом. Решение напасть на Россию глубоко потрясло его, а ход войны лишил последней веры; зверства, чинимые там, породили в сердце его ненависть к тем, кто позорил имя немца»²⁵.

Особенное впечатление произвело на Мерца фон Квирнгейма окружение немецких войск Советской Армией в марте — апреле 1944 г. в районе Тарнополя, где во время боев уполномоченные НКСГ вели через линию фронта интенсивную политико-разъяснительную работу среди немецких солдат²⁶.

Когда 1 июля 1944 г. Штауффенберг был назначен начальником штаба при командующем армией резерва, он позаботился о том, чтобы Мерц стал его преемником в качестве начальника штаба при Ольбрихте. Мерц был одним из самых активных участников подготовки и проведения попытки государственного переворота 20 июля 1944 г.

К числу самых близких боевых соратников Штауффенберга принадлежал также генерал-майор *Гельмут Штифф*. Он родился в 1901 г. в Дойч-Эйлау, в 1922 г. был произведен в лейтенанты 3-го артиллерийского полка и в 1938 г. переведен на службу в генеральный штаб сухопутных войск. Штиффа характеризовали как офицера, который уже в 30-е годы

проявлял интерес к политике и критиковал террористические методы нацистов²⁷. Он был профессионально одарен, жизнерадостен, обходителен, обладал чувством ответственности, хотя и не был лишен тщеславия; активно участвовал в политических событиях. Сохранившиеся письма Штиффа позволяют проследить формирование его антинацистской позиции. Так, в ноябре 1939 г. он писал после поездки по Польше: «Я стыжусь быть немцем! Это меньшинство (имелись в виду нацисты. — К. Ф.), обуянное жаждой убийства, грабежа и желанием предать все огню и мечу, оскверняет немецкую честь и явится бедствием для всего немецкого народа, если мы не выьем из его рук оружие убийства. Ведь такие вещи, которые были обрисованы и подтверждены на месте компетентными органами, способны лишь пробудить мстящую Немезиду. Или же этот сброд однажды поступит с нами, порядочными людьми, точно так же и будет с присутствующим ему патологическим фанатизмом терроризировать собственный народ»²⁸.

С такой резкостью, как Штифф, в то время едва ли высказывался о нацистах и их преступлениях какой-либо другой офицер. Вместе с тем высказывание это показывает и классовую ограниченность Штиффа: он боялся, что в будущем нацисты станут расправляться с «порядочными людьми», но не желал признать, что они уже давно подвергли кровавому террору значительную часть немецкого народа — коммунистов и других честных демократов.

В письме от 23 августа 1941 г. Штифф характеризовал атмосферу в ставке фюрера как «отвратительную и недостойную». В сентябре 1941 г. он стал 1-м офицером (начальником оперативного отдела) штаба 4-й армии и участвовал в зимней битве под Москвой. 19 ноября 1941 г. Штифф назвал угон евреев из Минска в Германию делом, «недостойным народа, выдающего себя за культурный», и сделал вывод: «Все это *должно* когда-нибудь обратиться местью нам — и по справедливости! Позор, что из-за нескольких мерзавцев наш столь порядочный народ ввергается в бедствие. Все стало куда хуже, чем два года назад в Польше».

В письме от 10 января 1942 г., то есть в период первого советского контрнаступления на центральном участке советско-германского фронта, Штифф писал: «Все мы приняли на себя столько вины, все мы тоже несем такую ответственность, что наступающее возмездие явится для всех нас справедливым наказанием за все те позорные деяния, которые мы, немцы, совершали или терпели за последние годы. В сущности говоря, мне доставляет удовлетворение, что в мире все-таки еще есть уравнивающая зло справедливость! Даже если самому мне суждено пасть ее жертвой. Я устал от этого бесконечного ужаса!»

Штифф отличался от многих оппозиционных офицеров тем, что гуманистическое чувство справедливости давно вызывало в нем желание поражения нацистской Германии.

В октябре 1942 г. Штифф был назначен начальником Организационного управления генерального штаба сухопутных войск и на этом посту являлся начальником Штауффенберга, который вскоре был переведен в Африку. Он имел золотой «Германский крест». В 1942 г. Штифф встречался с Тресковым и Ольбрихтом и присоединился к оппозиционной генштабистской группе. Будучи самым молодым из получивших 30 января 1944 г. чин генерала, он одновременно участвовал в подготовке покушения на Гитлера, что отражало противоречивость его личности.

С августа 1943 г. Штауффенберг поддерживал тесное духовное и деловое общение с полковником, а с 30 января 1944 г. — генералом *Хеннингом фон Тресковым* (род. в 1901 г.), которого он немного знал еще по прежним командировкам на Восточный фронт. Тресков, происходивший из старинного прусского дворянского и офицерского рода, еще в 1918 г. участвовал в первой мировой войне и служил в контрреволюционных формированиях, однако покинул армию и стал не без успеха биржевым маклером. После годичной зарубежной поездки, предпринятой в 1924 г., был зачислен лейтенантом в обладавший старинными традициями весьма аристократический 9-й пехотный полк в Потсдаме, обучался в Военной академии и в 1936 г. был назначен в Оперативное управление генерального шта-

ба. Командир полка, начальник штаба 2-й армии и затем начальник оперативного отдела (1а) штаба группы армий «Центр» — таковы вехи его военной карьеры во время второй мировой войны. Трескова характеризуют как опытного кадрового военного, который, однако, ненавидел муштру и предпочитал ходить в штатском.

Войну против Советского Союза Тресков назвал «дерзостью превеликого дилетанта, предпринятою, несмотря на то, что Англия все еще не побеждена»²⁹. Эта оценка касалась, как мы видим, только военной стороны дела. Гораздо больше беспокоило Трескова сознательное планирование нацистами преступлений на основе отданного в мае 1941 г. так называемого приказа о комиссарах (который предписывал убийство политических комиссаров и политработников Красной Армии), а также на основе приказа о подсудности в районе действия плана «Барбаросса», который, в частности, предусматривал расстрел всех «подозрительных» гражданских лиц без приговора военно-полевого суда. Тресков заявил тогда уполномоченному абвера в группе армий «Центр» полковнику барону фон Герсдорфу: «Если нам не удастся побудить фельдмаршала (Браухича. — К. Ф.) предпринять, даже пустив в ход весь свой авторитет, все возможное для того, чтобы отменить эти приказы, Германия окончательно потеряет свою честь, а это будет давать себя знать на протяжении сотен лет. Вину за это возложат не на одного только Гитлера, а и на вас и на меня, на вашу жену и на мою, на ваших детей и на моих»³⁰. Тщетно надеялся Тресков, что Браухич, а также командующие трех групп армий — фон Бок («Центр»), фон Рундштедт («Юг») и фон Лееб («Север») — добьются от Гитлера отмены этих приказов.

Начиная с 1942 г. Тресков готовит убийство Гитлера. Он заявил, что Гитлер сам тысячекратно нарушил присягу, а потому принесенная ему присяга не имеет больше силы. До нас дошли относящиеся к тому времени слова Трескова, сказанные одному доверенному человеку: «Разве это не удивительно, что два полковника сидят здесь, в генеральном штабе германской армии, и обсуждают, как лучше убить главу государства! И все-таки это — единственное решение,

чтобы спасти немецкий народ от величайшей катастрофы во всей его истории»³¹. В феврале 1942 г. Тресков установил связь с заговорщиками в Берлине и имел беседу с Гёрделером, когда тот осенью 1942 г. посетил штаб группы армий «Центр» в Смоленске. Тресков неоднократно пытался побудить к участию в заговоре фельдмаршала Клюге. Тот не раз соглашался, но в конце концов не решался. В 1943 г. Тресков играл большую роль в организации первого покушения на Гитлера.

Хеннинг фон Тресков принадлежал к самым решительным и наиболее энергичным офицерам — участникам заговора. Он страстно ненавидел Гитлера, но все же не сумел подняться до той высоты политического понимания и предвидения, которая отличала Штауффенберга, Мерца фон Квирнгейма и других. Это отчасти обуславливалось тем, что он не мог принимать участия в тех политических спорах, которые происходили в среде заговорщиков в Берлине.

Вокруг Штауффенберга собралась также группа пожилых генералов из ОКХ и генерального штаба, ожидавших от более молодого, деятельного офицера энергичных действий по осуществлению планов государственного переворота. Эти генералы воевали в первую мировую войну и как бывшие офицеры рейхсвера находились под влиянием фон Секта, фон Гаммерштейна и Бека. Они внимательно следили за политической жизнью Веймарской республики. Преступления фашистов и надвигавшаяся военная катастрофа сделали их противниками нацистского режима. Они так же желали не только устранения Гитлера, но и уничтожения фашистского строя. Речь идет в первую очередь об Ольбрихте, Вагнере и Линдемани.

Генерал пехоты *Фридрих Ольбрихт* родился в 1888 г. в Лейпциге (Саксония), в 1908 г. был произведен в лейтенанты, прослужил пять лет в отделе «Иностранные армии» министерства рейхсвера, затем длительное время являлся начальником штаба 4-й дивизии в Дрездене. В польской кампании принимал участие в качестве командира дивизии и одним из первых среди офицеров получил «Рыцарский крест». С февраля 1940 г. возглавил Общевойсковое управле-

ние ОКХ на Бендлерштрассе в Берлине; 1 июля 1940 г. получил чин генерала пехоты. В процессе своей деятельности он поддерживал близкие отношения с Бекком, Остером, Штюльпнагелем, Вицлебенем, а также с Гёрделером, Попицем и Хасселем, не разделяя, однако, их реакционной концепции.

Еще во времена Веймарской республики Ольбрихт интересовался политическими вопросами. Полковник запаса Вацдорф, который когда-то служил под начальством Ольбрихта как командира роты, сообщает, что тот в середине 20-х годов обратил его внимание на работы Эрнста Никиша, особенно на журнал «Видерштанд» («Сопротивление»), выступавший за дружественные отношения с Советским Союзом³². Разумеется, говорит Вацдорф, Ольбрихт не являлся сторонником социализма, однако — примерно в духе Секта — стоял за хорошие отношения и сотрудничество с Советским Союзом³³. Его рисуют интеллигентным, начитанным офицером, обладавшим большими познаниями и опытом в организационной и тактической областях. Он читал произведения В. И. Ленина и называл его одним из крупнейших умов нашей эпохи, уважал чужое мировоззрение, если оно порождалось честным убеждением в правоте своих взглядов³⁴.

Несмотря на всю восприимчивость к новым политическим взглядам, Ольбрихту все же не удалось полностью освободиться от груза традиций и сословных предрассудков. В силу чувства порядочности и справедливости, а также благодаря присущему профессионалу пониманию политических и военных реальностей происходящего он был готов действовать против нацистского режима. Важную стимулирующую роль сыграли в этом два события, глубоко затронувшие Ольбрихта лично: осведомленность о преступлениях фашистов во временно оккупированных областях Советского Союза и гибель сына на фронте.

Майор Бернхард Бехлер писал после 20 июля 1944 г. об Ольбрихте: «Служа в 10-м пехотном полку, будучи затем полковым адъютантом в 24-й пехотной дивизии и, наконец, в период моей деятельности в ОКХ я весьма хорошо знал генерала Ольбрихта. Солдаты и офицеры особенно любили его, уважали за

большие способности, за большое умение вести переговоры в любых кругах.

В критический период декабря 1941 г. мне довелось после пятидневной служебной поездки беседовать с ним. Это было как раз в тот самый день, когда ввиду катастрофического положения на Восточном фронте Гитлер приказал в порядке срочной мобилизации сформировать дивизии «Рейнгольд» и «Валькирия». Он буквально сказал мне тогда следующее: «Бехлер, положение на фронте куда более критическое, чем все мы полагаем». И при этом подвел меня к карте с нанесенной на ней обстановкой — я после пятидневного отсутствия не был ориентирован — и пальцем показал мне на большой прорыв линии фронта в районе Ливны, вызванный отходом танковой армии Гудериана. Окружавшие Ольбрихта люди считали его в то время чрезмерно пессимистически настроенным. Однако он был прав. Поэтому не случайно, что именно он осознал безвыходное положение в войне и сделал отсюда выводы»³⁵.

Вместе со Штауффенбергом Ольбрихт пришел к выводу, что нацистский режим должен быть заменен государством демократического характера. При этом он был готов и к сотрудничеству с коммунистами. Ольбрихт вел большую работу по планированию и организационной подготовке задуманного переворота.

Генерал *Эдуард Вагнер* родился в 1894 г. в Кирхенламнице близ Хофа, в 1914 г. — лейтенант в 12-м баварском артиллерийском полку. Уже в 1938—1939 гг., будучи обер-квартирмейстером, участвовал в подготовке Бекком планов переворота. В 1941—1942 гг. он еще верил, что командующие группами армий и армиями сумеют заставить Гитлера отказаться от верховного главнокомандования. 1 августа 1943 г. Вагнер был произведен в чин генерала артиллерии. Он в значительной мере разделял взгляды Штауффенберга и по своей должности генерал-квартирмейстера, отвечавшего за обеспечение войск и Административное управление, сослужил заговорщикам большую службу.

Генерал артиллерии *Фриц Линдеман* родился в 1894 г. в Шарлоттенбурге и в 1913 г. в чине лейтенанта был назначен в 4-й полк гвардейской полевой

артиллерии в Потсдаме. Получив в 1937 г. чин полковника, он в 30-х годах публиковал в военно-теоретических журналах многочисленные работы. 1 декабря 1943 г. получил чин генерала артиллерии и с октября 1943 г. являлся начальником артиллерийско-технической службы ОКХ. У него имелись обширные связи. Родственники и друзья Линдемана в Дрездене, у которых он после 20 июля намеревался скрываться, поддерживали контакт с социал-демократическими участниками Сопротивления. В 1944 г. Фридрих Флик, магнат сталелитейной промышленности и военный преступник, попытался оказать на Линдемана влияние, чтобы с его помощью остаться невредимым при ожидавшемся крахе нацистского режима. Роль посредника играл племянник и сотрудник Флика Бернгард Вайс, который был знаком с Линдеманом. Флик стремился открыть фронт на Западе и предлагал Линдеману в случае удачи государственного переворота пост в своем концерне³⁶. Однако Линдеман не дал ввести себя в заблуждение и поддержал требование Штауффенберга о прекращении военных действий на всех фронтах, прилагая особенные усилия для установления связей с НКСГ.

И наконец, к группе Штауффенберга следует причислить еще двух офицеров, которые не принадлежали к описанным выше кругам, но поддерживали с ним близкие отношения.

В ноябре 1943 г. к Общевойсковому управлению сухопутных войск был прикомандирован тяжело раненный на Восточном фронте обер-лейтенант *Вернер фон Хефтен* (род. в 1909 г.). Мать его приходилась сестрой генерал-фельдмаршалу фон Браухичу. Хефтен не был кадровым офицером, до войны являлся юрисконсультom в Берлине. Его брат Ганс Бернд служил в министерстве иностранных дел в ранге легационного советника. Братьев Хефтен связывала тесная духовная близость с заключенным в концлагерь Дахау пастором Мартином Нимёллером. Вернер фон Хефтен стал офицером-порученцем при Штауффенберге и его верным помощником, разделившим и его мысли, и его судьбу.

Близкие, сердечные отношения, которые Клаус фон Штауффенберг поддерживал со своим старшим братом *графом Бертольдом Шенком фон Штауффенбергом*³⁷, сохранились и в период подготовки переворота. Бертольд изучал право и государственное устройство, с 1931 по 1934 г. служил секретарем-публикатором в Гаагском международном суде. Затем вновь сотрудничал в Институте международного права в Берлине, где особенно занимался вопросами военного права. Говорил по-английски, по-французски, по-итальянски и по-русски. В начале войны был назначен советником по вопросам международного права в аппарате руководства морской войной в Берлине, где затем занимал должность военно-морского судьи в чине майора.

«По натуре он был человеком, державшимся обособленно, но в личном, а не общественном смысле, — писал один из его тогдашних друзей. — Такова была его манера: он знал правила игры, но не слишком ловко ими пользовался. В нем все еще сохранялось что-то от великовозрастного юноши: скромн и угловат, добродушен, выжидателен... Многие отказывались от попыток сблизиться с ним, потому что он даже не старался поддерживать разговор... Концентрированное спокойствие было для него самым существенным, необходимым как для творчества и величия, так и для удовольствия и наслаждения... Искусство было для него действительностью. Он умел схватывать и оценивать изобразительное искусство, любил классическую старинную музыку, но сам жил поэзией. В нее уходили его жизненные корни, она служила ему образцом и нормой»³⁸. Скульптор Урбан Тирш, служивший офицером в Берлине, так характеризует различие в душевном складе братьев Штауффенберг: «Если сутью его брата Клауса была богатая, настойчиво рвущаяся на простор сила, то сила Бертольда казалась полностью обращенной внутрь»³⁹. В Берлине Клаус фон Штауффенберг был у Бертольда, посвящая его во все свои мысли и часто советуясь с ним.

Кроме названных здесь офицеров, игравших в заговоре руководящую роль, имелось еще несколько более или менее посвященных и участвовавших в подготовке государственного переворота. К ним

принадлежали, в частности: капитан Фридрих Карл Клаузинг, после тяжелого ранения откомандированный в апреле 1944 г. в Общевойсковое управление сухопутных войск; капитан Ганс Фриче из 9-го пехотного полка в Потсдаме⁴⁰; сыновья неоднократно упоминавшегося начальника Управления сухопутных войск рейхсвера генерала фон Гаммерштейн-Экворда лейтенант барон Людвиг фон Гаммерштейн и оберлейтенант барон Кунрат фон Гаммерштейн, который поддерживал личную связь с Гёрделером; лейтенант фон Оппен, фамильное имение которого Штауффенберг посетил еще в июле 1944 г.; оберлейтенант Эвальд Генрих фон Кляйст, отец которого — крупный померанский помещик Эвальд фон Кляйст-Шменцин — был аристократически-консервативным противником Гитлера; капитан граф Ульрих Вильгельм Шверин унд Шванефельд; подполковник службы генерального штаба Бернхард Клямрот, служивший в ОКХ; майор службы генерального штаба Иоахим Кун, с 1944 г. — 1-й офицер (начальник оперативного отдела) штаба 28-й егерской дивизии, помолвленный с кузиной Штауффенберга (помолвка, однако, расстроилась); подполковник службы генерального штаба Роберт Бернардис, австриец, после заболевания на фронте служивший в Общевойсковом управлении и весьма ценившийся Штауффенбергом, и другие.

Большинство этих офицеров, хотя и выступали за устранение Гитлера, почти не задумывались о последующем политическом облике Германии. В этом вопросе они шли за Гёрделером и его группой. Справедливо то, что писал тюремный священник Пёльхау, познакомившийся со многими из них после 20 июля: «К офицерскому кругу заговорщиков можно причислить также довольно большую группу людей, не принимавших в заговоре большого идеологического участия. То были в большинстве своем молодые офицеры, возмущенные несправедливостью и жестокостью, но не выступавшие за какую-либо определенную политическую идею. Зачастую они следовали за своими военными начальниками лишь из простого чувства товарищества. Это особенно относилось к офицерам франконских гарнизонов»⁴¹.

Друзей и союзников Штауффенберг нашел также в Крайзауском кружке, с которым он установил контакт с осени 1943 г. Крайзауский кружок представлял собой группу буржуазных чиновников, офицеров, духовных лиц и социал-демократической интеллигенции, объединявшихся вокруг графа Гельмута Джеймса фон Мольтке и графа Петера Йорка фон Вартенбурга. Группа вначале собиралась в Крайзау (Силезия) — имении Мольтке, а в дальнейшем — в доме Йорка в Берлине⁴². Крайзауский кружок занимался разработкой на христианско-гуманистической основе планов преобразования Германии после свержения Гитлера, которое большинство членов кружка считали обеспеченным лишь в результате победы союзников. Политический состав кружка был весьма разнороден. Реакционным элементам здесь противостояли представители прогрессивных буржуазно-демократических взглядов, с которыми Штауффенбергу вскоре удалось установить тесный контакт.

Граф Гельмут Джеймс фон Мольтке (род. в 1907 г.) доводился внучатым племянником известному фельд-маршалу и начальнику генерального штаба прусско-германской армии. Мать была англичанка. По окончании гимназии в Потсдаме (он жил тогда у барона фон Мирбаха) обучался в Германии и Англии юридическим наукам и вскоре был допущен в обеих странах к адвокатской деятельности. Уже в 23-летнем возрасте (в 1930 г.) ему пришлось взять на себя управление отцовским имением.

В 20-х годах Мольтке вместе со своими друзьями организовал трудовой лагерь для рабочих, крестьян и студентов, стремясь тем самым смягчить социальные противоречия и породить новое чувство общности. Благодаря этому он вступил в контакт с представителями профсоюзов, а также с Адольфом Райхвайном, ставшим позже социал-демократом. В процессе своей деятельности он столкнулся с социальными вопросами того времени и основательно занялся ими. Мольтке пришел к точке зрения, что обеспечение материального существования является базой человеческого достоинства, а потому общество должно действовать, руководствуясь христианскими этическими принципами.

Решением социального вопроса ему представлялся своего рода утопический христианский социализм, причем важное значение придавалось воспитанию в духе народной общности и взаимного уважения, а также личному примеру. Несмотря на враждебность со стороны соседей-юнкеров, он разделил земли своего поместья между крестьянами, тем самым желая показать, каким должен быть новый социальный порядок в будущем⁴³.

В качестве адвоката Мольтке защищал с 1933 г. евреев и других лиц, преследовавшихся нацистским режимом. В 1937—1938 гг. он защищал своего бывшего учителя — правоведа профессора Артура Вегнера, который подвергался преследованиям гестапо. Впоследствии Вегнер писал о Мольтке: «Он был, пожалуй, самый деловой, самый разумный и самый способный юрист, какого я когда-либо знал среди своих студентов... То, что он сделал как немецкий и английский юрист, как защитник преследуемых и унижаемых, войдет в историю»⁴⁴.

Будучи экспертом по международному праву в ОКХ в ранге советника военной администрации, Мольтке выступал против жестокого обращения с военнопленными и гражданским населением в оккупированных областях, особенно Советского Союза, и не допустил расстрела в Африке взятых в плен французов. Во время одной из поездок в Осло он информировал подполковника Теодора Штельцера, служившего там в германской военной администрации и принадлежавшего к Крайзаускому кружку, о запланированных в то время акциях против евреев в Дании и Норвегии. Штельцер предупредил норвежских друзей, которым удалось устроить многим евреям бегство в Швецию. Поскольку Мольтке хорошо знал преступления нацистов, именно его влиянию следует приписать то, что в принципиальном документе Крайзауского кружка выдвигалось требование осуждения военных преступников международным трибуналом.

Письмо, написанное Мольтке своему другу Лайнелу Куртису в Оксфорд летом 1942 г. и отправленное в Англию с помощью посредника через Швецию, свидетельствует о том, что к этому времени он уже давно

осознал необходимость поражения Германии и соответственно действовал. Обрисовав сначала положение в стране и выразив свою надежду на то, что обновление придет из церковных кругов, он писал:

«Ты знаешь, что я с первого дня боролся против нацистов, но степень угрозы и самопожертвования, которая требуется от нас сегодня и, вероятно, потребуется завтра, предполагает нечто большее, чем наличие добрых этических принципов, особенно поскольку мы знаем, что успех нашей борьбы, вероятно, будет означать тотальный крах, а не национальное единство. Но мы готовы прямо глядеть этому в лицо»⁴⁵.

Об отношениях между народами после войны в письме говорилось: «Для нас послевоенная Европа является в меньшей степени вопросом о границах и солдатах, о сложных организациях или крупных планах. Послевоенная Европа — это вопрос, как вселить облик человеческий в сердца наших сограждан. Это вопрос религии, воспитания, семейных и трудовых связей, правильного соотношения между ответственностью и правами». Письмо заканчивалось словами: «Так не забывайте же: мы полагаем, что вы, не дрогнув, выстоите, точно так же, как и мы готовы внести свой вклад, и не забудьте, что когда для вас все будет позади, нам предстоит весьма горький конец. Мы надеемся, что вам ясно, что мы готовы помочь вам выиграть войну, а вместе с нею мир»⁴⁶.

Теодор Штельцер в своих воспоминаниях так характеризует Мольтку: «Мольтке был личностью впечатляющей, высокий, со стройной фигурой и крупной головой. Он был весьма одаренный юрист с превосходящим других, пожалуй, несколько холодным интеллектом; убежденный противник национал-социализма. Когда я познакомился с ним, он находился в состоянии глубокой меланхолии, которая потом немного ослабла по мере того, как наши беседы стали принимать очертания конкретных планов. Мольтке унаследовал от своей матери-англичанки свободный, открытый восприятию всего мира дух и преодолел все традиционные национальные и общественные предрассудки и ограничения. Для него само собой разумелось, что надо бороться против зла в политике, воплощением

которого служил для него национал-социализм. Другим мотивом являлось чувство долга, побуждавшего отдать все свои силы для спасения народа»⁴⁷.

Из цитированного выше письма видно, что Мольтке преодолел все свои национал-социалистские взгляды. Это подтверждает и Теодор Штельцер: «Мольтке говорил тогда, что у него нет ни малейших возражений против того, чтобы Силезия когда-либо объединилась с Польшей или Чехословакией и получила бы в качестве столицы Прагу или Варшаву»⁴⁸.

С осени 1943 г. Штауффенберг, чтобы не возбуждать подозрений, иногда принимал участие в собраниях Крайзауского кружка в доме Йорка и при этом беседовал с Мольтке. Главным же образом связи поддерживались через Йорка — кузена Штауффенберга.

Гестапо удалось внедрить в так называемый кружок Зольфа, некоторым из членов которого был известен Мольтке, своего шпика Рекцее. Кружок Зольфа являлся буржуазным дискуссионным центром, сгруппировавшимся в доме вдовы умершего в 1936 г. дипломата Вильгельма Зольфа. Здесь тоже обсуждались идеи преобразования Германии. Кружок имел связи с немецкими буржуазными эмигрантами за границей. Гестапо узнало, что Мольтке предостерег одного из членов кружка Зольфа о появлении шпика. 18 января 1944 г. Мольтке был арестован, но арест этот первоначально не ставился в связь с заговором против Гитлера. Лишь после 20 июля 1944 г. Мольтке был выдан Ойгеном Герстенмайером (будущим председателем бундестага ФРГ во времена Аденауэра. — *Прим. перев.*), который тоже являлся членом Крайзауского кружка⁴⁹.

Граф Петер Йорк фон Вартенбург (род. в 1904 г.) был потомком генерала Йорка, заключившего 30 января 1812 г. Тауругенскую конвенцию, положившую начало совместной германо-русской освободительной борьбе против Наполеона. Эта традиция оказывала сильное влияние на семью, хранившую оригинал Тауругенской конвенции как реликвию. Семья Вартенбург владела поместьем площадью около 3000 га; ее отношения с сельскохозяйственными рабочими и крестьянами все еще носили определенные патриархальные черты.

Петер фон Йорк был тесно дружен с Мольтке и являлся кузеном Штауффенберга. Изучив юриспруденцию, он служил в различных учреждениях: с 1934 г. — в обер-президиуме города Бреславля (ныне Вроцлав. — *Прим. перев.*), а с 1936 г. — в аппарате имперского комиссара цен Йозефа Вагнера в Берлине.

Вместе с Бертольдом Штауффенбергом и Фрицем фон дер Шуленбургом он в 1938 г. разработал проект реформ для создания будущей германской конституции.

Йорк принимал участие в польской кампании в качестве офицера танковых войск. В 1942 г. он работал в восточном отделе Управления военной экономики в Берлине. Преследования евреев, зверства немецких войск в оккупированных областях и христианско-гуманистическое мировоззрение превратили его в пламенного противника нацистского режима. Сравнивая Йорка с Мольтке, Теодор Штельцер дает ему следующую характеристику: «Граф Йорк фон Вартенбург был человеком иного плана. Высокообразованный, как и все Йорки, он был больше склонен к созерцательности. Если Мольтке выступал в качестве немецкого космополита, то Йорк считал себя прежде всего немецким патриотом. Ему в значительной мере был чужд логический образ мыслей Мольтке. Но, считая Мольтке человеком более значительным, он старался понять его»⁵⁰.

Подобным же образом отзывается об Йорке пастор Гаральд Пёльхау, сам принадлежавший к Крайзаускому кружку: «Как и Мольтке, Петер Йорк происходил из силезского культурного аристократического рода, славящегося своей философской и литературной традицией... Сдержанный, говоривший тихим голосом, Петер Йорк на первый взгляд производил даже несколько своеобразное впечатление; он «оттаивал» только некоторое время спустя и затем поражал своей острой манерой вести беседу. Он не показывался в обществе столь часто, как Гельмут фон Мольтке, а жил больше в мире уединенной созерцательности, в кругу своих друзей. И был сильно привязан к своей родине»⁵¹.

Барон Ганс Христофор фон Штауффенберг, двоюродный брат Клауса, сообщал об одном высказывании

Йорка, в котором тот подчеркивал важность связей с рабочими: «Обмануты национал-социализмом в первую очередь рабочие. И если мы воображаем, что представляем собою какую-то элиту или имеем право на руководство, то тогда мы несостоятельны, причем именно по отношению к простому человеку, к рабочему... Мы должны искупить вину перед немецким рабочим, а потому обязаны уничтожить этот режим. Для этого нам нужно найти опору в трудовом народе»⁵².

Если в этом высказывании и имеется привкус аристократического элитарного мышления, мешавшего Йорку осознать историческую миссию рабочего класса, то все же оно говорит о зачатках глубокого понимания его роли, о готовности бороться вместе с рабочими.

Клаус фон Штауффенберг знал Йорка и раньше, но близко сошелся с ним только осенью 1943 г. Он был частым гостем в берлинской квартире Йорка и питал к нему большое доверие, обмениваясь с ним мнениями по политическим вопросам. 20 июля 1944 г. Йорк до самого конца остался вместе с Штауффенбергом.

Брат Вернера фон Хефтена, легационный советник Ганс Бернд фон Хефтен, познакомил Штауффенберга со своим коллегой — легационным советником министерства иностранных дел *Адамом фон Тротт цу Зольцем*. Тротт родился в 1909 г. в Потсдаме, в семье тогдашнего прусского министра культов, однако детство свое провел на родине семьи в Имсхаузене. Будучи приверженцем социал-реформистских идей, он на выборах отдавал свой голос СДПГ, зачастую вступал в диспуты с коммунистическими функционерами, не отказываясь, однако, от своего идейного неприятия коммунизма⁵³. С Йорком его связывали родственные узы, с Мольтке он познакомился в период обучения в Англии. В годы учебы был жизнерадостным человеком. Один из современников описывает «незаурядное холостяцкое житье-бытье» Тротта: «Когда мы приходили, на столе лежали щетки для волос вперемешку с раскрытыми книгами Гёльдерлина и томом Карла Маркса, и мы тотчас же погружались в разговоры о событиях и переменах у нас в стране»⁵⁴, Путешествие

с познавательными целями привело Тротта в 1937 г. сначала в США, а к 1939 г. — в Китай.

Зарубежные поездки, деятельность в информационном отделе министерства иностранных дел и обмен мнениями с друзьями по Крайзаускому кружку сделали Тротта врагом нацистского режима. «Война не решает никаких проблем» — руководствуясь этим девизом, он попытался в 1939 г. помочь предотвращению войны⁵⁵. В июле 1939 г., будучи в Лондоне, Тротт заклинал Чемберлена и Галифакса занять в отношении гитлеровской Германии твердую позицию. В 1940 г. он, находясь в США, требовал от американцев не иметь дел с Гитлером, но в то же время и не вести против Германии войны на уничтожение, ибо это, по его мнению, в еще большей степени привязало бы немецкий народ к нацистам. Тротт обеспечивал Крайзауский кружок важной информацией, разрабатывал предложения по внешней политике нового германского правительства и пытался войти в контакт с представителями западных держав и Советского правительства. Тротт установил тесные связи со Штауффенбергом и консультировал его по внешнеполитическим вопросам. Он отверг предоставившуюся ему возможность перейти в мае 1944 г. в Италии на сторону союзников, ибо считал себя обязанным участвовать в подготовке восстания в Германии. Целью Тротта было установление дружественных отношений Германии со всеми странами.

Гаральд Пёльхау (род. в 1903 г.) был евангелическим (протестантским) тюремным священником и членом Крайзауского кружка. Еще студентом он занимался политическими и социальными проблемами и с 1924 г. принадлежал к «Религиозным социалистам». Посещал, в частности, социально-политический семинар Высшей политической школы в Берлине, был управляющим делами Германского объединения по судебным делам и правовой помощи молодежи, затем некоторое время — тюремным духовником и в апреле 1933 г. стал священником тюрьмы в Тегеле. Здесь он впервые соприкоснулся с функционерами обеих рабочих партий, которые вызвали у него глубокое уважение. Он писал: «В большинстве своем это были

функционеры СДПГ и КППГ. Совершенно иная порода людей, нежели заключенные-уголовники. Не сентиментальные, бесхребетные, покорные и расчетливые люди, а настоящие мужчины с многогранными интересами... Большинство из них порвали с церковью, и поэтому мне было трудно сблизиться с ними. Тогда я придумал «преподавание закона божьего для инакомыслящих»... Во время этих занятий мы дискутировали на социологические и общечеловеческие темы, затрагивали также и религиозные проблемы. Таким образом я смог побудить политических заключенных к размышлениям»⁵⁶.

Выполняя свои обязанности тюремного священника, Пёльхау встречал большое число антифашистов, многим из которых оказал моральную поддержку в последние часы их жизни. Эта деятельность превратила его в противника нацистского режима. Он передавал сведения из тюрьмы «на волю» и обеспечивал связь между заключенными, снабжал друзей по Крайзаускому кружку информацией и участвовал в обсуждении культурно-политических вопросов в этом кружке. Вместе с Мольтке Пёльхау стремился смягчить последствия фашистского террора. Он писал об этом: «Я часто просил его о помощи, когда речь шла о расстреле заложников в оккупированных областях или о смертных приговорах насильно угнанным в Германию. И он помогал где только мог. Как эксперт по вопросам международного права при верховном главнокомандовании вермахта он благодаря своей ключевой позиции в дипломатии и армии пользовался большим влиянием, а также имел эффективные, широко разветвленные связи во всех руководящих кругах»⁵⁷. Пастор Пёльхау явился одним из тех немногих членов Крайзауского кружка, которые не были ни арестованы, ни осуждены. Никто из схваченных гестапо не назвал его имя⁵⁸.

Близок к Крайзаускому кружку и в тесном контакте со Штауффенбергом был *граф Фриц Дитлоф фон дер Шуленбург*. Родившийся в 1902 г. в Лондоне и с детских лет, проведенных в Англии, получивший кличку Фрици, он происходил из старинного дворянского рода, распространенного по всей Северной Германии. Отец его был офицером генерального штаба

и в 1913 г. командовал полком «Гар дю кор» в Потсдаме, где некоторое время проживала семья.

Жизненный путь Фрици Шуленбурга был противоречив. Еще в юные годы он читал не только писания Фридриха Наумана* и буржуазно-демократического аграрного реформатора Адольфа Дамашке, но и труды классической марксистской литературы⁵⁹. В 1919 г. он в рядах одного из «добровольческих корпусов» принимал участие в боях против революционных рабочих Берлина. Затем изучал государствоведение и юридические науки и в 1923 г. начал свою деятельность в качестве судебного референдаря в Потсдаме, а с 1925 г. — правительственного референдаря в Кирице. В служебной характеристике (1926 г.) он оценивается как «человек с незаурядными способностями»⁶⁰. Далее говорится: «Обладает умением правильно оценивать людей и правильно относиться к ним. Манера поведения естественна, скромна и свободна от подчеркивания какого-либо личного самодовольства...»⁶¹ Его отличали импульсивность, обилие внезапно возникавших идей, организационный талант и стремление к социальной справедливости. Получив в наследство довольно большую сумму денег, он купил землю, разделил ее на дешевые участки и начал на свой страх и риск проводить поселенческую политику. Разумеется, предприятие прогорело и кончилось для него потерей наследства⁶².

Занятие марксистской литературой, интерес к социальным вопросам, пренебрежение к условностям и личное знакомство с социал-демократами способствовали тому, что Шуленбург получил кличку «Красный граф». Тем не менее он в 1932 г. вступил в НСДАП, поверив в провозглашенные этой партией «социальное освобождение» и «немецкий социализм». Он утверждал, что в третьем рейхе будто бы исчезнут все социальные противоречия, ибо никто не должен зарабатывать больше одной тысячи марок, и сам жил по этому принципу⁶³, а также способствовал сокращению

* Науман, Фридрих (1860—1919) — буржуазно-демократический политический деятель; в 1896 г. основал Национально-социальный союз; во время первой мировой войны — идеолог политики империалистической экспансии.

безработицы. В период своей деятельности в качестве ландрата в Восточной Пруссии Шуленбург отказался от права на бесплатную казенную квартиру, сам оплачивал отопление и электричество и строго следил за тем, чтобы служебный автомобиль не использовался для частных поездок. Нацистские партийные инстанции обратили на него внимание, когда Шуленбург вопреки упорному сопротивлению властей добился передачи строительства коммунального здания известному архитектору Гансу Хоппу, о котором было известно, что он коммунист⁶⁴. Вскоре, особенно после «Хрустальной ночи», Шуленбург стал противником нацистского режима. Осенью 1937 г. Шуленбург был назначен заместителем полиции-президента Берлина; в 1938 г. поддерживал Бека в его планах государственного переворота. Вместе с Бертольдом Штауффенбергом и Йорком Шуленбург разрабатывал проекты новой конституции. Осенью 1939 г. произошла упоминавшаяся встреча его с Клаусом Штауффенбергом. В 1933—1943 гг. Шуленбург был одно время фронтовым офицером, затем административным чиновником. В начале 1944 г. он служил обер-лейтенантом в запасном батальоне 9-го пехотного полка в Потсдаме. В июле 1944 г. должен был выехать во Францию на службу в германской военной администрации в Лионе, но умышленно медлил с отъездом и 20 июля находился на Бендлерштрассе.

Несмотря на первоначальные победы вермахта, Шуленбург считал, что Германия потерпит поражение в войне, потому что, как он полагал, британская метрополия непобедима, а английским позициям в Африке и Передней Азии Германия угрожать не может ввиду трудностей снабжения и недостатка у нее военной техники. О советских солдатах Шуленбург писал в своем дневнике: «Они великолепно умеют использовать местность, метко стреляют и хорошо пользуются своим частично механизированным оружием. Ни о какой прогулке там не может быть и речи»⁶⁵. Однако первоначально он опасался, как бы война не закончилась быстрой победой нацистской Германии и на Востоке.

Поражения, нанесенные вермахту Советской Армией, укрепили стремление Шуленбурга участвовать в свержении Гитлера. Он располагал широкими личными связями, которые поставил на службу антигитлеровского заговора. Йорка он знал еще со школьной скамьи в Потсдаме, с Цезарем фон Хофаккером дружил со студенческих времен, Шверин фон Шваненфельд был его родственником. Тесная дружба связывала его и с графом Юксюллем, братом матери Штауффенберга.

Во время отпуска по болезни осенью 1943 г. (он провел его в Берлине) Шуленбург восстановил контакт со Штауффенбергом, которого высоко ценил и уму и смелости которого доверял⁶⁶. Он свел Штауффенберга с социал-демократом Юлиусом Лебером, участвовал в выработке проектов воззвания, с которым заговорщики собирались обратиться к народу после свержения Гитлера. Дружеские отношения Шуленбурга со Штауффенбергом становились все теснее.

Шуленбург тоже пришел к той точке зрения, что новое германское государство должно восстановить основные права граждан и носить демократический характер. Его биограф Альберт Кребс пишет: «Он ни во что не ставил коллективизм и государственный капитализм, но вместе с тем отвергал «паразитический», не управляемый никаким общественным институтом и не контролируемый «частный капитализм»»⁶⁷. Зимой 1943/44 г. Шуленбург в одном разговоре бросил такие слова: «Если я вообще выйду живым из этой истории, я откажусь от своего дворянского звания. Вот тогда и станет видно, чего мы стоим сами по себе»⁶⁸. Графиня фон дер Шуленбург говорит по этому поводу: «Сообщение о реплике моего мужа насчет отказа от дворянского титула звучит весьма достоверно. Хотя он и любил свою семью и ее традицию, но видел в дворянстве лишь свидетельство былых заслуг, которые надо снова подтвердить делом, и презирал кичащихся своими титулами людей»⁶⁹.

Согласно еще одному свидетельству его вдовы, Шуленбург, хотя и отвергал коммунистический строй в целом, хотел, чтобы все, что в нем «хорошо и полезно», было заимствовано при преобразовании Германии.

По мнению Ганса Бернда Гизевиуса, поддерживавшего тесный контакт с заговорщиками в Берлине и одновременно работавшего на американскую разведку, Шуленбург был «наиболее убежденным левым (не коммунистом) среди узкого кружка Штауффенберга»⁷⁰. Шуленбург выступал за заключение мира на Западе и Востоке и одобрял установление контакта заговорщиков с руководителями КПГ в Берлине. Это, разумеется, не говорит о том, что Шуленбург был коммунистом, он принадлежал к тем элементам, которые начинали отказываться от традиционно присущего их касте антикоммунистического табу.

В конце 1943 — начале 1944 г. вокруг графа Клауса Шенка фон Штауффенберга образовалась патриотическая группа офицеров и интеллигентов. Характерным для этой группы — как мы еще увидим в деталях — было то, что она отвергала реакционную концепцию группы Гёрделера, выдвигала демократическую альтернативу и постепенно начала освобождаться от оков антикоммунизма.

Этому внутреннему развитию Штауффенберга и его друзей в значительной мере способствовал тесный контакт с левыми социал-демократами, которые уже давно вели борьбу против фашизма. Теперь граф Штауффенберг встречался в Берлине с политическими деятелями, происхождение и идейный мир которых были ему прежде чужды. Как уже отмечалось, Шуленбург помог ему осенью 1943 г. встретиться с Юлиусом Лебером. Затем последовало знакомство с Вильгельмом Лейшнером, Адольфом Райхвайном, Германом Маасом. Лебер и Райхвайн принадлежали к Крайзаускому кружку, Маас по поручению Лейшнера несколько раз принимал участие в его заседаниях:

Юлиус Лебер (род. в 1891 г.), сын каменщика, происходил из Верхнего Эльзаса. После обучения торговому делу он в 1912—1914 гг. юношей вступил в СДПГ, а в 1914 г. в соответствии с социал-шовинистической позицией правления своей партии пошел на военную службу и в 1915 г. был произведен в лейтенанты. Участвовал в боях против капповского путча, с 1921 г. являлся редактором социал-демократической газеты «Любекер фольскботе» в Любеке и с 1924 по

1933 г. был депутатом рейхстага от СДПГ. В 20-х годах Лебер считался правым социал-демократом, приверженцем буржуазно-демократической республики и противником сотрудничества с коммунистами. Он полагал, что республика должна была защищаться не только от нацистов, но и от коммунистов.

После совершенного на него 31 января 1933 г. неудавшегося покушения фашистов Лебер был 23 марта 1933 г. арестован и по отбытии 20-месячного тюремного заключения до 1937 г. содержался в концентрационных лагерях Эстервеге и Ораниенбург. Во время пребывания в следственной тюрьме написал работу, в которой рассматривались причины поражения СДПГ. Хотя в ней еще содержится множество антикоммунистических оговорок, Лебер все же пришел к примечательным выводам. Он писал:

«Если государство, образованное 9 ноября 1918 г. и 11 августа 1919 г., вообще имело какую-либо перспективу быть жизнеспособным и существовать, необходимо с беспощадной энергией заложить и укрепить два важнейших краеугольных камня фундамента этого строя: надежные отождествляющие себя с молодой республикой вооруженные силы и такое же правосудие, по крайней мере для государственных и политических дел. Ни того ни другого не имелось, и любая критика этих упущений теперь уже ни к чему. Законные дети революции занимали свои посты в государственных органах и заключали мир со многими «классовыми врагами» из прошлого. Они хотели теперь наконец прежде всего покоя. Поэтому [социал-демократическая] партия выдвинула лозунг: задача состоит только в защите республики. И этого лозунга было достаточно в течение многих лет, вплоть до того момента, когда огромный экономический кризис поставил республику и народ перед лицом великого испытания»⁷¹.

Лебер подверг резкой критике многие политические ошибки своей партии, но он не видел того, что приход фашизма к власти стал возможным прежде всего в результате отсутствия единства рабочего класса.

После освобождения Лебер стал совладельцем угольной лавки и спустя короткое время начал восстанавливать связи с политическими друзьями. Он

возобновил контакт с Адольфом Райхвайном, Вильгельмом Лёйшнером, Вильгельмом Маасом, Карлом Мирендорфом и Теодором Хаубахом. Через Мирендорфа и Хаубаха ему удалось установить связь с Крайзауским кружком, где он особенно тесно сотрудничал с Троттом цу Зольцем. Шуленбург, как уже указывалось, устроил ему встречу со Штауффенбергом, и обоих заговорщиков из столь разных кругов вскоре связала тесная дружба. Лебер обратил внимание Штауффенберга прежде всего на крупные социальные проблемы, которые возникнут после свержения Гитлера.

Накануне попытки переворота Юлиус Лебер с одобрения Штауффенберга стремился установить контакт с коммунистами.

Адольф Райхвайн (род. в 1898 г.) был сыном учителя, участвовал в молодежном движении «Перелетные птицы». С 1916 г. находился на фронте, в 1917 г. получил тяжелое ранение и после окончания первой мировой войны, будучи студентом и одновременно работая, установил контакт с социалистическим молодежным движением, не связывая себя, однако, принадлежностью ни к какой партии. 22 лет окончил университет, защитив дипломную работу об идейных и культурных связях между Китаем и Европой в XVIII веке. После кратковременной службы в прусском министерстве просвещения начал свою деятельность в области образования взрослых, был руководителем основанной на средства фонда Карла Цейсса народной высшей школы на Бойтенберг в Йене. Райхвайн желал и добился дружественных отношений со своими учениками, большинство которых были рабочие — социал-демократы и коммунисты. Его симпатии были на стороне рабочих, однако он в то время искал решения социальных вопросов на путях «классовой гармонии», придавая огромное значение народному образованию. Поэтому Райхвайн поддерживал движение по созданию трудовых лагерей для рабочих, крестьян и студентов, благодаря чему вошел в контакт с графом Гельмутом фон Мольтке. Зарубежные поездки на стипендии, предоставлявшиеся для исследовательской работы, позволили ему побывать в Северной Америке, Японии, Китае и южной части Тихого океана. Одному

из своих друзей он сказал, что воспринимает как суровый упрек самому себе, что до сих пор все еще не повидал новой России.

После нового периода активной деятельности в прусском министерстве просвещения Райхвайн в 1930—1933 гг. работал в качестве профессора истории в Педагогической академии в Галле. Отныне он посвятил все свои силы воспитанию гуманистически настроенных учителей, чуждых национализму и антисемитизму. Рейхвайн продолжал поддерживать связь с социал-демократическим и прогрессивным буржуазным юношеским движением и на своем маленьком спортивном самолете, которым сам управлял, часто посещал молодежные лагеря. Перед лицом усиливавшейся фашизации общественной жизни он в 1932 г. демонстративно вступил в СДПГ, за что в апреле 1933 г. был уволен со службы. С 1933 по 1939 г. Райхвайн преподавал в небольшой деревенской школе в Тифензее (около Берлина), которую вскоре сумел превратить в культурно-педагогический центр этого сельского района. Поскольку связь его с политическими друзьями не обрывалась и здесь, он примкнул к более узкому кругу движения Сопротивления, когда в 1939 г. возглавил отдел школ и музеев Государственного музея немецкого фольклора в Берлине. Под видом выполнения служебных обязанностей по музею он сделал свой кабинет в бывшем Принцессинепалле на Унтер-ден-Линден местом встреч многих антифашистов. Вдова Райхвайна пишет о его связях с Крайзауским кружком:

«Первоначально мой муж поддерживал связь с основателями кружка, группировавшегося вокруг Г. фон Мольтке и П. фон Йорка. Позднее, после смерти Карло Мирендорфа, которого он вместе с Тео Хаубахом ввел в кружок в качестве представителя социалистической стороны, был вовлечен и Юлиус Лебер. Вместе с ним муж установил контакт с коммунистическим ЦК. Предполагаю, что Штауффенберг был в курсе дела»⁷².

Райхвайн отстаивал точку зрения, что движение Сопротивления может иметь успех только в том случае, если получит поддержку левого крыла рабочего

класса. Вскоре после встречи Лебера со Штауффенбергом познакомился с ним и Райхвайн. Он стал оказывать большое влияние на разработку концепции переустройства Германии после свержения Гитлера. В своих политических взглядах Райхвайн шел дальше других членов Крайзауского кружка и был готов вместе с коммунистами приступить к демократическому обновлению Германии. Он принял важное участие в организации встречи с руководителями КПГ 22 июня 1944 г.

Харро Зигель, близкий друг Райхвайна, 25 марта 1946 г. направил из Брауншвейга его вдове письмо, в котором говорилось: «Я очень склонен считать, что сегодня Адольф [Райхвайн] был бы на Востоке [Германии]»⁷³.

Вильгельм Лейшнер (род. в 1890 г.) по профессии скульптор по дереву, с 1924 г. был социал-демократическим депутатом ландтага в Гессене, с 1928 по 1933 г. — министром внутренних дел этой земли и одновременно с 1932 г. — заместителем председателя Всегерманского объединения профсоюзов (АДГБ). Он боролся против нацистов, но в то же время выступал и против сотрудничества с коммунистами. За отказ защищать на Международной рабочей конференции, состоявшейся в июне 1933 г., интересы нацистов Лейшнер по возвращении был арестован и на два года посажен в тюрьму. После освобождения стал директором небольшой фабрики в Берлине. Вскоре у него стали встречаться члены СДПГ, профсоюзные функционеры, а также представители бывших христианских и хиршдункеровских профсоюзов. Одновременно Лейшнер искал контактов с оппозиционными кругами буржуазии и военных. Так, он познакомился не только с Лебером и Райхвайном, но и с Гёрделером, генералами фон Гаммерштейном, Беком, Остером и Ольбрихтом. Осенью 1943 г. Лейшнер посетил Бека, чтобы получить от него ясное представление о планах военной оппозиции. Лейшнер выступал за создание демократического государства, но считал, что ввиду сложившегося соотношения сил ликвидация нацистского режима может быть осуществлена только при помощи вермахта. Поэтому союзников он искал в офицерском корпусе. Легационный советник Брюкльмайер весной 1944 г. свел

его со Штауффенбергом, с которым Лёйшнер затем вплоть до 20 июля неоднократно встречался.

К Крайзаускому кружку Лёйшнер непосредственно не принадлежал, а поддерживал контакт через доверенных лиц. К совещаниям крайзаусцев, которых он считал слишком «интеллектуальными»⁷⁴, Лёйшнер относился сдержанно. Целью, к которой он стремился, было создание единой профсоюзной организации. Для этого он завязал прочные связи с бывшими профсоюзными функционерами, например с Германом Шлимме, Бернхардом Гёрингом, Вальтером Машке, а также и с Якобом Кайзером из христианских профсоюзов. После 20 июля 1944 г. Лёйшнер был арестован и подвергнут жестоким истязаниям. Вечером накануне казни, брошенный в камеру, весь в крови после очередного допроса, он сказал своим товарищам по заключению: «Завтра меня повесят — боритесь за единство»⁷⁵.

В 1944 г. Штауффенберг неоднократно встречался с *Германом Маасом* (род. в 1897 г.), который до 1933 г. являлся управляющим делами Общегерманского комитета молодежных союзов и с тех пор знал руководителей буржуазного молодежного движения, а также многих офицеров. Близкое знакомство связывало его тогда с Вальтером Машке, секретарем АДГБ по вопросам молодежи. После 1933 г. Машке свел Мааса с Лёйшнером, в фирме которого он работал юрисконсультom. По всем важным вопросам он разделял взгляды Лёйшнера. В квартире Германа Мааса в Потсдам-Бабельсберге много раз проходили беседы со Штауффенбергом. Говоря о нем со своими знакомыми, Маас никогда не называл Штауффенберга по фамилии, а всегда только: «Мой полковник»⁷⁶. Благодаря этим социал-демократам Штауффенберг соприкоснулся с кругом идей, которые до тех пор были ему совершенно чужды. В процессе дружеских идейных споров, особенно с Юлиусом Лебером, он постепенно все тверже осознавал, что одной лишь военной акции по устранению Гитлера и его клики недостаточно. Необходимо выработать основные принципы преобразования политической жизни Германии после свержения нацистского режима. Эти принципы зиждились на том,

что будущая Германия может мыслиться лишь как антифашистско-демократическое государство. Так внутри реакционного заговора образовалась прогрессивная группа. «В целом задачи, которые ставили перед собой прогрессивные силы, группировавшиеся вокруг Юлиуса Лебера, Гельмута фон Мольтке и Клауса фон Штауффенберга, находились в непримиримом противоречии с намерениями реакционного большинства заговорщиков»⁷⁷.

Цель: независимая, демократическая Германия

Как показали имевшие место в августе 1943 г. беседы Клауса фон Штауффенберга со своим братом и Рудольфом Фарнером, он вернулся в Берлин уже с убеждением, что главная задача состоит не только в устранении Гитлера, но и прежде всего в том, чтобы заменить нацистский режим чем-то принципиально новым — новым государством, в котором должны «прийти к власти надлежащие силы из всех слоев» народа. В этом убеждении Штауффенберга особенно укрепили Лебер, Райхвайн, Лейшнер, Маас, а также Мольтке, Йорк и Тротт. Через своего кузена Йорка Клаус фон Штауффенберг поддерживал тесную связь с Крайзауским кружком, представления которого о будущем облике Германии во многом совпадали с его собственными. Поэтому обратимся сначала к совещаниям в Крайзауском кружке.

О целях происходивших в этом кружке дискуссий по программным вопросам писал Теодор Штельцер: «Мы хотели представить себе, как должна выглядеть достойная Германия»⁷⁸. Как уже указывалось, Крайзауский кружок не был однороден в политическом отношении, а состоял из буржуазно-консервативных чиновников, христиан евангелического и католического вероисповеданий с различными общественными взглядами, а также из левых социал-демократов, вследствие чего решения его представляли собой по большей части компромисс между различными основными точками зрения.

На совещаниях Крайзауского кружка на Троицу 1942 г., осенью 1942 г., в январе 1943 г. (в данном слу-

чае вместе с Беком, фон Хасселем, Попицем, Гёрделером) на Троицу 1943 г. и в августе 1943 г. были выработаны программные установки, принятые в качестве принципов внутренней и внешней политики нового государства. Обоиими основополагающими документами, подготовленными в главных своих чертах еще в 1942 г. и окончательно принятыми 9 августа 1943 г., были: «Первая директива регентам земель» и «Принципы построения нового государства»⁷⁹.

«Первая директива регентам земель», проект которой составил фон Мольтке, должна была служить законодательной директивой назначенным после свержения нацистского режима носителям высшей государственной власти в различных частях Германии.

Директива (уже в августе 1943 г.) исходила из вероятности того, что «отдельные части страны окажутся оккупированными военной силой и отторженными, или же не будет существовать никакого правительства Германского государства, или, во всяком случае, у него не будет возможности отдавать общеобязательные приказы». В этой ситуации, отмечалось в директиве, надлежало во всех частях Германии действовать согласованно в основных вопросах и обеспечить сохранность государства. В самом начале документа говорилось о том, на какие силы должен опираться государственный регент: «Свободомыслящий немецкий рабочий класс и вместе с ним обе христианские церкви представляют и возглавляют те народные силы, которые могут взяться за построение нового государства... Опираясь на эти силы, мы возлагаем на них высокую ответственность».

Чрезвычайно примечательно, что Крайзауский кружок, в значительной части своей состоявший из буржуазных противников нацизма, признавал наряду с христианскими церквями руководящую роль рабочего класса в построении нового государства. Однако отнюдь не следует видеть в этом какое-либо признание исторической миссии рабочего класса в духе научного социализма. Если здесь говорится о церквях в качестве второй крупной руководящей силы, то речь, само собой разумеется, идет в первую очередь о враждебно настроенной по отношению к нацизму части

духовенства. Это доказывается уже одним тем, что Тротт цу Зольц предложил в качестве будущего рейхсканцлера кандидатуру пастора Мартина Нимёллера.

Директива требовала подчинения военной власти политической: «Командующим военными округами предписывается выполнять их (государственных регентов. — *Прим. перев.*) указания». Это требование также имело прогрессивную направленность. В Крайзауском кружке к генералам относились скептически и сомневались в их способности провести коренные изменения.

Сфера компетенции государственного регента очерчивалась так:

«1. Он обязан заботиться об обеспечении охраны прав, личной свободы и подлинной солидарной ответственности всего населения данной земли...

Государственный регент обязан в тесном взаимопонимании с признанными представителями культурной жизни данной земли проложить путь к воссозданию христианского воспитания и тем самым — к подлинному обновлению духовной силы. Для этого прежде всего необходимо скорейшее, основанное на взаимном доверии сотрудничество государства и церкви...

2. Государственный регент должен особенно добиваться облеченного ответственностью участия трудящихся в деятельности административных органов также и в экономике. С этой целью вы незамедлительно вступаете в контакт с уполномоченными немецкого профсоюза, который следует признать в качестве единственно правомочного представителя трудящихся».

Эти директивы позволяют отчетливо увидеть две основные линии:

1. Наибольшее значение как идеологической основе новых общественных порядков авторы директив придают христианской религии. Это объясняется тем, что Мольтке и другие члены кружка были убежденными христианами и видели в христианстве единственный моральный противовес фашистской идеологии. Крайзаусцы хотели пронизать всю общественную жизнь христианским духом, но не требовали главенства церкви по отношению к государству. Свободу совести

каждого гражданина они считали само собой разумеющимся принципом нового строя.

2. Новое государство должно было опираться на трудящихся, признанной организацией которых являлись бы «немецкие профсоюзы». Прогрессивные элементы Крайзауского кружка признавали право трудящихся масс на участие в управлении государством. В этом состояло решающее отличие их программы от концепции Гёрделера. Если в христианстве крайзаусцы видели идеологическую альтернативу фашизму, то в демократии они видели политическую альтернативу ему. Мы можем с уверенностью предполагать, что указанная выше роль трудящихся и их организации была определена в программе Крайзауского кружка благодаря влиянию Лебера, Лейшнера и Райхвайна. Ведь в создании единой профсоюзной организации и состоял прежде всего план Лейшнера.

Дальнейшие указания государственным регентам земель гласили: «Следует принципиально устранить со всех важных постов национал-социалистов, выполняющих какую-либо руководящую функцию в настоящее время». Подчеркивалось, что и в случае введения осадного положения командующий войсками продолжает подчиняться указаниям государственного регента. Нацистские преступники подлежали наказанию, а несправедливо арестованные — освобождению. «Все законы и постановления, дискриминирующие личность за принадлежность к какой-либо определенной нации, расе или религии, теряют свою силу, а базирующиеся на них дискриминационные меры немедленно отменяются».

К «Первой директиве регентам земель» были приложены «Принципы построения нового государства», дававшие основополагающую установку для нового государственного и общественного развития.

В самом начале «Принципов» еще раз указывалось, что «христианство является основой для нравственного и религиозного обновления нашего народа, для преодоления ненависти и лжи, для построения нового сообщества европейских народов».

Последующие разделы посвящены восстановлению «растоптанных прав», таких, как «свобода

вероисповедания и свобода совести», «право на труд и на собственность», охрана семьи, солидарная ответственность и участие каждого гражданина в экономической и государственной жизни.

Народные представительства общин и округов подлежали избранию путем прямых выборов, а земель и всей Германии в целом — путем ступенчатых выборов. Активное избирательное право должно было предоставляться с 21 года, пассивное — лишь с 27 лет. Во главе земель и германского государства должны были стоять соответственно регенты земель и имперский регент. Избираемый на 12 лет имперский регент должен был осуществлять верховное главнокомандование вооруженными силами и представлять государство во внешних сношениях.

Единственным законодательным органом был призван служить рейхстаг; вторая же палата — рейхсрат — должна была лишь выдвигать на выборах кандидатуру имперского регента, регулировать правовое положение государственных служащих и должностных лиц и вырабатывать рекомендации рейхстагу.

Весьма примечательны принципы экономической политики: «Обеспечение материального существования трудящихся во имя их человеческого достоинства — задача экономического руководства... Имперское правительство видит основу восстановления хозяйства в упорядоченном соревновании в достижении экономических успехов, проходящем в рамках государственного экономического руководства и находящемся под государственным контролем в отношении его методов.

Там, где наличествующие связи и переплетения хозяйства (монополии, картели, концерны) исключают такое соревнование в достижении экономических успехов, задача экономического руководства — осуществлять принципы вышеуказанного упорядоченного соревнования и блюсти интересы общества в целом.

Экономическая заинтересованность общества в крупной промышленности в особенной мере требует строгого экономического руководства этими отраслями со стороны государства. Ключевые предприятия горно-металлургической промышленности, по производ-

ству основных химических продуктов, а также энергетические будут переданы в государственную собственность. Эти предприятия подлежат руководству и надзору в соответствии с общепринятыми для хозяйства принципами...

Имперское правительство содействует такому развитию, благодаря которому каждое предприятие должно превратиться в хозяйственное сообщество всех трудящихся на нем людей. В таком сообществе, именуемом «профсоюзом данного предприятия», между владельцами предприятия и представителями занятых на нем лиц достигается договоренность об участии последних в управлении предприятием и в итогах его деятельности, особенно в увеличении капитала предприятия...

Немецкий профсоюз — необходимое средство для проведения в жизнь намеченной выше экономической программы и предусмотренного ею построения государства».

Тем самым авторы программы признавали себя сторонниками:

1. государственного надзора за ведением хозяйства, причем, как указывалось, трудящиеся были призваны служить одной из опор государства;
2. участия рабочих в управлении предприятием;
3. ограничения власти монополий, особенно путем национализации ключевых отраслей промышленности.

При этом надо принять во внимание, что данная программа представляла собой компромисс. Отдельные члены Крайзауского кружка, в том числе те, которые стояли ближе всего к Штауффенбергу, имели еще более далеко идущие планы в отношении частной собственности на средства производства. В «Замечаниях к мирной программе американских церквей» от апреля 1943 г. Тротт и другие авторы этого документа указывали, что существование национальных и международных монополий представляет опасность для жизненных интересов масс и для мира во всем мире⁸⁰. В нем говорилось: «Все христиане в принципе безоговорочно выразят свое согласие с поставленной целью освобождения масс от экономической нужды, а также

повышения их жизненного уровня на самой широкой основе. Не может подвергаться сомнению и то, что цель эта недостижима без межгосударственных соглашений в экономической и финансовой сферах. Однако нам кажется сомнительным, возможно и даже просто вероятно ли сохранение свободной торговли для достижения этой цели во всех фазах развития».

«Замечания» требуют, далее, установления в области экономики «порядка с максимумом свободы». В них говорится: «Порядок, а также свобода в экономической области именно в международном обмене подвергаются наибольшей угрозе со стороны монополий». В документе заявляется, что формальная ликвидация монополий недостаточна и они должны быть уничтожены. «Поэтому мы полагаем, что будущая международная организация должна быть в состоянии выступать против национальных и международных монополий как главного препятствия на пути к экономическому и финансовому умиротворению во всем мире».

Эти взгляды крайзаусцев противоречили концепции группы Гёрделера. Для достижения договоренности в январе 1943 г. в доме Йорка состоялась уже упоминавшаяся встреча, в которой приняли участие Йорк, Мольтке, Герстенмайер, а также Бек, Гёрделер, Попиц, Йессен и Хассель. Об этой беседе, в ходе которой ясно выявились противоречия, сообщает в своем дневнике Хассель: ««Молодые», в противоположность «старикам» внешне выступавшие единым фронтом, идейно возглавлялись весьма остроумным, мыслящим на англосаксонский и пацифистский манер Гельмутом [Мольтке]... Сознательно, но безуспешно маскирует Пфафф [Гёрделер] противоречие между ним и «молодыми», особенно в социальной области. Ведь Пфафф все же разновидность реакционера»⁸¹.

В целом крайзауские документы содержат существенные элементы антифашистской буржуазно-демократической республики, которая в некоторых отношениях казалась уже даже выходящей за рамки буржуазной демократии. Однако ряд требований формулировался в столь общей форме, что не исключалось и противоположное толкование. Эта двойст-

венность отражала противоречия в самом составе и характере Крайзауского кружка.

О консервативном образе мыслей свидетельствуют и отдельные положения избирательного права и структуры государственного аппарата, а также категоричность, с какой программа требует сделать религию основой государственной жизни. Правда, авторы не говорили, как они намерены совместить это категорическое требование с так же требуемой ими свободой совести. Предусматривавшееся слияние государства и церкви, несомненно, не могло открыть верный путь в будущее, к тому же это давно было преодолено в других демократических буржуазных государствах.

Мы уже отмечали, что эта установка Мольтке и его друзей отнюдь не вытекала из какого-либо клерикального притязания на господствующее положение церкви, а объяснялась убежденностью, что только христианство может послужить прочной опорой для отказа от всех негуманных теорий и человеконенавистнической практики. Однако этим крайзаусцы сами сужали поле своей деятельности.

Гораздо более важными были их взгляды по вопросу об участии трудящихся, особенно рабочего класса, в общественной жизни и предусмотренное ограничение монополий и их господства. Такие программные установки показывают, что прогрессивное крыло крайзаусцев уже подходило к пониманию коренного вопроса демократии в эпоху империализма. Эта часть программы носит в зачатке антиимпериалистический характер.

Однако нельзя не заметить, что во взглядах некоторых членов Крайзауского кружка сохранялись и антикоммунистические пережитки. Так, в обоснование необходимости далеко идущих социальных реформ некоторые его члены приводили аргумент, что тем самым они хотят выбить почву из-под ног коммунистов⁸². Отдельные правые социал-демократы, а также клерикальные элементы противились сотрудничеству с коммунистами.

Прежде всего рассмотрим кратко внешнеполитические взгляды тех элементов Крайзауского кружка, которые были тесно связаны со Штауффенбергом.

В противоположность гёрделеровской «западной ориентации» эти крайзаусцы были за установление мира на всех фронтах и за добрососедские отношения со всеми народами, граничащими с Германией. В своих воспоминаниях Теодор Штельцер тоже указывает на разногласия с Гёрделером и следующим образом рисует внешнеполитические взгляды большинства Крайзауского кружка:

«Следующее разногласие касалось отношения к России. Мы в своем кружке придерживались того взгляда, что она принадлежит к Европе. При мирном урегулировании она должна была бы сказать свое веское слово, а отсюда проистекает необходимость сотрудничества с нею. Мы уже тогда, еще до появления атомной бомбы, стояли на той точке зрения, что война как средство политики доведена до абсурда. Мы считали, что надо искать новых путей международного сотрудничества, а потому следует отказаться от представления о существовании каких-то «заклятых врагов», мирное сотрудничество с которыми заранее отрицается. Гибели человеческой цивилизации, казалось нам тогда, можно избежать только в том случае, если и при противоположных общественных взглядах одержит верх мирное сожитительство народов в виде соревнования в области экономики и культуры. Проявлялась тогда и склонность к сотрудничеству исключительно с одним Западом, пожалуй, даже к совместным с Западом действиям против Советского Союза. Но я не думаю, чтобы этому придавалось особенно большое значение. Мы единодушно держались той точки зрения, что Россия должна являться неотъемлемым фактором будущего европейского порядка»⁸³.

По этому свидетельству члена Крайзауского кружка большинство его выступало за мирные отношения с Советским Союзом, за международное сотрудничество нового типа, суть которого должна была состоять в признании мирного сосуществования и международного «соревнования в области экономики и культуры». Война из отношений между народами исключалась.

В данной связи мы еще раз обращаем внимание читателя на цитированные выше высказывания Тротта

цу Зольца и других, которые подчеркивали, что власть монополий служит препятствием к умиротворению во всем мире, и требовали ее ликвидации.

Об основных внешнеполитических воззрениях внутри всего заговора в целом дают представление «Донесения Кальтенбруннера», которые в обрисовке «вражеского облика», несомненно, близки к истине. «У Гёрделера, говорится в этих донесениях, имелись возражения. Для него заключение мира с Советским Союзом означало изменение его внешнеполитической концепции на 180 градусов. Его привлекало установление взаимопонимания с западными державами, а ведение переговоров с Советским Союзом казалось ему оправданным только в том случае, если бы соглашение с Западом оказалось абсолютно невозможным... Эта политическая установка в конечном счете привела к тому, что Бек и Гёрделер связали свои надежды с попыткой в условиях дальнейшего роста русской мощи добиться даже союза с Англией и Америкой против России...

Группа, пропагандировавшая восточное решение, то есть сближение с Россией без участия Запада, а в случае необходимости — даже и против Запада, была весьма малочисленной. В ходе подготовки и предварительного обсуждения значение ее еще более уменьшилось. Представителем явно выраженного восточного решения был, к примеру, профессор Райхвайн. Райхвайн установил связи с одной коммунистической группой... Главным представителем компромиссного решения являлся бывший легационный советник фон Тротт цу Зольц. В своей работе «Германия между Востоком и Западом» он писал, что Германия, расположенная в центре Европы, не должна в категорической форме идти ни на сближение с Россией, ни на совместные действия с западными державами. Напротив, политика Германии, диктуемая ее географическим положением, предписывает установление сносных отношений с обеими сторонами.

Эта точка зрения временами оказывала сильное воздействие на внешнеполитическое планирование заговорщической группы. Так, предполагалось непосредственно после захвата в стране власти послать представителей для переговоров как в Москву, так и

в Лондон. Внутри круга заговорщиков идею Тротта особенно рьяно защищал Йорк. Он заявлял, что необходим не односторонний контакт с Западом, а одновременный поиск связей как с Востоком, так и с Западом... Комиссия, предназначенная для ведения переговоров с Востоком, должна своевременно установить контакт с так называемым Национальным комитетом «Свободная Германия»⁸⁴.

За немедленный мир с обеими сторонами высказывался и Юлиус Лебер. Когда в июне 1944 г. Тротт цу Зольц направился в Швецию для зондажа внешнеполитических возможностей, Лебер рекомендовал ему «со всей категоричностью ни в коем случае не проводить политики, имеющей целью раскол союзников. Единственным шансом на спасение, по его мнению, являлось свержение Гитлера, провозглашение правительства, вышедшего из кругов Сопротивления, и открытое предложение им перемирия»⁸⁵.

Большинство Крайзауского кружка было убеждено в неминуемой военной катастрофе Германии и в необходимости ее капитуляции. Мольтке, Йорк, Штельцер, Дельп и другие считали государственный переворот против Гитлера бесперспективным, так как не верили в способность генералов его успешно осуществить. Их целью было еще до военной катастрофы прийти к политическому соглашению с антигитлеровской коалицией. «Мы хотели... разъяснить союзникам положение в Германии и заключить с ними еще до капитуляции соглашение о политической позиции Германии», — пишет Теодор Штельцер⁸⁶.

В качестве лиц, уполномоченных для связи, предусматривались: с Западом — Адам фон Тротт цу Зольц, имевший друзей в Англии; с Советским Союзом — граф Вернер фон дер Шуленбург, который с 1934 по 1941 г. являлся германским послом в Москве и был лично знаком со Сталиным. Заговорщики знали, что перед войной Шуленбург выступал за германо-советское взаимопонимание и таким образом стремился продолжать рапалльскую политику 20-х годов. Предполагалось также, что вести переговоры с СССР смог бы и генерал Кёстринг — бывший военный атташе германского посольства в Москве.

Вернер фон дер Шуленбург (дядя Фрица Дитлофа фон дер Шуленбурга), близко стоявший к некоторым членам Крайзауского кружка, был в 1943 г. готов с помощью Хеннинга фон Трескова и других оппозиционных офицеров перейти линию фронта, чтобы установить связь с Советским правительством⁸⁷. Когда же эта акция оказалась неосуществимой, Штельцер предложил сделать это поначалу через Стокгольм, так как имел возможность через одного норвежского друга установить связь с советским послом в Швеции Александрой Коллонтай. Прибыв в июне 1944 г. в Стокгольм, Тротт цу Зольц должен был встретиться с нею, чтобы «облегчить контакт Шуленбург — Москва»⁸⁸. Однако встреча не состоялась. Накануне покушения — вопреки намерениям Гёрделера — среди заговорщиков царило единодушное мнение, что после устранения Гитлера надо немедленно повести переговоры как с западными державами, так и с Советским Союзом.

Таковы взгляды, существовавшие в Крайзауском кружке. Остается еще лишь сказать о целях и намерениях тех социал-демократических функционеров, которые находились в тесной связи со Штауффенбергом.

Как представляли себе новый облик Германии Лёйшнер, Лебер, Маас, Райхвайн и их друзья? Хотя Вильгельм Лёйшнер и отстаивал взгляд, что свержение Гитлера должно произойти при содействии частей вермахта, ему, с другой стороны, было ясно и то, что новый строй должен будет опираться на самые широкие народные массы, особенно на рабочий класс. Вместе с Лебером, Райхвайном и другими социал-демократами он создал внутри организации бывшей СДПГ и профсоюзов сеть доверенных людей, которая должна была приступить к действиям только после свержения Гитлера. О планах Лёйшнера и его друзей сообщает Вальтер Машке:

«Намечавшийся переворот первоначально происходил бы как чисто военная акция. Но сразу же после него следовало путем восстановления немецких профсоюзов создать массовую организацию, которая бы служила политическим инструментом нового государственного руководства. Во все округа Германии были

назначены уполномоченные, которые должны были после удавшегося переворота возглавить немедленное создание немецких профсоюзов. При этом предусматривалось сотрудничество представителей существовавших прежде различных профсоюзных направлений. В общегерманском руководстве профсоюзов должны были наряду с Вильгельмом Лёйшнером играть, в частности, роль Якоб Кайзер, Герман Шлимм, Вальтер Машке, Бернхард Гёринг и другие бывшие профсоюзные деятели. Для выполнения профсоюзами своей политической задачи, требовавшей немедленной способности действовать, предусматривалась весьма централизованная структура организации. Предполагали создать Объединение свободных немецких профсоюзов как организацию, распространяющую свою деятельность на всю территорию Германии и подразделяющуюся на профсоюзы различных отраслей промышленности. Предусматривалось, что новое профсоюзное руководство по радио призовет рабочих всех военных заводов прекратить работу, а всех немецких рабочих — устранить нацистских старост и прочих должностных лиц. Новое германское правительство в качестве своего первого акта должно было в соответствии с требованиями союзников предложить им безоговорочную капитуляцию Германии»⁸⁹.

По мнению Лёйшнера, профсоюзам надлежало взять на себя ответственность за решение задач в обширных и важных областях. «Исключительной сферой компетенции профсоюзов должны были стать все вопросы, касающиеся социальной политики, социального страхования, охраны труда, трудового права, обеспечения работой и помощи безработным»⁹⁰.

По воспоминаниям Машке, Лёйшнер и Маас оказывали давление на военных, чтобы побудить их к действию. Но инициатива была предоставлена офицерам, «и в этом-то и состояло слабое место всего задуманного дела. Эти люди видели в первую очередь военную, а не политическую сторону предпринимаемой акции»⁹¹.

Вильгельм Лёйшнер и его друзья видели задачу не только в организации профсоюзов, но, сверх того, в создании основ нового государственного аппарата и

других учреждений. Об этом говорят и следующие примеры.

Вальтер Машке, проживавший в берлинском районе Адлерсдорф, сообщает, что в начале 1944 г. Лейшнер развивал перед ним такие конкретные взгляды: «Теперь он придавал большее значение подбору определенных лиц для назначения их на должности в профсоюзном руководстве и в государственных административных органах... Я должен был находиться особо в его распоряжении и заниматься делами иностранных рабочих, угнанных в Германию»⁹². Машке поручалось подготовить обращение к находившимся в Германии подневольным иностранным рабочим и наметить меры по их организованному возвращению на родину.

Бывший профсоюзный служащий и председатель местного объединения СДПГ Фриц Крюгер, уволенный нацистами в 1933 г. и затем работавший каменщиком, сообщает из Потсдама: «Я принадлежал к одной нелегальной группе, состоявшей из трех товарищей. Нашим связным был товарищ Георг Шпигель, до 1933 г. работавший редактором местного отдела нашей партийной газеты. Мне известно, что Георг Шпигель поддерживал отношения с Германом Маасом и Вильгельмом Лейшнером. Товарищ Шпигель во время войны служил в вермахте вольнонаемным. За несколько недель до 20 июля 1944 г. Георг Шпигель сказал мне, что в Германии скоро произойдет переворот и я должен быть готов к этому. Предполагается назначить меня обер-бургомистром Потсдама или же на центральный руководящий пост в Берлине»⁹³.

Аналогично и сообщение д-ра Ганса Грюнберга — до 1933 г. журналиста и члена СДПГ, после 1933 г. неоднократно увольнявшегося по политическим причинам и в 1944 г. работавшего электромехаником магазина автомобильной фирмы «Даймлер — Бенц АГ» в Ростоке. «В мае 1944 г. я встретил бывшего второго секретаря окружного правления СДПГ Вилли Йессе, мобилизованного в «вспомогательную службу безопасности» и работавшего на верфи «Нептун». Он сказал мне: в ближайшее время кое-что произойдет и я «по

первому же знаку должен явиться к нему», чтобы работать в редакции газеты, которую будут издавать. По окончании войны он вернулся из Швеции (куда ему удалось бежать после 20 июля 1944 г.) и сообщил мне, что начиная с 1942 г. поддерживал связь с социал-демократической группой Лёйшнера — Лебера — Мирендорфа — Хаубаха в Берлине, был информирован о запланированной попытке путча и имел задание подготовить переворот в Мекленбурге»⁹⁴.

Эти сообщения показывают, что была создана довольно разветвленная, идущая глубоко в низы сеть доверенных лиц, которая могла бы стать весьма важным фактором развертывания массового демократического движения. Лёйшнер, Лебер, Маас и Райхвайн явно не желали оставить дело преобразования Германии только в руках одной небольшой группы офицеров, чиновников и функционеров высшего звена.

Однако неотъемлемой предпосылкой развертывания широкого антифашистского массового движения было сотрудничество с КПГ и созданным и руководимым ею движением «Свободная Германия». Мы подробно рассмотрим эту проблему в следующем разделе. Здесь же предварительно скажем, что социал-демократические функционеры и наиболее разумные элементы Крайзауского кружка начинали порывать с пагубным антикоммунизмом и искать контактов с движением «Свободная Германия».

До сих пор мы рассматривали лишь взгляды окружения Штауффенберга и описывали подготовку к перевороту, проводившуюся этим окружением.

Каковы же были взгляды самого Штауффенберга по вопросу о переустройстве Германии после свержения нацистского режима?

К тому времени граф Штауффенберг уже изложил свои представления в ряде документов. Однако найти эти документы до сих пор не удалось — по всей вероятности, они уничтожены. Поэтому мы вынуждены опираться главным образом на свидетельства его друзей и современников, а также на показания тех, кто после 20 июля 1944 г. был арестован и подвергнут допросу гестапо. Разумеется, в силу понятных причин этот источник имеет ограниченную ценность.

Все сообщения говорят о том, что Штауффенберг поддерживал дружеские отношения с Мольтке, Йорком, Троттом, Шуленбургом, Лебером, Лейшнером, Маасом и Райхвайном и что взгляды их в значительной мере совпадали. В 1944 г. Штауффенберг явно принадлежал к левому крылу заговора, которое в резком противоречии с группой Гёрделера выступало за прогрессивные политические и социальные перемены. Это не оспаривается даже многими буржуазными современниками событий и историками. Сам Гёрделер в своих воспоминаниях, написанных им в заключении в ноябре 1944 г., рисует следующий образ Штауффенберга:

«Осенью 1943 г. Тресков познакомил меня с подполковником графом фон Штауффенбергом, человеком благородного образа мыслей, тяжело раненным в Африке офицером генерального штаба, проявившим себя, однако, впоследствии упрямым, которому тоже захотелось делать политику. Я высоко ценил его и все же имел с ним немало стычек. Он желал недостаточно четкого политического курса с опорой на левых социалистов и коммунистов...»⁹⁵

Почему он считал его «упрямцем», Гёрделер сам дает понять, ссылаясь на готовность Штауффенберга вступить в союз с левыми социалистами и коммунистами, между тем как сам Гёрделер от какого-либо сотрудничества с коммунистами отказывался наотрез.

Послушаем еще одного современника событий из буржуазного лагеря. Ганс Бернд Гизевиус, тоже встречавшийся со Штауффенбергом, так обрисовывает сложившуюся ситуацию: «Действительно, фикция социально-революционного братания немецких и иностранных рабочих масс давала ложный импульс полному энергии кружку Штауффенберга. Когда во время последнего приезда Тротта в Швейцарию в апреле 1944 г. я говорил с ним, я был просто напуган тем, насколько радикально этот, в сущности, такой прозападно настроенный дипломат высказывался в пользу Востока — нет, вернее сказать, какой глубокий внутренний поворот в сторону от Запада произошел в нем...

Узкий кружок Штауффенберга последовательно стремился к союзу с крайне левыми, с коммунистами.

Влиятельным инициатором этого курса являлся регингс-президент граф Фриц фон дер Шуленбург... Пребывая с 1938 г. вновь в оппозиции, он привлек Штауффенберга на свою сторону и с тех пор внутренне стоял к нему ближе всех. Несомненно самый активный в этом узком кругу, он резко выступал против кандидатуры «реакционного» Гёрделера, вместо которого он предлагал в качестве канцлера «молодых» стоящего далеко слева бывшего социал-демократического референта по вопросам вооруженных сил в рейхстаге Лебера. С тех пор оппозиция оказалась внутренне расколотой, ибо речь шла не о личности Гёрделера или Лебера, а о двух диаметрально противоположных желаемых направлениях...»

Гизевиус считает, что Штауффенберг желал своего рода «военный социализм», что он отклонял кандидатуру Гёрделера на пост рейхсканцлера в пользу Лебера, и продолжает: «Лебер с согласия Штауффенберга тоже вел предварительные переговоры с коммунистами, чтобы опереться преимущественно на силы воинствующих левых».

Затем Гизевиус приводит мнение полковника Ганзена, преемника адмирала Канариса на посту начальника абвера: «Ганзен утверждает, что Штауффенберг играл со мною в прятки. Если еще несколько недель назад он рассчитывал на то, что удастся столкнуть Запад с Востоком, то теперь он думает о совместном победном походе серо-красных армий против плутократии»⁹⁶.

Гизевиус сообщил свое впечатление о Штауффенберге и Аллену Уэлшу Даллесу, который руководил в Швейцарии американским Управлением стратегических служб (ОСС) и имел задание вести разведку внутреннего положения в странах «оси», особенно в Германии. Даллес (брат ставшего позднее государственным секретарем США Джона Фостера Даллеса) так пишет об этом в своей книге «Заговор в Германии»:

«Хотя Штауффенберг и признавал верховное руководство Бека и Гёрделера, политически они были ему несимпатичны. Он проявлял величайший интерес к проблеме отношений с Востоком и к возросшему

значению России в Европе. Гизевиус сообщил мне, что Штауффенберг даже подумывал о том, чтобы вызвать революцию рабочих, крестьян и солдат. Он надеялся, что Красная Армия поддержит организованную по русскому образцу коммунистическую Германию. Подобным взглядам симпатизировали и другие заговорщики, прежде всего из числа более молодых людей — членов Крайзауского кружка, в том числе братья Хефтен и Тротт. Для одних это был вопрос идеологии, для других — политики... Национальный комитет «Свободная Германия» импонировал многим немцам...

Если дружественное Востоку крыло усиливалось, то Бек, Гёрделер и другие главные участники заговора продолжали придерживаться крайнего антикоммунизма. Но они были вынуждены считаться с сильной оппозицией Штауффенберга, когда он вошел в состав узкой руководящей группы».

Рассказав о том, что Штауффенберг сначала предложил Лёйшнеру, а после отказа последнего Леберу пост рейхсканцлера, Даллес продолжает: «Когда наступил июнь 1944 г. и вскоре стало ясно, что американские и английские войска прочно закрепились во Франции, активность Штауффенберга удвоилась. Так, он предложил включить в коалицию коммунистов. Когда из соображений безопасности ему отсоветовали это, он без согласия других главных заговорщиков побудил своих друзей социалистов установить контакт с коммунистическим подпольным движением»⁹⁷.

Дадим слово и несомненно далекому от подозрений в симпатиях к коммунизму профессору Герхарду Риттеру. Он не только был знатоком источников по истории 20 июля 1944 г., но и лично знал участников заговора. Риттер дает такую характеристику Штауффенбергу: «Политически он явно более тяготел к романтическому «социализму» своих сверстников — крайзауских графов, нежели к буржуазному либерализму Гёрделера или тем более к старопруссско-консервативному идейному наследию какого-нибудь Поппица... Он больше вдохновлялся высокопарными идеями нравственно-политического обновления Германии, служить которым он чувствовал себя призванным. Как конкретно представлял он себе это обновление, сказать

трудно, но наверняка в форме революционного движения, которое «бурным натиском» сметет все старое. Однако тем самым он находился в коренном противоречии с целями буржуазных политиков, особенно Гёрделера...»⁹⁸

Стоит процитировать и статью Себастьяна Хаффнера, опубликованную в английском ежеквартальнике «Контакт» и в апреле 1947 г. перепечатанную в «Нойе ауслезе»: «Это правительство (с Лебером как рейхсканцлером и Троттом как министром иностранных дел) должно было превратить военное восстание в подлинную революцию, сплотить немцев и иностранных рабочих под старым лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», передать правительственную власть в оккупированных странах движению Сопротивления и противопоставить продвигающимся вперед армиям «Большой тройки» Европу, выковавшую свое единство в огне революционного пламени. Для начала это было не что иное, как заговор, но какая мечта стояла за ним! Человек, который грезил ею и сумел увлечь ею элиту своих сверстников, звался граф Штауффенберг»⁹⁹.

Д-р Эберхард Целлер, автор богатой по материалу работы о 20 июля «Дух свободы», считает эту характеристику «преувеличенной», но полагает, однако, что в ней, «пожалуй, содержится верная мысль»¹⁰⁰.

Английский историк Джон У. Уиллер-Беннет, тоже антикоммунист, называет Штауффенберга «бамбергским всадником», который «стремился соединить этический социализм с христианскими принципами и аристократическими традициями... Его «универсализм» был подобен пылающему факелу, «универсализмом смутьяна, своего рода выражением его духа, его нрава, его облика революционера. Он мыслил и действовал, как революционер. Ничто не говорит в пользу предложения, что, достигнув своей ближайшей цели, он не пошел бы дальше по этому пути. Во всяком случае, результаты, по всей вероятности, весьма отличались бы от тех, которые имели в виду Бек и Гёрделер, планируя путч, и на достижение которых они надеялись. И вряд ли приходится сомневаться в

том, что — на пользу или во вред — определяющей силой в новой Германии был бы Штауффенберг, а не они»¹⁰¹.

Таковы обширные выдержки из воспоминаний, описаний и исследований буржуазных историков, политиков и публицистов. Западногерманские историки часто бросают историографии ГДР упрек в том, что она будто бы видит Штауффенберга односторонне, ложным образом непосредственно сближает его с коммунизмом и объявляет «зачинателем социализма ГДР»¹⁰². Приведенные выше цитаты доказывают все же достаточно убедительно, что патриотическо-демократические тенденции Штауффенберга отнюдь не изобретение исторической науки ГДР. Однако в цитированных высказываниях на самом деле имеют место преувеличения, которые следует на основе дошедших до нас источников отделить от действительных фактов. Но поистине требуется немало антикоммунистической наглости для того, чтобы возлагать на марксистскую историческую науку ответственность за преувеличения, допущенные некоторыми буржуазными авторами!

К тому же ныне империалистическим манипуляторам общественным мнением стало неприятно, что обладающие высоким рангом и авторитетом люди из собственного лагеря когда-то оценивали Штауффенберга как революционера и друга Советского Союза и коммунизма. Мы же руководствуемся не соображениями сомнительной тактики, а исключительно одним лишь стремлением установить историческую истину. Поэтому мы далеки от некритического восприятия упомянутых высказываний. Однако заслуживает более тщательного изучения то, каким же образом немалое число авторов, независимо друг от друга и исходя из самых различных позиций, пришло во многих вопросах к цитированным выше одинаковым или приблизительно одинаковым выводам.

В самом деле, имеются убедительные доказательства того, что перед глазами Штауффенберга стояла в качестве цели независимая, демократическая Германия. Когда в начале октября 1943 г. Штауффенберг начал работу по подготовке переворота, он среди военных планов обнаружил написанные Гёрделером,

Вирмером, Хасселем и другими воззвания и тексты выступлений по радио. При содействии своего брата, а также вызванного в конце октября по телеграфу Рудольфа Фарнера Штауффенберг придал этим воззваниям новую редакцию. Однако тексты их пропали. Сделанные в августе 1945 г. по памяти записи Рудольфа Фарнера дают основание судить об их содержании, а тем самым и о политических взглядах Штауффенберга¹⁰³.

Воззвание должно было сообщить о гибели Гитлера, разделаться с остальными нацистскими партийными главарями и обосновать необходимость принятых действий. Как можно скорее «нация была бы призвана к свободному решению вопроса о будущей конституции, новую форму которой предстояло найти». Правонарушения и преступления подлежали каре, однако преследование исключительно за политические взгляды отвергалось. Требовалось как можно скорее установить мир. Воззвание не оставляло сомнения в том, что неизбежны жертвы и потери, которые Германия сама заслужила своей политикой. Аналогичное содержание имело и воззвание к армии. «Преступным и бессмысленным военным действиям должен был быть положен конец». Далее в документе содержался «отказ от всех захватнических вождедений и от угрозы другим народам». «Присяга нового правительства гласила, что оно не поставит больше на карту жизнь ни единого немца, если только это не станет безусловно и непосредственно необходимо ради защиты родины, женщин и детей. Разумно мыслящие военачальники как можно скорее отведут войска на территорию Германии. До тех пор солдаты должны твердо стоять на своем посту».

Другое воззвание обращалось к женщинам и призывало их «к преодолению прошлого и построению новой жизни».

Важное значение для формирования политических воззрений Штауффенберга имели его дружба с Юлиусом Лебером и знакомство с Райхвайном, Маасом и Лейшнером. Ведь то, что выросший в условиях консервативной среды граф и офицер генерального штаба вызвал к себе дружеское отношение левых социал-де-

мократов, уже само по себе определенно говорило о его политической дальновидности. Графиня Штауффенберг так характеризует основу этой дружбы:

«В лице Юлиуса Лебера он уважал человека, настоящего мужчину и патриота. Я постоянно стремлюсь разъяснить, что мой муж по своему мировоззрению не мыслил по исконно predetermined шаблонам, а являлся «мыслящим человеком». Он не укладывается в рамки заранее заготовленных «коробочек» и «систем». Для него речь шла о чести народа и отечества. И если он находил при этом отклик у таких людей, как Лебер, то предпосылки были для него безразличны. Он видел в нем скорее социального демократа, чем «социал-демократа». Решающим для него были личная честность и цельность характера»¹⁰⁴.

Аналогичным образом судит и Аннедора Лебер: «В 1944 г. д-р Лебер установил контакт со Штауффенбергом. Их отношения переросли в честную дружбу. Штауффенберг был кем угодно, только не так называемым военным или генштабистом. Он имел ярко выраженный интерес к политике и придавал политической концепции д-ра Лебера большое значение для будущего»¹⁰⁵.

Итак, Штауффенберга и Лебера объединяли общая тревога за судьбу нации и общее понимание необходимости коренных политических и социальных изменений в Германии.

Вместе с Лебером Штауффенберг выступал против концепции группы Гёрделера, которую отвергал как «революцию старцев»¹⁰⁶. Д-р Лебер называл Гёрделера «человеком, предающимся иллюзиям», и при поддержке Штауффенберга во время программных дискуссий выдвигал требование глубоких социальных реформ¹⁰⁷.

В апреле и мае 1944 г. адвокат Вирмер пытался посредничать между Штауффенбергом и Лебером, с одной стороны, и Гёрделером — с другой, и с этой целью вел несколько бесед. «При этом граф фон Штауффенберг заявлял, что дело ни в коем случае не должно прийти к намеченной д-ром Гёрделером попытке реставрации республики 1919 г. Когда д-р Лебер, отвергая воззрения д-ра Гёрделера, изложил

радикальную социалистическую программу и стало известно, что граф фон Штауффенберг как будто одобряет ее, Вирмер снова по просьбе Гёрделера включился в переговоры с целью устранения этой трудности»¹⁰⁸.

Штауффенберг, согласно данным, содержащимся в обвинительном акте против Гёрделера, заявил о своем согласии с компромиссным проектом Вирмера, что было вполне возможно, ибо для Штауффенберга на первом плане стоял прежде всего вопрос об устранении Гитлера и прекращении войны.

В мае 1944 г. Лебер выступил с новыми резкими нападка на Гёрделера за его «западную политику». Он осудил также «послушную церкви политику Гёрделера и Вирмера». Лебер настаивал на более сильной ориентации на Восток¹⁰⁹.

Штауффенберг и Лебер противились выдвижению кандидатуры Гёрделера на пост канцлера — позиция, которую разделяли также Мольтке и другие члены Крайзауского кружка. Весной 1944 г. Штауффенберг встретился с Вильгельмом Лейшнером. Легационный советник Брюкльмайер, устроивший эту встречу, описывал Штауффенберга как человека, «проявлявшего интерес к рабочему вопросу»¹¹⁰. Штауффенберг спросил Лейшнера, не лучше ли было бы, чтобы руководство в новой Германии взял на себя представитель рабочего класса¹¹¹. Однако Лейшнер был против. Он не хотел, чтобы на социал-демократию, как в 1918—1919 гг., легло бремя ликвидации проигранной войны, ответственность за которую несли не она. Поначалу Лейшнер был согласен с кандидатурой Гёрделера на пост рейхсканцлера, но считал это лишь временным решением. В будущем он хотел видеть во главе государства социал-демократа.

Из своего отрицательного отношения к кандидатуре Гёрделера на пост рейхсканцлера Штауффенберг не сделал никакого конфликта, ибо самым необходимым в тот момент считал объединение всех сил для свержения Гитлера. Но и он тоже видел в канцлерстве Гёрделера лишь правительство переходного периода. Шуленбург и другие — даже сам Бек — считали Лебера человеком, подходящим для того, чтобы в будущем занять пост канцлера¹¹², Гёрделер пожаловался

Беку насчет радикальных демократических взглядов Штауффенберга. «Но Бек придерживался мнения, что не следует слишком сдерживать этого молодого горячего всадника»¹¹³.

О политических взглядах Штауффенберга весной 1944 г. дают представление также высказывания бывшего майора Майнике-Кляйнта, прикомандированного с января по июнь 1944 г. к Общевойсковому управлению сухопутных войск и в течение некоторого времени служившего под непосредственным началом Штауффенберга. Хотя Майнике-Кляйнт не был вовлечен в заговор, Штауффенберг весьма откровенно говорил с ним об общем положении и о будущем. Майнике-Кляйнт приводит его дословное высказывание: «Немецкий народ состоит не только из офицеров-аристократов и провинциальных дворянчиков».

Далее Штауффенберг сказал, что должен быть создан Отечественный фронт и что после свержения Гитлера особенно необходимо повести борьбу против его идейного наследия. Он, Штауффенберг, против всех мер, затягивающих войну. Война проиграна, и Германия должна проиграть ее, ибо начинать ее было преступлением. Начало этому преступлению было положено в 1933 г. О концентрационных лагерях Штауффенберг сказал, что в них находились преимущественно порядочные люди¹¹⁴. Графиня Штауффенберг заявила, что эти высказывания «блестяще» отражали «ход мыслей» ее мужа¹¹⁵.

Свои взгляды на политические и социальные реформы Клаус фон Штауффенберг излагал и землевладельцу графу Ульриху Вильгельму Шверину фон Шваненфельду. Тот был лет на пять старше Штауффенберга, служил в качестве капитана в управлении оберквартирмейстера и с октября 1943 г. свел с ним близкое знакомство. Шверин с 1938 г. поддерживал связь с группой Гёрделера. Но позднее, склоняясь к взглядам крайзаусцев, он подружился также с Фрицем фон дер Шуленбургом. Эберхард Целлер пишет о Шверине фон Шваненфельде:

«Он вел со Штауффенбергом беседы о будущей аграрной и земельной реформе и одобрял планы, означавшие лично для него далеко идущий добровольный

отказ от своих привилегий ради новой государственной структуры. Он настаивал на том, что крупные собственники должны добровольно показать пример, дабы осуществить «революцию сверху», как того в свое время требовал барон фон Штейн*»¹¹⁶. Эти взгляды совпадали с воззрениями братьев Штауффенберг, а также графа Мольтке. Поскольку Штауффенберг стремился к созданию широкого фронта противников нацистского режима, он одобрил переговоры Лебера и Райхвайна с коммунистами Антоном Зефковым и Францем Якобом 22 июня 1944 г.

Генерал Ольбрихт, один из ближайших соратников Штауффенберга, тоже предпринимал попытки расширить фронт и установить контакт с коммунистами. Весной 1944 г. он посетил одну знакомую, о которой знал, что она принадлежала к КПГ. Ольбрихт просил ее «помочь после свержения Гитлера строительству новой жизни путем привлечения смелых, честных людей из всех слоев общества, в том числе и коммунистов, и особенно оказать влияние на женщин, без которых был бы невозможен желательный бескровный переход к демократическому управлению государством»¹¹⁷.

Штауффенберг исходил из того, что свержение Гитлера должно быть произведено частями вермахта под руководством решительных офицеров, то есть, что в первой фазе переворота решающую роль сыграют вооруженные силы. После консолидации новой власти должны были, при опоре на широкий фронт трудящихся, включая коммунистов, постепенно устанавливаться демократические порядки. По мнению барона Кунрата фон Гаммерштейна, для Штауффенберга, Ольбрихта и других не существовало никакого препятствия к сотрудничеству с коммунистами. Главным было антифашистское патриотическое мировоззрение¹¹⁸.

Незадолго до 20 июля 1944 г. Штауффенберг разработал проект присяги, которую должны были при-

* Штейн, Карл (1757—1831) — прусский прогрессивный политический, государственный и военный деятель периода национально-освободительной борьбы немецкого народа против наполеоновского господства. В 1807—1808 гг. вопреки сопротивлению прусского короля и юнкерства провел ряд общественных реформ буржуазно-демократического характера.

нести все участники заговора. Она гласила: «Мы желаем создания нового строя, который превратит всех немцев в опору государства и гарантирует им право и справедливость. Вместе с тем мы презираем ложь о равенстве и склоняемся перед установленными самой человеческой природой различиями. Мы желаем видеть народ уходящим своими корнями в родную почву, остающимся близким силам природы, находящим счастье и удовлетворение в том, чтобы действовать в присущем ему жизненном кругу, и преодолевающим темные инстинкты зависти и недоброжелательства. Мы хотим таких руководителей, которые бы, исходя из всех слоев народа, упоая на силы небесные, сами показывали всем остальным пример разумности, дисциплины и самопожертвования»¹¹⁹. Эта присяга, всем своим стилем выдающая ее духовное происхождение из кружка Стефана Георге и носящая черты «революции сверху», служила в конечном счете выражением приверженности демократии и отказа от экспансии и угрозы другим народам.

Показания арестованных участников заговора породили у фашистских чиновников юстиции и гестапо впечатление, будто группа, образовавшаяся вокруг Штауффенберга, выступала за «социалистическое» решение. В одном из донесений имперского министра юстиции Тирака Борману о главном судебном процессе против Гёрделера и других от 8 сентября 1944 г. указывалось: «Штауффенберг... говорил о «склеротичном генералитете» и о том, что более молодые офицеры думали по-иному и двигали бы дело вперед, к социалистической республике»¹²⁰. В отчете о допросе впоследствии попавшего в югославский плен члена гестаповской специальной команды «20 июля» оберштурмбанфюрера д-ра Георга Кизеля приведен его отзыв о группе Штауффенберга—Мольтке: «Связь христианства с коммунизмом служила для них важной основой восстановления Германской империи»¹²¹.

«Социалистический» образ мыслей Штауффенберга и Мольтке, разумеется, никоим образом не был тождествен научному социализму Маркса и Ленина. Однако у Штауффенберга и Мольтке существовало представление о необходимых глубоких социальных

изменениях: земельная реформа, ограничение власти монополий, участие рабочих в управлении экономикой и государством. Они наверняка развили бы и конкретизировали свои представления в ходе борьбы за их осуществление, и это никак нельзя упускать из виду при оценке их значения.

По сообщению Крамарца, Штауффенберг в 1943 г. придерживался в области внешней политики той точки зрения, что надо использовать противоречия между западными державами и Советским Союзом для достижения благоприятного мирного урегулирования. Не исключено, что тогда Штауффенберг думал о такой возможности.

О взглядах, господствовавших в окружении Штауффенберга в последние дни перед покушением, дают некоторое представление и обобщенные в «Донесениях Кальтенбруннера» данные гестаповских допросов. В них говорится о совещании в воскресенье 16 июля 1944 г., в котором приняли участие Клаус и Бертольд фон Штауффенберг, Тротт цу Зольц, фон Хофаккер, Мерц, Ганзен и Фриц фон дер Шуленбург. Об этом совещании сообщается следующее:

«Фон Тротт отстаивал точку зрения, что вражеская сторона будет готова пойти на переговоры, если предпосылкой их послужит полная смена режима. В последовавшей дискуссии высказывалось мнение, что переговоры должны вестись военными с военными, причем не только с врагами на Западе, но и с Советами. Шуленбург-старший и бывший военный атташе в Москве (генерал Кестринг. — К. Ф.) должны были включиться в переговоры в качестве знатоков дела. Что касается переговоров с англо-американской стороной, то их хотел вести Тротт. Кандидатуру более влиятельного германского политика, которого можно было бы использовать в отношении Запада, заговорщикам подыскать не удалось»¹²². Тем самым было достаточно явно доказано, что Штауффенберг и его друзья в резком противоречии с Гёрделером и Бекон выступали за немедленное прекращение войны на всех фронтах. Это, как мы увидим дальше, было подтверждено и с другой стороны.

Приступая к осуществлению покушения на Гитлера, Штауффенберг знал, что оно могло послужить лишь толчком к глубокому преобразованию. Подполковник Джоб фон Вицлебен, родственник генерал-фельдмаршала Эрвина фон Вицлебена и с осени 1943 г. тоже занимавшийся подготовкой переворота в Военной академии в Хиршберге, сообщает о тех политических взглядах, которые царили в группе Штауффенберга в июне 1944 г.:

«В это время у меня были две очень интересные встречи: одна — со знакомым мне подполковником Клямротом, прочитавшим лекцию в Военной академии в Хиршберге; другая — с обер-лейтенантом фон Хефтенем, адъютантом Штауффенберга, на одной вечеринке в Потсдаме. В этих разговорах — независимо один от другого — выяснилось единодушие взглядов, которые вполне можно отождествить со взглядами Штауффенберга и его друзей:

1. На основании всего хода изменившейся военной обстановки [заговорщики] стремятся к «полному решению» вопроса об окончании войны, то есть, следовательно, к перемирию на всех фронтах. Все остальное — например, частичная капитуляция на Западном фронте — подмена реального желательным. Сразу же после свержения Гитлера необходимо направить для переговоров с вражескими сторонами главнокомандующих: на Восточный фронт — маршала Роммеля, на Западный — маршала Клюге.

2. Германии, лежащей в центре Европы, не нужна в будущем никакая альтернативная ориентация в духе «западноевропейской ориентации»; ей требуется германская ориентация, что значит: приносящие пользу отношения со всеми ее соседями, а следовательно, и с Советским Союзом.

3. Существует полная ясность, что после смены правительства и заключения перемирия следует считаться с фактом военной капитуляции. Вермахт нужно поэтапно вывести из оккупированных областей на территорию Германии и — за исключением частей безопасности, — к сожалению, распустить. Оккупация Германии странами-победительницами неизбежна,

4. Никакие переговоры с победителями относительно будущих границ Германии невозможны. Шанс на это потерян в результате многочисленных преступлений, совершенных Германией. Причиненный Германией ущерб подлежит возмещению. Со времени Тегеранской конференции надо считать будущей восточной границей Германии линию Одера, а также иметь в виду выплату значительных репараций.

5. Государственный переворот и осадное положение могут быть лишь кратковременными. Имеется точка зрения об образовании пяти партий: рабочей, крестьянской, христианской, либеральной и консервативной. Затем должны последовать выборы. Основным законом будущей германской демократии должна послужить конституция, подобная Веймарской, но без ее ошибок. Однако это уже является делом политиков.

6. Заговорщики желали бы позднее создать с чисто оборонительными целями германские вооруженные силы, по возможности в форме кадровой армии, подобной рейхсверу, если державы-победительницы дадут на это свое согласие.

В данной связи совершенно открыто говорилось, что после удавшегося государственного переворота «великогерманские мечты надо преспокойно сдать в архив», всеми средствами в зародыше подавить любые «зачатки нового пересмотра границ или легенды об ударе кинжалом в спину»*. Искренним желанием именно Штауффенберга было, чтобы державы-победительницы дали самим немцам возможность устроить Судный день нацистским и военным преступникам. Тем самым мы, немцы, могли бы снять с себя значительную часть своей вины. Само покушение в сравнении с этими задачами — лишь скромное начало»¹²³.

Это свидетельство позволяет составить мнение о том, что представляла собой в начале лета 1944 г. политическая программа группы Штауффенберга. За правдивость этого свидетельства говорит не только

* После первой мировой войны реакционные и милитаристские круги, извращая факты, создали лживую легенду, будто германская армия не была «побеждена на поле боя», а потерпела поражение в результате «удара кинжалом в спину», нанесенного ей революционным рабочим классом Германии.

общность самого автора с заговорщиками, но и сопоставление с ранее цитировавшимися высказываниями самого Штауффенберга. Однако допустимо, что свое решающее требование о демократизации, а также свое отклонение концепции Гёрделера граф Штауффенберг на первый план накануне покушения не выдвигал, дабы не подвергать опасности единство всех сил, готовых пойти на свержение Гитлера.

Группа Штауффенберга и движение «Свободная Германия»

Создание в ноябре 1944 г. оперативного руководства КПГ, в состав которого входили Франц Якоб, Теодор Нойбауер, Антон Зефков, Георг Шуман, Мартин Швантес и Бернхард Бестляйн, привело к подъему подпольной партийной работы. Весной и летом 1944 г. в рядах возглавлявшегося КПГ движения «Свободная Германия» боролось примерно 10 тыс. антифашистов. Оперативное руководство партии располагало опорными пунктами в более чем 30 населенных пунктах земли Бранденбург, более чем 37 — в Тюрингии и еще в 26 населенных пунктах Германии¹²⁴. Немецкое антифашистское движение Сопротивления приобрело к этому времени свой наибольший размах и эффективность.

В начале марта 1944 г. НКСГ опубликовал важный документ «Национальный комитет — к народу и вермахту: 25 статей о прекращении войны», в котором изложил свои политические цели. В центр внимания был поставлен вопрос об окончании войны:

«Задача первая: покончить с войной. Прекращение гигантской кровавой бойни, немедленное окончание войны — предпосылка всего дальнейшего. Каждый немец обязан содействовать ее прекращению. Рабочие, служащие, предприниматели — Гитлеру нужен ваш труд для его войны. Крестьяне — Гитлеру нужно для его войны все, до последнего, ваше добро и достояние. Выбейте из рук его средство дальнейшего ведения войны! Против вашего единства бессильно любое гестапо! С пагубным господством Гитлера можно бороться повсюду. Солдаты, офицеры, генералы, несите

в свои войска дух нашего свободолюбивого движения. Объединяйтесь под знаменем Национального комитета на борьбу против Гитлера!»¹²⁵.

Одновременно Национальный комитет заявлял, что новая Германия должна быть демократическим государством: «Народ путем подлинно свободных выборов избирает своими представителями лучших людей из собственной среды. Он принимает конституцию, которая идет ему на пользу, и защищает законом и мечом свое благо от происков свержнутой реакции. Слабость Веймарской республики не должна повториться». В статье 15 документ требовал устранения «плутократов военной промышленности, которые ни к чему не пригодны, кроме как приводить дело к войнам». Документ заканчивался словами: «Гитлер должен пасть, чтобы жила Германия».

«25 статей» сыграли значительную роль в разъяснении населению Германии, солдатам на фронтах и военнопленным в лагерях пути к решению важнейших для народа жизненных вопросов.

Сравнение программных заявлений движения «Свободная Германия» со взглядами патриотических элементов вокруг Штауффенберга, Лебера и Мольтке показывает, что они во многих пунктах совпадали. Совпадения или сходства были настолько очевидны, что после 20 июля начальник Главного управления имперской безопасности Кальтенбруннер дал приказ провести их сравнительный анализ¹²⁶. Гестапо пришлось признать, что «в оценке военного положения, в критике фюрера, в направленной против национал-социализма идеологии, в целевых установках наблюдается значительное совпадение»¹²⁷. «Даже манера выражения мыслей, — говорится дальше, — в отдельных пунктах столь аналогична, как будто они сознательно согласованы друг с другом». В заключение в гестаповском донесении констатировалось одинаковое мировоззрение и образ мыслей по эту и другую стороны Восточного фронта¹²⁸.

Под впечатлением сильно возросшего антифашистского Сопротивления и проникнутого чувством национальной ответственности обращения НКСГ социал-демократические и прогрессивные буржуазные участники

заговора установили контакт с движением «Свободная Германия».

Коммунистическая партия Германии уже давно заявила о своей готовности вести борьбу против нацистского режима вместе со всеми его противниками независимо от их мировоззрения или партийной принадлежности. Образование Национального комитета «Свободная Германия» и совместная борьба коммунистов, социал-демократов и бывших офицеров и генералов вермахта за освобождение Германии служили доказательством того, что готовность коммунистов к сотрудничеству с ними была искренней. В 1942 — 1943 гг. руководство подпольной КПГ в Германии получало информацию о подготовке буржуазного заговора, имевшего целью устранение Гитлера. В связи с этим оно усилило свою работу, особенно на крупных предприятиях. Генерал-майор Национальной народной армии ГДР Рихард Венцель (тогда член организации Зефкова — Якоба — Бестляйна) вспоминает об этом:

«Необходимо было твердо взять в свои руки все предприятия для того, чтобы в случае образования правительства военных, которое пожелало бы продолжать войну и без Гитлера, противопоставить ему непреклонную организованную волю к миру и силу берлинского рабочего класса. В этом духе была усилена и разъяснительная работа среди военнослужащих вермахта, благодаря которой они полевой почтой регулярно получали наши листовки»¹²⁹.

Одновременно коммунисты активизировали свои усилия по установлению контакта с руководством буржуазной оппозиции. Это, естественно, зависело и от готовности другой стороны. В начале 1944 г. на квартире Гёрделера в Лейпциге состоялась встреча с ним представителей коммунистической организации Шумана, на которой, в частности, говорилось и о составе нового правительства. Гёрделер отказался включить в него коммунистов и отверг любое дальнейшее сотрудничество с ними. Это полностью отвечало его изложенной выше реакционной концепции.

Однако иную позицию заняли некоторые социал-демократические функционеры. Под впечатлением уроков веймарского периода и под воздействием борьбы

коммунистов за единство всех противников Гитлера они начали отрешаться от своих антикоммунистических предрассудков и выступать за сотрудничество с коммунистами. Таким образом, КПГ удалось в 1943—1944 гг. установить связи с руководящими функционерами социал-демократии и профсоюзов¹³⁰.

К этой группе принадлежал Карло Мирендорф, в веймарские времена неоднократно выступавший против коммунистов. Уроки гибели Веймарской республики и общность судьбы с коммунистическими товарищами по классу во время пятилетнего заключения в концлагере привели его к новым выводам. В концлагере Лихтенберг между ним и функционерами КПГ — коммунистическими депутатами рейхстага Альбертом Кунцем, Оттомаром Гешке, Эрнстом Грубе и Максом Хермом — возникли товарищеские, порою даже дружеские отношения. Мирендорф был готов обсуждать вместе с ними политические концепции будущего¹³¹. В июне 1943 г. Мирендорф написал обращение к «Социалистической акции», которое Мольтке сохранил среди подлинников документов Крайзауского кружка. В нем говорилось:

««Социалистическая акция» — надпартийное народное движение за спасение Германии. Она борется за освобождение немецкого народа от гитлеровской диктатуры, за восстановление его чести, попранной нацистскими преступлениями, и за свободу в условиях социалистического строя. Комитет действия образуется из представителей христианских сил, социалистического движения, коммунистического движения и либеральных сил, что явится выражением сплоченности и единства»¹³².

Мирендорф требовал в обращении, в частности, «социалистического порядка в экономике», «экспроприации ключевых отраслей тяжелой промышленности в пользу народа в качестве базы социалистического порядка в экономике, чтобы покончить с пагубным злоупотреблением политической властью со стороны крупного капитала». Он выступал также за «честное сотрудничество со всеми народами, особенно в Европе, с Великобританией и Советским Союзом»¹³³. «Никогда больше не должна раздирать на части рабочий класс

внутренняя борьба между братьями» — такими словами заканчивалось его обращение. Мирендорфу не удалось осуществить свои взгляды: в декабре 1943 г. он стал жертвой налета английской авиации на Лейпциг.

За немедленное сотрудничество с коммунистами особенно твердо выступали Лебер и Райхвайн, между тем как другие члены Крайзауского кружка придерживались мнения, что контакт с ними надо будет установить только после свержения Гитлера¹³⁴. Позицию Лебера следующим образом характеризует его жена Аннедора Лебер:

«Поскольку, по его представлению, только широкое, достаточно сильное народное движение могло вступить в конфликт с Гитлером, он старался убедить Лейшнера в том, что без согласованных с коммунистами действий любая попытка контрдвижения против национал-социалистского режима была бы сопряжена с величайшей опасностью и повлекла бы за собой тяжчайшие последствия»¹³⁵.

Эти заслуживающие внимания высказывания показывают, что Лебер стремился не только, как многократно утверждается, к выяснению позиции коммунистов, но и не мыслил себе развитие «широкого народного движения» иначе как путем их привлечения к совместной борьбе. В книге «Человек идет своим путем», в которой политические друзья Лебера собрали его работы, речи и письма, указывается, что он хотел извлечь уроки из «недостатков Веймара»: «Говоря о самой насущной задаче «на другой день», он не раз говорил о своего рода новом народном фронте на основе «всех уцелевших и жизнеспособных социальных и демократических сил»»¹³⁶.

Среди социал-демократических членов Крайзауского кружка наиболее решительно выступал за сотрудничество с коммунистами Адольф Райхвайн. Его тогдашний друг Ганс Боденкамп отмечает: «Я вспоминаю об одном нашем разговоре втроем с Мирендорфом, в котором Адольф высказывал насчет Востока и коммунизма самые непредубежденные и благородные мысли»¹³⁷. Через своих коммунистических друзей из Йены Райхвайн весной 1944 г. установил прямые

связи с организацией Позера — Нойбауера ¹³⁸. Даже Риттер вынужден признать: Райхвайн «видел в лице России великую и могучую страну будущего, без которой или вопреки которой нельзя больше вести никакой европейской политики... Таким образом, с нею надо будет при всех обстоятельствах искать компромисса» ¹³⁹.

В передаче западногерманского телевидения 20 июля 1965 г. Теодор Штельцер заявил: «Райхвайн имел связи с коммунистами и придерживался взгляда, что они должны были участвовать в наших совещаниях» ¹⁴⁰. Поэтому не удивительно, когда Теодор Штельцер считает, что «Райхвайна нужно было бы в дальнейшем причислить к коммунистам» ¹⁴¹. Г-жа Райхвайн пишет по этому поводу автору книги: «Он никогда не был коммунистом, хотя с йенских времен своей работы в народной школе и поддерживал хорошие связи с коммунистами цейссовских заводов, а затем через них установил контакт с берлинским коммунистическим ЦК... Я вполне согласна с вашей точкой зрения, что А. Райхвайн «не был коммунистом, но весьма решительно выступал за единство действий всех антифашистов, в том числе и коммунистов»» ¹⁴².

После того как коммунисты Юдит Ауэр и Фердинанд Томас установили с Райхвайном контакт, Лебер и он с одобрения Штауффенберга, Шуленбурга и Йорка 22 июня 1944 г. имели на квартире одного берлинского врача первую беседу с представителями подпольного руководства КПГ в Германии Антоном Зефковом и Францем Якобом, которая должна была послужить началом дальнейших переговоров. Однако они не состоялись, так как в начале июля участники этой встречи были арестованы.

Контакты между коммунистами и социал-демократами возникли на низшем уровне в Берлине и Лейпциге. Об этом сообщает бывший секретарь местной берлинской группы принадлежавшего к Свободным профсоюзам Союза технических служащих и чиновников Макс Гюнтер:

«В то время я как раз примкнул к группе активных антифашистов-интеллигентов (врачи, юристы, экономисты, художники), которые в основном принадле-

жали в прошлом к коммунистическому студенческому движению. Они вели планомерную работу по собиранию всех антифашистских сил. В числе их был необычайно интеллигентный юрист Вольфганг Хайнце, занимавший должность одного из директоров фирмы «Кольман-верке» в Лейпциге. В Берлине и Лейпциге вскоре возникли дискуссионные кружки, в работе которых регулярно участвовали офицеры действительной службы и которые вскоре превратились в источник весьма важной информации. Одновременно я поддерживал связи с берлинскими профсоюзными функционерами, главным образом из Союза технических служащих и чиновников, которых я постоянно держал в курсе событий.

В начале ноября 1943 г. коллега Бернхард Гёринг попросил меня о встрече и сообщил мне, что располагает надежной информацией о готовности высших военных чинов предпринять серьезную акцию по устранению Гитлера и свержению нацистского режима. Отнесясь к этой информации скептически, я рассказал Гёрингу о моих усилиях по части активизации борьбы против гитлеровского режима.

При второй встрече в середине ноября 1943 г., в которой принял участие также д-р Зур, коллега Бернхард Гёринг сообщил конкретные сведения и назвал имена генерал-полковника Бека и бывшего бургомистра Лейпцига д-ра Гёрделера, а также коллеги Лейшнера из АДГБ как участников акции, направленной против Гитлера. Он просил меня дать как свое личное согласие, так и согласие от имени союза на участие в этом деле. Кроме того, он считал желательным, чтобы я вовлек в это дело кружок коммунистической ориентации, о котором я рассказал в предыдущей беседе. Хотя у меня и имелись опасения насчет планов высшей военщины, разделявшие и коллегой д-ром Отто Зуром, я все же дал просимое согласие, ибо мне казалось наиболее важным поддержать любую акцию, направленную на свержение Гитлера, от кого бы она ни исходила.

Я проинформировал об этом небольшую группу берлинских функционеров союза, в том числе бывшего бургомистра города Хоппегарде Карла Гофмана¹⁴³ и

бывшего председателя группы «Металлопромышленность» Артура Ванцлика, дав указание подготовить к такой возможности и других функционеров группы металлистов. В соответствии с договоренностью имени Лейшнера и Гёринга мною не упоминались. Коллега Фриц Россиньоль взял на себя задачу проинформировать и заинтересовать нелегально действующую группу КПГ в Берлине. Упомянутый выше прокоммунистический кружок интеллигенции в Лейпциге и Берлине был проинформирован Вольфгангом Хайнце, который одновременно добивался контакта с заинтересованными хозяйственными кругами, группировавшимися вокруг д-ра Гёрделера в Лейпциге, а также распространил акцию и на другие города.

Я поддерживал постоянную связь с коллегой Бернхардом Гёрингом и мог доставлять ему благоприятные сведения о формировании наших опорных пунктов»¹⁴⁴.

По дополняющему эту картину сообщению Карла Гофмана, Гюттер за некоторое время до покушения получил от Хайнце задание «создать на берлинских предприятиях тройки, которые после удачи этого покушения примут на своих предприятиях меры по мобилизации всех противников войны и Гитлера»¹⁴⁵. К кружку Бернхарда Гёринга принадлежал также теолог Эмиль Фукс, который с 1921 г. был членом СДПГ и играл важную роль в группе «Религиозных социалистов». Фукс поддерживал связь и с Эрнстом фон Харнаком¹⁴⁶.

Хотя в вермахте большинство, включая офицерский корпус, все еще находилось под влиянием фашистского командования и его идеологии, в конце 1943 — начале 1944 г. все большая часть солдат и офицеров стала прислушиваться к воззваниям и заявлениям НКСГ. Деятельностью Национального комитета начало интересоваться даже правое крыло вермахта. Джоб фон Вицлебен сообщает следующее:

«Во время своего отпуска (осенью 1943 г. — К. Ф.) я посетил одного дальнего, но очень симпатичного мне родственника. Это был тогда уже уволенный в отставку и позже зверски казненный по приказу Гитлера генерал-фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен, прожи-

вавший в берлинском районе Груневальд. Я хотел с ним как со специалистом обменяться мнениями насчет военной обстановки на фронтах и о дальнейших перспективах войны. Во время беседы, глубоко запечатлевшейся в моей памяти, он спросил меня, что я знаю о Комитете Зейдлица и что об этом думаю. Мне по моей службе в штабе 10-й танковой дивизии был известен ряд материалов образованного в Советском Союзе Национального комитета «Свободная Германия» и созданного несколько позднее Союза немецких офицеров. Их, как правило, сбрасывали в виде листовок за линией фронта. Собственно говоря, в ту пору я уже считал намерения этих людей не только поучительными, но, несмотря на некоторые имевшиеся у меня оговорки, и весьма разумными. Об этом я и сказал моему родственнику. Ответ его сводился к следующему. Он очень хорошо знает генералов Зейдлица и Латтмана; оба они люди гражданского мужества и безупречной чести. Сам он в принципе желает того же, что и Зейдлиц. Гитлер и его банда должны исчезнуть с лица земли, причем поскорее и в результате применения силы. Но все зависит от позиции вермахта, и прежде всего от германского генералитета. Если бы эта мысль быстро была осознана офицерским корпусом и солдатами, то он лично — так сказал фельдмаршал фон Вицлебен — мог бы лишь приветствовать деятельность Комитета Зейдлица».

Затем престарелый фельдмаршал сообщил своему молодому родственнику: Вернер фон дер Шуленбург готов с целью прекращения войны установить личный контакт с Советским правительством. «Запланирован тайный переход или перелет Шуленбургом немецкой линии фронта — или в полосе действий группы армий «Центр» при содействии полковника генерального штаба фон Трескова, или в полосе группы армий «Юг» при содействии полковника генерального штаба Шульце-Бюттгера. Шуленбург недавно высказывал даже такое мнение, что надо теперь дополнительно войти в контакт и, если возможно, прийти к соглашению с руководящими деятелями московского Национального комитета «Свободная Германия», особенно с генералом фон Зейдлицем. К сожалению, эти серьезно

взвешивавшиеся в конце 1943 — начале 1944 г. планы сорвались из-за малодушия фельдмаршалов фон Клюге и фон Манштейна»¹⁴⁷.

Бек и Гёрделер тоже проявляли живой интерес к деятельности Национального комитета «Свободная Германия», но интерес этот объяснялся реакционными мотивами. Кунрат фон Гаммерштейн пишет об этом: «Уже между рождеством и Новым (1944 г. — К. Ф.) годом я спрашивал Бека его мнение о Национальном комитете «Свободная Германия» и генерале Вальтере фон Зейдлице, находящемся со времени Сталинграда в русском плену. Бек был не согласен с Зейдлицем, ибо, говорил он, имеется опасность, что тот слишком привяжет Германию к русскому курсу... Когда я спросил Гёрделера, тот ответил: «Зейдлиц нас не связывает, его всегда можно будет поправлять; но то, что он против Гитлера, следует лишь приветствовать»»¹⁴⁸. Итак, Гёрделер явно рассчитывал на то, что сможет подчинить НКСГ своим собственным взглядам.

Иной была реакция буржуазного противника Гитлера д-ра Рудольфа Пехеля. Он пишет: «У кругов германского Сопротивления, являвшихся не коммунистическими, никаких связей с Национальным комитетом не имелось. Да это и не было возможно чисто технически, хотя мы вполне понимали и одобряли поведение Зейдлица. Листовки же, доходившие оттуда, распространялись кругами Сопротивления»¹⁴⁹.

НКСГ интересовались даже и в ярко выраженных консервативных кругах. Об этом говорил Ганс Юрген фон Кляйст-Ретцов, вспоминая о себе и своем друге Кляйст-Шменцине: «Лично я приветствовал инициативу Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров с того момента, когда узнал об их образовании. Вместе с моим другом Эвальдом фон Кляйст-Шменцином я тогда уже пришел к выводу, что Германия, если не удастся внутренний переворот, может быть освобождена от Гитлера и национал-социализма только в результате поражения в войне. По этой причине мне казалось достойным поддержки все, что могло ускорить этот конец...

Мы придерживались, далее, убеждения, что во внешнеполитическом положении Германии откроются тем более благоприятные перспективы, чем скорее будет осуществлено свержение национал-социализма; что крах Германии, которого в конце концов избежать невозможно, примет тем более страшные масштабы, чем дольше он будет задерживаться. Поэтому следовало приветствовать антинацистское движение [военнопленных] в России как вспомогательное средство для ускорения либо переворота, либо в крайнем случае военного разгрома.

Нам казалось, что здесь имелась некоторая возможность противопоставить восточную державу западным. Когда же постепенно стало ясно, что unconditional surrender (безоговорочная капитуляция. — К. Ф.) должна будет иметь место даже и в случае переворота, совершенного немецким правительством-преемником, такие соображения приобрели, на наш взгляд, еще большее значение. В этой ситуации Эвальд Кляйст, до того времени бывший приверженцем прозападного решения, как мне стало известно, начал всерьез взвешивать предпочтительность контакта с Востоком. При этом само собой разумеется, важной основой для таких соображений служило существование враждебной нацизму немецкой организации... Таким образом, в нашем узком кругу Шменцинов мы твердо расценивали московское движение позитивно»¹⁵⁰.

Старший военно-административный советник барон фон Тойхерт, служивший при главнокомандующем немецкими войсками во Франции и являвшийся сторонником западной ориентации, вынужден признать в своих воспоминаниях: «Было известно, что немалое число участников [заговора] ожидало спасения с Востока — отчасти от движения Зейдлица — Паулюса...»¹⁵¹

Эти свидетельства сами по себе опровергают утверждение некоторых западногерманских авторов, будто НКСГ не имел никакого влияния на движение 20 июля. Впрочем, реакционные элементы вокруг Гёрделера если и признавали НКСГ, то в первую очередь видели в нем орудие для того, чтобы самим быстрее

прийти к своей цели. Политического влияния они предоставлять ему не желали.

Какую позицию в отношении НКСГ занимал Крайзауский кружок? Теодор Штельцер сообщает: «Разумеется, мы знали об образовании Национального комитета, поскольку в нашем распоряжении имелся разведывательный аппарат министерства иностранных дел и адмирала Канариса; мы читали также и заявления НКСГ, хотя они и были доступны сравнительно узкому кругу лиц»¹⁵².

Итак, если деятельность и политическая линия НКСГ были Крайзаускому кружку известны, то (по сообщению Теодора Штельцера и Паулюса ван Хузена) установление контакта с ним отвергалось¹⁵³. Однако сведения об этом весьма противоречивы¹⁵⁴. Известно, что многие крайзаусцы не верили в возможность победоносного народного восстания или успешного военного государственного переворота против Гитлера и считали военную катастрофу неотъемлемой предпосылкой возникновения чего-либо нового. Они видели партнеров прежде всего в лице союзников как на Западе, так и на Востоке и прилагали усилия для установления связи с ними. Этим объясняется то, что данная группа внутри кружка в своем игнорировании народной борьбы не желала придавать деятельности НКСГ большого значения. Для другой же части крайзаусцев причиной отказа от сотрудничества с НКСГ, очевидно, служила ее принципиально антикоммунистическая установка.

Однако утверждение, будто Крайзауский кружок совершенно игнорировал НКСГ, не отвечает истине. Когда в июне 1944 г. Тротт цу Зольц находился в Швеции, он достал документы НКСГ, чтобы ознакомиться с политической линией Комитета¹⁵⁵. Йорк фон Вартенбург не только решительно выступал за переговоры и с Западом и с Востоком, но и требовал, чтобы при переговорах с Востоком немедленно установить контакт с Национальным комитетом¹⁵⁶. О точке зрения Вернера фон дер Шуленбурга уже говорилось выше. Политические взгляды старого графа фон дер Шуленбурга одобрялись его племянником Фрицем¹⁵⁷.

Какую роль играл НКСГ в планах Штауффенберга и его ближайших друзей?

Нет ни одного документа графа фон Штауффенберга, в котором он высказывался бы о НКСГ и его целях. Известен лишь тот факт, что он одобрял связи своих друзей Лебера, Райхвайна и Ольбрихта с движением «Свободная Германия» внутри самой Германии. По «Донесениям Кальтенбруннера», граф Штауффенберг отрицательно относился к НКСГ, ибо не принимал всерьез «прокламаций, написанных за ключей проволокой» лагерей для военнопленных¹⁵⁸. Западногерманские историки Э. Целлер и Й. Крамарц без всяких оговорок признают этот гестаповский источник за достойный доверия и основывают на этом утверждение, будто Штауффенберг относился к НКСГ отрицательно¹⁵⁹.

Прежде чем обратиться к другим источникам, рассмотрим вопрос о том, насколько достоверно это утверждение. Известно, что «Донесения Кальтенбруннера» представляют собой сводку и обобщения результатов допросов арестованных после 20 июля 1944 г. Ни один историк не станет отрицать, что этот источник имеет лишь ограниченную ценность, ибо, во-первых, донесения содержат только выдержки из протоколов допросов, а также носящие субъективный характер обобщения, а во-вторых, потому, что допрашиваемые стремились своими показаниями не отягощать еще более участь других подследственных, а доказанные связи с НКСГ явились бы дополнительной уликой для обвинения в измене родине. Поэтому к показаниям по этому комплексу надлежит подходить с особой осторожностью. Опираясь в таком чрезвычайно важном вопросе исключительно на фашистские документы, надо по меньшей мере делать это как можно добросовестнее. Ведь среди них есть и такие документы, в которых говорится противоположное тому, что утверждают Целлер и Крамарц. Так, в информации имперского руководства пропаганды НСДАП от 11 августа 1944 г., предназначенной для нацистских пропагандистов, говорится, что заговорщики состояли в контакте с Национальным комитетом в Москве¹⁶⁰. В этом нацистском документе подчеркивается, что особенно

имела связи с НКСГ «мизерная клика» полковника графа фон Штауффенберга¹⁶¹.

Проанализируем дошедшие до нас факты.

Единственным аутентичным источником, известным до сих пор по данному вопросу, являются свидетельства вдовы Штауффенберга графини Нины фон Штауффенберг. Она сообщает, «что люди Сопротивления с интересом относились к этой группе (НКСГ.—К. Ф.). Во время одного из своих приездов в Бамберг Штауффенберг привез несколько номеров газеты «Фрайес Дойчланд» — органа НКСГ»¹⁶². Таким образом, мы имеем право предположить, что он был знаком с важными материалами НКСГ. Фактом является то, что многие мысли Штауффенберга о преобразовании Германии совпадали с программными заявлениями НКСГ или же были близки к ним. Однако установление контакта с НКСГ, что и без того было делом трудным, казалось ему, сообщает графиня фон Штауффенберг, для той военной акции, которую он готовил, ненужным, более того, лишней уликой, увеличивавшей опасность раскрытия заговора.

Однако можно считать вполне вероятным, что после удавшегося покушения Штауффенберг стал бы искать контакта с НКСГ. Об этом говорит тот факт, что некоторые соратники Штауффенберга прилагали усилия для установления такого контакта еще до покушения. К их числу принадлежал прежде всего генерал Линдеман. 30 августа 1944 г., когда сам генерал еще скрывался, гестапо допросило его сына обер-фенриха флота Георга Линдемана. В протоколе записано:

«Я признаюсь в том, что

1) в марте 1944 г. впервые услышал от отца намеки насчет того, что война проиграна, и что в ответ на мой вопрос, можно ли это допустить, он высказал мысли относительно возможности заключения компромиссного мира с помощью Национального комитета Зейдлица, сказав при этом, что в ОКВ в Берлине уже есть такие люди, которые заняли бы место фюрера, чтобы начать с противником переговоры о мире;

2) 30 июня мой отец заявил мне:

а) война проиграна...

.

г) что он предоставит себя в распоряжение тех людей в Берлине, которые уже готовы пойти на переговоры с противником»¹⁶³.

Г-жа Гудрун Корфес, сестра Мерца фон Квирнгейма, дала следующее показание под присягой:

«В эти дни, в конце июля 1944 г., я в последний раз говорила с моим братом, полковником генерального штаба Альбрехтом Мерц фон Квирнгеймом. Он был тогда начальником штаба при генерале Ольбрихте — начальнике Общевойскового управления в Берлине... В полдень, в воскресенье 26 июня, он со всей серьезностью и глубокой озабоченностью обрисовал мне безнадёжное военное и политическое положение: «Гитлер — преступник или умалишенный, а вероятно, и то и другое. Его надо устранить, чтобы прекратить бесперспективную войну». Затем брат сообщил мне подробности деятельности Национального комитета «Свободная Германия». Он был хорошо информирован и не скрывал своей симпатии к стремлениям Национального комитета... По смыслу, мой брат сказал примерно следующее: «Если сейчас их клеймят как предателей отечества и военных преступников, то грядущая история оправдает всех членов Национального комитета. Мы уже давно пытаемся установить связь с ним, но до сих пор не нашли ни одного надежного и заслуживающего доверия летчика, который рискнул бы перелететь через передовую и приземлиться за линией фронта в Советском Союзе. Мы должны прийти к миру и к переговорам с Советским Союзом, чтобы спасти Германию от гибели...» Об этой беседе с моим братом, о ее содержании я вспоминаю с абсолютной уверенностью... Для меня было очень важно то, что и мой брат, который при наших доверительных отношениях никогда не сказал бы мне неправды... тоже считал Национальный комитет сильной подмогой в попытках извлечь Германию от катастрофы»¹⁶⁴.

В начале 1944 г. Джоб фон Вицлебен, встретив в Потсдаме своего знакомого, полковника генерального штаба Клямрота, имел с ним долгую беседу, во время которой Клямрот убеждал его в необходимости привлечь к участию в заговоре энергичных и готовых на это офицеров из Военной академии, в которой учился

в это время Вицлебен. Кроме того, Вицлебен должен был часто информировать Клямрота о местонахождении, взглядах состоянии здоровья Геринга, используя то обстоятельства, что племянник последнего капитан Ригеле занимался в той же аудитории, что и Вицлебен.

Д. фон Вицлебен сообщает далее: «При этой okazji мы заговорили о деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и особенно Союза немецких офицеров. Клямрот, принадлежавший к кружку Сопротивления во главе с генерал-майором Штиффом в Организационном управлении генерального штаба сухопутных войск и весьма близко стоявший также к полковнику генерального штаба графу Штауффенбергу, сказал мне, в частности, следующее: с помощью подполковника Шрадера из ОКХ (доверенного человека Штауффенберга. — К. Ф.) они регулярно получают материалы Национального комитета. Он с радостью показал мне при этом «25 статей о прекращении войны» и заявил, что то, чего требуют авторы этого документа, в основе своей отвечает стремлениям и его друзей. Особенно он подчеркивал три общих для них пункта:

1. эти статьи говорят о высоком чувстве национальной ответственности;

2. единственно возможная альтернатива: немедленное после свержения Гитлера прекращение войны на всех фронтах, а следовательно, и на Восточном фронте;

3. стремление к созданию как можно более широкого антигитлеровского движения на фронте и в тылу, даже если это и кажется чрезвычайно трудным.

...При всем уважении к активной деятельности в движении Сопротивления именно д-ра Гёрделера ретавративные взгляды его на будущую Германию и его ложные внешнеполитические заключения о возможности раскола антигитлеровской коалиции в 1944 г. больше не могли, по мнению Клямрота, служить прочной основой оппозиции»¹⁶⁵.

В одном из донесений о допросе говорилось: «Участвовавшим [в заговоре] военным не удалось установить связь с Национальным комитетом «Свободная Германия». Генерал Линдеман имел задание устано-

вить эту связь. Но это свое намерение он осуществить не смог»¹⁶⁶.

И наконец, следует упомянуть еще, что майор генерального штаба Иоахим Кун, лично знакомый со Штауффенбергом, после неудачи покушения перешел на сторону Советского Союза и стремился установить связь с НКСГ.

Все эти свидетельства убедительно говорят о том, что люди из непосредственного окружения Штауффенберга не только симпатизировали НКСГ, но и имели намерение установить с ним связь и привлечь его к изменению внутри- и внешнеполитического положения Германии.

Отношение к НКСГ и КПГ особенно ярко рисует дифференцированную картину движения 20 июля. Образование и деятельность НКСГ ускоряли и обостряли процесс дифференциации внутри буржуазной антигитлеровской оппозиции и способствовали формированию и оформлению антифашистско-демократической группы вокруг графа Штауффенберга. При этом следует еще раз настойчиво подчеркнуть, что эта группа не представляла большинства движения, хотя и объединяла наиболее активные и радикальные его элементы.

Поворот группы Штауффенберга к движению «Свободная Германия» внутри и вне страны объясняется тем, что цели ее во многих вопросах совпадали с целями этого движения.

Если обобщить взгляды и цели группы Штауффенберга в том виде, каковы они были летом 1944 г., мы получим следующую программу (с учетом того, что представления отдельных членов Крайзауского кружка частично выходили за ее рамки):

- 1) ликвидация гитлеровского режима;
- 2) немедленное прекращение войны на всех фронтах, даже принимая во внимание выдвинутое странами антигитлеровской коалиции требование безоговорочной капитуляции;

- 3) переговоры с западными державами и Советским Союзом о сносных для немецкого народа условиях мира; ясное понимание того, что вследствие фашистских злодеяний придется считаться с потерей

части немецкой территории, репарациями, роспуском вермахта и оккупацией Германии;

4) наказание военных и нацистских преступников, по возможности антифашистскими немецкими судами;

5) борьба против фашистской идеологии, особенно недопущение новой легенды «об ударе кинжалом в спину», и реваншизма;

6) установление добрососедских отношений со всеми народами — а среди них именно и с Советским Союзом — в качестве основы будущей германской внешней политики; отказ от каких-либо захватнических целей.

7) установление буржуазно-демократических прав и свобод, особенно свободы совести; ликвидация принципа фюрерства в пользу демократического принципа; участие женщин в общественной жизни; свобода образования антифашистско-демократических партий и организаций (в Крайзауской программе: образование немецкого профсоюза как представительства трудящихся);

8) постепенная демократизация государства после свержения Гитлера и взятия власти вермахтом; создание широкого фронта антифашистско-демократических сил всех классов и слоев в качестве базы нового государства с признанием при этом особой роли и ответственности рабочего класса;

9) социальный компромисс путем подъема уровня жизни трудящихся, государственного ограничения крупной собственности в промышленности и сельском хозяйстве, а также путем призыва к имущим добровольно отказаться от части своей собственности (в Крайзауской программе: национализация ключевых отраслей промышленности);

10) недопущение повторения ошибок Веймарской республики в области внутренней и внешней политики.

По своему классовому характеру перед нами здесь антифашистская буржуазно-демократическая программа реформ. Это обобщенное изложение программных целей, сделанное на основании имеющихся свидетельств, показывает как силу, так и ограниченность графа Штауффенберга в политической области.

Штауффенберг ясно видел необходимость устранения Гитлера, уничтожения фашистского режима, немедленного установления мира, наказания нацистских преступников и создания в Германии демократических условий. В этих вопросах его взгляды полностью совпадали с целями НКСГ. Но Штауффенберг лишь субъективно элементарным образом сознавал классовое содержание борьбы против фашизма и воспринимал это содержание как вопрос совести. Разумеется, политическое решение человека — это всегда также и вопрос его совести, особенно для такого сознающего свою моральную ответственность человека, каким был Клаус фон Штауффенберг. Но создание коалиции антифашистских сил всех классов и слоев не могло быть только вопросом совести — оно было прежде всего вопросом классовым.

Единый фронт, включавший представителей всех слоев — от крупных землевладельцев до рабочего класса, от консерваторов до коммунистов, — был в борьбе за свержение Гитлера вполне возможен. Но каковы были дальнейшие перспективы такого фронта? На этот вопрос мы у Штауффенберга никакого ответа не находим. И дать его он не мог, а по всей вероятности, и не желал, ибо важнее всего для него была и на первом плане стояла ближайшая цель — свержение Гитлера.

Аналогична и его позиция в социальном вопросе. Под влиянием левых социал-демократов Штауффенберг осознал, что рабочему классу принадлежит в общественной жизни большая роль. Как конкретно понимал он эту роль, мы не знаем. Его личные, как и его друзей, представления о возможности побудить частных собственников пойти на отказ от своей собственности или от части ее в качестве метода решения социального вопроса, были утопией. И все же мы утверждаем, что Штауффенберг видел взаимосвязи между политическим и социальным преобразованием Германии. Он понял, что подлинное формирование государственной жизни народом невозможно до тех пор, пока его раскалывают вопиющие противоречия в отношениях собственности.

И наконец, следует указать на то, что готовность прогрессивных элементов группы Штауффенберга сотрудничать с коммунистами и с НКСГ была налицо, но дальше дело не пошло. В отношении НКСГ дело ограничилось декларацией готовности к нему или планированием установления контакта, который так и не возник. Однако с реакционным большинством заговора долгое время поддерживались прочные связи, которые, хотя постепенно и ослабевали, но в интересах единства всех сил Штауффенбергом не порывались. Штауффенберг и Ольбрихт доверяли в первую очередь военным руководителям, которые при помощи армейских частей должны были осуществить государственный переворот и сломить власть нацистских и эсэсовских главарей. Только после этого должен был и мог — по мнению Штауффенберга — возникнуть при поддержке буржуазных демократов, социал-демократов и коммунистов широкий Отечественный фронт.

В этой концепции пути к власти — при всей честности и безупречности личных намерений — уже было заложено ядро провала всей акции. Необходимо было ориентироваться на прогрессивные силы и совместно с ними мобилизовать массы на борьбу. Основной предпосылкой разгрома фашизма являлось единство действий рабочего класса, к которому стремилась КПГ. Только действующий в единстве рабочий класс мог бы привести к победе акцию офицеров-патриотов и оттеснить реакционные элементы заговора. Единство действий рабочего класса давало возможность дифференцировать также социал-демократических участников заговора. Тот, кто и в этих условиях выступал против единства рабочего класса, не желал извлечь уроки из истории германского рабочего движения, тот хотел спасти от уничтожения империалистический строй. Лебер же, Лейшнер и другие социал-демократы после долгих блужданий по ложному пути поняли необходимость единства действий рабочего класса. Но прежде чем они смогли осуществить свои планы, они пали жертвами фашистского террора.

- ¹ См.: «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 552.
- ² В. Ульбрихт. К истории новейшего времени. М., 1957, стр. 327 (прилож.).
- ³ Там же, стр. 328.
- ⁴ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5, S. 306 f.
- ⁵ Ibid., S. 548.
- ⁶ В. Ульбрихт. К истории новейшего времени, стр. 7—8.
- ⁷ Klaus Drobisch. Wir schweigen nicht. Eine Dokumentation über den antifaschistischen Kampf Münchner Studenten 1942/43. Berlin, 1968, S. 96.
- ⁸ «Sie kämpften für Deutschland» (Sammelband). Berlin, 1959, S. 114, 121.
- ⁹ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 318.
- ¹⁰ «Wie ist der Krieg zu beenden? Ein Manneswort eines deutschen Hauptmanns». Von Ernst Hadermann mit einer Vorrede von Erich Weinert. Moskau, 1942, Flugschrift.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² «Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung 1933—1945. Eine Auswahl von Materialien, Berichten und Dokumenten». Berlin, 1957, S. 182 f.
- ¹³ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 329f.
- ¹⁴ Ibid., S. 330.
- ¹⁵ В. Ульбрихт. К истории новейшего времени, стр. 330 (прилож.).
- ¹⁶ Там же, стр. 331.
- ¹⁷ «Freies Deutschland», v. 22. 1. 1944, S. 1.
- ¹⁸ «Freies Deutschland», v. 21. 1. 1944, S. 1.
- ¹⁹ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 596.
- ²⁰ К. Г. Бирнат, Л. Краусхаар. Организация Шульце-Бойзена — Харнака в антифашистской борьбе. М., изд-во «Прогресс», 1974, стр. 172—173.
- ²¹ Gerhard Nietzsche. Die Saefkow — Jacob — Bestlein-Gruppe. Berlin, 1957, S. 139/140.
- ²² «Neues Deutschland», v. 31. 12. 1968, S. 4.
- ²³ «Kaltenbrunner-Berichte», S. 178.
- ²⁴ Сообщение Гудрун Корфес.
- ²⁵ «Freies Deutschland», v. 20. 8. 1944, S. 3.
- ²⁶ Сообщение Гудрун Корфес. См. также: Erwin Engelbrecht. Der Einsatz des Nationalkomitees «Freies Deutschland» am Kessel von Tarnopol. In: «Sie kämpften für Deutschland», S. 94.
- ²⁷ См. стр. 174 настоящей книги.
- ²⁸ E. Zeller. Op. cit., S. 278 f. Последующие выдержки из писем также взяты из этого источника.
- ²⁹ Ibid., S. 196.

³⁰ Ibid., S. 206.

³¹ Ibid., S. 208.

³² B. Watzdorf. Op. cit., «Zeitschrift für Militärgeschichte», Heft 1/1963, S. 87.

³³ Сообщение Б. Вацдорфа.

³⁴ Сообщение автору книги. Автор свидетельства пожелала остаться неизвестной.

³⁵ «Freies Deutschland», v. 20. 8. 1944, S. 3.

³⁶ Klaus Drobisch. Über die Haltung Friedrich Flicks in den Jahren 1943/1944. In: «Bulletin des Arbeitskreises «Zweiter Weltkrieg», Heft 111/1963, S. 42.

³⁷ См. также главу I, прим. 10.

³⁸ K. Bauch, zit. in: E. Zeller. Geist der Freiheit, S. 252.

³⁹ Ibid., S. 253.

⁴⁰ Не путать с нацистским радиокомментатором Хансом Фриче.

⁴¹ Harald Poelchau. Die letzten Stunden, Berlin, 1949, S. 103.

⁴² Обобщающий материал о составе и деятельности Крайзауского кружка дает Гер ван Роон: Ger van Roon. Neuordnung im Widerstand. Der Kreisauer Kreis innerhalb der deutschen Widerstandsbewegung. München, 1967. Если эта богатая материалом работа, имеющая благодаря первой публикации многих документов особую ценность, и вызывает возражения, то потому, что автор недифференцированно причисляет явно реакционные элементы, группировавшиеся вокруг Гёрделера, к «Сопротивлению»; он лишь в очень общих чертах характеризует историческое место Крайзауского кружка и весьма туманно говорит о прогрессивных демократических выводах левого крыла. Противоречия между группами Штауффенберга и Гёрделера автор обосновывает чисто внешними, второстепенными факторами. В этих и других вопросах работа объективно примыкает, таким образом, к господствующей в буржуазной историографии оценке 20 июля 1944 г. См. рецензии на эту книгу: Horst Bednarek. In: «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Heft 5/1968, S. 927 f. und Kurt Finker. In: «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Heft 6/1961, S. 806 f.

⁴³ Ср. аналогичные взгляды братьев Штауффенберг в августе 1942 г. и графа Шверина фон Шваненфельда.

⁴⁴ Artur Wegner. Einführung in die Rechtswissenschaft, Berlin (W), 1948, 2. Auflage, S. 3.

⁴⁵ Heinrich Fraenkel, Roger Manvell. Der 20 Juli, Berlin/Frankfurt (Main)/Wien, 1964, S. 42.

⁴⁶ Ibid., S. 42/43.

⁴⁷ Theodor Stelzer. Sechzig Jahre Zeitgenosse. München, 1966, S. 149.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Подробнее о роли Герстенмайера говорится в главе IV. См.: «Vom SD-Agenten P 38/546 zum Bundestagspräsidenten. Die Karriere des Eugen Gerstenmaier». Ein Dokumentarbericht, hg. vom Nationalrat der Nationalen Front des demokratischen Deutschland, Berlin, 1969, S. 59 f.

- ⁵⁰ Th. Stelzer. Op. cit., S. 149.
- ⁵¹ Harald Poelchau. Op. cit., S. 106/107.
- ⁵² Gervan Roon. Op. cit., S. 226.
- ⁵³ Ibid., S. 141 f.
- ⁵⁴ E. Zeller. Op. cit., S. 147.
- ⁵⁵ Annedore Leber. Das Gewissen steht auf. Berlin (W), Frankfurt (Main), 1956, S. 221.
- ⁵⁶ H. Poelchau. Op. cit., S. 10.
- ⁵⁷ Ibid., S. 114.
- ⁵⁸ С 1945 по 1949 г. д-р Пёльхау был сотрудником Центрального управления юстиции в тогдашней советской оккупационной зоне; затем снова стал тюремным священником в Тегеле, а с 1951 г. — евангелическим социальным пастором в Западном Берлине. См.: Harald Poelchau. Die Ordnung der Bedrängten. Berlin (W), 1963.
- ⁵⁹ Графиня Шарлотта фон дер Шуленбург писала автору настоящей книги, что в библиотеке ее мужа имелись все классические социалистические книги. «Еще в школьные годы он читал их, движимый интересом к истории и политике. В доме его родителей царил свобода».
- ⁶⁰ Albert Krebs. Fritz-Dietlof Graf von der Schulenburg. Hamburg, 1964, S. 55.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Сообщение графини Шарлотты фон дер Шуленбург.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ A. Krebs. Op. cit.; см. также сообщение графини Шарлотты фон дер Шуленбург.
- ⁶⁵ A. Krebs. Op. cit., S. 211.
- ⁶⁶ Сообщение графини Шарлотты фон дер Шуленбург.
- ⁶⁷ A. Krebs. Op. cit., S. 276.
- ⁶⁸ E. Zeller. Op. cit., S. 543, Anm. 14, S. 276.
- ⁶⁹ Сообщение графини Шарлотты фон дер Шуленбург.
- ⁷⁰ Сообщение д-ра Ганса-Бернда Гизевинуса.
- ⁷¹ Julius Leber. Ein Mann geht seinen Weg. Berlin/Frankfurt (Main), 1952, S. 205/206.
- ⁷² Сообщение Роземари Райхвайн.
- ⁷³ Stadtarchiv Jena, Akten der Volksschule Jena betr. Reichweinfier am 3.11.1946, Band III, Abt. VIIla, Nr. 5, Bl. 49, zitiert in: Paul Mitzenheim. Der Weg des Pädagogen Adolf Reichwein vom bürgerlichen Demokraten zum antifaschistischen Widerstandskämpfer in: Protokoll der Konferenz «Die Lehrer im antifaschistischen Widerstandskampf der europäischen Völker (1933 bis 1945)» in Potsdam im November 1965. Potsdam, 1966, S. 225. О Райхвайне см. также биографическую работу Герда Хоендорфа в сб.: «Antifaschistische Lehrer im Widerstandskampf». Berlin, 1967 (Reihe: «Lebensbilder grosser Pädagogen»), S. 54—94, besonders S. 88 ff.
- ⁷⁴ Сообщение Теодора Штельцера.
- ⁷⁵ Otto Buchwitz. 50 Jahre Funktionär der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1950, S. 193.
- ⁷⁶ Сообщение Вальтера и Гертруды Машке.
- ⁷⁷ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 414.

⁷⁸ Theodor Stelzer. Von deutscher Politik. Frankfurt (Main), 1949, S. 74.

⁷⁹ Ibid., Anhang; его же, Sechzig Jahre Zeitgenosse, S. 317 ff. Последующие цитаты также взяты из этой работы.

⁸⁰ Ger van Roon. Op. cit., S. 578 f. (Последующие цитаты также взяты из этой работы.) Гер ван Роон весьма убедительно доказывает, что этот документ представляет собой не только «замечания Тротта», как утверждает Ротфельс, а является изложением принципов крайзаусцев.

⁸¹ Ulrich von Hassel. Vom anderen Deutschland, Zürich/Freiburg in Br., 1946, S. 290.

⁸² В предназначенном для президента Рузвельта меморандуме от декабря 1943 г., который был подготовлен связными Крайзауского кружка в Турции, говорится о том, что противники Гитлера в офицерском корпусе разделяются на «прорусскую» и «проанглосаксонскую» группы. «Прорусское крыло оппозиции значительно сильнее, чем проанглосаксонское, особенно в вермахте: в авиации же преимущественно представлено только оно. В этих кругах отчасти действовали те побудительные мотивы, которые в свое время привели к заключению Рапалльского договора, а также традиции имевшего тогда место сотрудничества между рейхсвером и Красной Армией; ныне, находясь под крайне сильным впечатлением от мощи и успехов Красной Армии, эти круги хотели бы пойти вместе с нею лучше сегодня, нежели завтра. Образование в Москве Союза немецких офицеров нашло большой отклик, тем более что члены правления этого союза, по общему признанию вермахта, являются первоклассными немецкими офицерами... Проанглосаксонская оппозиционная группа слабее прорусской, однако тоже имеет своих первоклассных представителей в руководящих военных и гражданских учреждениях; они принадлежат к различным чинам офицерского корпуса и ОКВ... Кроме того, эта группа находится в тесном контакте с католическими епископами, с протестантской Исповедальной церковью и с ведущими кругами бывших профсоюзов, германского хозяйства и интеллигенции... [Последняя. — К. Ф.] группа... считает коммунистическо-большевистское развитие Германии и возникновение немецкого национал-большевизма самой крупной и наиболее угрожающей опасностью для будущего Германии и Европы, чему надо противодействовать всеми силами. Поэтому следует прежде всего не допустить, чтобы исход войны решила победа Красной Армии и Германия была занята русскими раньше, чем союзниками... Антибольшевистская внутренняя политика сможет проводиться только на базе лояльного внешнеполитического сотрудничества при условии недопущения какого-либо внешнеполитического конфликта с Россией... Такое правительство, дабы не оказаться заранее в безвыходном положении в отношении рабочего класса и его коммунистических тенденций, должно было бы учитывать во внутренней политике роль весьма сильного левого крыла и опираться на социал-демократические и профсоюзные круги». (Ger van Roon. Op. cit., S. 583, 585.)

⁸³ Th. Steltzer, Sechzig Jahre Zeitgenosse, S. 154.

⁸⁴ «Kaltenbrunner-Berichte», S. 308, 492, 493, 495.

⁸⁵ J. Leber. Ein Mann geht seinen Weg, S. 286.

⁸⁶ Сообщение Теодора Штельцера.

⁸⁷ В «Донесениях Кальтенбруннера» об этом говорится следующее: «Осенью 1943 г. Гёрделер и Тресков беседовали о возможности перебросить бывшего посла графа фон дер Шуленбурга через линию Восточного фронта. Идея, которую отстаивал Тресков, была примерно такова: Шуленбург — один из немногих немцев, лично знающих Сталина, а потому должен вновь установить с ним контакт. Если Шуленбург придет со Сталиным к положительному результату, следует осуществить в Германии военную акцию по свержению [гитлеровского режима]. Имело значение то обстоятельство, что Шуленбург всегда отговаривал от войны против Советского Союза. Подобный план заключения мира, вне всякого сомнения, излагался Тресковым» (S. 308).

⁸⁸ Сообщение Теодора Штельцера.

⁸⁹ Из написанных в 1945—1946 гг. личных воспоминаний Вальтера Машке, предоставленных для ознакомления автору настоящей книги.

Вальтер Машке (род. в 1891 г.) в 1945 г., после своего освобождения из тюрьмы Байрейт, вернулся в Берлин и стал активно выступать за единство германского рабочего движения. Многие годы был секретарем Правления Объединения свободных немецких профсоюзов (ОСНП), секретарем Народного театра («Volksbühne») и секретарем Правления профсоюза работников искусств.

Бернхард Гёринг (1897—1949) после окончания войны выступал в качестве одного из руководителей борьбы за единство германского рабочего движения и являлся одним из основателей ОСНП. С 1946 г. был членом Правления СЕПГ и 2-м председателем Правления ОСНП.

Герман Шлиме (1882—1955) также занимал после окончания войны руководящее место в борьбе за установление единства рабочего движения и создание ОСНП. Являлся членом руководящих органов СЕПГ и ОСНП.

Якоб Кайзер (1888—1961) являлся с 1945 по 1947 г. председателем ХДС в тогдашней советской оккупационной зоне и на этом посту — полностью в духе Гёрделера — отстаивал в первую очередь интересы крупной буржуазии, противодействуя демократическим преобразованиям. С 1949 по 1957 г. в качестве главы боннского министерства по общегерманским вопросам руководил контрреволюционной подрывной деятельностью и злостной пропагандой против ГДР.

⁹⁰ Из личных воспоминаний В. Машке.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Сообщение Фрица Крюгера. Как и Георг Шпигель, после 1945 г. активно выступал за единство рабочего движения и занимал ответственные посты в партийном и государственном аппарате ГДР.

⁹⁴ Сообщение д-ра Ганса Грюнберга. В то время как д-р Грюнберг после 1945 г. активно выступал за единство рабочего движения, Йессе по возвращении из Швеции начал борьбу против этого единства и впоследствии сбежал в Западную Германию. (См. статью Карла Мевиса в сб.: «Vereint sind wir alles», Berlin, 1966.)

⁹⁵ G. Ritter. Op. cit., S. 540/541, Anm. 367.

⁹⁶ Hans Bernd Gisevius. Bis zum bitteren Ende, Bd. 2, Hamburg, 1947, S. 240, 241, 260, 274.

⁹⁷ Allen Welsh Dulles. Verschwörung in Deutschland, Hassel, 1949, S. 217/218, 222, 224.

⁹⁸ G. Ritter. Op. cit., S. 366/367.

⁹⁹ Цит. по: E. Zeller. Op. cit., S. 254, Anm. 17.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ John W. Wheeler-Bennett. Die Nemesis der Macht, Düsseldorf, 1954, S. 713.

¹⁰² E. Zeller. Op. cit., S. 534; J. Kramarz. Op. cit., S. 177; «Die kommunistische Version». Der 20. Juli 1944 in der Sicht der SED, Dokumentarfilm des westdeutschen Fernsehens vom 20. 7. 1965; газета «Das Deutsche Allgemeine Sonntagsblatt» от 20 июля 1969 г. дошла даже до провокационного вопроса: «Граф Штауффенберг — зачинатель социализма в ГДР?»

¹⁰³ Воспроизводится по: E. Zeller. Op. cit., S. 328/329.

¹⁰⁴ Сообщение графини Нины фон Штауффенберг.

¹⁰⁵ Annedore Leber. In: «Telegraf» vom 16. 6. 1946.

¹⁰⁶ E. Zeller. Op. cit., S. 297.

¹⁰⁷ Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED, Zentrales Parteiarchiv (далее: IML, ZP): Akte NJ-17548/1, Anklageschrift des Oberreichsanwalts gegen Goerdeler, W. Leuschner u. a., Bl. 8.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Ibid. Aus der Urteilsbegründung.

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ Ibid.

¹¹² J. Kramarz. Op. cit., S. 173.

¹¹³ «Kaltenbrunner-Berichte», S. 248.

¹¹⁴ Протокол беседы Карла Гасса, Рихарда Риттербуша и д-ра Майнеке-Кляйнта; кстати, последний должен был составить план биографии Штауффенберга для издательства «Унион-ферлаг».

¹¹⁵ На просьбу автора книги выразить свое мнение в отношении данного высказывания графиня Нина фон Штауффенберг написала: «Под тем, что Вы пишете о майоре Майнеке-Кляйнте, я могу лишь подписаться. Он великолепно передает ход мыслей моего мужа».

¹¹⁶ E. Zeller. Op. cit., S. 293/294.

¹¹⁷ Сообщение автору книги. Автор самого сообщения пожелала остаться неназванной.

¹¹⁸ Сообщение барона Кунрата фон Гаммерштейна. На основании свидетельства друзей Штауффенберга он подтвердил автору настоящей книги, что Штауффенберг отнюдь не мыслил узко «по-графски».

¹¹⁹ E. Zeller. Op. cit., S. 489/490.

¹²⁰ IML, ZP, Akte NJ-17548/2.

¹²¹ «Das Attentat vom 20. Juli 1944 und seine Hintergründe» (Ergebnis der Vernehmung von Dr. Georg Kiesel), hektografiertes Manuskript, S. 17, im Besitz von Anton Ackermann.

¹²² «Kaltenbrunner-Berichte», S. 201.

¹²³ Job von Witzleben. Am Rande der Verschwörung gegen Hitler. Erinnerungen eines Zeitgenossen. Manuskript (MS), S. 6—8. На основе этой рукописи полковник фон Витцлебен должен был сделать 19 марта 1965 г. доклад в Париже на собрании «Echanges Franco-Allemands». Поскольку в результате вмешательства тогдашних боннских властей ему было отказано во въезде во Францию, магнитофонная запись доклада была воспроизведена на заседании в актовом зале Сорбонны.

¹²⁴ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 408.

¹²⁵ «Sie kämpften für Deutschland», S. 176/177/178.

¹²⁶ См.: Д. Мельников. 20 июля 1944 г., изд. 2-е.

¹²⁷ «Kaltenbrunner-Berichte», S. 190.

¹²⁸ Ibid., S. 193.

¹²⁹ Richard Wenzel, Zum Kampf der Saefkow — Jacob — Bestlein-Gruppe um die Gewinnung von Soldaten der Wehrmacht für die Sache des Volkes, in: «Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» und seine militärpolitische Bedeutung. Protokoll einer Konferenz...». Potsdam, 1963, S. 155.

¹³⁰ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Band 5, S. 404.

¹³¹ Сообщение Макса Герма. Там сказано, что «Мирендорф находился в концлагере Остхофен, где его будто бы почти до смерти избили заключенные-коммунисты, во власти которых он оказался». На вопрос автора книги Макс Герм, впоследствии вместе с Мирендорфом отправленный в концлагерь Лихтенберг, заявил, что никогда не слышал от последнего ничего подобного. Наоборот, между Мирендорфом и коммунистами существовали самые сердечные отношения.

¹³² Ger van Roon. Op. cit., S. 589.

¹³³ Ibid., S. 589/590.

¹³⁴ Согласно высказыванию Теодора Штельцера по западно-германскому телевидению в передаче «Коммунистическая версия», «большинство Крайзауского кружка было против переговоров Лебера и Райхвайна с коммунистами». Следовательно, имелось и «меньшинство», которое эти переговоры одобряло!

¹³⁵ Annedore Leber. Dr. Leber und Stauffenberg, in: «Telegraf» vom 16. 6. 1946. Под еще свежим впечатлением освобождения от фашизма А. Лебер рисует здесь правдивую картину событий. Позднее же она стала вести злобную антикоммунистическую пропаганду, отчего, естественно, пострадала правдивость ее высказываний.

¹³⁶ J. Leber. Ein Mann geht seinen Weg. S. 283/284.

¹³⁷ Hans Bohnenkamp. Gedenken an Adolf Reichwein. Branschweig/Berlin/Hamburg, 1949, S. 20, zitiert in: Paul Mitzenheim. Op. cit., S. 340.

¹³⁸ P. Mitzenheim. Op. cit., S. 223.

¹³⁹ По: «Kaltenbrunner-Berichte», зitiert bei G. Ritter. Op. cit., S. 340.

¹⁴⁰ «Kommunistische Version», Dokumentarfilm des westdeutschen Fernsehens vom 20. 7. 1965.

¹⁴¹ Сообщение Теодора Штельцера.

¹⁴² Сообщение Роземари Райхвайн.

¹⁴³ Карл Гофман подтвердил автору это высказывание.

¹⁴⁴ Max Günther. Erinnerungen eines Beteiligten, in: «Deutsche Volkszeitung», Zentralorgan der KPD, vom 20. 7. 1945.

¹⁴⁵ Сообщение Карла Гофмана. Гюнтер и Гофман после 1945 г. активно выступали за единство рабочего движения.

¹⁴⁶ Emil Fuchs. Mein Leben. Zweiter Teil. Leipzig, 1959, S. 263. Эмиль Фукс был последовательным антифашистом, но выступал против покушения, поскольку оно, по его мнению, ничего не изменило бы. «Я говорил Харнаку, что считаю исторически бессмысленным верить, будто покушением можно изменить то, что основано на ложном духе масс» (S. 263). После окончания войны Фукс неуклонно выступал за создание антифашистско-демократического строя и в 1949 г. переселился в ГДР.

¹⁴⁷ Job von Witzleben. Op. cit., S. 2, 4.

¹⁴⁸ Kunrat Freiherr von Hammerstein. Spähttrupp, S. 229. В уже упоминавшемся документальном фильме западногерманского телевидения Гаммерштейн подтвердил это высказывание и дополнил его: «Поскольку имелась надежда, что дело дойдет до государственного переворота раньше, чем русская армия вступит в Польшу, на этой стадии еще не считали нужным считаться с Национальным комитетом, но это было бы сделано, если бы русские были у ворот Германии. Fernsehfilm «Die kommunistische Version», 20. 7. 1965.

¹⁴⁹ Bodo Scheurig. Verrat hinter Stacheldraht? München, 1965, S. 232.

¹⁵⁰ B. Scheurig. Op. cit., S. 237/238; vgl. auch: Walter Görlitz. Widerstand gegen den Nationalsozialismus in Pommern. Ein Versuch, in: «Baltische Studien», N. F. 48 (1961), S. 63—74 besonders S. 71 f). Принципиальную критику Гёрлица см.: Werner Lamprecht. In: «Greifswald-Stralsunder Jahrbuch», 5 (1965), S. 104.

¹⁵¹ Wilhelm von Schramm. Aufstand der Generale. Der 20. Juli in Paris. München, 1966, S. 21.

¹⁵² «Die kommunistische Version», a. a. O.

¹⁵³ Ibid. B. Scheurig. Op. cit., S. 234.

¹⁵⁴ Так, Паулус ван Хузен утверждает: «Никогда не было намерения установить контакт, так как четкая основная концепция предусматривала сотрудничество с Западом (для Штауффенберга и Гёрделера тоже). Крушение Восточного фронта (это являлось целью Национального комитета) диаметрально противоречило господствовавшей у всех участников 20 июля идее удерживать Восточный фронт возможно дольше, дать возможность союзникам вступить в Германию» (B. Scheurig. Op. cit., S. 234). Бессмысленность этого утверждения — по меньшей мере в отношении лета 1944 г. — настолько очевидна, что ком-

ментария не требуется. Оно в крайнем случае отражает мнение правых элементов Крайзауского кружка. (После войны Хузен был, в частности, председателем Конституционного суда земли Северный Рейн-Вестфалия.)

Впадает здесь в противоречие и Теодор Штельцер, сообщения которого в остальном носят весьма дельный характер. Хотя 20 июля 1965 г. он заявил по западногерманскому телевидению: «Мы придерживались взгляда, что в Национальном комитете находились подлинные немецкие патриоты...» («Die kommunistische Version», а. а. О.), однако в его вышедших в 1966 г. воспоминаниях «Sechszig Jahre Zeitgenosse» о НКСГ говорится уже другое: «Сначала мы считали его инструментом советской пропаганды и лишь потом из книги Бодо Шёйрига узнали, что в нем были представлены подлинные патриоты» (S. 154/155).

¹⁵⁵ И. Крамарц считает, что Тротт пришел к мнению, будто НКСГ «играет всего лишь роль органа пропаганды Советов» (Op. cit., S. 117). Крамарц явно опирается при этом только на «Донесения Кальтенбруннера». Но — и сам Крамарц указывает на это — арестованные после 20 июля лица наверняка, для спасения себя от тяжких последствий, прибегали к — как их метко называет Крамарц — «защитным утверждениям». К числу этих утверждений принадлежало и отрицание каких-либо связей с НКСГ, ибо наличие их означало бы дополнительное обвинение в «государственной измене». Насколько поверхностен Крамарц в данном вопросе, видно из того, что упоминаемой им якобы «составленной совместно Эрихом Вайнертом и генералом фон Зейдлиц-Курицбахом программы Национального комитета «Свободная Германия»» (стр. 117) вообще не существует. Программное значение имел принятый Учредительной конференцией «Манифест к вермахту и немецкому народу», разъяснявшийся в различных листовках, а также, в частности, в «25 статьях об окончании войны» от марта 1944 г. Никакой «программы» НКСГ не существовало, тем более ее не могли составить какие-либо отдельные лица.

¹⁵⁶ «Kaltenbrunner-Berichte», S. 493.

¹⁵⁷ Сообщение графини Шарлотты фон дер Шуленбург.

¹⁵⁸ «Kaltenbrunner-Berichte», S. 174 f.

¹⁵⁹ E. Zeller. Op. cit., S. 356; J. K r a m a r c z. Op. cit., S. 177.

У Крамарца далее говорится следующее: «Он [Тротт. — К. Ф.] раздобыл составленную совместно Эрихом Вайнертом и генералом фон Зейдлиц-Курицбахом программу Национального комитета «Свободная Германия», чтобы установить, можно ли найти в лице этого Комитета подходящего партнера. Однако Тротт пришел к выводу, что тот играет всего лишь роль органа пропаганды Советов, которому невозможно было придать никакие позитивные политические импульсы из Германии. Подобные «прокламации за колючей проволокой» отвергал и Штауффенберг» (стр. 177). При этом Крамарц замалчивает тот факт, что даже самые ревностные фашистские следователи не верили в правдивость этих показаний и даже утверждали это в своих донесениях. В донесении, которое Крамарц далее цитирует не текстуально, говорится: «Фон Тротт во время своей закончившейся

незадолго до покушения поездки в Швецию тоже вел зондаж насчет московского Национального комитета. Он раздобыл себе известную, составленную совместно Эрихом Вайнером и фон Зейдлицем брошюру о программе Национального комитета «Свободная Германия», однако в результате расспросов в Швеции якобы пришел к выводу, что Национальный комитет не имеет никакого позитивного политического значения для будущего Германии, а имеет лишь полезный пропагандистский эффект для противной стороны. Также и Штауффенберг якобы [! — К. Ф.] высказался против подобных «прокламаций за колючей проволокой» (стр. 174). Эти осторожные формулировки, связанные с общезвестным особым характером «Донесений Кальтенбруннера» как источника, не дают оснований рассматривать выдвинутое Крамарцем утверждение как отвечающее истине. Следует констатировать, что во многих местах, где показания исторического характера принимают специфически актуально-политический характер, Крамарц обращается с источниками весьма вольно. Очевидно, он не желает ставить под угрозу определенные политические табу, не останавливаясь для этого даже перед манипулированием историческими фактами.

Западногерманский телевизионный фильм «Коммунистическая версия», показанный 20 июля 1965 г., также оспаривает, что Штауффенберг питал симпатии к НКСГ. В качестве свидетелей опрашивались Теодор Штельцер и барон Кунрат фон Гаммерштейн; оба показали, что о связях Штауффенберга с НКСГ ничего не знали. Это было, несомненно, верно, ибо оба они никогда даже не видели Штауффенберга и, естественно, никогда не разговаривали с ним, о чем они и сообщили автору книги в своих письмах! Кунрат фон Гаммерштейн считал вполне возможным, что Штауффенберг проявлял интерес к НКСГ.

¹⁶⁰ DZA Potsdam, Reichspropagandaabteilung der NSDAP (62 Re 3), Nr. 1, Bl. 81.

¹⁶¹ Ibid., Bl. 85.

¹⁶² Письменные и устные свидетельства графини Нины фон Штауффенберг.

¹⁶³ IML, ZP, Akte NJ-1614, Bl. 20. Vgl. auch «Mitteilungsblatt der AeO», Heft 7/1959, S. 7.

¹⁶⁴ «Mitteilungsblatt der AeO», Heft 7/1959, S. 7. Г-жа Корфес в личной беседе вновь подтвердила автору книги эти свидетельства. Она хорошо помнит, что ее брат всегда говорил «мы», возможно, подразумевая под этим группу Штауффенберга. Г-жа Корфес считает бессмысленным, чтобы при дружеских отношениях между ее братом и Штауффенбергом последний не поделился бы с ним своими симпатиями к НКСГ и попытками установления контакта с НКСГ или же относился бы к этому неодобрительно.

¹⁶⁵ Job von Witzleben. Op. cit., S. 5/6. Хотя с научной точки зрения несомненно, что взгляды группы Штауффенберга весьма приближались к взглядам НКСГ и что в ближайшем окружении Штауффенберга предпринимались попытки установить контакт с ним, буржуазные историки в Западной Германии до сих пор реагируют на обсуждение данных вопросов

весьма раздраженно. Проф. Ганс Ротфельс даже позволил себе утверждать, будто марксистские историки в качестве «доказательства» того, что Штауффенберг находился под влиянием НКСГ, цитируют лишь статью из «Völkischer Beobachter» («Die Zeit», Hamburg, 18.7.1969, S. 30). Особенно усердно клеветал по этому вопросу некий Петер Гофман, в своей рецензии на 1-е издание данной книги. Он приписывает автору утверждение, будто Штауффенберг придерживался «восточной ориентации», ибо «он хотел мира на всех фронтах». Далее, якобы автор книги утверждал, что Штауффенберг «косвенно» имел контакт с НКСГ. Сотворив себе таким образом бумажного тигра, Гофман одним махом расправляется с ним: он заявляет, что для своих (разумеется, никогда не выдвигавшихся) утверждений Финкер использует «весьма шаткие и даже вообще ничего не говорящие источники и не предлагает ничего нового». При этом Гофман проделывает еще один, особенно пикантный трюк, присущий «объективной» историографии. В то время как опрошенные им самим лица, само собой разумеется, выдаются им за свидетелей, заслуживающих доверия, привлеченные автором свидетельства полковника Джоба фон Вишлебена, Георга Линдемана и Гудрун Корфес он называет «не имеющими научной ценности и не дающими никаких оснований для выводов справок и показанийми». (Peter Hoffmann: Widerstand, Staatsstreich, Attentat. München. 1969, S. 747/748.) Итак, буржуазные историки не останавливаются перед любыми злостными извращениями и личной клеветой, лишь бы сохранить старую антикоммунистическую концепцию.

¹⁶⁶ «Das Attentat...» (Vernehmung G. Kisel), S. 16. В сб.: «Darauf kam die Gestapo nicht» Berlin (W), 1966. Рудольф Гюнтер Вагнер, сотрудник западногерманского и западноберлинского радио, приводит сообщение об унтер-офицере Лео Дике из ОКХ: «Хотя, будучи переводчиком, Лео Дик имел всего лишь чин унтер-офицера, он был давно посвящен в планы переворота офицерами ОКХ, которые питали к нему доверие как к решительному антифашисту. Кроме того, Дик был в ОКХ связным лицом Национального комитета «Свободная Германия», который был создан немецкими офицерами и солдатами в Москве и с которым он при помощи передвижного радиопередатчика поддерживал постоянный контакт. Дик был руководителем нашей группы Сопротивления «Лео III», состоявшей из священнослужителей и атеистов, коммунистов и членов партии немецких националистов, интеллигентов, деятелей искусства, то есть людей всех политических оттенков» (op. cit., S. 47/48).

Это сообщение не подтверждено никакими дальнейшими фактами или ссылками. Антон Аккерман, игравший видную роль в руководстве КПГ и НКСГ, заявил по этому поводу автору книги, что НКСГ не имел собственной радиостанции и лично ему ничего о наличии прямой радиосвязи с группами Сопротивления в Германии или в вермахте неизвестно. Возможно, это сообщение имеет в виду группу Сопротивления «Дора» (Шандор Радо, Рудольф Ресслер). См.: «Budapester Rundschau», Nr. 52/1970, S. 6.

IV

Попытка переворота 20 июля 1944 г.

Подготовка и неудачные попытки покушения

К концу 1943 г. военно-политическое положение Германии еще более ухудшилось во всех областях. После победы Красной Армии в битве на Курской дуге летом 1943 г. стратегическая инициатива окончательно перешла в руки советских войск, а фашистская стратегическая оборона оказалась совершенно безуспешной. Несмотря на мобилизацию всех сил, численность войск вермахта, действовавших на Восточном фронте, сократилась с 3,1 миллиона человек на 1 ноября 1942 г. до 2,85 миллиона человек на 1 ноября 1943 г. Произошел коренной перелом в ходе войны. Вопреки всем проискам реакционных империалистических сил сотрудничество держав антигитлеровской коалиции укрепилось. 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Сталин, Рузвельт и Черчилль встретились в Тегеране на конференции; чтобы согласовать дальнейшие действия против гитлеровской Германии. Западные державы более не могли продолжать тактику оттягивания открытия второго фронта и заявили о своей готовности создать его в Западной Европе не позднее мая 1944 г.

В начале 1944 г. война в Европе вступила в свою последнюю стадию. Поражение фашистской Германии стало неотвратимым. Однако фашистские правители предпринимали все новые и новые усилия, чтобы безудержным террором и ценой истощения последних людских и материальных резервов затянуть войну и отсрочить собственную гибель. Большую роль в их расчетах играла надежда на распад антигитлеровской

коалиции. Эта надежда объединяла все группировки финансового капитала: как те, которые по-прежнему делали свою ставку на фашистскую руководящую верхушку, так и те, которые все больше ориентировались теперь на группу Гёрделера.

Ухудшение военного положения послужило заговорщикам стимулом для ускорения подготовки покушения. Итак, посмотрим, как оно готовилось. Чтобы иметь полное представление, осветим обобщенно все приготовления и попытки, имевшие место в 1943—1944 гг.

Военные приготовления к устранению Гитлера основывались на использовании плана, имевшего кодовое название «Валькирия». Официально он предусматривал меры на случай внутренних беспорядков. Еще зимой 1941/42 г. его предложил выработать Ольбрихт. Учитывая наличие в Германии большого числа военнопленных и иностранных подневольных рабочих, а также опасность высадки вражеских десантов, Гитлер одобрил это предложение. В течение 1942—1943 гг. план «Валькирия» был разработан, а затем неоднократно дополнялся. В своем окончательном виде он предусматривал, что в случае внутренних беспорядков армия резерва — а она насчитывала около 2,5 миллиона человек — будет поднята по боевой тревоге и сформирует боеспособные группы войск. Эти группы, возглавляемые командующими военными округами, должны будут обеспечить безопасность важных объектов, военных, транспортных и хозяйственных сооружений, центров и линий связи и т. п., а затем, действуя согласно дальнейшим указаниям, уничтожать появляющегося противника. Все командования военных округов располагали этим планом, который подлежал введению в силу по условному сигналу «Валькирия». Дать этот сигнал от имени Гитлера имел право только один человек — командующий армией резерва генерал-полковник Фромм.

В случае отказа Фромма принять участие в государственном перевороте сигнал «Валькирия» был готов дать командующим округами генерал Ольбрихт, что технически являлось вполне возможным, ибо при

передаче по телеграфу или телефону установить сразу же, кто действительно подписал приказ, было нельзя. Утвержденный Гитлером план объявления тревоги и начала боевых действий представлял собою легальное прикрытие и исходный пункт задуманного государственного переворота. Ольбрихт, Штауффенберг и — до октября 1943 г. — Тресков совместно разработали ряд дополнительных приказов, чтобы приведение войск в боевую готовность по сигналу «Валькирия» использовать для государственного переворота с целью свержения нацистской диктатуры¹.

После убийства Гитлера и подъема по боевой тревоге войск в Берлине и его окрестностях намечалось дать командующим округами и командующим группами армий и армиями первый основной приказ. Он начинался словами: «Фюрер Адольф Гитлер убит. Бесовестная группа окопавшихся в тылу партийных главварей пытается использовать эту ситуацию, чтобы нанести удар в спину отчаянно сражающимся на фронте войскам и в своекорыстных целях захватить власть»². Заговорщики первоначально считали необходимым такое заявление, ибо полагали, что авторитет Гитлера в вермахте еще настолько велик, что сказать сразу же полную правду нельзя. Это можно будет сделать только после того, как власть окажется в руках вермахта.

Далее, основной приказ передавал верховное главнокомандование вермахтом, а тем самым и исполнительную власть тому фельдмаршалу, который его подписал (в сентябре 1943 г. готовность сделать это выразил фон Вицлебен). Верховный главнокомандующий в свою очередь передавал исполнительную власть на всей территории Германии командующему армией резерва, а в оккупированных областях — командующим войсками на Западе, Юго-Западе и Юго-Востоке, командующим группами армий «Южная Украина», «Северная Украина», «Центр», «Север», а также командующим войсками вермахта в Прибалтике, Дании и Норвегии. Этим командующим должны были подчиняться все части и учреждения вермахта, войск СС, Имперской трудовой повинности (РАД), организации

Тодта (ОТ)*, все местные органы власти, вся полиция охраны порядка, полиция обеспечения безопасности и административная полиция, вся нацистская партия, а также предприятия транспорта и снабжения.

Войска СС подлежали немедленному включению в состав армейских войск. Носители исполнительной власти были обязаны поддерживать порядок и общественную безопасность, обеспечить сохранность сооружений связи и ликвидировать Службу безопасности СС (СД). Основной приказ обязывал воинских начальников всеми мерами, в том числе и силой оружия, оказывать поддержку носителям исполнительной власти. Приказ заканчивался словами: «Немецкий солдат стоит перед исторической задачей. От его энергичности и действий зависит, удастся ли спасти Германию»³. Вторым основным приказом командующий войсками на территории страны передавал исполнительную власть тыловым заместителям командующих армейскими корпусами** и командующим военными округами. Одновременно они получали полномочия введенных Гитлером имперских комиссаров обороны.

Надлежало осуществить следующие немедленные меры:

1. занять войсками и обеспечить функционирование сети связи почтового ведомства и вермахта, включая радиостанции;

2. отстранить от власти и арестовать всех гауляйтеров НСДАП, имперских наместников, министров, обер-президентов, полицей-президентов, высших чинов СС и полиции, руководителей гестапо, начальников органов СС, руководителей учреждений пропаганды и крайсляйтеров*** нацистской партии;

* Военно-строительная организация, возглавлявшаяся генералом Тодтом.

** Согласно существовавшей в гитлеровской Германии военно-мобилизационной системе, армейские корпуса были приписаны к соответствующим военным округам и, уходя на фронт, оставляли в местах своей постоянной дислокации мирного времени тыловое командование, занимавшееся вопросами обеспечения, снабжения, а также пополнения действующих войск, формированием и обучением новых контингентов и т. п.

*** — окружных руководителей.

3. захватить концентрационные лагеря, арестовать их комендантов, разоружить и изолировать в казармах охрану;

4. арестовать сопротивляющихся или непригодных для использования командиров войск СС, разоружить оказывающие сопротивление соединения и части («энергичное введение в бой превосходящих сил с целью предотвращения более крупного кровопролития»⁴);

5. захватить учреждения СД и гестапо, привлечь к содействию полицию охраны порядка;

6. установить связь с военно-морским флотом и военно-воздушными силами и осуществлять совместные с ними действия.

В каждый округ предусматривалось назначить политического уполномоченного в качестве временного главы администрации и советника командующего округом. Командующий войсками на территории страны должен был направить в каждый округ своих офицеров связи. Второй основной приказ кончался словами. «При осуществлении исполнительной власти никакие акты произвола или мести не допускаются. Население должно осознать отказ [новых властей] от произвольных методов прежних правителей»⁵.

Поскольку Фромм участвовать в акции отказался, командующим армией резерва, а тем самым всеми войсками на территории страны должен был стать генерал-полковник Гёпнер. На пост верховного главнокомандующего вермахта, как уже указывалось, предназначался давший на это согласие генерал-фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен.

Центральным пунктом использования войск в рамках плана «Валькирия» первоначально являлась столица рейха Берлин. Имевшиеся здесь в распоряжении заговорщиков войска (охранный батальон, оружейно-техническое училище, танковые училища в Крампнице и Гросс-Глинике, пехотное училище в Дёберице, фанен-юнкерское и унтер-офицерское училища в Потсдаме, а также — в качестве второго эшелона — танковое училище в Винсдорфе и артиллерийское училище в Ютербоге) имели задачу оцепить правительственный район, схватить Геббельса, взять под особую охрану министерство пропаганды и Главное

управление имперской безопасности, а также занять все остальные важные объекты, список которых включал 29 наименований. Первоочередному захвату подлежали: 10 эсэсовских объектов, 10 правительственных и 9 партийных учреждений. В дальнейшем следовало занять еще 32 объекта. Ряд частей должен был захватить радиостанции в Кёнигс-Вустерхаузене, Цоссене и Тегеле, а также Радиоцентр на Мазуреналлее в Берлине. Предусматривалось обратиться по радио с призывами к вермахту и народу⁶.

Условия военного чрезвычайного положения уточнялись Законами военного времени. Право ношения оружия предоставлялось только военнослужащим вермахта, полиции и имеющим специальные задания охранным формированиям; все остальные лица обязывались заявить о наличии у них оружия; демонстрации, митинги, собрания в закрытых помещениях, изготовление листовок запрещались. Предписывались: дальнейшее функционирование под новым руководством или под новым надзором хозяйственных предприятий и транспорта; продолжение деятельности имперского продовольственного сословия, промысловых организаций, организации Тодта, Имперской трудовой повинности, Национал-социалистского общества народной благотворительности и Германского трудового фронта; дальнейшее выполнение своих обязанностей чиновниками, служащими и рабочими; отмена отпусков; временная конфискация имущества НСДАП и ее организаций и союзов (за исключением РАД и ОТ); уголовное наказание за уничтожение и подделку официальных документов, реестров, актов; запрещение деятельности всех чинов НСДАП.

Противоречащие этим распоряжениям действия, подстрекательство к актам неповиновения или повреждения имущества, а также грабежи должны были караться тюрьмой, каторгой, конфискацией имущества или смертной казнью. Приказывалось учредить военно-полевые суды в составе трех членов. В дальнейших распоряжениях провозглашались конфискация имущества главарей нацистской партии, немедленное закрытие и взятие под сохранность всех учреждений и помещений НСДАП и ее организаций, если они

не предназначаются для дальнейшей работы под руководством комиссаров; отмена брони от военной службы для нацистских чинов, их мобилизация в вермахт, запрещение на три дня частных поездок, запрет телеграфной и телефонной связи (за исключением местной, а также между государственными и военными органами).

Имелись, далее, планы захвата сети связи почтового ведомства и вермахта. Генерал Фельгибель, начальник службы связи ОКХ и всей сети связи вермахта был готов вместе со своими подчиненными генералом Тиле и полковником Ханом блокировать после покушения всякую связь ставки фюрера с внешним миром.

Ольбрихт и Штауффенберг, соблюдая строжайшую конспирацию, провели всю работу по разработке плана весьма тщательно и основательно. (Следует заметить, что выше приведены только те документы, которые сохранились или же дошли до нас в отрывочном виде в «Донесениях Кальтенбруннера».) Дополнительные приказы по плану «Валькирия» были распечатаны в нужном количестве копий женой Трескова и графиней Харденберг (тогда — Ове). Прделанная Штауффенбергом работа высоко ценилась его товарищами. Фриц Дитлоф фон дер Шуленбург даже назвал ее «классической». «Мы уже далеко продвинулись бы вперед, решишь Штауффенберг на это пораньше», — сказал он своей жене⁷. Дочь графа Юксюлля Ольга фон Заукен передает такое высказывание своего отца: «Если весь этот заговор вообще имеет хоть малейший шанс на успех, то только с тех пор, как к нему примкнул Клаус. Он — движущая сила, та сила, которая вообще впервые придала форму всем нашим многолетним усилиям. Его можно уподобить теперь пальцу на спусковом крючке. А я уже стар и в данный момент вижу свою главную задачу в том, чтобы заботиться о Клаусе. Ведь без него все дело лишено и сердца и головы»⁸.

При всем уважении к тщательно проделанной Штауффенбергом и Ольбрихтом разработке плана следует, однако, указать, что они ограничились исключительно подготовкой военного государственного переворота. Планом не предусматривалось с

самого же начала призвать к действию народные массы; напротив, запрет митингов, демонстраций и листовок был предназначен сковать их революционную активность. Первый удар должны были нанести исключительно военные. Таким образом, акция мыслилась как военный путч, а не как народное восстание. Отсюда видно, что Штауффенберг тоже не до конца освободился от влияния антидемократического большинства заговорщиков.

В решении огромных задач Штауффенберг опирался на самоотверженную поддержку своих друзей. Капитан Гельмут Кордс, сам находившийся на Бендлерштрассе, так отзывался об одном из них — Вернере фон Хефтене: «Его внутренний оптимизм превосходил и освещал собою все остальное. Как в первый вечер, так и потом я никогда не видел его погруженным в уныние и подавленным, даже когда дело принимало серьезный оборот... Он очень любил своих друзей и делал для них все, что было в его силах... Вернер редко говорил о том, что наряду со своими служебными обязанностями занимается и совершенно иным делом. Иногда он лишь ронял несколько слов, что, мол, накануне опять работал допоздна: то до 12 часов ночи, то до 2—3 часов утра. И никогда — ни малейшего раздражения, никакого намека на жалобу, что ему слишком тяжело. Каждое утро он пунктуально точно выезжал в свое управление. По большей части он сидел за рулем небольшого «мерседеса» рядом с полковником графом Штауффенбергом. Встречая меня по пути от станции метро к Бендлерштрассе, он обычно, если в машине было свободное место, останавливался или же радостно махал мне рукой»⁹.

Сам Штауффенберг не упускал ни одной возможности приобрести новых соратников, вел беседу со многими офицерами, подробно обрисовывал им подлинное положение на фронтах и внутри страны, стремясь убедить их в необходимости активного сопротивления. Обер-лейтенант Урбан Тирш, которого Штауффенберг специально перевел в Берлин, так описывает свою первую встречу с ним:

«Штауффенберг подал мне свою левую руку с такой сияющей радостью и с такой уверенностью, что

можно было подумать, будто его тяжелое увечье несколько не мешает ему жить. Он дружески осведомился, как я доехал и как разместился в Берлине, а потом предложил закурить. Манера, с какой он разговаривал со своим офицером-порученцем, была столь непринужденной, что мне редко приходилось видеть подобное в военной среде, да и то только на фронте. Телефонный звонок прервал нашу беседу, и Штауффенберг начал новый разговор. Смотреть, с какой живостью он говорил, как с полным знанием дела лаконично и уверенно давал распоряжения, было одно удовольствие... Закончив разговор по телефону, он снова повернулся ко мне... «Давайте прямо к делу, — сказал он. — Итак, всеми имеющимися в моем распоряжении средствами я готовлю государственную измену». Мы заговорили о неотвратимо безнадежном военном положении, о том, что хотя переворот этого положения и не изменит, однако сможет сберечь много крови и помочь избежать страшного хаоса. Постыдное нынешнее правительство надо устранить. И он с серьезным лицом добавил: «Удастся ли это, спорно, но еще хуже, чем неудача, бездейтельно, словно паралитики, погрязнуть во всем этом позоре. Только активные действия могут помочь обрести внутреннюю и внешнюю свободу»¹⁰.

Однако при всей своей технической основательности, при всей самоотверженности многих участников план государственного переворота имел еще и тот политический недостаток, что из всего круга лиц, предназначенных действовать, лишь немногие фактически принадлежали к антигитлеровской оппозиции. Значительно большую часть этих лиц заранее привлечь к участию в заговоре не удалось. Поэтому они оказались обескуражены первыми приказами, пребывали в нерешительности или даже вообще ориентировались на местных нацистских и эсэсовских фюреров. Штауффенберг и Ольбрихт построили подготовленную ими акцию исключительно на базе военно-командной системы, рассчитывая как на беспрекословное повиновение соответствующих офицеров, так и на точное осуществление директив. Круг «посвященных» был очень узок; не было ни гражданских, ни военных,

надежных в политическом отношении боевых групп, подготовленных для проведения в жизнь первоначальных мер. Войска, по приказу своих офицеров выступавшие до сих пор за фюрера, должны были, по приказу тех же самых офицеров, вдруг выступить против него. Такая почва неизбежно должна была оказаться слишком непрочной, чтобы выдержать подобный груз. Мы можем предполагать, что Штауффенберг чувствовал этот недостаток. Он пытался смягчить его, лично беседуя с каждым будущим офицером связи и конкретно разъясняя ему план и задачу. Но эти указания относились к моменту уже после решающего удара, который намечалось нанести в Берлине. Штауффенберг и Ольбрихт старались также войти в более тесный контакт с войсками, дислоцированными в самом Берлине и его окрестностях.

Одновременно Штауффенберг настаивал на подборе подходящих лиц в качестве политических уполномоченных в военных округах, но занимались этим Гёрделер, Якоб Кайзер и Лейшнер. Очевидно, трудоемкая работа по планированию заговора, которую Штауффенберг должен был вести наряду с исполнением своих служебных обязанностей, не оставляла на это ему ни времени, ни сил. К тому же ему приходилось еще участвовать и в политических спорах среди заговорщиков. Поэтому в подборе политических уполномоченных и их помощников особенно сильно сказывается влияние Гёрделера.

Список офицеров связи и политических уполномоченных, попавший 20 июля 1944 г. в руки гестапо, содержит следующие имена ¹¹ (см. стр. 262).

Список политических уполномоченных и их помощников, как мы видим, состоит из предпринимателей, крупных землевладельцев, а также бывших или еще находившихся на службе государственных чиновников, принадлежавших в большинстве к бывшим буржуазным партиям, преимущественно к Центру. Уже сам по себе этот состав еще раз достаточно ясно показывает реакционный характер заговора в целом. Некоторое число правых социал-демократических лидеров было, как и в Веймарской республике, призвано придать ему внешний псевдодемократический оттенок.

Военный округ	Офицер связи	Политический уполномоченный
I Кёнигсберг	Подполковник граф Генрих фон Лендорф (помещик)	Граф Генрих цу Дона-Тольксдорф (помещик)
II Штеттин	Майор службы генерального штаба граф Г. Х. Й. фон Блюменталь (в прошлом член «Стаального шлема»)	Государственный чиновник лесного ведомства фон Вильсен, помощник — Эвальд фон Кляйст-Шменцин (помещик)
III Берлин	Не назван	Не назван
IV Дрезден	Генерал-майор Ганс Остер (бывший офицер абвера)	Коммерческий директор Вальтер Крамер (промышленник, бывший член Немецкой национальной народной партии)
V Штутгарт	Не назван	Строительный советник в отставке Альберт Фишер (руководящий сотрудник концерна «Бош», бывший председатель Союза металлопромышленников)
VI Мюнстер	Не назван	Капитан запаса Бернхард Леттерхауз (бывший секретарь Союза западногерманских католических рабочих объединений, Центр); помощник — земельный советник Зюммерман
VII Мюнхен	Майор барон Л. фон Леонрод	Министр рейхсвера в отставке Отто Гесслер (Демократическая партия)
VIII Бреславль	Ротмистр запаса Фридрих Шольц-Бабиш	Адвокат д-р Ганс Лукашек (бывший обер-президент Силезии, Центр); помощник — полицей-президент в отставке Фриц Фойгт (СДПГ) и адвокат Кашны (бургомистр в отставке, Центр)
IX Кассель	Подполковник фон Зелль (адъютант генерал-фельдмаршала Маккензена)	Имперский министр в отставке Густав Носке (СДПГ); помощник — государственный министр в отставке Август Фрёлих (СДПГ) ¹²

Военный округ	Офицер связи	Политический уполномоченный
X Гамбург	Не назван	Густав Дарендорф (бывший депутат бюргершафта* от СДПГ), помощник — Теодор Тантцен (Демократическая партия)
XI Ганновер	Полковник Зигфрид Вагнер (бывший командир «Стального шлема»)	Обер-бургомистр в отставке д-р Артур Менге (предприниматель, Немецко-ганноверская партия); помощник — премьер-министр в отставке Герман Людеман (СДПГ)
XII Висбаден	Капитан запаса Герман Кайзер (школьный советник)	Государственный советник в отставке адвокат Людвиг Швамб (СДПГ), помощник — государственный министр саарского правительства в отставке Бартоломеус Коссман (Центр)
XIII Нюрнберг	Не назван	Георг Бёме (бывший профсоюзный функционер)
XIII Вена	Полковник граф фон Марогна-Редвиц	Бургомистр в отставке Карл Зайтц, помощник — Йозеф Райтхер (австрийский фюрер Крестьянского союза)
XVIII Зальцбург	Полковник Отто Армстер	Франц Рерль (в прошлом глава администрации Зальцбурга), помощник — Антон Мерль-Пфальцен (бывший директор департамента безопасности Тироля)
XX Данциг	Подполковник генерального штаба Хассо фон Бёмер	Обер-президент в отставке барон Фердинанд фон Люнинк (помещик, бывший руководитель „Стального шлема“ член НСДАП)
XXI Познань	Майор запаса Георг Конрад Кислинг	Министерияль-директор полковник Фоллерт
Протекторат Чехия и Моравия	Подполковник граф Николаус фон Юксюльль (дядя Штауфенберга)	Не назван

* Городской парламент. — Прим. перев.

Мы знаем, что Штауффенберг, Лебер, Мольтке и другие выступали против кандидатуры Гёрделера в рейхсканцлеры и желали видеть на этом посту Лебера или Лейшнера. Правительство, включая подчиненных отдельным министерствам статс-секретарей, предусматривалось создать в следующем составе ¹³:

Временный глава государства: Людвиг Бек; в дальнейшем, возможно, Лейшнер, *Статс-секретарь:* граф Ульрих Шверин фон Шваненфельд.

Рейхсканцлер: Карл Гёрделер, позже — Юлиус Лебер или Вильгельм Лейшнер. *Референт по печати:* Карло Мирендорф (погиб в декабре 1943 г. при воздушном налете); в дальнейшем назывались кандидатуры Отто Кипа (посланник) и Тео Хаубаха.

Вице-канцлер: Вильгельм Лейшнер или Якоб Кайзер. *Статс-секретарь:* граф Петер Йорк фон Вартенбург.

Министр внутренних дел: Юлиус Лебер или Гюнтер Гереке (Христианско-национальная крестьянско-земледельческая партия). *Статс-секретарь:* граф Фриц Дитлоф фон дер Шуленбург.

Министр иностранных дел: Ульрих фон Хассель или граф Вернер фон дер Шуленбург; назывался также Адам фон Тротт цу Зольц.

Министр финансов: Эвальд Лёзер (директор концерна Круппа, в прошлом — член городской палаты Лейпцига); назывался также Иоганнес Попиц.

Министр хозяйства: Пауль Лежен-Юнг (занимавший руководящий пост в целлюлозной промышленности, член Немецкой национальной народной партии) или Вильгельм Лейшнер.

Министр культуры: Ойген Больц (государственный президент Вюртемберга в отставке, Центр); назывались также Курт Эдлер фон Шушниц (в прошлом — федеральный канцлер Австрии) и Адольф Райхвайн. *Статс-секретарь* — Герман Кайзер.

Министр юстиции: Йозеф Вирмер (адвокат, Центр); назывался также Карл Лангбен.

Министр сельского хозяйства: Андреас Гермес (министр в отставке, Центр), а также барон фон Люнинк и Ганс Шланге-Шёнинген (комиссар по делам «Восточной помощи» в 1931—1932 гг., помещик, Хри-

стианско-национальная крестьянско-земледельческая партия).

Военный министр: Эрих Гёпнер или Фридрих Ольбрихт. *Помощник статс-секретаря:* граф Клаус фон Штауффенберг или Фридрих Ольбрихт.

Министр восстановления: Бернхард Леттерхауз.

Министр транспорта: Вильгельм цур Ниден (городской строительный советник в отставке, сотрудник Гёрделера по Лейпцигу).

Министр почт: Эрих Фельгибель. *Помощник статс-секретаря:* Фриц Тиле.

Начальник полиции: граф Вольф фон Хельдорф; позже назывался Хеннинг фон Тресков.

Далее в состав кабинета подлежал включению в качестве министра информации один австриец.

Состав запланированного правительства, которое надлежало создать после захвата власти вермахтом, показывает, что патриотические силы занимали здесь более сильную позицию, нежели в группе политических уполномоченных для военных округов. Кругам крупной буржуазии пришлось пойти на некоторые уступки под нажимом прогрессивных элементов Крайзауского кружка и группы Штауффенберга, представлявших собою наиболее активное крыло заговора. Если бы дело дошло до образования этого правительства, в нем спустя некоторое время — после ликвидации власти нацистской партии и СС — наверняка вспыхнули бы принципиальные, порожденные различными классовыми точками зрения противоречия. Такие политики, как Гёрделер, фон Хассель, Лёзер, Лежен-Юнг, Гермес, Люнинк, Шланге-Шёнинген и другие, являлись политическими поборниками интересов крупной буржуазии и крупного помещичьего землевладения. Им противостояли левые социал-демократы Лёйшнер, Лебер, Райхвайн и буржуазно-демократические реформаторы Штауффенберг, Ольбрихт, Йорк, Шверин фон Шваненфельд и Фриц фон дер Шуленбург.

Если верно то, что последние могли бы опереться на вызванное к жизни и организованное коммунистами и социал-демократами народное движение, то бесплодно было бы рассуждать, удалось ли бы им достигнуть успеха. Военное чрезвычайное положение с его

ограничениями, направленными также и против демократического движения, естественно, поначалу помещало бы народному движению. Поэтому требованием Штауффенберга и Лебера было сохранять это чрезвычайное военное положение как можно более короткое время. Во всяком случае, нельзя упрощать вещи и, рассматривая государственный переворот в том виде, как он намечался, замечать только его реакционную сторону.

Само собою разумеется, в целом и по своему характеру заговор являлся делом реакционным, имевшим целью спасение германского империализма и власти монополий от их разгрома. С исторической точки зрения рассматривать его как «восстание совести», считать выражением «духа свободы»¹⁴ или же расценивать как «демократический заговор в тоталитарном государстве»¹⁵ было бы нелепостью.

И все же, если у этого реакционного заговора все-таки имелась одна примечательная черта, то состояла она в том, что вокруг Лебера, Мольтке и Штауффенберга возникла патриотическая, буржуазно-демократическая группа, *противоположная* по своему характеру заговору в целом. Разработанные планы и документы, а также фактическое соотношение сил показывают, что эта группа если и не имела перевеса, то все же добилась довольно сильных позиций, открывавших более благоприятные возможности для возникновения зачатков подлинно антифашистско-демократической ориентации.

Единой правительственной программы у заговорщиков не существовало. Имелись лишь многочисленные меморандумы Гёрделера, которым противостояли крайзауские документы и совпадавшие с ними взгляды группы Штауффенберга. В подготовленных Гёрделером, Вирмером, Штауффенбергом и другими обращениях по радио отражались различные взгляды и компромиссы.

В середине 1944 г. Кунрат фон Гаммерштейн следующим образом записал мысли Гёрделера: ждать со свержением Гитлера больше нельзя, иначе «народ с полным основанием скажет, что его руководящий слой, который должен был бы предвидеть катастрофу,

постыдно обанкротился и потому потерял всякое право на руководство. Этот слой включал и то самое сословие крупных предпринимателей, без поддержки которого в силу тупой жажды прибылей Гитлер никогда не пришел бы к власти. И все-таки для нас в общем и целом было бы выгодно, чтобы этот слой, основная составная часть которого может восстановиться лишь за несколько поколений, остался существовать, ибо его полное воссоздание обойдется народу ужасно дорого»¹⁶.

В области внешней политики Гёрделер придерживался следующего мнения: «Немедленным уходом со всех оккупированных территорий [на Западе] мы могли бы избавить англо-американцев от еще больших потерь. Только на Востоке мы в лучшем случае держались бы на польской восточной границе до тех пор, пока Польша не была бы восстановлена Германией»¹⁷.

Гёрделер, как и прежде, выступал за антисоветский союз с Англией и США: «Англия должна быть заинтересована в том, чтобы противопоставить русскому влиянию в Европе направляемую ею оздоравливающую Германию. Поэтому после данной войны ни о каких репарациях речи не будет. Вызванное прежде всего воздушной войной обнищание народа, которое при плохом обращении могло бы толкнуть народ в объятия коммунизма, сделает англичан вообще осторожными в предъявленных ими условиях мира... Неуклюжую суровость англо-американской стороны русские смогли бы обратить себе на пользу посредством позиции, идущей навстречу германским пожеланиям. Но поскольку Запад должен питать величайший интерес к тому, чтобы сохранить сильный противовес России, мы — не озлобляя против себя русских — по крайней мере временно будем ориентироваться на Запад»¹⁸.

Мысли Гёрделера по вопросам внутренней политики Гаммерштейн записал так: «Германия должна вновь стать правовым государством. Все военные и нацистские преступники подлежат осуждению в соответствии с законами, действовавшими ко времени совершения их преступлений. От всего народа потребуются весьма много работы, однако при соблюдении

строжайшей экономии, упорядоченном введении государственного бюджета, восстановлении во всех отношениях упрощенного административного аппарата с полным воплощением в жизнь идеи социальной справедливости — теперь генеральный директор уже не будет зарабатывать в сотни раз больше, чем его самый высокооплачиваемый рабочий, — этот разрыв слишком огромен! Нет, оба они будут сообща нести те величайшие трудности в области финансов и восстановления городов, которые нам предстоит преодолеть»¹⁹. Ни о каком социальном преобразовании здесь нет ни слова.

В беседе с Гаммерштейном 29 июня Гёрделер заявил, что на Западе, несмотря на вторжение, надо все же сберечь «другим» много сил; «Австрия должна остаться в составе рейха, и англичане уже начали зондаж»²⁰.

Это означает, что в принципе Гёрделер и теперь все еще придерживался своих экспансионистских и антисоветских целей, отвечавших интересам крупного капитала. В лице Штауффенберга он видел лишь орудие достижения этих целей.

В интересах наглядности мы уже схематически обрисовали планы переворота и круг лиц, предназначавшихся для установления новой государственной власти. Разработка этих документов происходила в основном до начала 1944 г., но и в дальнейшем требовалось их дополнение и корректирование. В частности, по вопросу о составе будущего правительства имели место горячие споры, продолжавшиеся вплоть до 20 июля 1944 г.

Теперь обратимся вновь к конкретным попыткам покушения, неоднократно предпринимавшимся в период с осени 1943 г. до 20 июля 1944 г.

По вопросу об устранении Гитлера взгляды были различны. Гёрделер долгое время отвергал покушение, ибо явно боялся, что после физического уничтожения Гитлера и других нацистских главарей продолжат себе путь революционно-демократические силы. Он желал, как уже упоминалось, предотвратить новый 1918 год. При этом Гёрделер рассчитывал на то, что удастся побудить Гитлера уйти в отставку и затем

без существенных конфликтов направить германскую империалистическую политику в несколько «более умеренное» русло.

Мольтке, Штельцер и другие крайзаусцы тоже были против покушения, но отнюдь не из страха перед народом. Они полагали, что устранение Гитлера еще далеко не означает ликвидации всего нацистского режима. Демократического же народного движения, которое смогло бы ликвидировать эту систему, по их мнению, не существовало, а генералов они на это способными не считали. Поэтому путь к освобождению Германии они с неизбежностью видели в ее военной катастрофе²¹. Кроме того, имелись и такие участники заговора, например Вернер фон Хефтен, которые отклоняли покушение из религиозных соображений.

Штауффенберг, Ольбрихт, Тресков и другие рассматривали покушение на Гитлера как единственно возможный толчок к перевороту. Штауффенберг и Ольбрихт понимали, что убийство Гитлера — это еще отнюдь не сам решающий переворот, а лишь его необходимый первый акт. Они делали ставку на армию и ее офицеров как на единственно решающие факторы первых часов и дней. Но они знали также и то, что многие офицеры считали себя связанными присягой, а другие просто ссылались на нее, чтобы избежать необходимости самим принять решение бороться против нацистов. Кроме того, личность и имя фюрера и верховного главнокомандующего вермахта все еще оказывали определенное гипнотизирующее воздействие на часть народа, солдат и офицеров²². И наконец, при таком культе, который был создан вокруг Гитлера, личность его имела существенное значение для внутренней консолидации и укрепления всей фашистской системы, включая нацистскую партию, ее организации и подразделения, СС, гестапо и т. п. Штауффенберг и Ольбрихт хотели решить все эти проблемы фактом физического уничтожения Гитлера. Вот почему они с такой энергией осуществляли дальнейшую подготовку покушения.

Новая попытка покушения намечалась на начало ноября 1943 г. Договорились, что Штифф, принимавший участие в проходивших в ставке совещаниях по

обсуждению положения на фронтах, совершит покушение во время «оценки обстановки фюрером», как именовались эти совещания у Гитлера. Тресков достал новую английскую взрывчатку и в октябре передал ее Штауффенбергу, а он в свою очередь — Штиффу. Но тот спустя некоторое время заявил, что нет никакой возможности незаметно пронести взрывчатку в помещение, где происходят совещания. Многочисленные кордоны, с целью безопасности окружавшие Гитлера в его ставке, действительно были труднопреодолимым препятствием.

Штауффенберг попытался привлечь к покушению полковника генерального штаба Иохима Майхснера, который являлся сотрудником Кейтеля и имел доступ к совещаниям по обстановке. Но хотя Майхснер и был согласен со Штауффенбергом, совершить покушение он в себе сил не нашел.

Тогда Тресков предложил произвести покушение во время осмотра Гитлером выставки образцов новой военной формы. Их должны были показать Гитлеру для утверждения в ноябре. Необходимо было найти офицера, готового, положив взрывчатку в карман своего мундира, подойти вплотную к Гитлеру и взорваться вместе с ним. Шуленбург назвал капитана Акселя фон Бусше, с которым он дружил и о котором знал, что тот горячо ненавидит Гитлера. Бусше был очевидцем массовых расстрелов мужчин, женщин и детей в Польше и Советском Союзе, и это сделало его врагом нацизма. Штауффенберг вызвал Бусше с Восточного фронта в Берлин, и в предместье столицы Дюппеле между ними состоялся решающий разговор. Бусше был готов ради уничтожения Гитлера пойти на гибель. Однако демонстрация образцов новой формы многократно откладывалась, а когда наконец уже должна была состояться, вагон с обмундированием разбомбили при авиационном налете на Берлин. Тем временем Бусше пришлось вернуться на фронт, где он вскоре получил тяжелое ранение.

К этому времени Штауффенберг впервые высказал намерение осуществить покушение. Но Ольбрихт и Бек воспротивились этому, ибо он был незаменим в Берлине.

По смутным и недостаточно подтвержденным данным в конце декабря 1943 г. предпринималась еще одна неудавшаяся попытка покушения²³. Случай чуть было не привел к провалу всего заговора. Майор Кюн и обер-лейтенант Хаген сумели спрятать английскую взрывчатку в ставке фюрера под деревянной сторожевой вышкой. По каким-то неясным причинам взрывчатка взорвалась. Однако расследование инцидента велось офицером абвера подполковником Шрадером — участником заговора. Ему удалось замять дело и не допустить разоблачения. Однако теперь надо было доставать новую взрывчатку.

В январе 1944 г. опять представилась возможность использовать для покушения намеченную демонстрацию новой военной формы. Так как Бусше к тому времени уже был ранен, пришлось искать другого офицера. Штауффенберг предложил обер-лейтенанта Эвальда Генриха фон Кляйста из потсдамского 9-го пехотного полка. После бесед с Штауффенбергом и своим отцом (неоднократно упоминавшимся нами померанским помещиком Эвальдом фон Кляйст-Шменцином) тот согласился на этот акт самопожертвования²⁴. Но назначенная на 11 февраля 1944 г. демонстрация обмундирования была вновь отменена.

Кроме названных выше офицеров, вероятно, нашлись бы и другие, готовые ценой своей жизни убить Гитлера. Но это были в большинстве своем офицеры молодые, не имевшие к нему доступа. Среди же генералов и старших офицеров из окружения Гитлера таких людей не нашлось.

Правда, доступ на оперативные совещания по обсуждению обстановки имел начальник оперативного управления генерального штаба сухопутных войск генерал-лейтенант Адольф Хойзингер, который с весны 1943 г. знал о намерении заговорщиков устранить Гитлера. Генералу Вагнеру, стремившемуся привлечь его к участию в заговоре, он заявил, что готов безоговорочно предоставить себя в распоряжение нового руководства. Но когда в конце 1943 г. Штифф снова стал прощупывать Хойзингера насчет покушения, тот отказался, воскликнув: «Боже упаси! Это же

государственная измена! Мы связаны присягой и военным долгом!»²⁵.

Тресков долгое время верил, что Хойзингер в самом деле готов действовать заодно с заговорщиками. Когда в начале 1944 г. Хойзингер должен был уехать на лечение, Тресков письменно попросил, чтобы он назначил его своим заместителем. Это дало бы Трескову возможность принимать участие в совещаниях у Гитлера и осуществить покушение. Но Хойзингер даже не ответил на просьбу Трескова. Вернер фон Хефтен назвал Хойзингера «несостоятельным типом и послушно кивающим ослом»²⁶. По предложению Ольбрихта Штауффенберг распорядился не связывать никакие дальнейшие планы с Хойзингером и занявшим такую же позицию графом Кильманзеггом.

Тем временем гестапо все ближе подбиралось к заговорщикам. Как уже указывалось, им удалось внедрить в кружок Зольфа своего шпика Рекее²⁷ и в январе 1944 г. арестовать многих членов этого кружка, в том числе Гельмута фон Мольтке. В феврале Гитлер издал распоряжение, согласно которому подавляющая часть военной секретной службы была включена в состав СД, а Канарис снят со своего поста. Остаток абвера был подчинен полковнику Ганзену, тоже участнику заговора. В июне 1944 г. Гиммлер заявил Канарису: ему известно, «что в сухонутных войсках есть видные круги, носящиеся с планами переворота. Но до этого дело не дойдет. Он своевременно нанесет удар. Он терпел это дело так долго только для того, чтобы выяснить кто, собственно, за всем этим стоит. Теперь он это знает. И теперь-то он вовремя пресечет происки таких лиц, как Бек и Гёрделер»²⁸. Шлабрендорф сообщает, что этот рассказ Канариса произвел на Ольбрихта весьма большое впечатление: тот боялся «непосредственно предстоящего удара Гиммлера». «Мы не могли помешать этому. Мы должны были не терять самообладания»²⁹.

4 июля 1944 г. были арестованы Райхвайн, Зефков и Якоб, 5 июля — Лебер, 17 июля был отдан приказ об аресте Гёрделера, но его предупредили и он скрылся. Так гестапо проникло во внутренний круг заговора; теперь надо было в высшей степени спешить.

Военное положение гитлеровской Германии приняло летом 1944 г. катастрофический характер.

4 июня войска союзников освободили от фашистского господства Рим. 6 июня союзники высадились в Нормандии и создали прочный плацдарм, на котором они стали быстро концентрировать свои силы для дальнейшего вторжения во Францию.

23 июня началась Белорусская операция Советской Армии, в результате которой группа армий «Центр» была почти полностью уничтожена. 26 июня был освобожден Витебск, 3 июля — Минск и 13 июля — Вильнюс. 8 июля генерал Винценц Мюллер капитулировал с остатками окруженной в районе Минска 4-й армии и вскоре примкнул к Союзу немецких офицеров и к Национальному комитету «Свободная Германия». 13 июля 1944 г. началось советское наступление против войск группы армий «Северная Украина», приведшее к освобождению западной части Украины. В конце июля — начале августа советские войска вышли во многих пунктах к Висле.

Характерным для той ситуации, которая возникла в высшем командовании фашистского вермахта, явился телефонный разговор в конце июля между Кейтелем и Рундштедтом. Когда Кейтель перед лицом катастрофических донесений со всех фронтов в отчаянии спросил Рундштедта: «Так что же нам делать?», тот ответил: «Что вам делать? Кончать войну — вот, что вам надо делать, идиоты!»³⁰ Но Рундштедт, а также и другие фельдмаршалы, за малым исключением, ничего не хотели предпринять для того, чтобы на деле прекратить войну.

Ввиду ухудшения военной обстановки перед заговорщиками встал вопрос, имеет ли вообще смысл совершать государственный переворот, поскольку крах фашистского господства уже близок. Этот вопрос Штауффенберг в июне через Лендорфа адресовал Трескову. Ответ Трескова гласил: «Покушение должно быть совершено, *soûte que soûte* *. Если же оно не удастся, все равно надо действовать в Берлине, ибо теперь речь идет не о практической цели,

* Чего бы то ни стоило (франц.).

а о том, что немецкое движение Сопротивления перед лицом всего мира и истории отважилось бросить решающий жребий. А все остальное в сравнении с этим безразлично»³¹. По сути дела, таково же было и мнение Штауффенберга, но он хотел, чтобы мнение это было подтверждено его соратником.

Само собою разумеется, успешный переворот с немедленным установлением мира имел бы и в это время не только моральное, но и в высшей степени практическо-материальное значение. За это говорит хотя бы одно то соображение, что немецкий народ и другие народы не пережили бы всего того, что им пришлось еще пережить до окончания войны.

С марта 1944 г. группа Штауффенберга никакой возможности устроить покушение больше не имела. Помогло благоприятное обстоятельство. С 15 июня временно, а с 1 июля официально Клаус фон Штауффенберг был назначен начальником штаба при командующем армией резерва и одновременно получил чин полковника. Это значило, что отныне он должен был участвовать в совещаниях по обстановке, проводившихся в ставке фюрера. Штауффенберг сразу же решил сам осуществить покушение. Друзья отреагировали на его решение с большим недовольством, но, поскольку все другие попытки провалились, пришлось согласиться. Благодаря своей новой должности Штауффенберг мог — с Фроммом или без него — привести в движение весь командный аппарат армии резерва.

Заговорщики вступили в период новой активности. Вновь были просмотрены и обновлены в соответствии с обстановкой все обращения, предстоявшие выступления по радио и заранее подготовленные приказы. Было ясно: решающий день близок. Происходили последние совещания с посвященными в заговор офицерами. Своим преемником в качестве начальника штаба при Ольбрихте Штауффенберг сделал своего друга Мерца фон Квирнгейма, который теперь переместился на Бендлерштрассе. Он жил вместе со Штауффенбергом в берлинском районе Ванзее. Затруднение возникло с берлинским охранным батальоном, новым командиром которого был назначен майор Эрнст Ремер. Награжденный «Дубовыми листьями» к «Рыцар-

скому кресту» 1-й степени, он считался верным Гитлеру. Но заговорщики полагали, что после убийства Гитлера он подчинится приказам нового военного командования.

На Западе позиции заговорщиков летом 1944 г. в некоторой степени усилились. Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель, бывший поклонник Гитлера, его любимец и долгое время идол «Гитлерюгенд», теперь откололся от фюрера. Целлер так рисует его взгляды: «Захват Гитлера и его осуждение германским судом; переговоры о перемирии на Западе на основе немедленного оставления оккупированных западных областей и непосредственного прекращения бомбежек западными союзниками; удержание сокращенной линии обороны на Востоке; и наконец, создание новой временной имперской власти во главе с Беком, Гёрделером, Лёйшнером»³². Узнав о подготовке, ведущейся Штауффенбергом, Роммель высказался против покушения, но в принципе выразил свою готовность участвовать в заговоре. Политически Роммель принадлежал к правому крылу группы Гёрделера. Он безоговорочно служил своему фюреру, пока тот побеждал, но отказался следовать за ним, как только вырисовалась опасность свалиться вместе с ним в пропасть. Кроме того, Роммель был поборником империалистического «западного решения»: открытия фронта на Западе и продолжения войны против Советского Союза.

В начале 1944 г. Штауффенберг и Хефтен направили юрисконсульта компании «Люфтганза» д-ра Отто Йона в Мадрид с заданием установить контакт с западными державами, если возможно — с высшим командованием союзнических экспедиционных сил, и проинформировать их о предстоящем государственном перевороте. Эту акцию отнюдь не следует обязательно рассматривать как выражение «западной ориентации» Штауффенберга. Он одобрял также и попытки установить контакт с Советским правительством, выступая, как уже говорилось, за мир на всех фронтах.

В это время Штауффенберг, очевидно, уделял повышенное внимание дислоцированным в Берлине и

вокруг него войскам, чтобы быть уверенным в их готовности действовать. За это говорит сообщение тогдашнего обер-ефрейтора пехотного училища в Дёбериц-Эльсгрунде Вальтера Кайрата:

«В начале 1944 г. весь 4-й учебный батальон пехотного училища в Дёбериц-Эльсгрунде был выстроен для смотра на учебном плацу. Капитан Патцер, весьма энергичный и спортивно тренированный офицер, сделал наше подразделение (оно именовалось теперь 2-я кадровая рота 4-го учебного батальона) отборным. Смотр производил полковник Штауффенберг с сопровождавшими его лицами. Он спокойно и уверенно обошел фронт, а потом в весьма товарищеском тоне подробно побеседовал с некоторыми солдатами. Он сказал тогда: «Рота производит на меня безупречное впечатление. Ваш трехмесячный отдых скоро кончится, вас вскоре ожидает дело, и вы станете головной ротой в выполнении моего задания. Я ожидаю от каждого солдата и офицера выполнения своего долга, дело всерьез идет о судьбе Германии». Все мы подумали, что нас пошлют на Западный фронт, поскольку там ожидалось вторжение союзников.

Учебные планы роты были изменены. Если прежде они на 50 процентов предусматривали обучение кандидатов в офицеры атаке и «определению местонахождения противника», то теперь на первое место были поставлены ближний бой, уличный бой и т. п. Учения зачастую проводились с боевыми ручными гранатами и противотанковыми фаустпатронами. В конце июня утром нас подняли по тревоге. Через полчаса рота была готова к бою, выстроившись в полном боевом снаряжении, со станковым и ручным оружием. Нам выдали боевые патроны. Для сохранения секретности этой операции нам сказали, что иностранные рабочие готовили в Берлине бунт. Автомашины и танки принадлежали приданной нам моторизованной части. Через несколько часов операция закончилась, в Берлин мы не отправились, тревога оказалась учебной. После этого учения полковник Штауффенберг появился в Дёбериц-Эльсгрунде второй раз для подведения итогов. Капитан Патцер приказал нам построиться как положено и отдал рапорт полковнику

Штауффенбергу. Когда мы окружили его, он сказал: «Теперь мне важна не безупречная линия строя; я хочу видеть твердую линию в том суровом деле, которое нам скоро предстоит!»»³³

Ольбрихт тоже инспектировал части в районе Берлина и старался установить личный контакт с офицерами, которые (как и уже упоминавшийся капитан Патцер) не принадлежали к заговору, но должны были выполнить важные задачи. Так, в начале июля была произведена учебная тревога в танковом учебном полку в Потсдам-Недлице. Затем Ольбрихт проинспектировал часть, поблагодарил солдат и офицеров за хорошее учение и побеседовал с ними.

Инспектированию подверглось и танковое училище в Гросс-Глинке. Об этом сообщает тогдашний курсант училища Вальтер Харц:

«За несколько дней до 20 июля — мы вели учебный бой боевыми снарядами на бывшем полигоне Дёбериц — нам было приказано немедленно, со всеми нашими машинами, вернуться в училище, так как получен условный сигнал «Валькирия». Танки были направлены, боекомплекты розданы, и затем мы вместе с другими инспектируемыми подразделениями училища — бронетранспортерами и противотанковыми орудиями — выстроились в колонну на шоссе Потсдам — Шпандау, проходившем вблизи училища. Училище имело преимущественно танки «Т-IV» с 75-миллиметровой длинноствольной танковой пушкой; было у нас и несколько «пантер». Проводилась тревога по военным понятиям довольно медленно, и скоро пошли слухи, что это просто учение. Если память мне не изменяет, все делалось довольно поверхностно: некоторые танки даже не были готовы к бою, а экипажам не выдали продовольствия. Только теперь нам сообщили, что кодовый сигнал «Валькирия» подается при «внутренних беспорядках». Когда мы стояли на шоссе, к нам подошли несколько незнакомых офицеров, явно не из училища, и осмотрели машины. Они наверняка наблюдали тревогу с самого начала и остались недовольны, ибо на следующий день мы получили от инспекторов выговор за нашу халатность; нам объяснили, к каким роковым последствиям она привела

бы в боевой обстановке. Впоследствии некоторые курсанты утверждали, что при этом был и Штауффенберг и что он весьма оживленно беседовал с ними. За присутствие Штауффенберга поручиться не могу»³⁴. Все вышеназванные части были введены в действие 20 июля 1944 г.

6 июля Штауффенбергу пришлось поехать на совещание в Оберзальцберг, где как раз находился Гитлер. По позднейшему донесению гестапо, Штауффенберг имел в кармане бомбу, но покушения не предпринял³⁵.

11 июля Штауффенберг снова находился в Оберзальцберге. В портфеле у него лежала бомба, но он не взорвал ее, так как в совещании не принимал участия Гиммлер. Уничтожение Гиммлера и Геринга одновременно с Гитлером казалось Штауффенбергу безусловно необходимым.

Вечером 11 июля Штауффенберг встретился со своим приехавшим из Парижа кузенком Цезарем фон Хофаккером, который сообщил ему, что Роммель готов действовать, если повод для этого будет дан из Берлина. Хофаккер считал, далее, что после смерти Гитлера Клюге, который тем временем был назначен главнокомандующим войсками на Западе, тоже примет участие. Из Мадрида пришло сообщение от Йона, что Эйзенхауэр готов пойти на установление контактов, но требует безоговорочной капитуляции также и на Востоке. Бек настаивал на том, чтобы поскорее выступить.

Итак, покушение было назначено на 15 июля, так как в этот день Штауффенберг должен был вместе с Фроммом снова присутствовать на совещании у Гитлера — на этот раз в «Волчьем логове», около Растенбурга. Доверенные лица были предупреждены, и было условлено, что за два часа до покушения будет дан сигнал «Валькирия». В 9 часов 35 минут Фромм и Штауффенберг в сопровождении Клаузинга приземлились на аэродроме Растенбурга. В 11 часов 00 минут Ольбрихт дал в Берлине сигнал «Валькирия». В 13 часов 10 минут в «Волчьем логове» началось совещание по обстановке, но оно было таким коротким, что Штауффенберг не успел взорвать бомбу. Сразу

же ему пришлось участвовать в другом, первоначально не намечавшемся совещании, на котором сам Гитлер не присутствовал. После 13 часов 30 минут Штауффенберг сообщил по телефону в Берлин, что акция не удалась. Объявленной по сигналу «Валькирия» тревоге был дан отбой; в целях маскировки ее объявили учебной.

Вечером 16 июля на квартире Штауффенберга в Ванзее состоялось уже упоминавшееся совещание. В нем участвовали братья Штауффенберг, Шуленбург, Тротт цу Зольц, Йорк, Мерц, Ганзен и Хофаккер. Было решено при первом же удобном случае в любых условиях нанести удар и сразу же затем предложить переговоры. «В ходе последовавшего обсуждения, — как установило впоследствии гестапо, — высказывалось мнение, что переговоры должны вестись военными с военными, причем не только с врагами на Западе, но и с Советами»³⁶.

17 июля Роммель был тяжело ранен на Западе и в дальнейшем в заговоре не участвовал.

Есть данные, что в эти дни в Берлине и в Потсдаме примечательным образом распространился слух, будто ставка фюрера скоро взлетит на воздух. Слух этот дошел и до Штауффенберга.

18 июля Штауффенберг получил указание сделать 20 июля в ставке фюрера доклад о формировании дивизий «народных гренадеров»^{*} для стабилизации катастрофического положения на Востоке. Друзья и соратники знали: жребий брошен.

19 июля спешно в весьма конфиденциальной форме известили всех доверенных лиц. Вагнер, Ольбрихт, Мерц, Бернардис, Шуленбург, Йорк, Шверин и другие близкие к Штауффенбергу заговорщики были информированы о том, что на следующий день — любой ценой, как сказал Тресков, — решающий акт будет совершен. Некоторые из заговорщиков попрощались со своими семьями, не сказав им ни слова о том, что, возможно, это — прощание навеки.

Вечером 19 июля бывший имперский комиссар по трудоустройству д-р Гюнтер Гереке посетил генерал-

^{*} Ополченские пехотные дивизии.

фельдмаршала фон Вицлебена, поселившегося у озера Гут (район Калау) у своего адъютанта графа Лина-ра-Реедерна, чтобы обсудить с ним проект воззвания, с которым тот в случае удаchi покушения должен был обратиться к народу. Этот проект был предварительно уточнен, в частности с Попицем и Беком, и не в последнюю очередь предусматривал заключение перемирия не только с западными державами, но и с Советским Союзом. В ходе беседы с Гереке Вицлебен заявил, что «после удавшегося покушения настоятельно необходимо» установить связь с Национальным комитетом «Свободная Германия», и выразил свое личное уважение генералу Вальтеру фон Зейдлицу³⁷.

Высказанные в подготовленном воззвании и в беседе Вицлебена с Гереке взгляды недвусмысленно противоречили взглядам Гёрделера. С ним в тот же вечер попытался связаться Фриц Дитлоф фон дер Шуленбург, попробовав узнать в Потсдаме у сестры Гёрделера о его местонахождении. Но та не знала, так как Гёрделеру уже приходилось скрываться.

12 июля Гёрделер сказал об офицерах, группировавшихся вокруг Штауффенберга: «Этого они никогда не сделают»³⁸. О самом Штауффенберге рассказывают, что он и 19 июля вел себя, как обычно: был спокоен, весел, занимался своими служебными делами, беседовал с Троттом цу Зольцем, а вечер провел с братом.

20 июля 1944 года

В четверг 20 июля 1944 г., около 6 часов утра, полковник граф фон Штауффенберг в сопровождении брата вышел из своей квартиры в берлинском пригороде Ванзее. Автомашина доставила обоих в город, где к ним подсел обер-лейтенант фон Хефтен. Затем они поехали дальше — на аэродром Рангсдорф, где уже ждал генерал-майор Штифф, чтобы вместе отправиться в ставку фюрера. Самолет «Хейнкель-111», находившийся в распоряжении генерала Вагнера, стартовал около 7 часов утра. В портфелях находились две бомбы с бесшумными химическими взрыва-

телями³⁹. Одну положил в свой портфель Штауффенберг, другую взял Хефтен. Тем временем Бертольд фон Штауффенберг отправился в здание ОКХ на Бендлерштрассе.

Пролетев примерно 560 километров, самолет около 10 часов 15 минут приземлился в Растенбурге. Штауффенберг поручил командиру самолета быть с полудня готовым к обратному полету в Берлин. На служебной машине Штауффенберг и его спутники отправились в ставку фюрера. Здесь Штауффенберг доложил о своем прибытии коменданту. После завтрака с его адъютантом ротмистром фон Мёллендорфом Штауффенберг направился к генералу Фельгибелю, начальнику связи вермахта, посвященному в заговор. Затем Штауффенбергу пришлось еще решить один служебный вопрос с генералом Буле, представителем Главного командования сухопутных войск (ОКХ) при Верховном главнокомандовании вермахта (ОКВ).

Около 12 часов Штауффенберг вместе с Буле явился к начальнику штаба ОКВ генерал-фельдмаршалу Кейтелю, чтобы еще раз обсудить с ним предстоящий доклад. Хефтен остался в приемной в том же помещении. Кейтель сообщил, что совещание, первоначально назначенное на 13 часов, переносится на 12 часов 30 минут ввиду визита Муссолини. Доклады должны быть краткими. Затем Кейтель сказал, что обсуждение обстановки состоится в предназначенном для этой цели картографическом бараке с деревянными стенами, усиленными бетонной обшивкой.

Когда до 12 часов 30 минут осталось совсем немного, Кейтель вместе со своим адъютантом фон Фрейендом, Буле и Штауффенбергом вышел из кабинета, чтобы направиться в картографический барак, расположенный минутах в трех ходьбы. Но тут Штауффенберг сказал, что хочет сначала немного освежиться и переменить сорочку⁴⁰. В прихожей его ожидал Хефтен. Фон Фрейенд указал им свою спальню, куда Хефтен вошел вместе со Штауффенбергом, так как должен был помочь однорукому полковнику. Им необходимо было остаться наедине, чтобы шипцами вдавить взрыватель бомбы, спрятанной в портфеле.

Взрыв должен был произойти 15 минут спустя. Тем временем Кейтель уже прошел довольно далеко вперед. Пока оба они находились в комнате Фрейенда, Фельгибель соединился по телефону с бункером ОКВ и попросил передать Штауффенбергу, чтобы тот еще раз позвонил ему. Фон Фрейенд тут же послал оберфельдфебеля Фогеля сообщить об этом Штауффенбергу. Позже Фогель рассказывал, что видел, как Штауффенберг и Хефтен что-то прятали в портфель, а на койке лежала куча бумаги. Очевидно, он помещал им уложить в портфель Штауффенберга обе бомбы. Вероятно, Штауффенберг, как следует предполагать, намеревался взорвать обе эти бомбы. Однако, как бы то ни было, фактом остается то, что Хефтен засунул сверток со второй бомбой в свой портфель, а затем, покинув Штауффенберга, быстро вышел, чтобы позаботиться об автомашине.

По пути в картографический барак Штауффенберг несколько раз отказывался от предложения своих спутников понести его портфель. Вместе с уже проявлявшим нетерпение Кейтелем Штауффенберг несколько позднее 12 часов 30 минут вошел в картографический барак. Перед тем как войти, он громко, так, чтобы его услышал Кейтель, крикнул фельдфебелю-телефонисту, что ожидает срочного звонка из Берлина. В момент появления Штауффенберга на совещании генерал Хойзингер как раз докладывал о положении на Восточном фронте. Кейтель на минуту прервал его, чтобы представить Штауффенберга Гитлеру, который приветствовал полковника рукопожатием. Затем Хойзингер продолжал свой доклад.

Помещение для оперативных совещаний находилось в конце барака и имело площадь примерно 5×10 м. Его почти полностью занимал огромный стол с картами, вокруг которого после прихода Штауффенберга и Кейтеля собралось 25 человек. Напротив двери имелось три окна — из-за жары они были открыты настежь. Гитлер стоял у середины стола, лицом к окнам и спиной к двери. Стол представлял собой тяжелую дубовую плиту, положенную на две массивные деревянные подставки. Штауффенберг поста-

вил портфель с бомбой у той подставки, которая находилась в непосредственной близости от Гитлера. Вскоре вслед за тем он доложил Кейтелю, что ему необходимо переговорить по телефону, вышел из помещения и направился прямо к генералу Фельгибелю, где его уже ожидал с автомашиной Вернер фон Хефтен. «Ни один специалист не сомневался в том, что в помещении с толстыми ли или тонкими стенками предназначенная для этой цели взрывчатка... сделает свое дело до конца»⁴¹.

Тем временем Хойзингер продолжал доклад. Полковник Брандт, заместитель Хойзингера, желая подойти поближе к карте, задел ногой помешавший ему портфель Штауффенберга и переставил его по другую сторону подставки стола, подальше от Гитлера. Поскольку Штауффенберг должен был докладывать сразу же после Хойзингера, но все еще не вернулся, Буле вышел из помещения, чтобы позвать его⁴². Однако телефонист сказал ему, что полковник ушел. Пораженный Буле вернулся в помещение.

В 12 часов 42 минуты — Хойзингер как раз произносил заключительные слова — бомба взорвалась. Штауффенберг, Хефтен и Фельгибель увидели пламя взрыва и были твердо убеждены в том, что Гитлер убит. Взрыв был такой силы, словно разорвался 150-миллиметровый снаряд, заявил позже Штауффенберг в Берлине.

Штауффенберг и Хефтен вскочили в машину, которая через минуты две остановилась у офицерского караула. Охрана сначала отказалась пропустить их, но Штауффенберг сослался на вымышленный телефонный вызов и заявил, что имеет разрешение на выезд. У наружного поста с южной стороны обоих офицеров снова остановили. Однако Штауффенберг не растерялся и тут же позвонил ротмистру фон Мёллендорфу, который по телефону подтвердил дежурному шарфюреру СС* наличие разрешения на выезд. Чуть позже 13 часов Штауффенберг достиг аэродрома. По дороге Хефтен демонтировал запасную бомбу и выбросил ее. В 13 часов 15 минут самолет поднялся

* Унтер-фельдфебель.

в воздух, и взял обратный курс на Берлин, где должен был приземлиться около 16 часов.

В течение почти трех часов Штауффенберг был обречен бездействовать, и эти три часа оказались роковыми для предпринятого им дела. Что же произошло за эти три часа в Берлине — центре заговора?

Взрыв в помещении для совещаний произвел большое разрушение: стол разлетелся на куски, потолок частично рухнул, оконные стекла были выбиты, рамы вырваны. Одного из присутствовавших взрывной волной выбросило в окно. И все-таки генерал Фельгибель, который должен был по телефону сообщить на Бендлерштрассе об удаче покушения, к ужасу своему, увидел: покрытый гарью, в обгорелом и изодранном в клочья мундире, опираясь на Кейтеля и ковыляя, Гитлер выходит из дымящегося барака! Кейтель довел Гитлера до своего бункера и приказал немедленно вызвать врачей. Гитлер получил ожоги правой ноги, у него обгорели волосы, лопнули барабанные перепонки, правая рука была частично парализована, но в целом травмы оказались легкими.

Из числа участников совещания один — стенографист Бергер — был убит на месте; трое других — полковник Брандт (как уже указывалось, заместитель Хойзингера), генерал Кортен, начальник штаба оперативного руководства ВВС, генерал-лейтенант Шмундт, шеф-адъютант вермахта при Гитлере и начальник управления личного состава сухопутных войск — вскоре скончались от полученных травм. Генерал Боденшац, офицер связи главнокомандующего ВВС при ставке фюрера, и полковник Боргман, адъютант Гитлера, получили тяжелые ранения. Все остальные отделались легкими ранениями или же не пострадали.

Ознакомление с расположением лиц, находившихся в помещении, показывает, что убиты или тяжело ранены оказались почти исключительно те, кто стоял справа от подставки стола. Совершенно ясно: в результате того, что полковник Брандт переставил портфель с бомбой к правой стороне подставки стола, направление взрыва в значительной мере изменилось. Только так можно объяснить, почему Гитлер, кото-

рый к тому же в момент взрыва столь сильно наклонился над столом, что почти лежал на нем (он был близорук), остался в живых. Оправившись от шока, Гитлер и его окружение стали готовиться к намеченному на послеобеденное время визиту Муссолини в ставку Верховного главнокомандования.

Увидев Гитлера живым, Фельгибель от условленного звонка в Берлин отказался. Ведь по имевшейся договоренности он должен был сообщить, состоялось ли покушение или нет. Но такая ситуация, что после произведенного покушения Гитлер уцелеет, предусмотрена не была. Нерешительность Фельгибеля подкрепил Штифф, принявший решение, что ввиду этого государственного переворота начинать не следует и теперь надо лишь позаботиться о безопасности — своей собственной и других заговорщиков⁴³. Так центр заговора в Берлине больше трех часов — решающих часов! — не получал никаких известий.

Через полчаса после покушения в «Волчьем логове» появился извещенный о происшедшем Гиммлер, который находился в своей ставке на озере Мауэрзее, и сразу же принялся за расследование. Он потребовал от Главного управления имперской безопасности в Берлине присылки самолетом специалистов-криминалистов. Геббельс, который в это время был в Берлине, получил после 13 часов телефонное сообщение, что произошло покушение, но Гитлер жив. Затем всякая связь между Растенбургом и внешним миром на два часа прекратилась. Гитлер приказал установить запрет на передачу любой информации из ставки. Это обстоятельство могло бы даже сыграть на руку заговорщикам, поскольку Фельгибель и без того имел задание не допустить никакой связи со ставкой.

В результате начатого Гиммлером расследования все серьезнее стали подозревать Штауффенберга: его поведение, а особенно внезапное исчезновение казалось теперь подозрительным и Кейтелю. Но пока еще никто из окружения Гитлера не предполагал, что речь идет не о покушении одного отдельного лица, а о начале предпринятой в более широком масштабе попытки восстания. А тем временем в ОКХ на Бендлерштрассе генерал Ольбрихт и его ближайшие

соратники тщетно ожидали сигнала действовать — телефонного звонка из Растенбурга.

Около полудня Ольбрихт послал майора Хайэсена к полицей-президенту Берлина графу Хельдорфу договориться о действиях полиции по захвату важнейших зданий и аресту нацистских главарей. Однако в крайнем возбуждении майор захватил с собой устаревшую карту. Но куда важнее было то, что Хельдорф отказался от самостоятельных действий полиции и заявил, что она начнет действовать только тогда, когда возьмет власть армия. У Хельдорфа в это время находился Ганс Бернд Гизевиус, агент германского абвера, который, как уже указывалось, сотрудничал с американской секретной службой.

Граф Хельдорф являлся старым нацистом; будучи в 20-е и 30-е годы одним из главарей штурмовиков, он основательно приложил руку к кровавому террору против антифашистов. Теперь он был подобен крысе, пытающейся спастись с тонущего корабля. Роль Хельдорфа 20 июля заключалась в том, что, ровным счетом ничего не делая сам, он отпускал циничные замечания насчет недостатков предпринятой операции и предоставлял действовать другим. Штауффенберг и прежде был о нем невысокого мнения.

Только в 15 часов 30 минут генерал-лейтенанту Тиле удалось установить телефонную связь Бендлерштрассе со ставкой. Оттуда он получил лишь лаконичное известие о состоявшемся покушении, но жив Гитлер или мертв, сказано не было. Тогда Ольбрихт распорядился отдать около 15 часов 30 минут первые приказы о подъеме войск по боевой тревоге в соответствии с планом «Валькирия». Начальнику берлинского гарнизона генералу фон Корцфляйшу через офицера связи было приказано явиться на Бендлерштрассе для получения указаний. Подчиненного ему военного коменданта Берлина, участника заговора генерала фон Хазе, Ольбрихт известил по телефону о необходимости быть готовым к боевым действиям⁴⁴. Тиле приказал сформировать отделение радиосвязи, которое должно было оборудовать радиостанцию в городской военной комендатуре⁴⁵.

Около 16 часов Штауффенберг и Хефтен совершили посадку в Рангсдорфе, полагая, что военный государственный переворот уже идет полным ходом. Хефтен позвонил на Бендлерштрассе и вызвал автомашину. Одновременно он подтвердил факт покушения и наверняка свершившееся — по его убеждению — уничтожение Гитлера. Теперь Ольбрихт и Мерц фон Квирнгейм форсировали введение в силу дальнейших приказов «Валькирия». В Берлине были подняты по боевой тревоге подчиненные фон Хазе войска: охранный батальон (отдельная часть силой до полка), гарнизон Шпандау, пиротехническое и оружейно-техническое училища супохутных войск. Командиры этих частей были вызваны для получения приказов в городскую комендатуру на Унтер-ден-Линден, 1. Здесь им были вручены заранее разработанные приказы занять определенные здания, министерства, казармы СС и транспортные узлы. Охранному батальону приказывалось оцепить правительственный квартал и взять Геббельса.

После 16 часов подполковник Бернардис начал поднимать по боевой тревоге войска, находившиеся вне Берлина: танковые училища в Крампнице и Вюндсдорфе, курсы усовершенствования танковых войск в Гросс-Глинике, пехотное училище в Дёберице и унтер-офицерское училище в Потсдаме. Некоторые из этих частей должны были поддерживать берлинские войска; другие занять радиостанции, перерезать основные магистрали и выступить против соединений СС. Принадлежавшая к охранному батальону охрана здания на Бендлерштрассе получила приказ Мерца фон Квирнгейма перекрыть все входы и выходы и оказать сопротивление в случае возможной атаки частями СС.

После получения первых известий и отдачи первых приказов Ольбрихт отправился к генералу Фромму (которому только что вручили донесение), чтобы информировать его о происходящем и по возможности привлечь к участию в перевороте. Объявив, что получил сообщение от генерала Фельгибеля, гласящее: Гитлер погиб в результате покушения, Ольбрихт предложил командующему армией резерва дать войскам кодовый сигнал «Валькирия» и тем самым приказать

вермахту взять в свои руки всю исполнительную власть. Однако Фромм пожелал получить сообщение о гибели Гитлера лично от Кейтеля и около 16 часов 10 минут позвонил в ставку фюрера. Тем временем установленный Гитлером запрет связи был отменен, и Кейтель сразу же взял трубку. На вопрос Фромма он ответил, что покушение имело место, но сам фюрер лишь легко ранен. Затем Кейтель спросил, вернулся ли уже полковник Штауффенберг. Получив такую информацию, Фромм отказался ввести в действие план «Валькирия». А пока все это происходило, Мерц фон Квирнгейм от имени Фромма продолжал передавать войскам приказы «Валькирия».

Примерно в 16 часов 30 минут капитан Клаузинг принес на узел связи в здании на Бендлерштрассе текст телеграммы с первым основным приказом. Поскольку телеграмма не имела пометок о степени срочности и секретности, офицер узла связи Рёриг отнес ее обратно Клаузингу. Спустя десять минут тот вновь вручил телеграмму Рёригу. Как показывал впоследствии Рёриг, первая фраза: «Фюрер Адольф Гитлер убит» теперь была зачеркнута⁴⁶. Очевидно, после телефонного разговора Фромма с Кейтелем Ольбрихт потерял уверенность в этом. За период с 17 часов 35 минут до 21 часа 03 минут телеграмма была отправлена 20 адресатам. Основной приказ имел подпись генерал-фельдмаршала фон Видлебена и передавал всю исполнительную власть командующим войсками, тем самым давая им и первые директивы.

Около 16 часов 45 минут Штауффенберг вместе с Хефтенем вошел в здание на Бендлерштрассе и немедленно направился в кабинет Ольбрихта, чтобы доложить ему о ходе дел. На слова Ольбрихта о сообщении Кейтеля Штауффенберг возразил, что это — маневр Кейтеля и ставки Верховного главнокомандования с целью выиграть время, и потребовал быстрых и решительных действий.

К этому моменту Бек и другие заговорщики были на Бендлерштрассе, где уже находился и генерал-полковник Гёпнер. Вызванному Ольбрихтом графу Хельдорфу, который явился в сопровождении Гизевиуса, было официально заявлено, что вермахт взял

на себя всю исполнительную власть и таким образом полиция также подчинена ему. Бек считал необходимым указать Хельдорфу на противоречивость сообщений, поступающих из ставки фюрера, и потребовал совместно занять определенную позицию в отношении происходящего, особенно на случай распространения вестей, что Гитлер жив. Бек призвал всех присутствующих присоединиться к его точке зрения:

«Для меня этот человек мертв. И этим я и буду руководствоваться в своих дальнейших действиях. Мы не имеем права отступать от этой линии, иначе внесем смятение в наши собственные ряды. Неопровержимо доказать, что Гитлер — именно он, а не его двойник — действительно жив, ставка сможет не раньше чем через несколько часов. А до тех пор берлинская акция должна быть закончена»⁴⁷.

В 17 часов Ольбрихт в сопровождении Штауффенберга снова вошел в кабинет Фромма и сообщил ему, что Гитлер убит; это может подтвердить Штауффенберг. Между ними возник спор:

«Фромм. Но это же невозможно, Кейтель заверил меня в обратном!

Штауффенберг. Фельдмаршал лжет, как всегда. Я сам видел, как Гитлера выносили мертвым.

Ольбрихт. Учитывая это положение, мы дали тыловым командованиям корпусов сигнал «Внутренние беспорядки».

Фромм, вскакивая и ударяя кулаком по столу: Это — чистейшее неповиновение! Что значит «мы»? Кто дал приказ?

Ольбрихт. Начальник моего штаба полковник Мерц фон Квирнгейм.

Фромм. Немедленно вызовите сюда полковника Мерца!

Входит Мерц фон Квирнгейм. В ответ на вопрос он подтверждает, что без санкции Фромма дал тыловым командованиям армейских корпусов сигнал «Внутренние беспорядки».

Фромм. Вы арестованы. А дальше посмотрим, как с вами поступить.

В этот момент полковник граф Штауффенберг встает и ледяным голосом произносит: «Господин

генерал-полковник, во время совещания у Гитлера я лично вставил взрыватель в бомбу. Взрыв был такой силы, будто разорвался 150-миллиметровый снаряд. Никто в том помещении жив остаться не мог».

Фромм. Граф Штауффенберг, покушение сорвалось. Вам следует немедленно застрелиться.

Штауффенберг. Нет, этого я не сделаю ни в коем случае.

Ольбрихт. Господин генерал-полковник, наступил момент действовать. Если мы сейчас не ударим, наше отечество погибнет навсегда.

Фромм. Ага, значит, и вы, Ольбрихт, тоже участвуете в этой попытке переворота?

Ольбрихт. Так точно. Но я лишь примыкаю к тому кругу лиц, который возьмет на себя власть в Германии.

Фромм. В таком случае объявляю всех троих арестованными!

Ольбрихт. Арестовать вы нас не сможете. Вы заблуждаетесь: истинное соотношение сил не в вашу пользу, это вы арестованы нами!»⁴⁸

Короткая рукопашная, и Фромма под угрозой оружия препровождают в кабинет его адъютанта. Однако охраняли Фромма столь великодушно, что позже ему удалось установить контакт с офицерами-единомышленниками.

Новым главнокомандующим армией резерва назначили генерал-полковника Гёпнера, который тут же надел принесенный с собою мундир. Гёпнер представлял собою одну из самых нерешительных и двойственных фигур заговора. Теперь он с нетерпением ожидал прибытия нового верховного главнокомандующего вермахта — генерал-фельдмаршала фон Вицлебена. Но отнюдь не для того, чтобы вместе с ним со всей решительностью продолжать начатое дело, а прежде всего получить от него письменное подтверждение своего назначения. Вместо того чтобы позаботиться о быстрой мобилизации войск, Гёпнер проявил повышенное беспокойство о самочувствии Фромма и даже хотел было отпустить его домой, но натолкнулся на сопротивление Штауффенберга, Бека и даже Гизевиуса. (Позднее он все-таки приказал

принести Фромму вино и бутерброды.) Затем Гёпнер проинформировал офицеров отдела о «смерти» Гитлера и о принятых мерах. Но настойчивое требование Штауффенберга как следует «дать жару» командующим военными округами Гёпнер не выполнил и, хотя и переговорил по телефону с Висбаденом, Штеттин⁴⁹ и Штутгарт^{ом}, никаких энергичных указаний не дал. Как только из ставки фюрера поступили контрприказы, он сразу же проявил полную беспомощность.

Группа же молодых офицеров, напротив, активно участвовала в предпринятой акции. Обер-лейтенант Кордс обеспечил охрану ворот: караул пропускал в здание только лиц со специальными пропусками; капитан Фриче контролировал вестибюль и прилегающие помещения (поскольку далеко не все сотрудники принадлежали к числу посвященных); капитан Клаузинг и лейтенанты фон Кляйст, фон Оппен, фон Гаммерштейн находились в распоряжении Ольбрихта и Штауффенберга в качестве офицеров для особых поручений. Однако другая группа офицеров занимала выжидательную позицию, не предпринимая, правда, пока никаких контрмер. Некоторые из этих офицеров поначалу сорвали со своих мундиров эмблему державного орла со свастикой, а затем, всего через несколько часов, когда произошел решающий поворот, снова прикрепили его на грудь.

После 17 часов в здании на Бендлерштрассе появился обер-фюрер СС Пфифрадер и потребовал разговора со Штауффенбергом. На самом деле он имел задание Главного управления имперской безопасности незаметно арестовать Штауффенберга — Гиммлер уже сообщил о нем из ставки как о предполагаемом преступнике. Но Штауффенберг приказал посадить под арест Пфифрадера вместе с сопровождавшими его двумя сотрудниками уголовной полиции. Так же поступили и с генералом фон Корцфляйшем, который хотя и явился на Бендлерштрассе, но поддержать начатую акцию отказался. Его преемником был назначен генерал фон Тюнген. Корцфляйш попытался бежать, но его схватили. Атмосферу, царившую на Бендлерштрассе, рисует Людвиг фон Гаммерштейн, которому фон Шверин приказал находиться в приемной Ольбрихта:

«Когда я вернулся на свое место в приемной, Ольбрихт позвал меня в свой кабинет и сказал, чтобы я оставался здесь: в соседней комнате сидит генерал фон Корцфляйш — пусть ни в коем случае не вздумает выкинуть какую-нибудь глупость. Минут через пять с криком: «Генерал удрал!» — ко мне влетел адъютант — пожилой подполковник для особых поручений фон дер Ланкен. Я бросился вслед за ним, увидел бегущего через вестибюль генерала и крикнул охране: «Внимание, у выхода!» Там с надежным унтер-офицером стоял Кляйст. Он сразу же приставил к груди генерала пистолет, а потом подбежал еще один обер-лейтенант (Вендельштейн)... Корцфляйш повис у них на руках. Он был совершенно без сил.

Я весьма вежливо препроводил сего господина в предназначенную для него комнату; весь остаток вечера мне пришлось караулить его. Сначала он бушевал и орал, кому мы, мол, принесли присягу, но постепенно успокоился. Потом пришел его офицер-порученец — совершенно ничего не подозревавший пехотный капитан — выяснить, где же запропал его начальник. Ольбрихт направил капитана к нам. Тот сообщил, что полученные ими до настоящего времени приказы выполнены.

Теперь Корцфляйш уже больше говорил сам с собой, нежели с нами, распространяясь насчет своих заслуг на поле брани и на посту заместителя командующего войсками в Берлине. Он, мол, всегда выполнял свой долг и командовал своими войсками наилучшим образом. Но на путч он не способен, он просто не может пойти на это, да этого от него и требовать нельзя: ведь он солдат. Эту фразу он повторил несколько раз, а потом поручил мне узнать, что с ним собираются делать. Коли хотят продержатъ всю ночь, пусть дадут постель. «Скажите генерал-полковнику, я заинтересован только в одном: отправиться домой полоть клумбы в своем саду!» Вот так: сначала бушевал насчет присяги, а потом вдруг захотел выпалывать сорняки»⁵⁰.

Появление Пфифрадера в сопровождении всего двух криминалистов показывало, что в это время — около 17 часов — в Главном управлении имперской

безопасности все еще полагали, будто речь идет об индивидуальном акте Штауффенберга, а не о государственном перевороте. В 17 часов 30 минут все поднятые по тревоге в Берлине и его окрестностях войска получили боевые приказы и частично уже находились на марше. Однако подход их задержался таким образом, что к данному моменту — примерно через пять часов после покушения — указанные в приказах позиции заняты еще не были.

Затем начал сказываться саботаж, имевший место на узле связи в здании на Бендлерштрассе. Передача телеграмм была задержана дежурным офицером лейтенантом Рёригом, последовательность систематически дополнявших друг друга приказов «Валькирия» произвольно нарушена, в результате чего смысл их исказился. Когда же наконец их удавалось передать по телеграфу, их тут же объявляли не имеющими силы по телефону. На настойчивые требования Ольбрихта и Штауффенберга Рёриг отвечал ссылками на «технические трудности». В результате отдельные военные округа из цельного комплекса приказов получили всего лишь отрывочные указания и не знали, что же им следует предпринять. Заговорщики упустили из вида необходимость посадить на аппараты связи надежных людей, убрав приверженцев Гитлера.

Около 17 часов 35 минут началась, как уже говорилось, передача телеграммы с первым основным приказом.

В 18 часов в здании на Бендлерштрассе появились генералы Шпехт, Кунце и Штреккер, приглашенные на служебное совещание еще Фроммом. В кабинете Фромма Гёпнер разъяснил им обстановку. Шпехт — инспектор подготовки командных кадров, которого Ольбрихт до этого несколько раз безуспешно пытался привлечь на свою сторону, — и теперь отказался действовать заодно с заговорщиками. Отказался и Кунце, начальник отдела боевой подготовки. Их заперли вместе с Фроммом, но около 20 часов 20 минут им удалось незаметно выйти из-под ареста.

В период после 18 часов 30 минут командующим военными округами были отправлены второй основной приказ и — правда, не полностью — дальнейшие

приказы: о захвате учреждений и транспортных узлов, аресте нацистских главарей, занятии концентрационных лагерей. Приказы эти, как правило, вызывали недоумение, наталкивались на нерешительность и колебания. Поскольку в заговор были посвящены лишь немногие командующие округов, осуществление отданных приказов в большинстве случаев оказывалось под вопросом; к тому же вечером стали поступать первые контрприказы.

В 18 часов 30 минут на Бендлерштрассе наконец поступило донесение о том, что правительственный квартал оцеплен тремя ротами охранного батальона. К 19 часам подразделения пиротехнического училища и оружейно-технического училища сухопутных войск заняли свои опорные пункты в Цейхгаузе и бывшем королевском дворце. Две ударные группы патрульной службы сухопутных войск в 19 часов стояли на Унтерден-Линден (угол Вильгельмштрассе) в готовности атаковать здание министерства пропаганды и схватить Геббельса. Но основные силы еще не подошли; первые танки прибыли в центр города только около 19 часов 30 минут.

Полковник Глеземер, награжденный «Рыцарским крестом» начальник II танкового училища в Крампнице, задержал его подъем по тревоге и подход танков, тем временем вместе со своим адъютантом капитаном Шауссом выехав вперед на Бендлерштрассе. Ольбрихт приказал ему ждать в состоянии готовности с основными силами танков у Колонны победы и обеспечить охрану Общевойскового управления сухопутных войск. Дальнейшие приказы он получит от Мерца. Когда позднее Глеземер отказался подчиниться этим приказам, Мерцу пришлось арестовать его. Однако тот успел сообщить о создавшемся положении инспекции танковых войск. Ее начальник полковник Больбринкер, которому подчинялись все танковые училища, распорядился оттянуть танки на Фербеллинерплац и известил Геббельса о происходящем в городе. Тем временем, как мы увидим далее, Геббельс получил информацию и из других источников. Заявив о своем мнимом желании выполнять приказания Оль-

брихта, Глеземер сумел ввести в заблуждение свою охрану и скрыться.

Подобная картина наблюдалась и при использовании танкового училища, находившегося в Гросс-Глинке. Уже упоминавшийся выше курсант Вальтер Харц сообщает: «20 июля 1944 г. нас снова вывели из казармы. Однако спустя некоторое время после полудня нам приказали немедленно вернуться в нее. Все происходило так же, как и в предыдущие дни, только гораздо медленнее. Казалось, наши начальники воспринимают объявление тревоги как муштру; дело доходило даже до того, что отдельные курсанты, не принимавшие непосредственного участия в учениях, старались уклониться, несмотря на то, что, естественно, должны были быть готовыми к бою резервом на случай объявления «чрезвычайного положения». Пока мы еще ничего не знали о том, что же произошло в действительности в тот день. Мне полагалось быть наводчиком танка «Т-IV», но меня назначили связным к нашему начальнику танковой инспекции майору Хауштайну (или Ханштайну), и я находился в его автомашине-вездеходе. Танки стояли довольно долго на шоссе, некоторые курсанты даже бросили их и отправились в казарму; более того, к вечеру офицеры-инструктора стали бегать по комнатам и собирать людей, поскольку уже «началось». Я и по сей день хорошо помню это, так как в моей комнате один курсант, чтобы не участвовать в «учении», спрятался в стенной шкаф.

Точное время нашего выступления я сегодня назвать уже не могу, но было еще светло. Мы очень быстро двигались к Берлину... По дороге часто делали небольшие остановки, во время которых экипажи танков узнали, что в Берлине произошел путч эсэсовцев против Гитлера, что войска СС идут на Берлин и их надо разоружить. Любое сопротивление следует подавить силой. Новое кодовое наименование операции — «Гинденбург». Затем танки рассредоточились группами в центре Берлина, заняли важные перекрестки или вокзалы. Сам я вместе с водителем ожидал в машине вблизи Бендлерштрассе. Мой майор, по всей видимости, находился там. Через некоторое время он

вернулся весьма возбужденный, но нам ничего о происхождении не рассказал, а приказал немедленно ехать к танкам. Я должен был передать командирам танков приказ к сбору или же обратному маршу. Таким образом, мы, курсанты, и тогда не знали никаких подробностей случившегося этой ночью. О действительных событиях нам сообщили только на следующий день — разумеется, в официальной нацистской версии»⁵¹.

Вечером 20 июля никаких донесений о захвате Имперской канцелярии, министерства пропаганды, Главного управления имперской безопасности и прежде всего радиостанции все еще не было.

Оказалось, заговорщики вопреки настояниям Бека отнеслись к захвату радиостанции так же, как и к любому другому заданию, вместо того чтобы осуществить его особенно энергично и безукоризненно точно. Так получилось, что, хотя радиостанция в Кёнигс-Вустерхаузене и была захвачена, на пользу восстанию она использована не была, поскольку четких указаний не имелось. Наглядное представление о всей противоречивости возникшей ситуации дает свидетельство бывшего унтер-офицера дислоцировавшейся в Потсдам-Недлице танковой разведроты Фрица Людвига, который 20 июля 1944 г. был дневальным по своей казарме:

«Примерно между 18 часов 15 минут и 18 часов 30 минут раздался телефонный звонок и был передан сигнал «Валькирия». Я был несколько испуган, так как знал, к чему ведет подобный сигнал. Караульный наряд решил: наверняка где-то на территории рейха высадился парашютный десант, который надо уничтожить. Ведь на ротных учениях нам всегда внушали, что «Валькирия» означает введение в бой. Я вскрыл полученный в караульном помещении пакет, запер ворота и поднял по тревоге роту и командира роты. Как я уже подчеркнул, большинство наших командиров танков использовалось для караульной службы. Я немедленно доложил о полученном сигнале, и мы были сменены курсантами.

Все дальнейшее происходило быстро и без помех. Получены боеприпасы, надето походное обмундиро-

вание, заправлены танки, и, думаю, около 19 часов мы уже двигались в направлении Потсдама. Перед этим был отдан приказ: танковой разведроде ставилась задача захватить радиостанцию в Кёнигс-Вустерхаузене и устранить — если потребуется, силой — эсэсовскую команду. Ситуация, само собою разумеется, была необычной, и мы задавали себе вопрос, что же произошло и что все это может значить.

Я являлся командиром танка и вспоминаю, что — поскольку мы были учебной частью, а принять состояние боевой готовности по тревоге надо было быстро — магазин своего автомата мне пришлось набивать патронами уже в пути.

Когда мы прибыли в Кёнигс-Вустерхаузен, все опять-таки шло быстро и без помех. Один взвод захватил радиомачты; несколько танков направили свои 20-миллиметровые пушки и пулеметы на здание радиостанции. Взяв на плечо автомат, я с несколькими командирами танков и радистами направился в здание. Мы разоружили эсэсовскую охрану и заперли ее в одном помещении.

Хотел бы подчеркнуть, что все это произошло без сопротивления и кровопролития. Что могла поделаться эсэсовская команда, вооруженная к тому же одними пистолетами, против столь превосходящих сил?

Работа радиостанции продолжалась. Однако мы еще не очень ясно представляли себе, что все это значит. Правда, от населения мы слышали, что и в Берлине какие-то беспорядки. Радиостанция прочно находилась в наших руках, и мы, солдаты, считали: не так уж важно, если кто-то из сопротивляющихся сказал что-нибудь в микрофон. Мы занимали сооружения радиостанции Кёнигс-Вустерхаузен до утра 21 июля.

На ночь мы удобно устроились на сиденьях нашей автомашины, слушали речи Гитлера, Геринга и еще кого-то, а потом отошли снова в направлении Потсдам — Недлиц»⁵².

Аналогично и сообщение обер-ефрейтора Вальтера Кайрата о действиях пехотного училища Дёберниц по захвату Радиоцентра на Мазуреналлее. «Спустя самое короткое время после объявления тревоги подразделения 4-го учебного батальона находились в полной

боевой готовности. Было выдано продовольствие для питания части на марше. Но выступление моторизованных подразделений пока задерживалось. Капитан Патцер сказал нам: «СС хотели убить фюрера, но мы должны двигаться на Берлин». Я входил в его ротную ячейку управления и должен был постоянно находиться поблизости от него... В пути капитан Патцер подробно разъяснил нам наше задание: силой занять Радиоцентр на Мазуреналлее, разоружить или уничтожить находящееся там охранное подразделение эсэсовцев... Бронетранспортеры, противотанковые орудия, тяжелые минометы и станковые пулеметы тут же были установлены на позиции. Сразу стали копать окопы-укрытия. Здание было оцеплено пехотой. Эсэсовская охрана оставалась на своем посту. Наш командир майор Якоб (кавалер «Рыцарского креста») начал переговоры с караулом у главного входа. Через некоторое время мы, капитан Патцер и его ячейка управления, вошли в здание через главный вход и немедленно блокировали находившиеся здесь телефоны. Майор Якоб и капитан Патцер, очень возбужденные, вошли в телефонную будку и в спешке неплотно прикрыли дверь, около которой стоял я. Я просунул голову в щель — в тот момент мне было совершенно все равно, получу ли я за это нагоняй. Меня только удивило, что вопреки всем ожиданиям мы смогли войти в Радиоцентр без всякого применения силы. Теперь майор Якоб должен был набрать секретный номер генерала Ольбрихта. Но вместо этого он позвонил Геббельсу⁵³. Я собственными ушами услышал возбужденный голос Геббельса: «Боже упаси вас, господин майор, вы ведете игру заодно с изменниками!» Якоб с побелевшим лицом вышел из телефонной будки и сказал капитану Патцеру: «Ну и свинью подсунул нам этот Штауффенберг, натворили бы мы дел!» Тем временем в здание вошла и рассредоточилась по нему вся 2-я кадровая рота. Командир батальона и капитан Патцер отправились к дежурному офицеру СС и разъяснили ему, что произошло недоразумение, а теперь Радиоцентр будет совместно с эсэсовцами охраняться ротой во имя фюрера. Эсэсовское подразделение спешно получило подкрепление. Как обер-ефрейтору

мне дали четырех солдат, чтобы занять кабинет радиокomentатора Ганса Фриче. Если Радиоцентр будет атакован какими-либо частями или же в него попытаются пройти какие-нибудь гражданские лица, их надо встречать вопросом: «За или против фюрера?» и при ответе «против» немедленно открывать огонь»⁵⁴.

Оказалось, что, хотя захват радиостанций и был организационно хорошо подготовлен и с чисто военной точки зрения проведен успешно⁵⁵, политического значения этой операции заговорщики не осознали. Отмечая это, мы затрагиваем причины провала всего дела и далее еще вернемся к данному важному вопросу.

В 16 часов в ставку фюрера прибыл специальный поезд с Муссолини. Его встречали Геринг, Риббентроп, Дёниц и другие нацистские главари. Гитлер хвастался, что спасен волей самого providения, которое тем самым явно предназначило его для решения еще более великих задач. Остальные усердствовали в проявлениях верноподданнических чувств. Около 18 часов Гитлер проводил своего гостя на железнодорожную станцию.

После отмены запрета на информацию и после отправки из Берлина первых приказов «Валькирия» в ставку стали поступать телефонные запросы командиров различных рангов. Постепенно здесь все определеннее складывалось впечатление, что развернулась гораздо более крупная, чем предполагали поначалу, акция. Около 17 часов Гитлер назначил рейхсфюрера СС Гиммлера вместо Фромма командующим армией резерва и приказал ему немедленно вылететь в Берлин. В 17 часов 30 минут Гитлер имел телефонный разговор с Геббельсом и поручил ему подготовить чрезвычайное сообщение для радио, что покушение имело место, но сорвалось. Это чрезвычайное сообщение было в 18 часов 45 минут передано в эфир радиостанцией «Дойчландсзендер».

Весть о том, что Гитлер лишь легко ранен, усилила нерешительность среди командиров войск заговорщиков и в свою очередь замедлила осуществление приказов «Валькирия». Полицией-президент граф Хельдорф и начальник имперского управления по уголовным делам Артур Небе, и без того не сделавшие до сих

пор почти ничего для удачи заговора, теперь совсем отказались содействовать ему. Штауффенберга засыпали запросами. Он отвечал, что сообщение радио предназначено ввести людей в заблуждение, подчеркивал, что армия взяла власть в свои руки, а приказы «Валькирия» должны быть выполнены. Поскольку тем временем Кейтель в ответ на телефонные запросы дал ряду командиров указание не подчиняться берлинским приказам, Штауффенберг в 19 часов 15 минут распорядился о передаче всем военным округам и всем командующим войсками срочной телеграммы. Она опровергала заявления Кейтеля и требовала от командующих войсками решительных действий. Штауффенберг, поддерживаемый своими друзьями Ольбрихтом, Мерцем, Хефтенем и другими, был в эти часы движущей силой всей акции, он неустанно боролся за успех государственного переворота. Очевидец описывает один из тех многочисленных телефонных разговоров, которые вел в эти часы Штауффенберг:

«Телефонистка в приемной вызвала Штауффенберга к аппарату. Он бросился к телефону, схватил трубку, подавную телефонисткой: «Штауффенберг слушает... Яволь... Да, все делается по приказу Бэ-дэ-Э*... Яволь... Остается в силе... Все приказы выполнить немедленно... Тотчас захватить все радиостанции и пункты связи... Любое сопротивление сломить силой... Вероятно, получите контрприказы из ставки фюрера... Они силы не имеют... Нет... Исполнительную власть взял на себя вермахт... Отдавать приказы не правомочен никто, кроме Бэ-дэ-Э... Поняли?... Яволь... Рейх в опасности... Как и всегда в час наивысшей опасности, исполнительная власть принадлежит солдату... Да... Верховным главнокомандующим назначен Виттелебен... Назначение чисто формальное... Захватите все узлы связи... Ясно?... Хайль!»»⁵⁶

В 19 часов 30 минут — в полной форме и с маршальским жезлом в руке — на Бендлерштрассе прибыл генерал-фельдмаршал фон Виттелебен. Он сразу

* Принятое сокращение от слов: командующий армией резерва (Der Befehlshaber des Ersatzheeres).

же направился к Беку и имел с ним продолжительный личный разговор, в ходе которого подверг резкой критике недостаточность принятых до сих пор мер. Около 20 часов 15 минут Вицлебен покинул здание на Бендлерштрассе, дав тем самым понять, что считает акцию провалившейся, и вернулся в дом своего знакомого в Зеезе.

Вечером — около 20 часов — положение характеризовалось следующими фактами:

В Берлине и его окрестностях войска отрезали правительственный квартал, удерживали в своих руках здание ОКХ на Бендлерштрассе и Радиоцентр на Мазуреналлее, а также захватили радиостанцию в Кёнигс-Вустерхаузене. Другие войска заняли позиции во внутренней части города — у Цейхгауза, бывшего королевского дворца, Колонны победы — и ожидали дальнейших приказов. Третья часть войск еще находилась на подходе.

Однако ближайшие цели все еще достигнуты не были: министерства не заняты, Имперская канцелярия и штаб-квартира гестапо не захвачены, находившиеся в Берлине нацистские главари не арестованы, радиопередачи не прекращены, а сами радиостанции не поставлены на службу восстанию, СС не разоружены. Потеряно драгоценное время, когда противник еще ничего не подозревал. В своих тщательно разработанных планах Штауффенберг и Ольбрихт исходили из того, что войсковые части будут действовать быстро и точно, а это в свою очередь в значительной мере зависело от позиции офицеров. Но здесь-то и таилось самое слабое место военного планирования.

Около 20 часов 15 минут майор Хайэссен доложил, что операция в Берлине застопорилась. Охранный батальон медлит, а его командир майор Ремер находится у Геббельса. У полковника Егера, которому поручено арестовать Геббельса, нет в распоряжении солдат для группы захвата. Дело принимало роковой оборот.

Наглядное представление о замедленном ходе военной операции дает сообщение офицера-связиста Герхарда Мерлендера, прибывшего в Берлин по

требованию майора Тиле из потсдамской казармы войск связи:

«Майор Тиле представил меня своему брату генералу Тиле и дал мне следующий приказ. Фюрер убит. Сегодня в Берлине, на Унтер-ден-Линден, 1, создана взамен новая ставка во главе с полковником Штауффенбергом. Следует оборудовать там узел радиосвязи, я назначаюсь его начальником. Для этого я должен подыскать себе семь человек из числа моих товарищей офицеров-связистов, которые вместе со мной образуют радиоотделение. Затем майор Тиле в присутствии группы офицеров приказал выдать мне пистолет, а моим товарищам — по карабину с двумя патронными сумками (около 60 патронов) и продовольствие на 2 дня. В заключение он назвал мне пароль: «...Только по приказу фюрера!» Я должен получить грузовик и немедленно отправиться на нем в центр города к дворцу кронпринца.

Подбор товарищей, получение оружия, боеприпасов, продовольствия и радиоаппаратуры, погрузка на автомашину, не оборудованную как подвижная радиостанция, а лишь имевшую брезентовый верх, — все это заняло еще несколько часов. Только около пяти часов дня мы с большой скоростью помчались к Николасзее, а оттуда по гоночной автостраде и через Тиргартен и Унтер-ден-Линден к дворцу кронпринца. Повсюду мы видели установленные на углах улиц танки, а также группы солдат с пулеметами на всех важных площадях и перекрестках. Солдаты были в стальных касках и с винтовками за плечами. Часть их принадлежала к армейским войскам, часть — к эсэсовским. Тем временем мы принимали по радио противоречившие друг другу сообщения. Как сегодня помню: сначала мы слышали о неудаче покушения, затем сообщение майора Тиле об удавшемся покушении, потом снова радиопередачу о том, что Гитлер уцелел... Подъехав к дворцу кронпринца, я установил, что он окружен войсками, но войсками СС, в стальных касках и с оружием в руках. Перед подъездом залегло отделение эсэсовцев с одним или двумя пулеметами, готовыми открыть огонь.

Я вылез из машины и направился к главному входу. Эсэсовский командир в чине унтер-офицера или фельдфебеля спросил, куда я иду. Я ответил: к полковнику фон Штауффенбергу. Чего мне от него нужно? Должен доложить ему о своем прибытии. Пароль? «...Только по приказу фюрера!» В ответ эсэсовец крикнул: «Сюда не войдете, езжайте дальше и убирайтесь поживей!» Я настаивал на выполнении полученного мною приказа доложить полковнику фон Штауффенбергу. Эсэсовец заявил: у него приказ никого в здание не пускать. «Тогда я должен хотя бы поговорить по телефону с генералом Тиле!» Ответ: «Только не отсюда. Звоните откуда хотите!»

Напротив дворца кронпринца, на другой стороне Унтер-ден-Линден, я увидел будку телефона-автомата. Я бросился туда, чтобы вызвать потсдамскую казарму и поговорить с майором Тиле. Однако аппарат намертво молчал — телефонная сеть повреждена. Вернувшись, я сказал товарищам, что позвонить не удалось. Мы несколько минут постояли, не зная, что делать, но тут эсэсовцы стали кричать нам, чтобы мы убирались восвояси. Никакого полковника фон Штауффенберга тут нет и никакого радиоузла здесь не требуется. После нескольких минут выжидания мы влезли в свой грузовик и поехали обратно в Потсдам. Когда мы добрались до своего барака, было уже 22 часа»⁵⁷.

Но главная причина провала переворота заключалась не только в неразберихе с отдачей приказов и замедленном темпе военной операции. Эти явления были лишь выражением политического характера заговора. Будь он иным, заговорщики приняли бы все меры для того, чтобы попытаться мобилизовать на решительные действия трудящиеся массы.

Руководители восстания в Берлине, как показывают все свидетельства, не имели достаточно надежных боевых групп для решения неотложных задач первого часа. Разве не дало бы им внезапное нападение на гестаповскую тюрьму Принц-Альбрехтштрассе или на лежащий прямо у ворот Берлина концлагерь Заксенхаузен сотни соратников по борьбе, обладающих ясным представлением о политической цели? Разве не

должны были захваченные радиостанции непрерывно передавать в эфир воззвания, извещения и разъяснения? Разве не следовало немедленно занять типографии, чтобы наводнить Берлин и его пригороды волной листовок с призывом к восстанию? И наконец, разве не было необходимо устранить Геббельса и других нацистских главарей и немедленно передать весть об этом по радио? Однако всего этого только лишь выборочно названного здесь сделано не было. Это были не просто «упущения», нет, в этом выразился характер самой акции. Заговорщики желали захватить власть с помощью военных, отдающих команды по телеграфу и телефону, без массового движения. Воззвания и призывы по радио были подготовлены, но обратиться с ними к народу руководители переворота хотели только после того, как власть уже будет крепко находиться в руках вермахта. Полностью отойти от этой концепции не смог и Штауффенберг. Это объективно противоречило бы реакционным целям группы Гёрделера.

Поэтому вполне отвечает характеру и взаимосвязи событий то, что метко написал в своих воспоминаниях Фриц Зельбман* — в то время заключенный концлагеря Флоссенбюрг: «Весть о покушении на Гитлера в июле 1944 г. пришла к нам в лагерь с опозданием и прозвучала весьма невнятно. Разумеется, мы радовались этому сигналу о существовании заговора среди людей из самого близкого к нацистам слоя и проклинали неудачу покушения. Но когда я услышал, что руководителем заговора был Карл Гёрделер, которого я знал по периоду своей работы в Лейпциге как обер-бургомистра города и закоренелого реакционного чиновника, мне стало ясно, что ничего путного от этого пошедшего вкривь и вкось заговора ожидать было нельзя; просто погибло несколько хороших людей, принесших себя в жертву сомнительному делу»⁵⁸.

* Фриц Зельбман — ветеран германского рабочего движения, коммунист, в прошлом шахтер, депутат рейхстага; после освобождения от фашизма — активный участник строительства новой жизни на немецкой земле. После образования ГДР был министром промышленности, а затем заместителем Председателя Совета министров ГДР.

Прежде чем проследить дальше события в Берлине, бросим взгляд на положение в других военных округах и в оккупированных нацистами областях⁵⁹. Здесь реакционный характер заговора выразился еще отчетливее.

В Штеттине (II военный округ) все нацистская знать, НСДАП, местные власти и вермахт праздновали 20 июля десятилетие пребывания гауляйтера Франца Шведе-Кобурга на его посту. Заместитель командующего армейским корпусом во II военном округе генерал Киниц, узнав между 18 и 19 часами о покушении на Гитлера, сразу сказал, что злоумышленники могут быть только из «партийных кругов», и тем самым вызвал в избранном обществе бурное возмущение. Начальник его штаба полковник Штаудингер между 17 и 18 часами получил оба основных приказа «Валькирия», но затем услышал сообщение по радио о неудаче покушения. Не желая мешать Киницу во время празднования, он проинформировал его о полученных приказах только после 20 часов. Тем временем Киниц уже получил по телефону указание Кейтеля не выполнять берлинские приказы. Хотя генерал не предпринял ровным счетом ничего, гауляйтер и его окружение насторожились. Запасная эсэсовская часть, располагавшаяся в предместье Штеттина Немиц, готовилась к обороне, установила проволочные заграждения и пулеметы. Около полуночи Киниц и Штаудингер особо заверили гауляйтера в своей лояльности.

В Дрездене (IV военный округ) в штабе военного округа находился лишь дежурный офицер, который и получил первый приказ заговорщиков. Он сразу же вызвал в штаб всех находившихся в пределах досягаемости офицеров и одновременно известил гестапо. Заместитель командующего армейским корпусом генерал Виктор фон Шведлер, посвященный в заговор, лишь усилил охрану своего штаба и стал выжидать дальнейших событий. Тем временем поступили контрприказы Кейтеля. Вечером Шведлера и его офицеров вызвали на виллу гауляйтера Мучмана, там у них отобрали оружие и местный высший начальник СС и полиции фон Альвенслебен потребовал, чтобы они назвали имена «политически ненадежных» офицеров.

В Касселе (IX военный округ) начальник штаба полковник фон Плате получил первые приказы «Валькирия» около 19 часов 30 минут, хотя поступали они уже с 18 часов. Он поднял по тревоге войсковые части и усилил охрану штаба. Заместитель командующего корпусом генерал Шеллерт, вернувшись в 21 час из служебной поездки, решил сначала посоветоваться с гауляйтером Кур-Гессена Герландом, однако затем все же подписал приказ об аресте трех имевшихся на территории военного округа гауляйтеров, в том числе и пресловутого Заукеля. Поднятые по тревоге части получили приказ действовать. Во Франкфурте-на-Майне они заняли почтамт, телеграф, главный вокзал и радиостанцию. Но трое гауляйтеров оказались «бесследно исчезнувшими». Тем временем из ставки фюрера начали поступать контрприказы, и около 22 часов 30 минут операция была прекращена. В сопровождении вооруженной охраны в штаб явился гауляйтер Герланд и потребовал отчета в содеянном.

В Нюрнберге (XIII военный округ) несколько офицеров уже были готовы отдать приказ войскам действовать, однако сначала они запросили Штутгарт и Мюнхен, как поступают там. Так как там бездействовали, то пассивными остались и здесь.

В Мюнхене (VII военный округ) в заговор был посвящен начальник оперативного отдела подполковник Гроссер. Под предлогом учений на местности он сосредоточил у Штарнбергского озера пехоту, танки и инженерно-саперные части. Однако, получив сообщение о попытке переворота, он ничего не предпринял. Гауляйтер Гизлер решил арестовать заместителя командующего армейского корпуса генерала Крибеля, посчитав его предводителем офицерского бунта. Крибель бежал в Аугсбург к швабскому гауляйтеру Валью и попросил у него защиты!

В Кёнигсберге (I военный округ) заместитель командира армейского корпуса в момент, когда из Берлина поступили первые приказы «Валькирия», находился на охоте, 1-й офицер штаба округа (начальник оперативного отдела) подполковник Эрдман был посвящен в заговор, но не предпринял никаких дей-

ствий, хотя для ареста нацистского руководства гау был специально предназначен танковый разведывательный батальон. Узнав о покушении, гауляйтер Кох приказал сразу же поднять по тревоге отряды штурмовиков и подчиненную ему особую часть.

В Праге командующий войсками вермахта в протекторате Чехия и Моравия генерал Фердинанд Шааль получил первые приказы «Валькирия» примерно в 18 часов 30 минут. Он приказал привести войска в состояние боевой готовности, однако никаких мер против нацистских главарей и СС не предпринял. Со своей стороны государственный министр Карл Герман Франк поднял по тревоге войска СС. Шааль попытался заключить с закоренелым нацистом Франком соглашение, но контрприказы и здесь положили конец слабым зачаткам операции.

В других военных округах или районах, подчиненных военному командованию, за исключением Вены и Парижа, произошло весьма немногое или же не произошло ничего. В штабе группы армий «Центр» Тресков и Шлабрендорф, сгорая от нетерпения, ждали телефонного известия об удавшемся покушении. Но вскоре они слышали лишь сообщение по радио о том, что Гитлер уцелел. Они выжидали до тех пор, пока не прояснилась ситуация в Берлине.

Вскоре после 19 часов заговорщики на Бендлерштрассе установили телефонную связь с армейской группой «Север» в Прибалтике. Штауффенберг сообщил начальнику штаба, что военное и политическое руководство взяли на себя фон Вицлебен и Бек. Затем Бек передал группе армий приказ подготовиться к отходу в Восточную Пруссию. Таким образом, следует подчеркнуть, что первым приказом Бека войскам Восточного фронта был приказ об оставлении оккупированных областей. Начальник штаба группы армий позвонил около 19 часов 40 минут в ставку фюрера и при этом сказал графу Кильманзеггу: «Вы сами знаете, что это — единственное разумное решение. Мы уже не раз докладывали об этом, но не можем подчиниться Беку, не узнав сначала, что же произошло»⁶⁰. Гитлеровский подручный Кильманзегг распорядился указание Бека аннулировать.

Преобладающее большинство генералов и офицеров службы генерального штаба столь крепко связали себя с нацистской системой, что не были способны даже на формальное осуществление военных приказов, если знали или чувствовали, что приказы эти могли оказаться направленными против системы. Если прежде мы говорили, что командование вермахта принимало значительное участие в установлении и укреплении фашистской диктатуры, то теперь мы аналогичным образом должны сказать, что оно помешало государственному перевороту 20 июля 1944 г. и предало кровавой нацистской мести тех немногих генералов, которые были в оппозиции Гитлеру.

Подлинные зачатки настоящих действий имелись только в Вене и Париже.

В Вене (XVII военный округ) участниками заговора являлись полковник граф Марогна и капитан Сцокколь; они были лично знакомы со Штауффенбергом и Бернардисом. Около 18 часов сюда поступила телеграмма с первым основным приказом «Валькирия», в которой, однако, отсутствовала фраза «фюрер Адольф Гитлер убит»⁶¹. Начальник штаба, полковник службы генерального штаба Кодре, известил об этом отсутствовавшего командующего округом генерала барона фон Эзебека и распорядился насчет первоначальных мер. Положение было разъяснено остальным офицерам, и для охраны командования округа привлечены два взвода венского охранного батальона. Тем временем поступила еще одна телеграмма со вторым основным приказом, предписывавшим захват определенных объектов и арест нацистских главарей. Кодре объявил общую тревогу по сигналу «Валькирия» и назначил на 19 часов совещание офицеров. Прибывший тем временем генерал Эзебек одобрил принятые меры, но потребовал запросить Берлин, так как тем временем были приняты по радио сообщения о неудаче покушения. Кодре говорил по телефону со Штауффенбергом, тот подтвердил телеграмму и настаивал на быстрейшем исполнении приказов. Эзебек не был посвящен в планы заговорщиков, но, услышав, что Штауффенберг, которого он знал по 1-й легкой дивизии, является одним из руководителей операции,

дал свое согласие действовать. Около 19 часов 20 минут собравшиеся офицеры ознакомились с обстановкой и со своими задачами. Все нацистские, эсэсовские и полицейские начальники получили приглашение прибыть к 20 часам на срочное совещание в штаб округа. Капитан Сцоколль, выступавший за немедленное приведение войск в боевую готовность, дал охране здания приказ не выпускать из него никого, кто не носит форму вермахта, в случае отказа повиноваться — арестовывать, а при сопротивлении применять оружие. Когда приглашенные собрались (некоторые, в том числе гауляйтер фон Ширах, не явились), им зачитали телеграммы, а затем посадили под арест в разные комнаты, где подали вина и закуски. Комендант Вены генерал Зинцингер, имевший «Золотой почетный значок» НСДАП, взял на себя арест всех остальных видных нацистских руководителей города.

Вплоть до этого момента никто из участвовавших не знал подробно, что же происходило в ставке Гитлера и в Берлине. Только когда после 20 часов была принята новая телеграмма с требованием назначить политического уполномоченного и в ней были названы имена бывших австрийских политических деятелей, возникли догадки, что дело идет о политической акции. Несмотря на распространившуюся неуверенность, Эзебек и Кодре все же опирались на полученные приказы. Поднятые по тревоге части 117-й и 417-й дивизий находились на марше с целью захвата важных объектов. После нескольких телефонных переговоров с Бендлерштрассе раздался звонок от Кейтеля. Тот приказал отменить намеченные меры, и Эзебек отдал соответствующие приказания. Вскоре позвонил Штауффенберг: «Кодре, что случилось? Вы что, задумали прыгнуть?» Кодре успел лишь ответить: «Только что звонил Кейтель», как связь сразу прервалась. Генерал Эзебек извинился перед арестованными и отпустил их на свободу. Но капитан Сцоколль все еще не хотел примириться с провалом и безуспешно пытался соединиться по телефону с Бендлерштрассе.

Как сообщает Отто Хартмут Фукс, который в это время за принадлежность к католическому движению Сопротивления находился в венской военной окруж-

ной тюрьме в X округе, он и другие заключенные вечером 20 июля, по существу, находились на свободе. Тюремщик, до того обращавшийся с ними особенно строго, вдруг стал необычайно любезен. Однако утром 21 июля их снова посадили, а тюремщик стал еще строже, чем прежде⁶².

Наибольший размах и эффективность заговор приобрел в Париже⁶³. Уже после 14 часов полковник Финк получил в Париже по телефону из Цоссена шифровку о покушении — на Бендлерштрассе в это время о совершившемся покушении еще ничего не знали. Однако точная информация поступила только в 16 часов 30 минут в результате телефонного звонка Штауффенберга двоюродному брату Цезарю фон Хофаккеру, служившему подполковником в штабе главнокомандующего войсками на Западе и являвшемуся одним из руководителей группы заговорщиков во Франции. Хофаккер немедленно проинформировал командующего войсками во Франции генерала Штюльпнагеля, вокруг которого спустя короткое время собралась группа посвященных офицеров. Штюльпнагель отдал заранее намеченные приказы: подъем по тревоге надежных войск, занятие важных зданий, арест офицеров СС и СД, прекращение радио- и телефонной связи между Францией и Германией, включая линии, соединяющие с Берлином, захват парижской радиостанции. Около 18 часов 30 минут Штюльпнагелю позвонил Бек. Штюльпнагель подтвердил свое безоговорочное участие — несмотря на все же появившееся у него сомнение в гибели Гитлера. Одновременно он доложил Беку о принятых мерах.

Главнокомандующий войсками на Западе генерал-фельдмаршал Клюге, в прошлом неоднократно соглашавшийся на выступление против Гитлера, а потом снова отказывавшийся, около 18 часов 45 минут имел телефонный разговор с Беком, с которым его соединил Штюльпнагель. Бек настойчиво призывал его присоединиться к акции. Но Клюге уже слышал сообщение о том, что Гитлер лишь легко ранен, и потому заявил Беку: ему надо сначала посоветоваться со своими офицерами, а потом он через полчаса сообщит о своем решении. Затем Клюге получил как подписан-

ный Вицлебенем приказ о введении чрезвычайного военного положения, так и телеграмму Кейтеля, за-прещавшего выполнение приказов Вицлебена, Бека или Гёпнера. Из ОКВ ему было по телефону подтверждено Штиффом, что Гитлер не погиб в результате покушения. Если раньше Клюге колебался, то теперь он решил отмежеваться от заговора.

В 22 часа по тревоге был поднят для удара по СС и СД 1-й охранный полк. Атака на их казармы была назначена на 22 часа 30 минут.

Тем временем Штюльпнагель, фон Хофаккер, генерал Блюментритт, генерал Шпейдель и другие собрались в Ла-Рош-Гуйон у Клюге на созванное им офицерское совещание. Слово по поручению заговорщиков взял Хофаккер. Он попытался привлечь Клюге на их сторону, апеллировал к его чувству долга перед народом и нацией, напомнил о его прежних высказываниях против политики Гитлера. Но тщетно: Клюге отказался. Когда во время последовавшего вслед за тем совместного обеда Штюльпнагель в личной беседе рассказал Клюге об уже принятых мерах, тот пришел в ярость и потребовал отмены отданных приказов. Но генерал Блюментритт заявил: это невозможно, войска уже выступили. Штюльпнагель и Хофаккер снова настаивали на участии Клюге, но тот в ответ лишь орал, имея в виду Гитлера: «Да — если бы эта свинья подохла!» Он тут же отстранил Штюльпнагеля от должности: «Переоденьтесь в штатское и исчезните куда-нибудь!»

В 22 часа 30 минут начался — без ведома Клюге — арест чинов СС, СД и гестапо в Париже. Хотя большинство участвовавших в этом армейских офицеров не были посвящены в заговор, они последовательно осуществляли приказы до конца, как только поняли, что приказы эти направлены против СС и гестапо. Точно так же, но в еще более ярко выраженной форме отнеслись к приказам солдаты. Когда военный комендант Парижа барон Бойнебург-Ленгсфельд, лично руководивший операцией по аресту, спросил одного солдата, что тот думает насчет происходящего, тот ответил: «Наконец-то взяли за жабры эту черную чуму. Теперь и мы скоро заживем спокойно»⁶⁴. За короткое

время было арестовано около 1200 чинов СС, СД и гестапо. Они не оказали никакого сопротивления, только некоторым удалось бежать. Операция была предпринята столь неожиданно, что вскоре пошел слух, будто бойцы отрядов французского Сопротивления, переодевшись в немецкую военную форму, совершили налет на штаб-квартиру гестапо в Париже. Парижская операция показывает, какие возможности в действительности имел государственный переворот даже при том, что он опирался только на некоторые войсковые части. Однако и на Западе основная масса солдат узнала о нем только тогда, когда он уже провалился.

Тем временем в Берлине свершался решающий поворот.

Пока охранный батальон поднимался по тревоге и приступал к оцеплению правительственного квартала, лейтенант Хаген, сотрудник министерства пропаганды, делавший для унтер-офицеров этого батальона доклад о политическом положении, около 17 часов 30 минут отправился к Геббельсу, поскольку принятые меры вызвали у него подозрение⁶⁵. Он высказал Геббельсу свое предположение, что происходит военный путч, в котором охранный батальон должен сыграть серьезную роль. Геббельс же, знавший о покушении, но еще не имевший никакого представления о последовавших событиях, приказал немедленно вызвать к себе майора Ремера. Одновременно был поднят по тревоге, но пока оставлен в боевой готовности в своей казарме в Лихтерфельде эсэсовский полк личной охраны «Адольф Гитлер». Хаген известил Ремера, расположившего свой командный пункт в городской военной комендатуре на Унтерден-Линден, 1, о путче против фюрера, а также проинформировал об этом всех офицеров, которых повстречал.

Ремер попросил у генерала фон Хазе разрешения выехать к Геббельсу, но не получил его. Трудно понять, почему посвященный в заговор фон Хазе не приказал тут же арестовать Ремера: ведь желание поехать к Геббельсу по меньшей мере должно было вызвать у него подозрение. Так Ремер на собственный страх и риск в 19 часов оказался у Геббельса. Тот

спросил его, является ли он убежденным национал-социалистом. Ремер заверил, что «на все 100 процентов стоит за фюрера». Тогда Геббельс по телефону соединил Ремера с Гитлером и тот лично приказал ему подавить путч. До прибытия в Берлин Гиммлера Ремер подчинялся непосредственно Гитлеру. Он сразу выехал в комендатуру и возглавил контрмеры против заговорщиков.

В это время уже упоминавшийся Больбринкер остановил танковые части и задержал их ввод в бой. Ремер, по его собственным словам, в дальнейшем еще не раз побывал у Геббельса, информируя его о контрмерах.

Около 20 часов 30 минут главные силы охранного батальона по приказу Ремера сконцентрировались в саду геббельсовского дома на Герман-Герингштрассе, 20. Геббельс произнес речь, в которой поливал грязью «изменников», и объявил, что долг батальона — подавить путч. Ремер заявил солдатам, что фюрер лично поручил ему сделать это. Вслед за тем Ремер стал готовить атаку здания на Бендлерштрассе. Одновременно он послал связных во все войсковые части, находившиеся в городе или на подходе к нему, с требованием вернуться в свои казармы.

Когда около 21 часа по радио было сообщено, что вскоре выступит Гитлер (что еще больше увеличило смятение в лагере заговорщиков), войска уже собирались оставить центр города. В 21 час 30 минут последние танки покинули внутреннюю часть Берлина. Подходившие части были частично еще раньше остановлены поднятыми по тревоге эсэсовцами. Так, одно подразделение пехотного учебно-экспериментального батальона, подъезжавшее к Берлину, было задержано эсэсовцами на мосту Хеерштрассе в Шпандау (Штессензее) и отправлено назад.

Ольбрихт послал Кляйста к начальнику гарнизона города фон Хазе и к графу Хельдорфу, чтобы обеспечить присылку воинской части для защиты Бендлерштрассе, так как караулы охранного батальона по приказу Ремера оставили свои посты. «Хазе в комендатуре не оказалось, и создалось впечатление, что его штаб совершенно растерялся, а люди в полицей-пре-

зидиуме держатся выжидающе. Хельдорфа на месте уже не было. Когда Кляйст возвращался через Бранденбургские ворота, он увидел, что эсэсовская охрана на Герман-Герингштрассе вновь вооружена»⁶⁵.

В 22 часа 30 минут — в то самое время, когда в Париже были успешно произведены аресты, — Ольбрихту пришлось призвать находившихся на Бендлерштрассе офицеров самим взять на себя охрану здания⁶⁶. Для той группы офицеров, которая вела себя пассивно, это послужило сигналом начать со своей стороны действовать так, чтобы потом их не сочли участниками теперь уже явно провалившегося дела.

Тем временем в Берлине собрались нацистские главари: у Геббельса — Гиммлер и Кальтенбруннер, в здании Службы безопасности (СД) — Шелленберг и Скорцени.

Пока на Бендлерштрассе группа офицеров собирала силы для контрудара, заговор пережил свою последнюю вспышку. Около 22 часов 40 минут для охраны здания прибыла рота оружейно-технического училища сухопутных войск. Но против нее были брошены подразделения охранного батальона. Обер-ефрейтор этого училища Гельмут Наке рассказывает: «Наша рота стояла во дворе, но тут подошла рота охранного батальона «Великая Германия», вооруженная, помимо всего прочего, станковыми пулеметами и противотанковыми пушками. Роте училища пришлось сложить оружие, ее оттеснили в угол двора и оцепили. Минут через 20 все стало ясно. Нам вернули оружие. В здании прозвучал пистолетный выстрел; говорили, что это застрелился некий полковник Мерц (подразумевался Бек). Были созданы особые команды, у каждой двери поставили часовых». Сам Г. Наке как часовым у ворот получил приказ «не выпускать никого из здания и стрелять без предупреждения. После смены караулу дали такую еду, какой мы не видывали за всю войну»⁶⁷.

В самом здании в это время разыгрывался последний акт драмы. Около 22 часов 45 минут начальник штаба Штюльпнагеля полковник Линстов получил в Париже от Штауффенберга телефонное известие: все пропало. В 22 часа 50 минут группа офи-

церов и унтер-офицеров во главе с подполковниками Хербером, фон Хайде, Придуном и Кубаном и майором Флисбахом, вооружившись по дороге, ворвалась в кабинет Ольбрихта. В этот момент здесь находились в числе других Ольбрихт, Петер Йорк фон Вартенбург, Ойген Герстенмайер и Бертольд Штауффенберг. Полковника Штауффенберга и Хефтена обстреляли в коридоре; Штауффенберг был ранен. Затем в течение десяти минут в коридоре и прилегающих помещениях слышались крики, выстрелы, шум рукопашной схватки. Бек, Гёпнер, братья Штауффенберг, Ольбрихт, Мерц, Хефтен и другие заговорщики были схвачены; немногим, в том числе майору авиации Георги — зятю Ольбрихта, а также Кляйсту, Фриче и Людвигу фон Гаммерштейну, во всеобщей неразберихе удалось скрыться. Как раз в это время рота охранного батальона под командой обер-лейтенанта Шлее разоружала подразделение оружейно-технического училища и занимала все выходы из здания. Когда подполковник Кубан подошел к главному выходу, его уже остановил и хотел арестовать караул охранного батальона. На его вопрос: «За фюрера или против?» был дан положительный ответ, и недоразумение разъяснилось. Кубан сообщил часовым, что заговорщики уже схвачены.

Около 23 часов 15 минут Фромм снова появился в своем кабинете и объявил Беку, Гёпнеру, Штауффенбергу и другим заговорщикам, что они арестованы. Хефтен поднял пистолет, чтобы выстрелить в Фромма, но Штауффенберг удержал его. Фромм приказал арестованным бросить оружие. Бек попросил оставить ему пистолет для «личных целей». В ответ Фромм поторопил генерала поскорее привести свое намерение в исполнение. Приставив пистолет к виску, Бек выстрелил, но выстрел оказался несмертельным, а сам он рухнул в кресло. Немного погодя Бек слабым голосом попросил дать ему другой пистолет. Ему дали, но и второй выстрел не убил его. Тогда один фельдфебель «из сострадания» пристрелил потерявшего сознание генерала.

Тем временем Фромм предложил арестованным, если они желают, написать свои последние письма.

Ольбрихт и Хефтен стали писать предсмертные строки своим женам. Фромм вышел из комнаты и спустя некоторое время вернулся в сопровождении нескольких офицеров охранного батальона. Он объявил, что созвал военно-полевой суд, который приговорил к смертной казни четырех офицеров: полковника Мерца Квиригейма, генерала Ольбрихта, полковника Штауффенберга и Хефтена. При этом фамилии Штауффенберга и Хефтена произнести вслух Фромм не пожелал.

Затем Фромм предложил Гёпнеру покончить жизнь самоубийством. Но Гёпнер ответил, что не знает за собой столь тяжкой вины, и дал увести себя в военную тюрьму Моабит.

Четверых приговоренных к смертной казни около полуночи вывели во двор на расстрел. Хефтен поддерживал ослабевшего от ранения Штауффенберга. Место казни освещалось фарами военного грузовика⁶⁸. Граф Клаус Шенк фон Штауффенберг погиб с возгласом: «Да здравствует священная Германия!»⁶⁹

Пули оборвали жизнь Штауффенберга накануне его 37-летия. К нему в полной мере относятся слова, сказанные его соратником Фрицем Шуленбургом в тот же самый вечер, незадолго до ареста: «Немецкому народу, видно, придется испить эту чашу до дна. Мы должны пожертвовать собою. Позже нас поймут»⁷⁰.

Преследование и террор

В 0 часов 21 минуту генерал Фромм приказал отправить телеграмму всем командным инстанциям, получившим ранее приказы заговорщиков. В ней он объявлял эти приказы потерявшими силу и сообщал, что попытка путча подавлена. Затем он обратился с краткой речью к выстроенным во дворе солдатам.

Решение Фромма немедленно казнить главных заговорщиков явно объяснялось его желанием побыстрее избавиться от неприятных свидетелей. Прибывшие тем временем эсэсовские фюреры Скорцени и Кальтенбруннер приказали немедленно доставить закованных в цепи арестантов на Принц-Альбрехтштрассе, где тотчас же начались допросы.

Фромм, не имевший больше командной власти, поскольку командующим армией резерва теперь был назначен Гиммлер, отправился к Геббельсу. Но еще в ту же ночь Фромма подвергли «почетному аресту».

Трупы Бека, Штауффенберга и остальных трех расстрелянных были немедленно доставлены на кладбище церкви св. Матвея в Шёнеберге и погребены там, однако на следующий день извлечены и сожжены. Гиммлер в своей речи заявил: «Я отдал приказ сжечь трупы, а пепел развеять по ветру. Мы не желаем, чтобы от подобных людей, а также и от тех, которые казнены теперь, осталось хоть малейшее воспоминание в виде хоть какого-нибудь захоронения»⁷¹.

Около часа ночи радио передало речь Гитлера, о которой было объявлено еще четырьмя часами ранее. Магнитофонную запись речи пришлось сначала доставить из Растенбурга в Кёнигсберг. Гитлер заявил:

«Мизерная кучка тщеславных, бессовестных и вместе с тем преступных, глупых офицеров сколотила заговор, чтобы убрать меня, а вместе со мною уничтожить и штаб оперативного руководства вооруженных сил. Бомба, подложенная полковником графом фон Штауффенбергом, разорвалась в двух метрах справа от меня... Сам я остался совершенно невредим, если не считать совсем мелких ссадин, ушибов или ожогов. Я воспринимаю это как подтверждение воли провидения, повелевающего мне и впредь стремиться к осуществлению цели моей жизни, как я делал это по сию пору...»⁷² За дикой бранью по адресу заговорщиков последовало заявление, что они «теперь будут беспощадно истреблены». Засим Гитлер вновь благодарил «провидение» и обещал: «Я и впредь должен, а потому и буду возглавлять мой народ».

Речь слушали и солдаты в Радиоцентре. В. Кайрат вспоминает: «Утром 21 июля... мы из первых рук слышали «речь о провидении», произнесенную фюрером из своей ставки. Фриче*, которого до тех пор нигде не было видно, теперь ворвался в свой кабинет,

* Нацистский радиокomentатор, один из главных немецких военных преступников.

радуясь как дитя. Он был в состоянии счастливого опьянения, скакал от двери к двери, тряс солдатам руки, раздавал подарки и, заикаясь, лепетал: «Фюрер жив, Штауффенберг на виселице, спасибо, спасибо, мои спасители!» Если в нашей казарме питание было скудным и плохим, то теперь мы были поражены тем, что нам подали на стол. В столовой имелся такой богатый выбор, словно в дни самого глубокого мира. Здесь было все — от шампанского до самых отборных сигарет «Аттика», и каждый солдат набирал яств столько, насколько у него хватало денег, закупал дефицитные продукты. Нам немедленно выплатили полевые, хотя мы не сделали ни единого выстрела. Через два дня мы снова вернулись в Дёбриц-Эльзгрунд»⁷³.

Объявив 21 июля путч подавленным, Геббельс в своем кругу отзывался о заговорщиках с презрением, насмехался над ними. Он назвал эту акцию «революцией по телефону». Одному только Штауффенбергу он все-таки не смог отказать в уважении: «Вот Штауффенберг — это молодец! Его почти жаль. Какое хладнокровие! Какой ум, какая железная воля! Просто непостижимо, как он только связался с этим сборищем дураков!»⁷⁴

Для расследования событий и розыска остальных участников Гиммлер сразу же создал при гестапо Особую комиссию по делу 20 июля, аппарат которой состоял из 400 чиновников, подразделенных на 11 отделов. Эта особая комиссия работала вплоть до самого конца Гитлера. Результаты следствия постоянно направлялись Кальтенбруннером Гиммлеру, а тот докладывал их Гитлеру и другим нацистским главам. Общее число арестованных равнялось примерно 7000 человек⁷⁵. По осторожной оценке Гюнтера Вайзенборна, число непосредственных жертв составило 160—180 человек⁷⁶, из них: из группы Гёрделера — минимум 20, из офицерских групп в ОКВ, ОКХ и генеральном штабе — минимум 60, из абвера — минимум 10, из Крайзауского кружка — 8, из кружка Зольфа — 6, из социал-демократической группы — 10 и из группы деятелей христианских профсоюзов — 8—10⁷⁷. К ним следует добавить еще 700 военнослужащих вер-

махта из военных округов и с фронтов, приговоренных к смертной казни⁷⁸. Среди жертв нацистского террора после 20 июля 1944 г. насчитывалось 20 генералов, в том числе один генерал-фельдмаршал⁷⁹.

Более тяжелым последствием разгромленного заговора 20 июля было, однако, то, что нацисты использовали его в качестве повода для новой расправы с подлинными антифашистами. Жертвами кровавого фашистского террора пали многие коммунисты. Среди них были члены подпольного оперативного руководства КПГ Бернхард Бестляйн, Франц Якоб, Теодор Нойбауэр, Антон Зефков и Георг Шуман, а также руководящие коммунистические работники Магнус Позер, Эрнст Грубе, Альберт Кунц, Эрнст Шнеллер и Матиас Тезен. 18 августа по указанию Гитлера и Гимmlера в концлагере Бухенвальд был убит Эрнст Тельман. Гибель Тельмана явилась тяжелой потерей для немецкого народа. В его лице германский и международный рабочий класс потерял одного из своих самых выдающихся руководителей.

Некоторым из заговорщиков удалось скрыться, и их разыскивали: например, Карла Гёрделера (вознаграждение — миллион марок), Фрица Линдемана (500 тысяч марок), Макса Хабермана, графа Лендорфа, капитана Людвига Гере, Ханну Гере, Вильгельма Лёйшнера. Большинство же заговорщиков попали в руки гестапо сразу. Немедленно после 20 июля были введены усиленные меры по блокированию границ.

Майору Куну удалось перейти на сторону Советской Армии. Людвиг и Кунрат фон Гаммерштейн сумели спрятаться и скрывались от своих преследователей вплоть до освобождения немецкого народа от фашизма. Кунрат фон Гаммерштейн писал впоследствии: «Я бы перебежал, как Кун»⁸⁰. Но в общем и целом спастись от ареста посчастливилось лишь немногим.

Волна арестов настигла и тех, кто не участвовал ни в каком антифашистском Сопротивлении. Так, в начале августа был арестован капитан 3-го ранга в отставке Эрхард — один из главарей капповского путча

1920 г. *. 3 августа гестапо арестовало Ингеборг фон Зейдлиц — жену генерала Вальтера фон Зейдлица, а 5 августа — его обеих старших дочерей. В порядке уголовной ответственности за действия, совершенные не ими, а членами семьи, были арестованы Гудрун Корфес и другие родственники членов Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров.

После провала попытки государственного переворота некоторые участники заговора покончили самоубийством, чтобы избежать ожидавших их пыток гестапо.

Генерал Хеннинг фон Тресков утром 21 июля отправился на ничейную полосу между передним краем немецких и советских войск и, имитируя выстрелами и взрывами грохот боя, лишил себя жизни. Стараясь не вызвать подозрений и желая оградить своих друзей от преследования, он таким образом пытался создать впечатление, будто погиб в стычке с противником. Тело Трескова сначала было достойно похоронено в его родном городе, но, когда раскрылось его участие в заговоре, вновь выкопано из могилы, доставлено в Берлин и там сожжено. Прежде чем — в буквальном и переносном смысле — отправиться на ничейную землю, Тресков еще раз заявил своим товарищам, что убежден в правильности своих поступков.

«Теперь весь свет накинется на нас, будет поливать нас грязью. Но я, как и прежде, непоколебимо убежден в том, что мы действовали верно... Если однажды бог Авраам сказал, что пощадит Содом, найдись в нем хоть десять праведников, то я надеюсь, что благодаря нам господь не уничтожит Германию. Никто из нас не вправе сетовать на свою гибель. Тот, кто вступил в наш круг, тем самым облек себя в Нессову одежду **. Нравственная ценность человека

* Реакционная попытка юнкеров и монархистов свергнуть буржуазно-демократическую Веймарскую республику, предпринятая 13 марта 1920 г. во главе с главарем остэльбского юнкерства Вольфгангом Каппом. Спустя три дня путч был ликвидирован едиными силами рабочего класса.

** По древнегреческой мифологии, роковой, губительный подарок.

познается лишь тогда, когда он отдает за свои убеждения жизнь»⁸¹.

Джоб фон Вицлебен, оставшийся в живых, впоследствии посвятил Трескову поминальное слово, в котором наглядно отражена вся противоречивость 20 июля: «Трагедия Трескова, одного из самых мужественных заговорщиков, который лично осуществил всю подготовку перехода Шуленбурга через линию Восточного фронта для установления контакта с Советским правительством, состоит в том, что сам он не решился на этот рывок, а застрелился, видя перед собой подлинных, настоящих немцев по другую сторону фронта (подразумеваются участники движения Национального комитета «Свободная Германия». — *Прим. перев.*). Он стал жертвой того пагубного антикоммунизма, который являлся теперь уже не глупостью*, а преступлением по отношению к безупречно честному человеку и противнику Гитлера»⁸².

Генерал Генрих фон Штюльпнагель утром 21 июля получил приказ немедленно прибыть в Берлин. В пути он пустил себе пулю в лоб, но остался жив, пуля лишь повредила зрительный нерв. 30 августа 1944 г. ослепший генерал был казнен.

Генерал-квартирмейстера Эдуарда Вагнера изобличили как соучастника заговора не сразу. До этого ему еще пришлось вести с Кальтенбруннером переговоры насчет наиболее целесообразных методов расследования. 23 июля, вызванный Кальтенбруннером на очередную беседу, он застрелился. Граф Ганс фон Харденберг выстрелил себе в грудь, но выстрел оказался не смертельным, и он вскрыл вены. Однако гестаповцы все же схватили его и поместили в госпиталь, а затем бросили в концлагерь Заксенхаузен, откуда он в конце войны был освобожден Советской Армией.

От хорошо известного в Германии и за ее пределами фельдмаршала Эрвина фон Роммеля нацисты избавились особым образом. 14 октября 1944 г. ему по приказу Гитлера было предоставлено самому

* Имеются в виду слова Томаса Манна: «Антикоммунизм — главная глупость нашей эпохи».

сделать выбор: либо покончить самоубийством, либо предстать перед судом. В случае самоубийства ему будут устроены торжественные похороны, а семью пощадят и не будут преследовать. Попрощавшись с женой и сыном, Роммель принял яд, переданный ему посланцем Гитлера. Официально же было объявлено, что он скончался от закупорки вен, вызванной его ранением. Были инсценированы государственные похороны, на которых генерал-фельдмаршал фон Рундштедт (хорошо знавший истинные причины смерти Роммеля) произнес надгробное слово. В нем он восхвалял покойника как верного паладина Гитлера. Вдове Роммеля нацистские главари послали «соболезнование».

Фельдмаршал Гюнтер фон Клюге 18 августа получил приказ о переводе на другую должность. Он знал, что ему предстоит, и написал Гитлеру предсмертное письмо, в котором говорилось: «Я прощаюсь с вами, мой фюрер, как один из тех, кто, как вы, вероятно, заметили, был близок вам, сознавая, что выполнял свой долг до последнего»⁸³. Так Клюге в преддверии смерти все еще восхвалял своего фюрера, пойти против которого он так и не решился. 19 августа 1944 г. Клюге принял яд.

Многие из арестованных подверглись жестоким истязаниям. Гестаповцы добивались нужных показаний, избивая подсудимых, вгоняя им иголки под ногти и при помощи других изощренных пыток.

Чтобы избежать необходимости предать офицеров военному суду и получить возможность отдать их на расправу так называемому «народному трибуналу» под председательством известного своей кровожадностью Фрайслера, Гитлер предварительно созвал «суд чести». Этот суд, изгнавший офицеров — участников заговора из армии, заседал в следующем составе: председатель — фельдмаршал фон Рундштедт, члены — фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Гудериан, генералы Шрот, Шпетх, Крибель, Бургдорф и Майзель.

Первый процесс, о котором сообщалось в печати, состоялся 7—8 августа 1944 г. Восемь обвиняемых — фон Вицлебен, Гёпнер, Штифф, фон Хазе, Бернардис,

Клаузинг, фон Хаген, Йорк фон Вартенбург — были приговорены к смертной казни через повешение.

Сообщалось еще и о втором процессе. Он проходил 7—8 сентября и также закончился смертным приговором всем подсудимым: Гёрделеру, Лейшнеру, фон Хасселю, Вирмеру и Лежен-Юнгу. Гёрделер, скрывавшийся в течение нескольких недель, был схвачен гестапо по доносу одной штабной секретарши в Западной Пруссии. Об остальных процессах население ничего не узнало или же узнало весьма мало. Большинство обвиняемых были приговорены к смерти и казнены. Многие без всякого приговора убиты в каторжных тюрьмах и концлагерях. Последние казни продолжались еще в апреле 1945 г. Если первое время о приведении приговора в исполнение сообщалось, то впоследствии это делать перестали.

Для смертного приговора достаточно было даже того, чтобы обвиняемый всего лишь знал о существовании заговора. Так был казнен полковник Майхснер, хотя он и отказался осуществить покушение на Гитлера. Даже генерал Фромм, в значительной мере способствовавший провалу путча, тоже был казнен за трусость.

Приговорен к смертной казни был и Теодор Штельцер. Но норвежские друзья устроили вмешательство в его дело медицинского советника финна Керстена. Керстен был массажистом Гиммлера и имел на него большое влияние. Заступничество его оказалось успешным и привело к отмене приведения приговора в исполнение. Гиммлер будто бы даже распорядился освободить Штельцера, бросив при этом реплику: «Все равно потом мы их всех повесим!»⁸⁴

Иными были причины, по которым было решено избавить Хойзингера, Шпейделя и Герстенмайера от той участи, которая была уготована другим участникам или сообщникам. Адольфа Хойзингера арестовали 23 июля, но суду не предали, хотя следствие документально доказало, что он знал о приготовлениях к покушению в 1943 г. Во время своего двухмесячного тюремного заключения он составил «памятную записку» о причинах и предыстории заговора. По собственным словам Хойзингера, Гитлер сказал ему: «Мне

было очень жаль, что и вас тоже втянули в следствие... Я проштудировал вашу памятную записку, написанную в заключении. И я благодарю вас за нее»⁸⁵. В 1959 г. «Содружество бывших офицеров» в Берлине создало комиссию (в составе генерал-лейтенанта в отставке Иоганнеса Цукерторта, генерал-майора в отставке Мартина Латтмана, генерал-майора в отставке Арно фон Ленски и д-ра Макса Хуммельтенберга) по расследованию роли Хойзингера в связи с 20 июля 1944 г. Комиссия пришла к следующим выводам:

«Расследованием с несомненностью установлено, что Хойзингер знал о заговоре и планировании покушения на Гитлера.

Ход событий 20 июля и в последующий период доказал, что правители [фашистского] режима убивали каждого, кто являлся соучастником [заговора] и попал им в руки.

Но соучастник Хойзингер остался жив...

Почему же национал-социалистские правители без зазрения совести казнили других и не тронули его?

Почему они исключили его из числа преданных суду обвиняемых и прятали в государственной тайной полиции до казни его бывших сотоварищей?

Почему его принял Гитлер, дав ему личную аудиенцию?

Почему Гитлер благодарил его за памятную записку?

На все эти вопросы есть только один ответ: Хойзингер выдал мужественных участников заговора 20 июля. Примкнул ли он к заговору по заданию своих хозяев в качестве шпика, выдал ли он заговорщиков палачам своей памятной запиской или же совершил и то и другое — это уже несущественно»⁸⁶.

В то время как Роммеля вынудили покончить самоубийством, с головы его начальника штаба Ганса Шпейделя, который знал о намерениях своего начальника и имел представление о круге заговорщиков в Париже, не упал ни единый волос. Совершенно ясно, что гестапо было удовлетворено его показаниями⁸⁷.

Ойген Герстенмайер был вечером 20 июля арестован в здании на Бендлерштрассе. Между тем как все

непосредственные участники заговора были казнены, он получил всего семь лет каторжной тюрьмы. Как явствует из тогдашних внутренних донесений гестапо, Герстенмайер после своего ареста выдал 17 человек, принадлежавших к кругу заговорщиков. Некоторые из них (Дельп, Штельцер и Хаубах) были арестованы только после его допроса в гестапо, а другие, как Мольтке, ранее, но по другим причинам, а позднее выданы Герстенмайером как участники заговора. Во время процесса по делу Герстенмайера, проходившего в «народном трибунале» под председательством Фрайслера 9—11 января 1945 г., все выдвинутые против него тяжкие обвинения (участие в обсуждении в Крайзауском кружке вместе с группой Гёрделера — Бека в январе 1943 г., все участники которого были казнены, а также присутствие в день 20 июля на Бендлерштрассе) не рассматривались. Объяснение этого примечательного обстоятельства таково: в течение многих лет Герстенмайер служил нацистской системе как внутри Германии, так и за границей в качестве агента возглавлявшегося бригадефюрером СС Вальтером Шелленбергом VI управления Главного управления имперской безопасности. Его секретный агентурный номер был: «Р 38/546». Ныне неопровержимо доказано, что Герстенмайер, ставший позже председателем западногерманского бундестага, отдал в руки палачей многих участников заговора⁸⁸.

Обратимся теперь к вопросу о судьбе друзей и ближайших соратников Штауффенберга, из которых в живых не остался ни один.

Вместе с графом Штауффенбергом, как уже говорилось, еще в ночь с 20 на 21 июля были расстреляны Ольбрихт, Мерц и Хефтен. Хеннинг фон Тресков, как указывалось, покончил жизнь самоубийством 21 июля, а Эдуард Вагнер — 23 июля. 8 августа вместе с другими заговорщиками предстали перед судом Йорк и Штифф. Во время судебного разбирательства они мужественно противостояли палачу Фрайслеру, осыпавшему их ругательствами и пытавшегося выставить их в смешном свете. Прервав тирады Фрайслера, Штифф заявил, что совершил содеянное ради немецкого народа. Фрайслер пришел в бешенство и разразился

бранью и криком. Йорк открыто заявил о своем отрицательном отношении к нацизму и подтвердил, что остается верен своему делу. В своем последнем письме он писал матери:

«Конечно, людям, ослепленным верой, которую я не разделяю, никогда не понять всей глубины душевных страданий, пережитых за последние годы такими людьми, как я. Могу заверить тебя, что поступки мои никогда не определялись ни одной честолюбивой мыслью, ни малейшим желанием власти. Патриотические чувства, тревога за мою Германию, поднявшуюся за два последних тысячелетия, стремление содействовать ее внутреннему и внешнему развитию — только это одно определяло мои действия. И поэтому я прямо гляжу в глаза своим предкам, отцу и братьям. Возможно, придет еще время, когда меня назовут не подонком, а провидцем и патриотом»⁸⁹. Предсмертное письмо жене заканчивалось словами: «Хотели факел жизни мы зажечь, вокруг бушует огненное море, пылает пламя нестерпимо!»⁹⁰

Смертные приговоры приводились в исполнение в каторжной тюрьме Плётцензее сразу же после вынесения. О том, как происходила казнь, сохранилось свидетельство одного кинооператора, который по приказу Гитлера снимал ее:

«Помещение для казни имело метра четыре в ширину и восемь в длину. Черный занавес разделял его на две части. Слабые лучи света проникали только через два маленьких оконца. Непосредственно перед ними в потолке было укреплено восемь крючьев, на которых и вешали осужденных. Кроме того, в помещении находилось приспособление для обезглавливания. Первым из приговоренных ввели... одного генерала. Предварительно прокурор еще раз зачитал осужденному смертный приговор и добавил: «Осужденный, вы приговорены народным трибуналом к смертной казни через повешение. Палачи, приступайте к исполнению своих обязанностей!» Приговоренный, которого палачи заставили идти побыстрее, прошел с высоко поднятой головой в конец помещения. Дойдя до стены, он должен был повернуться лицом к палачам. На шею ему надели петлю из пеньковой

веревки. Для этого палачи немного приподняли осужденного и закрепили верхний узел петли на крюке в потолке. Затем они резко отпустили его тело, и он с большой силой дернулся вниз. Петля сразу же крепко затянулась вокруг его шеи. По моему мнению, смерть наступила очень быстро. После произведенной казни первого повешенного скрыли за узкой черной занавеской, чтобы следующий смертник не увидел его. Спустя небольшой промежуток времени ввели второго осужденного, тоже бывшего генерала... Он также прошел свой последний путь, не теряя самообладания. После каждой казни узкая черная занавеска передвигалась таким образом, чтобы каждому последующему смертнику не были видны повешенные до него. Приведение приговоров в исполнение происходило весьма быстро, и осужденные шли на казнь твердо и мужественно, не произнося ни слова мольбы о жизни»⁹¹.

Аналогичным образом были казнены и другие.

10 августа погибли Бертольд Штауффенберг и Фриц-Дитлоф фон дер Шуленбург. Во время процесса Фрайслер называл Шуленбурга «предатель», «подлец Шуленбург». Когда однажды он, случайно оговорившись, сказал «граф Шуленбург», тот перебил его: «Простите, подлец Шуленбург!» В своем последнем слове Шуленбург заявил:

«Мы пошли на это для того, чтобы уберечь Германию от неопишемого горя. Мне ясно, что я буду повешен, но я не раскаиваюсь в своем поступке и надеюсь, что другой, кому повезет больше, доведет дело до конца»⁹². В прощальном письме жене он писал: «Того, что мы сделали, оказалось недостаточно, но в конечном счете история воздаст нам должное и оправдает нас»⁹³.

15 августа погиб Бернхард Кламрот, 26 августа — Тротт цу Зольц, а 8 сентября жертвой фашистских палачей пал граф Шверин фон Шваненфельд. Последние слова Тротта в прощальном письме жене были посвящены отечеству: «Знай, что самую невыносимую боль доставляет мне сознание того, что я уже никогда не смогу отдать на службу нашей стране те особенные способности и тот специальный опыт, которые я развил в себе и почти исключительно на-

правлял на то, чтобы утвердить ее внешнеполитическое положение среди других стран. В этом отношении я действительно мог бы еще помочь и быть полезным»⁹⁴.

О Шверине фон Шваненфельде рассказывает его сын. «В последнее время перед июлем 1944 г. он полностью сознавал, что насильственное устранение национал-социалистского режима уже не сможет отвести от Германии катастрофу. Но он считал: даже неудача докажет, что мы не останавливались ни перед какими жертвами, чтобы избавиться от духовной болезни национал-социализма»⁹⁵. Когда в ночь на 21 июля Шверина фон Шваненфельда в кандалах увозили с Бендлерштрассе, он сказал: «В конце концов не остается ничего другого, кроме как умереть за это»⁹⁶.

Генералу Фрицу Линдемону сначала удалось скрыться и избежать ареста. За его поимку было объявлено вознаграждение в 500 тысяч марок. Сначала он отправился в Дрезден, где с 22 по 26 июля прятался у своего дяди Макса Линдемана. Его поддерживали своей заботой родственник — коммерсант Герман Линдеман, служащий по фамилии Маркс и городской строительный советник в отставке Ганс Зиркс. Последний с 1930 г. принадлежал к СДПГ, а потом был членом Социалистической рабочей партии. Еще до 20 июля 1944 г. в его квартире состоялось совещание социал-демократов с представителем движения «Свободная Германия» Отто Зенгером. Зиркс согласился помочь Линдемону и предложил укрыть его в Берлине на квартире своих знакомых супругов Глэден.

Маркс доставил Линдемана в Берлин. 28—29 июля тот провел в Потсдаме, в квартире на Биркенштрассе, 1. С 29 июля до 3 сентября он жил в Берлине под фамилией Экснер у супругов Глэден, которые сами за недостаточно арийское происхождение подвергались различным репрессиям. Предполагалось с помощью лейтенанта Хорста фон Петерсдорфа из Потсдама (он возглавлял промышленную комиссию в Словакии) перебросить Линдемана в Словакию, где он находился бы в безопасности. Однако Маркс рас-

сказал о Линдемани своему другу инженеру Шефнеру и его жене. 20 августа Шефнер донес на Линдемана полиции в Дрездене. 3 сентября гестаповцы явились на квартиру Глэденов. Линдеман пытался бежать, но был ранен и 29 сентября 1944 г. скончался от этого ранения. Эрих Глэден, д-р Элизабет Глэден, Элизабет Куцницки (мать г-жи Глэден, урожденная баронесса фон Лилиенкрон), Маркс и Зиркс были казнены, Герман Линдеман получил 10 лет каторжной тюрьмы. Макс Линдеман был оправдан, поскольку он, 72-летний старик, показался суду физически слишком дряхлым и душевнобольным⁹⁷.

29 сентября был казнен Вильгельм Лейшнер, а 20 октября — Герман Маас и Адольф Райхвайн. Жертвами кровавого террора пали 27 октября 1944 г. коммунистка Юдит Ауэр и 5 января 1945 г. — Юлиус Лебер. Вместе с ними погибли на эшафоте, под топором палача или были расстреляны и многие другие противники Гитлера.

Графа Мольтке казнили 23 января 1945 г., так как процесс против него и других крайзаусцев состоялся только в январе 1945 г. Он тоже оставался стойким до конца и не скрывал, что отвергает фашизм. Хотя ни в каких практических действиях против нацистского режима его обвинить было нельзя, для смертного приговора оказалось достаточно одного того факта, что он вместе с друзьями обсуждал планы преобразования Германии после устранения Гитлера.

Если большинство друзей и соратников Штауффенберга мужественно держались до своего последнего часа и смело высказывали свое презрение к фашистам прямо в лицо, то некоторые из обвиняемых заговорщиков вели себя по-иному.

Немалое число их раскаивалось перед нацистами в своем участии и выпрашивало себе «искупление» или же «почетную» смерть. Например, Клаузинг и Бернардис заявляли, что потеряли право принадлежать впредь к нацистской «народной общности» и просили о расстреле. Гёпнер, сам называвший себя во время суда «ослом», ходатайствовал о том, чтобы его имущество не подвергали конфискации; некоторые упрашивали суд позволить им «искупить свою

вину» на фронте. И все равно каждый раз Фрайслер с издевкой объявлял смертный приговор.

Приговоренного к смертной казни Гёрделера казнили не сразу: он оказался для нацистов чрезвычайно обильным источником данных. Он составлял памятные записки, называл имена, характеризовал отдельных участников заговора и даже пытался давать нацистам советы. В конце августа Гёрделер написал в своей камере следующие слова:

«Ставя в соответствии со своей верой превыше всего отечество, мы должны достойно воспринять 20 июля как непреложный суд божий. Фюрер был спасен от почти неминуемой смерти. Господь не пожелал, чтобы прочное существование Германии, ради которого я хотел участвовать и участвовал [в заговоре], было куплено ценою крови: он вновь доверил эту задачу фюреру. Таков издревле немецкий взгляд на вещи. А потому каждый немец, выступавший в рядах движения, стремившегося к перевороту, обязан теперь стоять за богом спасенного фюрера, безоговорочно предоставить в его распоряжение также и те средства, которыми собиралось воспользоваться новое правительство; захочет ли он воспользоваться ими, нужны ли они ему, пусть решает он сам»⁹⁸.

Если бы оказалось, что слова эти понадобились Гёрделеру для того, чтобы обмануть нацистов и выйти на свободу, никто не имел бы права морализировать по этому поводу и возмущаться ими, ибо в отношении фашистов мог быть только один нравственный долг — бороться против них, вредить им. Но Гёрделер знал нацистов, он знал Гитлера, Геринга и Гимmlера и знал, что они не выпустят его на свободу. А потому слова его — не что иное, как капитуляция, как заверение в верности Гитлеру и его режиму.

Месть нацистов распространилась и на семьи казненных. Среди арестованных находились 12 женщин в возрасте свыше 70 лет, в том числе и мать братьев Штауффенберг. Почти 50 детей в возрасте от одного года до 15 лет были оторваны от своих родителей и помещены в приюты, контролируемые гестапо. Среди них были дети Гёрделера, фон Хофаккера, фон Штауффенберга и фон Трескова. Впоследствии их должны

были усыновить и удочерить семьи эсэсовцев. Некоторым женам и детям казненных пришлось принять новые фамилии. 13-летнюю Кристу фон Хофаккер отправили в приют в Мюнхен, где поместили в одной комнате с однолеткой Утой фон Тресков. Ничего о судьбе своих родителей, братьев и сестер дети не знали. «У меня отобрали все мои деньги и вещи, — пишет Криста фон Хофаккер, — даже папины и мамины фотографии. Мы не имели права никому говорить наши настоящие фамилии. Я часто думала об отце, как они его мучали и какой он был храбрый, и это придавало мужество и мне»⁹⁹.

Аресту подверглась и семья Штауффенберга. Детям дали фамилию Майстер; сначала их отправили в детский дом в Тюрингии. Жена его должна была отныне именоваться «фрау Шанк». Поскольку она была беременна, ей дали в концлагере специальный паек и разрешили раз в неделю мыться в бане. Случилось так, что именно там она однажды встретила Розу Тельман, которая как раз только что получила известие об убийстве своего мужа в Бухенвальде. Графиня Штауффенберг сообщает, что поговорила с ней по душам и проявила к ней самое горячее участие¹⁰⁰. Младшая дочь графа Штауффенберга родилась в январе 1945 г. во Франкфурте-на-Одере. Арестованные обрели свободу только благодаря наступлению Советской Армии и войск стран антигитлеровской коалиции.

Многие антифашисты и простые люди, которых не затронул непосредственно гестаповский террор, пытались помочь преследуемым.

Уволенный с военной службы в вермахте офицер Рихард Шерингер, в 30-х годах демонстративно вступивший в КПГ, скрывал у себя одного антифашиста, которого гестапо схватило во время крупной волны арестов, но которому удалось затем бежать¹⁰¹. Гаральд Пёльхау использовал свое положение тюремного священника в Плётцензее для того, чтобы скрывать преследуемых и передавать весточки близким. Гертруда Машке сообщает, что Пёльхау постоянно приносил записки ее арестованному мужу и тот даже однажды просил ей сказать, чтобы она не забыла

написать официально дозволенное письмо, дабы не вызывать подозрения у тюремных властей¹⁰².

Генерал Линдеман, как уже говорилось, нашел прибежище у дрезденских антифашистов и у супругов Глэден в Берлине. Спустя несколько дней после 20 июля Эрнст фон Харнак пришел в Берлине к пастору Артуру Раквицу и попросил его о помощи. Раквиц прятал преследуемого антифашиста в своей квартире до 29 сентября, пока гестапо хитростью не захватило Харнака. Один из гестаповцев, выдав себя за племянника-офицера, позвонил жене Харнака и сообщил, что должен предостеречь ее мужа, так как за его поимку объявлено вознаграждение в полмиллиона марок. Жена Харнака, желая предупредить мужа, позвонила пастору Раквицу. Гестапо, прослушивавшее ее телефон, сразу установило местонахождение ее мужа. Харнак и Раквиц были в тот же вечер арестованы. Раквица отправили в концлагерь Дахау, где он просидел до конца войны, а Эрнст фон Харнак погиб¹⁰³.

Вместе с графом Александром Шенком Штауффенбергом была арестована и его жена Мелита, урожденная Шиллер. Она, как и ее муж, не имела к заговору ни малейшего отношения, была летчицей и руководила на аэродроме Гатов (около Берлина) обучением пилотов-ночников пользованию прибором для предотвращения аварий при посадке. После освобождения из предназначенного для членов семьи превентивного заключения она воспользовалась вновь обретенной свободой передвижения для того, чтобы помогать семьям преследуемых и передавать им вести из тюрем. Мелита фон Штауффенберг погибла 8 апреля 1945 г. в воздухе, когда ее невооруженный самолет был обстрелян английским истребителем.

Брошенные в тюрьмы и концлагеря заговорщики встретили солидарность и помощь со стороны «старых» заключенных, в большинстве своем коммунистов. В концлагере Заксенхаузен коммунисты как могли оказали помощь тяжелораненому графу фон Харденбергу и другим узникам. Коммунистический функционер, работавший в прошлом среди крестьян, Фриц Перлиц лежал на соседней с Харденбергом

койке в лазарете Заксенхаузена. В 1931 г. Перлиц принимал участие в организации забастовки в имении Харденберга. Он рассказывает об этом: «Харденберг вызвал полицию и жандармерию. 31 семья осталась без куска хлеба и лишилась жилища; 15 семей отправились в Мюнхеберг, а еще 16 — в Фюрстенвальде. Мы должны были подыскивать им какое-нибудь жилье. Сельскохозяйственные рабочие получили пособие по благотворительности и влились в огромную армию безработных. Эту историю я, естественно, до 1944 г. не забыл. Но тут ко мне пришли мои товарищи и сказали: «Послушай! Мы должны говорить и с графом!» Я ответил: «Делайте как хотите. (Я лежал рядом с графом фон Харденбергом в одном помещении.) А у меня особого желания дискутировать с графом нет. Не могу забыть, как он вел себя во время стачки 1931 года». «Да, но ты же видишь, теперь и он тоже против Гитлера. Он из тех офицеров, что устроили путч 20 июля, и мы должны позаботиться о том, чтобы он прошел вместе с нами хоть часть пути. Ты сам сможешь обсудить с ним этот вопрос, но, если хочешь добиться успеха, не надо только ругаться. Ты же научился в Испании, как надо приобретать союзников по борьбе против фашизма. Вот теперь и примени этот опыт и эти знания. Мы хотим бороться вместе со всеми, кто борется против фашизма». Вместе со всеми — пожалуйста, но граф фон Харденберг как союзник был мне не по вкусу.

Товарищи пододвинули койки поближе, и начались наши беседы. Но прежде всего нам пришлось сделать все возможное, чтобы спасти жизнь графа. Ведь перед тем, как гестапо арестовало его, он пытался лишить себя жизни... Товарищ Вилли Энгель (потом он служил в нашей Национальной народной армии, а сейчас пенсионер) приносил ему еду. Гестапо регулярно увозило его на допросы на Принц-Альбрехтштрассе. Но наши санитары предварительно приводили его в такое состояние, чтобы он был непригоден для допроса и тем самым избавлен от необходимости давать показания под пытками. Мы стали беседовать и постепенно преодолели тяжелые воспоминания — ведь речь шла о добром деле... Затем мы

стали обмениваться информацией и этим дополнять наше представление об обстановке. Разумеется, мы говорили и о том, как должна выглядеть будущая Германия после разгрома фашизма. Но тут мы договориться не могли. Он не мог разделять мои взгляды, так как мечтал о том, что будет создано такое правительство, в котором мы предположительно сможем играть только подчиненную роль. Министерские же посты он нам предоставлять не желал. Он все еще считал, что рабочий класс не в состоянии руководить и править государством. Со временем мы доказали, что способны на это. Но главная цель нашей дискуссии состояла не в том, чтобы договориться по этому вопросу. Для нас была важна совместная борьба против фашизма. Харденберг подтвердил, что он давно понял: гитлеровская диктатура привела наш народ только к беде. Харденберг и его друзья были согласны с нами и в том, что надо создать новую Германию, которая должна выглядеть иначе, чем та Германия, которую хотели оставить после себя фашисты»¹⁰⁴.

Сам граф фон Харденберг так отзывался о солидарности узников-коммунистов: «Мои соседи по койке — коммунисты наставляли меня: «Не волнуйся так, Карл, пусть волнуются другие. Говори как можно меньше о вещах важных и как можно больше — о пустяковых. Не ставь под угрозу друзей. Признавай все, что не грозит смертной казнью. Ведь все равно — получишь ты пожизненную каторгу или полгода тюрьмы, это будет длиться ровно столько, сколько еще просуществует третий рейх. После 12—15 минут допроса делай вид, что больше не можешь дышать, отвечай все медленнее, закрывая глаза»¹⁰⁵.

Резонанс

Весть о попытке свергнуть Гитлера прежде всего вызвала в Национальном комитете «Свободная Германия» всеобщее воодушевление и одобрение. Ведь Национальный комитет с самого начала ставил центральной задачей своей борьбы свержение нацистского строя¹⁰⁶. 9 октября 1943 г. в комментарии радиопередатчика «Свободная Германия» говорилось: «Доста-

точно одной дивизии вермахта во главе с решительным командиром ворваться в ставку Верховного главнокомандования, и с гитлеровской нечистью было бы покончено! Марш одного армейского корпуса на Берлин — и наше отечество освобождено от проклятия, имя которому Гитлер. Совместным выступлением сверху и снизу парализовать промышленность и транспорт всего на три дня — и конец всему горю, всему бедствию этой войны... У всех у нас только одна задача, один долг, и долг этот — Германия!»¹⁰⁷

Поступавшие теперь с родины вести поначалу подтверждали, что там действуют в этом духе. Уже через несколько часов после получения известия о покушении генерал Латтман выступил по радиопередатчику «Свободная Германия». Впоследствии он вспоминал: «Мы были вполне вправе расценивать попытку покушения как подлинно патриотический акт, как сильнейший удар по гитлеризму, по войне... Штауффенберг и офицеры — его сотоварищи по заговору — тем самым сразу стали в наши ряды»¹⁰⁸.

Национальный комитет солидаризировался с борющимися противниками Гитлера в самой Германии и попытался мобилизовать трудящиеся массы, солдат, офицеров и генералов на продолжение борьбы. 21 июля 1944 г. Антон Аккерман говорил по радиостанции «Свободная Германия»: «Эти люди действовали, руководствуясь сознанием того, что каждый лишний день пребывания национал-социалистского государственного руководства у руля власти губелен для народа и отечества, что Гитлера необходимо свергнуть, свергнуть безотлагательно, и для этой цели любые средства хороши. Мы не знаем, кто были все эти люди, начавшие действовать против Гитлера. Но мы и не спрашиваем об этом. Тот, кто борется против Гитлера, кто хочет свергнуть этого злейшего врага нации, тому обеспечена поддержка всех честных немцев, всех генералов, офицеров и солдат, поддержка всего народа. И к этому мы в первую очередь и призываем участников движения «Свободная Германия», трудовой немецкий народ»¹⁰⁹.

Антон Аккерман специально обратился к генералам и предупредил их об опасности нового 30 июня

1934 г. *: «Бездеятельно взирать теперь на неистовство гитлеровских банд значило бы принести в жертву самих себя и обресть на гибель отечество. Только открытая борьба может привести к изменениям... Вы, генералы вермахта, знаете: офицеры и солдаты вермахта — решающая сила. В их руках оружие. Вопреки их решительной воле гитлеровский режим не смог бы больше продержаться у власти ни единого дня» ¹¹⁰.

23 июля 1944 г. газета «Фрайес Дойчланд» опубликовала воззвание НКСГ к немецкому народу и вермахту. Указывая на позицию тех генералов и офицеров, которые прекратили бесперспективную борьбу на Восточном фронте и примкнули к движению «Свободная Германия», воззвание провозглашало:

«Теперь и в самой Германии те генералы, которые сознают свою ответственность, поднимаются на свержение Гитлера.

Сигнал дан: в этом акте впервые выразилось возмущение народа давно проигранной войной. Теперь надо поднять народ на штурм. Все оружие вермахта, все силы страны — на выступление против Гитлера и его сообщников, за спасение нации!

Гитлер поручил палачу Гиммлеру уничтожить этих предвестников борьбы за освобождение Германии от гитлеризма. Это насилие можно сломить только силой *объединившегося* народа. Народ не вправе бросить на произвол судьбы тех, кто поднялся на борьбу против Гитлера.

Каждый удар по гитлеровскому строю, кто бы его ни нанес, — это удар по смертельному врагу нашей нации.

Каждый акт, направленный против Гитлера и его подручных, — это подлинно патриотический акт».

Воззвание призывало народ и вермахт к отказу от повиновения Гитлеру и Гиммлеру, поскольку их гос-

* Имеется в виду известная под названием «Ночь длинных ножей» кровавая расправа Гитлера со своими бывшими сообщниками — главарями штурмовиков, объективно выражавшими оппозиционные мелкобуржуазные настроения, осуществленная в интересах германского монополистического капитала и реакционной военщины.

подство означает для Германии хаос и полное истощение жизненных сил.

«Теперь наш народ должен доказать, что он не желает иметь с Гитлером и его преступлениями ничего общего.

Началась открытая борьба. Сердце каждого честного немца — с теми, кто решился на нее. Не оставляйте их в беде.

Генералы, офицеры, солдаты на фронте! Прекратите военные действия и поверните оружие против Гитлера!

Рабочие, служащие, предприниматели военной промышленности! Парализуйте военное производство!

Немцы на фронте и в тылу! Создавайте великое единство в освободительной борьбе против Гитлера. Укрепляйте подпольные группы в вермахте и народные комитеты! Слушайтесь приказов тех, кто ведет вас против Гитлера!

Вместе с вами — к победе над Гитлером!

Вместе с вами — к свободе и миру!»¹¹¹

Воззвание подписали председатель Национального комитета «Свободная Германия» Эрих Вайнерт, вице-председатели генерал фон Зейдлиц, генерал-лейтенант Эдлер фон Даниэльс, майор Хетц, лейтенант граф фон Айнзидель, солдат Эмендёрфер.

В передовой статье «Обратить оружие против Гитлера», опубликованной в газете «Фрайес Дойчланд», Вальтер Ульбрихт вновь писал о необходимости совместных действий всех противников Гитлера: «Больше всего на свете Гитлер боится боевого единства народа. В своем отчаянном положении Гитлер попытается натравить на поднявшихся против него генералов и офицеров трудовой народ. Для антифашиста было бы непростительно из-за недоверия к генералам пассивно стоять в стороне. Мы знаем, что многие военнослужащие вермахта и многие люди в тылу прежде находились на ложном пути. Но гитлеровские безумства открыли глаза многим, и ныне они идут вместе с нами по новому пути, — по пути борьбы против Гитлера, за Германию. Так будем же судить о людях по их сегодняшним делам, направленным против Гитлера.

Солидарность со всеми противниками Гитлера — таков высший закон наших действий»¹¹².

Тем самым КПГ последовательно продолжала намеченную VII конгрессом Коминтерна и ее Брюссельской конференцией, осуществленную созданием НКСГ линию на сплочение для совместной борьбы всех противников гитлеровского режима из всех классов и слоев народа. Поэтому впоследствии Вальтер Ульбрихт мог с полным правом сказать, что партия «осуществила идеи Народного фронта», но «движение приняло более широкий размах, чем это можно было предвидеть на VII конгрессе Коминтерна. Мы создали более широкий союз между рабочим классом, крестьянами, интеллигенцией, а также буржуазными кругами, принадлежавшими к числу противников Гитлера»¹¹³.

Наряду с Вальтером Ульбрихтом, Антоном Аккерманом и Мартином Латтманом свое отношение к 20 июля высказали, призвав народ и вермахт к активным действиям, и другие руководители движения «Свободная Германия»: обер-лейтенант Фриц Рюккер, подполковник барон Зенффт фон Пильзах, генерал-лейтенант Александр Эдлер фон Даниэльс, генерал-лейтенант Эдмунд Хофмайстер, солдат Макс Эмендёрфер, генерал-майор д-р Отто Корфес, солдат Гейнц Кесслер и фельдфебель Герберт Штрезов.

20 июля доказало, сколь необходимой и правильной была предшествовавшая борьба НКСГ. Вместе с тем следовало не допускать возникновения иллюзорных представлений о характере заговора. Дифференциация внутри самого заговора, мотивы действий отдельных его участников, а также размах движения в первые дни не осознавались в полной мере солдатами и офицерами в НКСГ и почти не были им известны. Хотя коммунисты — члены НКСГ — тоже не располагали более обширной фактической информацией, они вскоре же указали на то, что акт 20 июля порождался не только патриотическими мотивами, а за ним стояли и те силы, которые в устранении Гитлера видели предпосылку сохранения в Германии империалистско-милитаристского строя. По этому вопросу в НКСГ шли дискуссии, в процессе которых офицеры осознали, насколько правильно поступала КПГ, под-

ходя к оценке заговора дифференцированно¹¹⁴. О понимании характера заговора 20 июля свидетельствуют слова генерала Винценца Мюллера (как уже указывалось, 8 июля 1944 г. капитулировавшего под Минском с остатками окруженной 4-й армии) на 12-м пленуме Национального комитета «Свободная Германия»:

«...Неорганизованное, разобщенное и безоружное население бессильно. Только вермахт в состоянии начать открытую борьбу против нацизма. Иначе это завершат войска противника без нашей помощи. Восстание генералов 20 июля, предвидевших военную катастрофу, окончилось неудачей. В распоряжении генералов не было достаточно сильных, надежных воинских частей. Заговорщики не опирались на организованную силу и поддержку широких слоев народа, сочувствующих им.

Только единый фронт всех немцев, настроенных против гитлеровского режима, от консерваторов до коммунистов, всех противников нацистского режима независимо от социального положения и религиозных убеждений, только новое германское государство, созданное на демократической основе, только подлинно миролюбивая политика могут преодолеть последствия гитлеровского банкротства и повести Германию к лучшему будущему. К процветанию и благосостоянию наш народ может прийти, лишь став на путь искреннего сотрудничества со всеми народами и прежде всего опираясь на тесную дружбу с Советским Союзом. У нас остаются буквально считанные минуты! Если мы сами не свергнем гитлеровский режим и не покончим таким образом с бессмысленной войной, война пройдет по территории Германии, сея смерть и разрушения»¹¹⁵.

16 августа 1944 г. Антон Аккерман, кандидат в члены Политбюро ЦК КПГ и член НКСГ, сделал в Национальном комитете доклад «Уроки 20 июля 1944 г.». Аккерман подверг анализу закулисные причины акта 20 июля, оценил его значение и показал взаимосвязь между заговором и дальнейшей деятельностью Национального комитета¹¹⁶.

Докладчик заявил: хотя наибольшее внимание привлекает само покушение, суть дела заключается не в нем. Покушение являлось, как указывается в тези-

сах доклада Аккермана, «частью общего плана, означавшего гораздо большее, чем устранение личности Гитлера». Аккерман проанализировал все имевшиеся источники информации, особенно речи Гитлера, Геринга, Дёница и Геббельса, а также официальные заявления, и сделал отсюда вывод об относительно широком офицерском заговоре, имевшем, однако, весьма незначительную связь с народными массами.

«1. Давно созданная организация.

Официально — с 1943 г.

Часть связей опре[деленно] более ранняя.

2. Широко разветвленная организация.

Ведущий генералитет в тылу (иметь в виду раскол).

Высшее чиновничество.

Некоторые нацистские вельможи.

Несомненно: руководящие хозяйственные круги.

Глава [заговора]: не искать исключительно среди расстрелянных.

3. Государственный заговор.

Открытая борьба крайними средствами.

4. Политические цели ¹¹⁷.

5. Методы: бомба — в данном случае.

Хитрость.

Стремление избежать широкой вооруженной борьбы.

Отсутствие призыва к народу.

Отсутствие призыва к армии на фронте.

Следовательно: *Свержение Гитлера и прекращение осознанной как проигранная войны без потрясения фронта и народного волнения.*

Итак: «дворцовая революция».

Бескровный государственный переворот — при опоре на ключевые позиции в генеральном штабе и сухопутных войсках.

Освободиться от присяги — изобличить [Гитлера].

Удерживать фронт. Переговоры.

Добровольно очистить [оккупированные территории]. Спасти что еще можно.

Программа — коротко: «Вывести Германию из 2-й мировой войны так же, как из 1-й».

Антон Аккерман оценил 20 июля как «следствие и выражение кризиса гитлеровского режима».

Само собой разумеется, находившимся в Советском Союзе руководителям Компартии Германии еще не были известны все обстоятельства заговора и все его участники. Высокое уважение, которое КПГ высказала по отношению ко всем тем, кто отдал свою жизнь в борьбе против Гитлера, явствует из следующих замечаний Антона Аккермана:

«Решающий вопрос жизни и смерти: свержение Гитлера и мир.

Жизнь нации — любые средства [спасения] хороши.

Великий патриотический акт.

Шляпу долой! Смелые люди.

Повешенные — борцы за спасение народа и отечества.

Наша позиция:

Уже сказано, какой акт, как его оценивать.

Не только [выражать] симпатию.

Безоговорочно поддержать.

Не спрашивать...

Особенно: ясная позиция в 1-ю минуту.

Без колебаний.

Радиостанция [«Свободная Германия»] первой высказала политическое отношение.

Воззвание — призыв. Утром. 21-го, воздействие — позитивное.

Оценка:

1. Начата открытая борьба. Внутренний фронт.
2. Фронт наيشирокий.
3. Начался самым быстрым темпом крупный отход [от нацизма].
4. Народу ясно показано:
Война проиграна.
Гитлер должен пасть.
5. Гитлера можно свергнуть»¹¹⁸.

Антон Аккерман видел в «ограниченности» заговора, в присущем ему характере «дворцовой революции»

причину его провала. Он сравнивал заговорщиков с военачальниками, которые предприняли «наступление на сильно укрепленную вражескую линию обороны без огневой подготовки» и поставили успех всей операции в зависимость от момента внезапности. «Переводя на язык политики:

1. Упорная, повседневная подготовительная борьба = предпосылка победы.

Партизанская война.

Единичные акции.

Самостоятельное решение действовать.

Самостоятельные действия.

Иллюзия: свергнуть Гитлера, но до того — не ослаблять!

2. Призыв к народу и вермахту — предпосылка успеха.

Тоталитарное государство.

Массовая база (особенность).

«Действующие генералы были бы ославлены как реакция».

Как избежать?

Неудача — не вопрос тактики восстания.

Как в Италии не получится.

1. Италия — в целом положение более легкое, чем в Германии.

Она могла отколоться, выйти.

Германия сама является крепостью.

2. НСДАП и фаш[истская] партия (заседание мертвого фашистского совета) [в Италии].

3. Государство».

Антон Аккерман указал на точки соприкосновения, имевшиеся между заговором 20 июля и НКСГ, и подчеркнул, что деятельность Национального комитета «Свободная Германия» оказала на формирование оппозиции внутри Германии большое идейное влияние. «Мы открыли дверь.

Первый генерал, восставший против Гитлера, не фельдмаршал Лютцов (подразумевался Вицлебен. — К. Ф.), а генерал фон Зейдлиц.

А. Исторически оправдан актом 20 июля!

Б. Политический путь [НКСГ] оправдан неудачей [заговора].

Жертвы без победы — сильнейшее оправдание нашего пути».

Действительно, 20 июля лишь еще раз подтвердило необходимость и правильность создания НКСГ и его борьбы. В заключение своего доклада Антон Аккерман вновь обратился к солдатам и офицерам:

«Мы как коммунисты — со всеми, кто хочет спасти Германию. Мы взаимно нужны друг другу как немцы. Да, вы нужны нам!

А вы нуждаетесь в нас. Не для того, чтобы перехитрить друг друга, 20 июля доказало это.

Мы — не только берущие.

. . .

Если позиция офицерского корпуса не приведет его к полной изоляции от народа, то это прежде всего заслуга нашего движения.

Зависит от самих офицеров и генералов».

Этим глубоким и верным анализом, сделанным несмотря на недостаточность информации, КПГ вооружала своих членов и работников ясной перспективой. Речь шла о том, чтобы проводить политику без иллюзий, а с другой стороны, использовать все возможности расширения базы немецкого движения Сопротивления фашизму.

Затем Антон Аккерман написал статью о 20 июля для теоретического органа ЦК ВКП(б) журнала «Большевик». Обрисовав развитие оппозиции в нацистском вермахте и ее причины, он — со всеми необходимыми оговорками — охарактеризовал 20 июля как тот удар по гитлеровскому режиму, который помогает ускорить окончательное освобождение народов от фашизма. В это же самое время Черчилль, выступая в палате общин, ограничился лишь констатацией, что «в германском рейхе высшие представители режима убивают или намереваются убить друг друга, между тем как обреченная на гибель, все более сокращающаяся сфера их власти с каждым днем становится все уже и уже в результате наступления несущих месть армий союзников»¹¹⁹.

«Нью-Йорк таймс» 9 августа 1944 г. охарактеризовала как «атмосферу жестокого гангстерского дна»

не нацистскую систему, а заговор¹²⁰. «Нью-Йорк геральд трибюн» писала в тот же день: «В общем и целом американцы не будут сожалеть о том, что бомба пощадила Гитлера: зато он ликвидировал своих генералов... Пусть генералы убивают ефрейторов или наоборот, а лучше всего — пусть делают и то и другое»¹²¹.

Какой резонанс вызвал поступок Штауффенберга в самой Германии? Были ли он и его друзья одиночками, о чем, казалось бы, свидетельствовал быстрый провал заговора? Или же поступок Штауффенберга явился выражением той надежды, которая тлела у большинства народа?

Фактом остается то, что руководители нацистского вермахта старались превзойти друг друга в выражении своей преданности Гитлеру. Воззвание НКСГ с призывом действовать не произвело на них никакого впечатления. Они по-прежнему призывали «держаться до последнего» и несли главную вину за те оргии уничтожения и за те кровопролития, которые происходили в последующие месяцы.

Гросс-адмирал Дёниц уже вечером 23 июля отдал приказ по военно-морскому флоту, в котором выражал «священный гнев против всех наших преступных врагов и их сообщников». «В чудодейственном спасении нашего фюрера,— заявлял он,— мы видим новое подтверждение правоты нашего дела. Сплотимся же еще теснее, чем прежде, вокруг нашего фюрера и будем из всех сил сражаться до самой победы»¹²².

Генерал-полковник Гудериан в приказе от 20 июля заявил, что заговорщики — это ничтожная группа офицеров, совершившая позорное преступление из трусости и малодушия. Гудериан заверял фюрера в верности и преданности офицерского корпуса и солдат сухопутных войск¹²³.

Генерал-фельдмаршал Модель, преемник Клюге на посту главнокомандующего на Западе, направил Гитлеру верноподданнический адрес. Он назначил в группу армий «Б», которой прежде командовал Роммель, нацистского комиссара и потребовал себе в качестве адъютанта офицера СС¹²⁴.

Смещенный Гитлером генерал-фельдмаршал фон Браухич в своем заявлении осудил путч и приветствовал назначение Гиммлера командующим армией резерва.

Гросс-адмирал Редер заверил Гитлера в своей преданности во время личной аудиенции. Он даже сделал разнос офицеру службы безопасности СС за то, что тот спустя два дня после покушения позволил ему завтракать наедине с Гитлером, имея в кармане заряженный пистолет¹²⁵.

24 июля нацистское приветствие «хайль Гитлер!» с вытянутой рукой было введено во всем вермахте вместо отдания чести по прежней форме.

В ставке фюрера росла кипа телеграмм с выражением верноподданнических чувств и преклонения генералов и высших офицеров. О том, как это делалось высшим офицерством, рассказывает писатель Франц Фюман, служивший тогда обер-ефрейтором 20-го полка войск связи ВВС в Афинах. Фюман сидел у телеграфного аппарата и передавал в Берлин оперативные сводки, как вдруг в служебном помещении началась какая-то суeta и дежурный офицер принес пачку верноподданнических телеграмм, от начала до конца выдержанных в «омерзительно подобоострастном тоне». Так как обер-ефрейтор не стал передавать эти телеграммы вне очереди, волнение усилилось и в помещение набежали адъютанты. Наконец один из офицеров чином повыше приказал передавать их немедленно, как имеющие наивысшую степень срочности. «Все мы (мы — это серая скотинка) были возмущены: во-первых, конечно, потому, что на нас навалили дополнительно огромную гору работы, а кроме того (причем вполне искренне), потому, что не понимали, зачем это генералам вдруг вздумалось заверять фюрера в своей преданности: мы считали ее само собою разумеющейся. После смены об этом было много оживленных споров. Затем из ставки фюрера поступило несколько телеграмм высшей степени срочности. В них предписывалось немедленно сообщить фамилии всех тех командиров, которые имеют родственников или деловые связи за границей, бывших членов масонских лож или же отпрысков особенно известных

аристократических родов... Затем эти списки были переданы по телеграфу. Нам бросилась в глаза определенная взаимозависимость между длиной и раболепностью верноподданнической телеграммы, с одной стороны, и знатностью фамилии ее отправителя — с другой»¹²⁶.

Весть о покушении на Гитлера, о котором большинство населения узнало лишь из передач нацистского радио, не вызвала никаких акций сопротивления. Ведь народ даже и не знал, что одновременно с покушением предпринималась попытка государственного переворота.

Как повел бы себя офицерский корпус в случае удачи заговора?

Бывший генерал артиллерии Иоганнес Цукерторт высказался на этот счет так: «Я ни малейшим образом не был посвящен [в заговор]; генерал Ольбрихт, с которым меня в особенности связывала дружба, не установил со мной никакого контакта, хотя не мог не знать о моих оппозиционных политических взглядах. Сделай он это, я, по всей вероятности, оказался бы на стороне заговорщиков»¹²⁷.

Для Рихарда Шерингера известие о заговоре не оказалось неожиданным, ибо, как он заявил, «мы всегда надеялись, что армия предпримет некую акцию. Но почему мы ничего не знали о ней? Почему наш прежний полковой командир Бек не проинформировал нас об этом? Почему они ограничились генеральским заговором?»¹²⁸ Тогдашний военный комендант Инсбрука генерал-лейтенант Мориц фон Фабер дю Фор пишет, что хотя сам он не имел к 20 июля никакого отношения, однако «симпатизировал Беку и Штюльпнагелю гораздо больше, чем Рундштедту и Кейтелю, а также изобличенным и трясущимся от страха Клюге и Роммелю»¹²⁹.

22 июля 1944 г. 17 взятых в плен советскими войсками генералов разгромленной группы армий «Центр» подписали обращение, призывавшее их коллег порвать с гитлеровским режимом и сдаться Советской Армии. 20 июля оказало на их решение определенное воздействие, ибо в обращении говорилось: «Последние сообщения по радио о покушении на Адольфа Гитлера доказывают, что военный кризис

уже перерос в политический и что в Германии есть силы, которые способны и хотят в этой обстановке отстранить Гитлера от руководства»¹³⁰. Генерал-лейтенант Гофмайстер, присоединившийся 24 июля к этому обращению, писал: «Я искренне сожалею о том, что нахожусь в плену и не могу лично принять участие в начавшейся сейчас в Германии борьбе против Гитлера и его СС»¹³¹.

Таким образом, мы можем полагать, что небольшая часть офицерства была бы вполне готова пойти на активное участие в перевороте. Другая же часть, очевидно, сначала бы выжидала, а затем решилась бы встать на почву новых реальностей. Однако и эти офицеры видели своего врага лишь в самом Гитлере и его палатинах, в крайнем случае также и в СС. Они еще были весьма далеки от понимания более глубокой взаимосвязи явлений.

Какой был отклик на покушение среди простых солдат и гражданского населения?

Дать ответ на этот вопрос сегодня, спустя 30 лет, очень трудно. Точно определить, какие взгляды и настроения фактически преобладали тогда в народе, сейчас уже едва ли возможно. Однако на основе изучения современной литературы по данному вопросу, а также многочисленных опросов, проведенных автором книги, можно сделать некоторые предварительные выводы. Обобщение же этих высказываний может быть предпринято лишь со всей осторожностью.

Реакцию на 20 июля следует рассматривать во взаимосвязи с той депрессией, которая летом 1944 г. охватила широкие круги народа, включая и солдат, ввиду катастрофического военного положения и тяжелых условий жизни. Надо учесть и усиливавшийся в последний год войны страх населения перед местью и возмездием победителей за гнусные деяния нацистского режима. Об этих злодеяниях в народе было известно достаточно много для того, чтобы предположить, что произошло бы с Германией и с каждым немцем в отдельности, если бы победители начали действовать по заповеди: «Око за око, зуб за зуб». А многие немцы всерьез считали, что именно так и будет — как раз в этом отношении значительная часть народа

верила нацистской пропаганде даже тогда, когда уже давно стала осознавать ее лживость.

Показательными и во многом типичными для тогдашней ситуации кажутся нам дневниковые записи ефрейтора 52-й пехотной дивизии Германа Райха (по профессии наборщика). 16 декабря 1943 г. (он находился тогда после выписки из госпиталя в Зигене) Райх писал в своем дневнике: «Поскольку положение об освобождении от военной службы единственного и последнего сына в семье 15 сентября 1943 г. отменили, мне остается лишь надеяться, что вскоре получу ранение, дающее мне право вернуться на родину... Отмена этого постановления больше чем что-либо иное говорит о слабости. Если отмену брони для рабочих кондитерской промышленности и тому подобные мероприятия можно понять, не делая отсюда вывода о слишком больших трудностях, то отмена данного постановления — признак, *внушающий опасения*. Он по меньшей мере рождает сомнения насчет исхода войны. Но если исход войны не будет отвечать прежним представлениям, *vae victis!** А мне кажется, я уже могу предвидеть этот конец»¹³².

После нового ранения Герман Райх писал 24 июня 1944 г.: «Предстоящие огромные события, как обычно, становятся заметны лишь по выдаче дополнительного пайка. Сегодня выдали вино и продовольственные наборы для фронтовиков, в них даже есть шоколад, конфеты, сигареты и кекс. Все это довольно горько на вкус, так как не можешь избавиться от мысли, что это просто-напросто успокоительные пилюли... Поскольку раны мои почти зажили, пройдет немного времени, и я снова стану годным к строевой... И снова — на фронт. Но куда? За новым ранением? В плен? Или — в вечное забвение?»

Вновь раненный, он записывал в Минске 28 июня 1944 г.: «Отступление было совершенно неорганизованным. Колонны загромаждали друг другу дорогу. Для русских летчиков это было хорошей поживой. Итак, мы вернулись к реке, почти к нашим исходным позициям... Таким образом, открытой оставалась лишь

* Горе побежденным! (лат.)

еще одна дорога. Прежде чем мы решились выступить, появились русские штурмовики и обстреляли нас бортовым оружием... Теперь нам предстояло снова шагать через партизанский район. Но так как образовалась крупная колонна, это было безопасно. Однако партизаны разрушили все мосты... Сегодня «иваны» снова загнали нас в укрытие и атаковали довольно сильно. Партизаны в окрестностях Минска тоже весьма мобильны... Поэтому вчера вечером мы находились в боевой готовности № 2. Это значит, что можно лежать на койке только в полном снаряжении... Тем временем поступление раненых все усиливается и усиливается. Места для всех уже не хватает, а потоку их конца не видно».

5 июля 1944 г. Райх лежал в госпитале в Браунлаге (Гарц) и писал: «Мне так не хватает сейчас какого-нибудь ранения или заболевания, на лечение которого потребовались бы месяцы. К сожалению, ранение мое почти излечено и в ближайшие дни мне надо отсюда выметаться. Но, может, все-таки дадут отпуск».

В одной из бесед с автором книги Райх сообщил, что солдаты приветствовали покушение на Гитлера и сожалели о неудаче. Он сам был бы готов поддержать новое правительство. Некоторые его товарищи тоже думали так¹³³.

Большинство опрошенных нами¹³⁴ высказались в аналогичном духе. Таким образом, можно прийти к выводу: господствующей являлась всеобщая пассивность. Однако многие поддерживали бы новое правительство, если бы оно немедленно заключило мир.

В известном смысле типичными для реакции на покушение и для царившего настроения являются следующие высказывания.

19-летний в то время ефрейтор Отто Ляйзеринг (профессия — наборщик), лежавший в госпитале в Тулузе, пишет: «Покушение совпало по времени с открытием второго фронта англо-американцами. Мы находились тогда под впечатлением обоих событий. Знаю только, что боевые действия во Франции нас интересовали больше, поскольку непосредственно нас касались... Сам я не был ни нацистом, ни антифашистом;

мною владела только одна-единственная мысль: спасти свою шкуру. Среди нас, солдат, уже узнавших на Восточном фронте боевой дух Советской Армии, общая атмосфера была такая: «с нас хватит по горло». Мне хотелось, чтобы война кончилась как можно скорее... Вероятно, я и многие мои тогдашние товарищи поддерживали бы новое правительство, лишь бы оно кончило войну... Среди простых солдат к этому времени насчитывалось уже мало фанатичных сторонников Гитлера. Конечно, в других частях могло быть по-другому. Фронтовой опыт, на мой взгляд, здорово просвещал солдат».

20-летний в ту пору ефрейтор С. из маршевого батальона в Тёплиц-Шёнау (Чехия) сообщает, что в его части объявили тревогу, усилили караулы и забаррикадировали казарму. Он и его друзья приветствовали покушение и поддерживали бы всякое ненацистское правительство. Их мыслью было: «Что сделают с нами чехи? Нам нужно оружие, а затем — двигай домой»¹³⁵

27-летний унтер-офицер Вальтер Л. (профессия — прецизионный механик) из III школы связи ВВС в Кокинге (Бавария) заявляет: «Никакого активного движения Сопротивления мы в вермахте не чувствовали. Мы не были ни возмущены, ни напуганы... О том, что есть люди, способные и желающие создать новое правительство, мы ничего не знали... Мы были знакомы друг с другом в этой части сравнительно короткое время. Говорить открыто я не мог ни с кем. Неприятно подействовало на нас введение гитлеровского приветствия».

Бывший обер-фельдфебель авиации Герхард Упателъ из комендатуры аэродромного обслуживания около Осло сообщает: «На следующий день [после покушения] я встретился с одним приятелем, с которым несколько лет назад познакомился на авиабазе за Полярным кругом. В это время он служил в части службы связи ВВС, состоявшей почти из одних австрийцев; в ней очень чувствовались антигитлеровские настроения. Мы пожалели, что покушение не удалось. Мы даже сами испугались, когда сказали друг другу свое искреннее мнение — ведь это было небезопасно. Больше почти никто из нас о покушении не

говорил. А если кто-нибудь выражал свое возмущение (мне вспоминается один такой случай), все остальные с ничего не выражающими лицами заводили речь о чем-нибудь другом. Введение так называемого «германского приветствия» мы восприняли как курьез и отдавали его довольно небрежно. У меня перед глазами до сих пор стоит один старый майор запаса, который и через несколько дней все еще отдавал честь по-военному»¹³⁶.

Имеются свидетельства и о решительно отрицательном отношении солдат к событиям 20 июля.

19-летний ефрейтор Ф. (учащийся), служивший в 49-й пехотной дивизии, занимавшей опорный пункт на побережье Ла-Манша, заявил, что отнесся к покушению с отвращением и считал заговорщиков предателями. «Новое правительство получило бы поддержку только против воли населения. Будучи изолированными в опорном пункте на побережье канала, солдаты реагировали на покушение враждебно».

Аналогичным образом высказался и 23-летний фельдфебель, командир взвода транспортировки зенитных орудий М. (без профессии). Он тоже был против переворота, видел в покушавшихся на Гитлера изменников и «воспринял все так, как ему бы преподнесли. Товарищи реагировали так же».

Явно выраженное одобрение покушения наблюдалось только там, где солдаты и гражданское население находились под влиянием антифашистов.

Бывший санитар Герман Кох из 744-й санитарной роты в Польше, являвшийся участником движения Сопротивления и членом КПГ, сообщает:

«Первой же моей мыслью было: значит, среди офицеров есть такие, кто не согласен с Гитлером. Нам сразу стало ясно: фашистская армия разбита. Я придерживался взгляда, что офицеры были намерены покончить с войной. Однако я знал и то, что этот заговор против Гитлера не имел массовой базы, иначе было бы больше слышно о нем да и о других акциях в самой Германии. С другими солдатами об этих проблемах говорить было нельзя.

В последующие дни мнения разделились. Более пожилые солдаты считали, что самое время положить

конец этому свинству, а те, кто помоложе (они были из Баварии), все-таки еще хотели победного конца войны... В нашей роте гитлеровское приветствие прививалось очень медленно. Тайно продолжали отдавать честь по-солдатски. Теперь стало известно о многих казнях. Некоторые солдаты дезертировали, но на сторону противника не перебежали! По-моему, все это было реакцией на покушение... Наш командир роты (врач) в своих высказываниях был очень осторожен. Он строго следил за тем, чтобы в том населенном пункте, где мы стояли, не было никаких эксцессов... Сам я был за покушение и поддержал бы такое новое правительство, которое закончило бы войну, ибо тем самым оно выступило бы против фашизма»¹³⁷.

С другой стороны, там, где население, особенно молодежь, испытывало на себе постоянное воздействие нацистов, царило почти единодушное отрицательное отношение к покушению. Это в особенности относилось к таким учреждениям, как национал-социалистские воспитательные заведения, курсы учителей, лагеря военной подготовки «Гитлерюгенд» и другие формы допризывной подготовки.

На Восточном фронте известие о покушении и попытке переворота привело к увеличению числа перебежчиков, о чем неоднократно сообщала газета «Фрайес Дойчланд». На участке фронтового уполномоченного НКСГ в районе Люблин — Демблин, например, за 3 дня перешли на сторону Советской Армии 32 группы немецких солдат и офицеров общей численностью 637 человек¹³⁸. В качестве причины своего поступка многие перебежчики ссылались на то, что покушение показало им: даже высшие военные руководители считают войну проигранной, а Гитлера — преступником. Унтер-офицер 58-й пехотной дивизии Генрих Шербер выразил это так: «Покушение никого не удивило бы, если бы оно было совершено революционными кругами. Но то, что к террористическим средствам прибегли немецкие генералы, заставило нас призадуматься. Значит, военное положение Германии стало настолько безнадежным, что даже преданные военные специалисты больше не видят иного выхода.

Не может же быть, чтобы все были неправы, а только один человек прав, даже если он фюрер»¹³⁹.

Унтер-офицер 1067-го пехотного полка Пауль Келлер рассказал фронтовому уполномоченному НКСТ: «Мы занимали позицию на берегу Немана. 26 июля через громкоговорящие радиоустановки слышали с другого берега о покушении на Гитлера. Солдат Пфедферкорн невольно воскликнул: «Слава богу, наконец-то начинается! Как только от него избавятся, сразу войне конец!» Остальные солдаты согласились с ним. На рассвете стало известно, что русские форсируют реку. Мы могли бы отступить, но решили остаться на месте и перейти на сторону Национального комитета»¹⁴⁰.

Таким образом, реакция на поступок Штауффенберга была весьма различной. Однако можно без всякого преувеличения констатировать, что положительный отклик трудящихся масс и простых солдат был относительно велик. Правда, тот факт, что за покушением стоял заговор, населением в целом не осознавался. Если бы в случае своей победы заговорщики приложили усилия к установлению мира, поддержка значительной массы народа была бы им наверняка обеспечена. Но массы не были подготовлены к перевороту, они оказались застигнутыми им врасплох и ввиду быстрого разгрома этой акции остались пассивны.

С другой стороны, анализ положения в Германии показывает, что заговор, даже если бы он удался в одном только Берлине и других важных пунктах, вполне имел шансы на успех. Если бы заговорщики сочли своей первоочередной задачей как можно быстрее захватить радиостанции и типографии, чтобы призвать народ и вермахт к всеобщему восстанию, они смогли бы превратить лозунг мира в пылающий факел с целью парализовать и уничтожить нацистский режим. Как показывают почти все вышеприведенные высказывания, жажда мира была в народе всеобщей. Категорически и полно высказанное решение заключить мир обеспечило бы заговорщикам массовую базу. Тем самым, возможно, было бы компенсировано отсутствие организации. Но в их намерения, как уже

подробно показано, не входило разжечь «в народе пламя бурного одобрения»¹⁴¹.

Провал акта 20 июля и дикий террор нацистов затронул как коммунистов, так и оппозиционных фельдмаршалов, как атеистов, так и верующих-христиан. Он помог многим людям осознать, что для свержения Гитлера и создания новой Германии необходимо единство всех патриотических сил. Понимание этого факта выразил 8 октября 1944 г. в своей статье в газете «Фрайес Дойчланд» находившийся в советском плену военный священник Фридрих Вильгельм Круммахер. Статья была написана под впечатлением сообщения о казни фон Вицлебена, фон Хазе, фон Хасселя, а также убийства Эрнста Тельмана, и видного левого социал-демократа Рудольфа Брайтшайда и других.

«Генералы и чиновники молчали, когда руководителей германского рабочего движения бросили в концлагеря, где их истязают вот уже 12 лет. Поэтому какой-нибудь придерживающийся левых взглядов рабочий мог еще 20 июля, во время восстания офицеров против Гитлера, спросить себя: а какое мне-то дело до этой борьбы генералов за власть?.. Тельман еще до 1933 г. внушал массам: «Гитлер — это война». Одни поняли это давно, другие же только позже осознали, что Гитлер — могильщик немецкого народа. Вермахт шагал вслед за ним, он вручал генералам маршальские жезлы, чиновники верили ему, послы представляли рейх в иностранных государствах. И все-таки не случайно, что и эти круги выступили на борьбу против него. Одна и та же борьба, одна и та же судьба, одна и та же угроза собственному существованию со стороны Гитлера — вот что спланивает все слои: свободомыслящих с христианами, консерваторов с социалистами. Сегодня в немецком народе идет хотя и болезненный, но тем более глубокий процесс переобучения. Буржуа видит, что коммунист, предостерегавший от Гитлера, не «безродный бродяга», а немецкий патриот с горячим сердцем. Теперь мы — свидетели того, как маршал и генералы повешены, подобно последним преступникам, это беспрецедентно во всей истории германских вооруженных сил»¹⁴².

Свою статью Круммахер заканчивал призывом к единству всех противников Гитлера. «Тогда из нынешних страданий и борьбы возрастет в грядущей Германии подлинное национальное единство народа. Только тогда гибель лучших людей из всех кругов нашего народа окажется не напрасной»¹⁴³.

Этот вывод, сделанный в 1944 г., уже указывал путь становления того демократического германского государства, которое после окончания войны было создано на Востоке Германии под руководством рабочего класса, в союзе со всеми трудовыми классами и слоями и воплотило в жизнь заветы павших в борьбе патриотов.

Примечания

¹ Дополнительные приказы «Валькирия» приводятся в том порядке, в каком они действительно исходили 20 июля 1944 г. Опубликовано Юлиусом Мадером в: «Mitteilungsblatt der AeO», Nr. 11/1968 bis 2/1969. Опубликовано также у Э. Целлера и др.

² «Mitteilungsblatt der AeO», Nr. 12/1968, S. 9.

³ Ibid., S. 10.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ Юлиус Лебер намеревался в случае успеха покушения поручить руководство Радиоцентром Отто Нушке, ставшему впоследствии председателем ХДС и заместителем Председателя Совета министров ГДР. Административное руководство должен был взять на себя д-р Герберт Антуан, бывший член Имперского радиосообщества, уволенный в 1933 г. Нушке, руководящий политический деятель веймарского периода, в 1944 г. вступил в контакт с Юлиусом Лебером, однако его симпатии к последнему не распространялись на весь круг заговорщиков; особенную неприязнь он питал к Гёрделеру. После 20 июля Нушке удалось скрыться. См.: Günter Wirth. Otto Nuschke. Berlin. 1965 (Reihe «Christ in der Welt», Heft 1), S. 24, и сборник «Darauf kam Gestapo nicht», Berlin (W), 1966, S. 74.

⁷ Графиня Шарлотта фон Штауффенберг, цит. по: J. Kramer. Op. cit., S. 148.

⁸ Ibid., S. 139.

⁹ E. Zeller. Op. cit., S. 285.

¹⁰ Ibid., S. 361.

¹¹ См.: E. Zeller. Op. cit., S. 314, 317; G. Ritter. Op. cit., Anhang; «Донесения Кальтенбруннера».

¹² Август Фрёлих (1877—1966) после 1945 г. активно выступал за единство рабочего движения и был, в частности, председателем ландтага в Тюрингии и вице-президентом Палаты земель ГДР.

¹³ См.: E. Zeller. Op. cit., S. 318; см. также: G. Ritter. Op. cit., Anhang; Günter Gereke. Ich war königlich-preussischer Landrat. Berlin, 1970, S. 291.

¹⁴ E. Zeller. Geist der Freiheit, а. а. 0.

¹⁵ Dieter Ehlers. Technik und Moral einer Verschwörung. 20. Juli 1944. Frankfurt (Main)—Bonn, 1964, S. 9.

¹⁶ Kunrat von Hammerstein. Spährtrupp, S. 252.

¹⁷ Ibid., S. 253.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibid., S. 253/254. Кунрат фон Гаммерштейн рассказывал автору настоящей книги, что в своей рукописи он употребил слово «социализм», но Герделер заменил его формулировкой «социальная справедливость».

²⁰ Ibid., S. 255.

²¹ Теодор Штельцер писал автору настоящей книги: «Во всяком случае, военную катастрофу мы считали неотвратимой. Но мы пытались дать ясно понять союзникам, что прежде мы должны достигнуть политического взаимопонимания, ибо никто из фельдмаршалов не пойдет вместе с нами, если мы безоговорочно капитулируем также и в политическом отношении. В дальнейшем это оказалось правильным. Я и теперь считаю, что при тогдашнем разложении военного руководства с этой задачей не справилась бы ни одна группа генералов. Точно также рассматривал я и перспективы революции. Мы знали лишь, что Лейшнер, то есть профсоюзы, согласились принять участие впоследствии, когда начнут действовать генералы».

²² По вопросу о присяге см.: Hildburg Bethke (Hrsg.). Eid — Gewissen — Treuepflicht. Frankfurt (Main), 1965, besonders S. 11 ff. (Helmut Gollwitzer. Zur Einführung), 19, 36 ff. (H. Bethke), 252, 254 f, 262 f (Dokumentation).

²³ J. Kramarz. Op. cit., S. 157; J. W. Wheeler-Bennett. Die Nemesis der Macht, S. 612.

²⁴ Bodo Scheurig. Ewald von Kleist-Schmenzin. Ein Konservativer gegen Hitler. Oldenburg — Hamburg, 1968, S. 187.

²⁵ Job von Witzleben. Nochmals: Heusinger und der 20. Juli 1944, in: «Mitteilungsblatt der AeO», Heft 3/1968, S. 8.

²⁶ Ibidem.

²⁷ После окончания второй мировой войны Рекее был приговорен советским военным судом к 15 годам тюремного заключения.

²⁸ F. v. Schlabrendorf. Offiziere gegen Hitler, S. 135.

²⁹ Ibidem.

³⁰ W. Schramm. Aufstand der Generale, S. 57.

³¹ F. v. Schlabrendorf. Op. cit., S. 138.

³² E. Zeller. Op. cit., S. 354.

³³ Сообщение Вальтера Кайрата, подтвержденное в основном Карлом Шрёбером в: «Darauf kam Gestapo nicht», S. 52/53.

³⁴ Сообщение Вальтера Харца.

³⁵ J. Kramarz. Op. cit., S. 190; «Донесения Кальтенбруннера», стр. 119, 130. Не ясно, намечался ли Штауффенберг в тот день произвести покушение сам или же отдать взрывчатку Штифффу.

³⁶ «Донесения Кальтенбруннера», стр. 101. Это сообщение в основном совпадает с сообщением Дж. Вицлебена, согласно которому на Запад и на Восток следовало направить в качестве руководителя переговоров по одному фельдмаршалу.

³⁷ Günther Gereke. Op. cit., S. 292 ff.

³⁸ Kunrat von Hammerstein. Op. cit., S. 263; о Штауффенберге накануне покушения см.: J. Gramatz. Op. cit., S. 200.

³⁹ Насчет доставки и хранения бомб имеются различные версии. Френкель и Мэнвелл, а также Ширер и Гиббон придерживаются мнения, что бомбы привез Штауффенберг. Другие же, напротив, говорят, что бомбы передал Штауффенбергу на аэродроме Штифф. Разумеется, для общего хода событий этот оставшийся открытым вопрос большого значения не имеет (см.: H. Fraenkel, R. Manvell. 20. Juli. Berlin (W), 1964, S. 211, Anm. 12). Не выяснено также до конца, собирался ли Штауффенберг взорвать обе или только одну бомбу. Об этом см.: Peter Hoffmann. Op. cit., a. a. 0.

⁴⁰ Описание дается по: Peter Hoffmann. Op. cit., S. 468. По другой версии он оставил свой ремень и свою фуражку, чтобы иметь предлог вернуться за ними.

⁴¹ K. v. Hammerstein. Op. cit., S. 271.

⁴² По другим описаниям сам Кейтель покинул помещение, чтобы вызвать Штауффенберга.

⁴³ Насчет причин молчания Фельгибеля имеются различные мнения, но все они в большей или меньшей мере основываются на предположениях (см.: H. Fraenkel, R. Manvell. Op. cit., S. 225—227; E. Zeller, Op. cit., S. 434). Наиболее вероятным кажется, что Фельгибель хотел предотвратить попытку государственного переворота, так как не видел никакого шанса на успех, поскольку Гитлер остался жив.

⁴⁴ Относительно этих событий имеется и другая точка зрения, согласно которой первые приказы были отданы только после телефонного звонка Хефтена, когда он благополучно приземлился на аэродроме Рангсдорф, то есть незадолго до 16 часов (см.: E. Zeller. Op. cit., S. 382). Это противоречие касается разницы во времени примерно в 10—20 минут, что для хода событий серьезного значения не имеет.

⁴⁵ Сообщение Герхарда Мерлендера.

⁴⁶ «Донесения Кальтенбруннера», стр. 63.

⁴⁷ Hans Bernd Gisevius. Bis zum bitteren Ende, Bd. 2. Hamburg, 1947, S. 317.

⁴⁸ Ibid., S. 322/323. Vgl. auch: E. Zeller. Op. cit., S. 387; J. Gramatz. Op. cit., S. 208/209.

⁴⁹ О значении событий в Штеттине см. стр. 335 настоящей книги; см. также: Walter Görlitz. Widerstand gegen den Nationalsozialismus in Pommern, S. 72.

⁵⁰ K. v. Hammerstein. Op. cit., S. 282/283.

⁵¹ Сообщение Вальтера Харца.

⁵² Сообщение Фрица Людвига. Его точка зрения, что «выступление перед микрофоном одного из участников Сопротивления вообще не представило бы никакой проблемы», правильна,

ибо по заключению редакции «Истории радио и техники студийных передач» всегда можно вести передачу в эфир с одного лишь передатчика. «Таким образом, и 20 июля 1944 г. имелась возможность независимо от Радиоцентра на Мазуреналлее вести передачи прямо в эфир из Кёнигс-Вустерхаузена или же прервать отсюда все остальные передачи» (сообщение от 24 ноября 1966 г.).

⁵³ На вопрос автора настоящей книги В. Кайрату, откуда это ему известно, тот ответил, что это ему впоследствии рассказал капитан Патцер, с которым у него были хорошие личные отношения.

⁵⁴ Сообщение Вальтера Кайрата, в основных чертах подтверждаемое Карлом Шобером (см.: «Darauf kam Gestapo nicht», S. 53 f.). Сообщение Шобера в некоторых деталях расходится со свидетельством Кайрата, но совпадает в главном: захват Радиоцентра подразделениями пехотного училища в Дёбернице, нерешительность военных руководителей ввиду отсутствия или же нечеткости указаний, соглашение с СС о совместной «защите» Радиоцентра. В. Кайрат заявил автору книги, что пехотное училище в Дёбернице было поднято по тревоге еще до 14 часов. Независимо от этого К. Шобер тоже сообщает, что первый приказ о приведении в боевую готовность, «по точным воспоминаниям», поступил в Дёберниц до 14 часов. Согласно же всем имеющимся описаниям, первые приказы о тревоге должны были поступить самое раннее около 15 часов 30 минут. Таким образом, есть основание предполагать, что пехотное училище в Дёбернице, где участником заговора являлся полковник Мюллер (в тот день, однако, отсутствовавший по служебным делам), было поднято по своего рода предварительной тревоге (аналогично тому, как имело место у полковника Финка в Париже). Однако отправитель этого сигнала неизвестен.

⁵⁵ Цитированные сообщения участников доказывают, что сооружения были действительно захвачены, между тем как в некоторых описаниях утверждается, что до захвата дело не дошло. См.: E. Zeller. Op. cit., a. a. 0; J. Kramarz. Op. cit., a. a. 0., B. Scheurig. Stauffenberg, a. a. 0.

⁵⁶ Otto John, in: H. Fraenkel, R. Manvell. Op. cit., S. 228.

⁵⁷ Сообщение Герхарда Мерлендера.

⁵⁸ Fritz Selbmann. Alternative — Bilanz — Credo. Halle (Saale), 1969, S. 372.

⁵⁹ Описание событий на территории Германии и в Чехии в значительной мере дано по: Walter Görlitz. 20. Juli 1944: Staatsstreich nach Dienstschluss, in: «Die Welt» vom 19. 7. 1969.

⁶⁰ E. Zeller. Op. cit., S. 531, Anm. 18, S. 531.

⁶¹ Описание дано в основном по: Ludwig Jedlicka. Der 20. Juli 1944 in Österreich. Wien/München, 1965.

⁶² Сообщение Отто Хартмута Фукса Гюнтеру Вирту.

⁶³ Описание дано в основном по: W. Schramm. Aufstand der Generale. Der 20. Juli in Paris. München, 1966; Vgl. auch H. Fraenkel, R. Manvell. Op. cit., a. a. 0.

⁶⁴ По заметкам генерал-лейтенанта фон Бойнеберга, цит. по: W. Schramm. Op. cit., S. 138.

⁶⁵ В отношении этих событий имеются отличающиеся друг от друга свидетельства. Так, утверждается, что Ремер отправился к Геббельсу с намерением арестовать последнего, однако аргументы Геббельса и телефонный разговор с Гитлером переубедили его. Сам Ремер утверждал впоследствии, что с самого начала вводил заговорщиков в заблуждение. Эти противоречия касаются однако незначительных подробностей. Решающим является то, что Ремер встал на сторону Гитлера и Геббельса и тем самым решил судьбу заговора. См. сообщения Ремера, Шлее и Хагена в: «Das Parlament», Bonn, Heft B XXXXVI/54 (17. 11. 1954), В XXIX/55, (20. 7. 1955).

⁶⁶ K. v. Hammerstein. Op. cit., S. 285/286.

⁶⁷ Сообщение Гельмута Наке киностудии ДЕФА от 4 июня 1964 г. Согласно этому сообщению, тревога в оружейно-техническом училище была объявлена уже после окончания служебного времени (около 16 часов). После построения в походную колонну были розданы оружие и боевые патроны. На марше через Берлин перед королевским дворцом был сделан длительный привал, во время которого набиты магазины автоматов. Тем не менее трудно объяснить, почему рота прибыла на Бендлерштрассе столь поздно.

⁶⁸ По Э. Целлеру, карательная команда состояла из 10 унтер-офицеров под командой лейтенанта Шади. Г. Наке, очевидец расстрела, сообщает, что для этого акта были специально отобраны 5 унтер-офицеров охранного батальона. После казни десять курсантов оружейно-технического училища, не являвшиеся берлинцами, были выделены для увозки и захоронения трупов в неизвестном солдатам месте.

⁶⁹ Последние слова Штауффенберга передаются различно. Так, по другим свидетельствам, он воскликнул: «Да здравствует свободная Германия!» или же «Да здравствует тайная Германия!»

⁷⁰ K. v. Hammerstein. Op. cit., S. 288.

⁷¹ E. Zeller. Op. cit., S. 352, Anm. 31.

⁷² Kunrat von Hammerstein. Flucht. Aufzeichnungen nach dem 20. Juli. Olten und Freiburg (Br.), 1966, S. 13. Следующая цитата также взята из той же работы. Геринг, говоря о Штауффенберге, называл его «неким полковником графом фон Штауффенбергом» и закончил обращение к военно-воздушным силам словами: «Да здравствует наш фюрер, которого столь явно благословил сегодня всемогущий господы!» Цит. по: Ibid., S. 16.

⁷³ Сообщение Вальтера Кайрата.

⁷⁴ H. Fraenkel, R. Manvell. Op. cit., S. 148.

⁷⁵ «Nordwestdeutsche Hefte», Heft 1. 2/1947, S. 33. Д. Мельников. Указ. соч., стр. 210. Однако это число включает и тех, кого нацисты подозревали, но кто на самом деле не имел к заговору никакого отношения.

⁷⁶ G. Weisenborn. Op. cit., S. 141.

⁷⁷ Ibid., S. 347.

⁷⁸ Д. Мельников. Указ. соч., стр. 210.

⁷⁹ G. Weisenborn. Op. cit., S. 346. Кроме того, за свое оппозиционное отношение к Гитлеру были казнены 36 генералов, 43, как утверждалось, погибли при различных несчастных случаях и 49 покончили самоубийством. Из 22 фельдмаршалов 8 были уволены в отставку (из них 1 казнен), 3 попали в плен, 4 умерли, 1 погиб на фронте, 4 покончили самоубийством, 1 (Кейтель) был казнен в Нюрнберге. См.: *ibidem*.

⁸⁰ K. v. Hammerstein. Flucht, S. 67.

⁸¹ H. Fraenkel, R. Manvell. Op. cit., S. 151.

⁸² «Mitteilungsblatt der AeO», Heft 8/1964, S. 7.

⁸³ E. Zeiler, Op. cit., S. 469.

⁸⁴ Th. Steltzer. Sechzig Jahre Zeitgenosse, S. 173.

⁸⁵ A. Heusinger. Befehl im Widerstreit, S. 365/366, zit. in «Mitteilungsblatt der AeO», Heft 2/1959, Beilage.

⁸⁶ J. Hellwig, H. Oley. Der 20. Juli und der Fall Heusinger. Berlin, 1959. Хойзингер являлся с 1 марта 1957 г. первым генеральным инспектором бундесвера и с 1 апреля 1961 по 20 марта 1964 г. — председателем Постоянного военного комитета НАТО в Вашингтоне. С тех пор состоит военным советником ХДС.

⁸⁷ Шпейдель после второй мировой войны был генералом бундесвера и главнокомандующим сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе.

⁸⁸ Герстенмайер еще в 1923 г. вступил в СА и с 1933 г. был начальником управления в Имперском руководстве «Германского студенчества». После установления нацистской диктатуры как теолог с согласия министерства иностранных дел предпринял ряд пропагандистских поездок за границу, в частности, с предложениями о привлечении церкви к антикоммунистической пропаганде на Балканах. За эту деятельность он был признан не подлежащим мобилизации в армию. Уже в 1945 г. (!) известный теолог Карл Барц разоблачил «антифашизм» Герстенмайера. Он писал: «Грубый (и глупый) дьявол исчез, оставив после себя одну лишь вонь. Теперь, кажется, пришел час тонких (и умных) дьяволов: час великих непризнанных антинацистов, приверженцев веры, героев и почти мучеников, час блестящих алиби — час, когда старый теологическо-церковно-политический укус (по возможности под эгидой ничего не подозревающих оккупационных властей, а также явно под знаком всемирно-христианского движения и уж наверняка *sub specie aeternitatis*) не выплескивают в сточную яму, а спешно, ловко и набожно перецеживают из третьей бутылки в четвертую. Кому это по вкусу, пусть в восторге пропагандирует, поощряет и культивирует... тип Ойгена Герстенмайера!» (Karl Barth. Neueste Nachrichten zur neuen deutschen Kriegsgeschichte? In: «Klärung und Wirkung». Berlin, 1966, S. 451.) После второй мировой войны Герстенмайер стал председателем бундестага ФРГ, членом синода Евангелической церкви в Германии, членом президиума западногерманского ХДС и членом Европейского совета. Он принадлежал к самым фанатичным глашатаям направленной против ГДР боннской политики. См.: «Vom SD-Agenten P 38/546 zum Bundestags-

präsidenten. Die Karriere des Eugen Gerstenmaier», hg. vom Nationalrat der Nationalen Front des demokratischen Deutschland. Berlin, 1969.

⁸⁹ A. Leber. Das Gewissen steht auf, S. 165/166.

⁹⁰ Ibidem.

⁹¹ H. Fraenkel, R. Manvell. Op. cit., S. 180/181.

⁹² A. Krebs. Op. cit., S. 304.

⁹³ Ibid., S. 299.

⁹⁴ A. Leber. Op. cit., S. 222.

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ Ibidem.

⁹⁷ Описание дано по: IML, ZP, Akte NJ-1614, Sonderkommission 20.7.1944. Beschuldigung gegen Major a. D. Max Lindemann, Elsa Lindemann u. a. Кстати, во время пребывания у супругов Глэден Линдеман брал уроки русского языка у молодой русской женщины. См.: K. von Hammerstein. Flucht, S. 157.

⁹⁸ G. Ritter. Op. cit., S. 431.

⁹⁹ H. Fraenkel, R. Manvell. Op. cit., S. 223. Как сообщает Гаральд Пёльхау, среди примерно 30 женщин, доставленных в тюрьму Моабит, находилась также вдова легационного советника Ганса Бернда фон Хефтена — брата Вернера фон Хефтена, которую «оторвали от детей, хотя те очень нуждались в своей матери. Но гестапо не посчиталось с тем, что мать еще кормила грудью своего младшего ребенка». H. Poelchau. Die Ordnung der Bedrängten. Berlin. 1963, S. 68.

¹⁰⁰ Сообщение графини Нины фон Штауффенберг.

¹⁰¹ Richard Scheringer. Das grosse Los. Unter Soldaten, Bauern und Rebellen. Hamburg, 1959, S. 442.

¹⁰² Сообщение Гертруды и Вальтера Машке.

¹⁰³ Сообщение Артура Раквица Гюнтеру Вирту.

¹⁰⁴ Сообщение о совместном заседании окружного комитета СЕПГ, посвященном 20-й годовщине образования СЕПГ. См.: «Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Potsdam. Mathematisch-Naturwissenschaftliche Reihe», Jg. 10 (1966), Heft 3, S. 434.

¹⁰⁵ K. von Hammerstein. Flucht, S. 44.

¹⁰⁶ Сообщение генералов в отставке д-ра Отто Корфеса и Мартина Латтмана.

¹⁰⁷ Из личного архива Антона Аккермана.

¹⁰⁸ «Mitteilungsblatt der AeO», Heft 8/1964, S. 12.

¹⁰⁹ IML, ZP, 238/Mappe 25.

¹¹⁰ Ibidem.

¹¹¹ «Freies Deutschland», 23.7.1944.

¹¹² Ibidem; sieh auch: W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 2: 1933—1946. Berlin, 1953, S. 334.

¹¹³ «Neues Deutschland», 28.3.1969, S. 2.

¹¹⁴ Сообщение генерала в отставке О. Корфеса.

¹¹⁵ Винценц Мюллер. Я нашел подлинную Родину. Записки немецкого генерала. М., 1964, стр. 305.

¹¹⁶ У Антона Аккермана сохранились рукописные тезисы доклада, с которыми он дал ознакомиться автору настоящей книги. Дальнейшее изложение основано на этих заметках.

¹¹⁷ По данному пункту Аккерман говорил без предварительных записей.

¹¹⁸ Этими впервые публикуемыми выдержками из личных записей Антона Аккермана категорически опровергаются измышления тех западногерманских историков, которые с антикоммунистическими намерениями вновь и вновь утверждают, будто КПГ не дала всесторонней оценки акта 20 июля 1944 г.

¹¹⁹ Цит. по: J. W. Wheeler-Bennet. Op. cit., S. 710.

¹²⁰ Цит. по: John J. McCloy II. Die Verschwörung gegen Hitler. Stuttgart, 1963, S. 57.

¹²¹ Ibidem.

¹²² W. Schramm. Aufstand der Generale, S. 151.

¹²³ J. W. Wheeler-Bennet. Op. cit., S. 699.

¹²⁴ Ibid., S. 719.

¹²⁵ Ibidem.

¹²⁶ Сообщение Франца Фюмана. В художественной форме Франц Фюман описал этот эпизод в своем рассказе «Фёлюспа». См.: «Das Judenauto». Leipzig, 1965, S. 111 ff.

¹²⁷ Неопубликованные воспоминания умершего генерала в отставке Иоганнеса Цукерторта (MS).

¹²⁸ R. Scheringer. Op. cit., S. 441/442.

¹²⁹ Moritz von Faber du Faur. Op. cit., S. 213.

¹³⁰ «Freies Deutschland», 30. 7. 1944.

¹³¹ Ibidem.

¹³² Из личного дневника Германа Райха, переданного им автору для ознакомления.

¹³³ Сообщение Германа Райха.

¹³⁴ Результаты проведенного автором книги письменного опроса, при котором опрашиваемым предоставлялось право не называть свою фамилию.

¹³⁵ Примерно так же высказался тогдашний унтер-офицер вещевого склада гарнизонного госпиталя в Потсдаме Эрих К. (профессия — торговый служащий). Он заявил, что приветствовал покушение «потому, что был военнослужащим 6-й армии и жалел о многих товарищах, погибших в Сталинграде... потому, что война все не кончалась. Я бы новое правительство поддержал, — пишет он. — Мои товарищи и друзья думали точно так же. Мои родители всегда были противниками [нацистского] режима. Отец, рабочий, ненавидел военщину и фашистов; мать, домашняя хозяйка, была глубоко религиозной».

Для оценки мнения гражданского населения нижеследующие высказывания типичны по меньшей мере в той степени, в какой они отражают стремление к миру именно у простых людей. 34-летняя в ту пору домашняя хозяйка М. Кишке одобряла покушение, «потому что надеялась, что тем самым кончится война». Она сожалела о неудаче покушения, но не имела никакого представления о его закулисных причинах и прочих событиях, связанных с ним. «Правительство, которое закончило бы войну, я бы поддержала, — пишет она. — Но так открыто говорить об этом никто не осмеливался, тем более что в нашем доме уже имелись случаи доноса в суд на некоторых квартиросъемщиков (за клевету)». М. Рихтер характеризует свое тогдашнее

отношение 18-летней школьницы к покушению так: «Ни за, ни против. Я в то время считала так: кто бы ни правил, мне дела нет, главное — лишь бы война поскорее кончилась. Так думали и в моей семье».

¹³⁸ Сообщение Герхарда Упателя.

¹³⁷ В том же духе свидетельствует 30-летний тогда рядовой Вальтер Б. из автобатальона в Лейпциге: «Я жалел, что покушение провалилось. Должен заранее сказать, что до 1933 г. я был активным членом Социалистической рабочей молодежи, а в 1933—1934 гг. все еще участвовал в подпольной работе... Готовность поддержать новое правительство была налицо. Реакция окружения: об этих делах открыто не говорили. Никто не доверял другому. Говорить открыто можно было только с единомышленником». Из высказываний 23-летнего тогда слесаря военно-морской базы в Готенхафене (Гдыня) явствует, что примерно три четверти его товарищей думали так же. Он пишет: «Благодаря враждебному отношению моих родителей к национал-социалистскому режиму я, будучи молодым человеком, относился к тогдашнему ходу событий весьма критически. Кроме того, до 1934 г. я принадлежал к религиозной молодежной организации. Среди моих тогдашних коллег по работе были слесари и инженеры. Часть рабочих принадлежала к так называемым «причисленным к немцам». К моменту покушения этот круг лиц в своем подавляющем большинстве уже не стоял за военную политику нацистских руководителей. Наличие веры в германскую победу я к этому времени заметить у них уже не мог. Напротив, у меня складывалось впечатление, что для многих людей покушение послужило последним толчком для того, чтобы либо окончательно отмежеваться от режима, либо по крайней мере занять в отношении него критическую позицию».

Тогдашний ефрейтор войск связи Эрих Гертнер (по профессии — монтажник телеграфных линий), прежде состоявший в профсоюзе и в рабочем спортивно-гимнастическом союзе, сожалел о неудаче покушения. Он сообщает: «Я был бы готов поддерживать любое новое правительство, если бы оно выступило за мир... Все мои товарищи по военной базе были того же мнения... Я имел представление о подпольной борьбе движения Сопротивления различных групп и национальностей, находился в контакте с партизанскими отрядами. Из моей части к ним перебежало шесть человек, двоих схватили [при побеге] и одного расстреляли перед строем».

¹³⁸ «Freies Deutschland», 13. 8. 1944.

¹³⁹ Ibidem.

¹⁴⁰ Ibidem.

¹⁴¹ Ernst Nieckisch. Das Reich der niederen Dämonen. Berlin, 1953, S. 306.

¹⁴² Friedrich-Wilhelm Krummacher. Ruf zur Entscheidung. Berlin, 1965, S. 109—111. Vgl.: «Freies Deutschland», 8. 10. 1944.

¹⁴³ Ibid., S. 112.



Рис. 1. План «Волчьего логова» — ставки Гитлера в Растенбурге

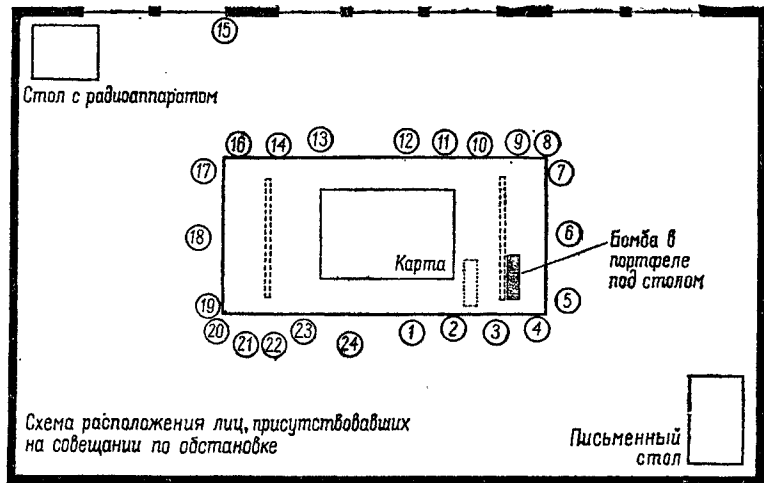


Рис. 2. Схема расположения лиц в картографическом бараке.
Под номером 1 значится Гитлер

Заключительные замечания

*Глава написана совместно
с Гюнтером ВИРТОМ*

Приступая к этой работе, автор поставил задачу дать научно обоснованную оценку личности Штауффенберга, то есть осветить процесс его эволюции в рамках закономерного хода истории. Если рассматривать эту проблему с принципиальной точки зрения и поставить деятельность Штауффенберга во взаимосвязь с закономерностями исторического развития, неизбежно возникает дальнейший вопрос: каковы общественно-политические следствия этой деятельности и ее воздействие, ощущаемые и поныне.

Трагическая гибель Штауффенберга и его друзей с абсолютной ясностью показала, что разрешить существовавшее в Германии коренное противоречие никакая «дворцовая революция» не могла. И если гёрделеровские планы в конечном счете были обречены на провал, ибо противоречили интересам народа и, являясь вариантом империалистической политики, были направлены против будущего антифашистско-демократического развития Германии, то и к действиям Штауффенберга тоже полностью относится вывод о том, что «в условиях нацистского террористического режима не могло оказаться успешным ни одно даже самое организованное офицерское восстание, ибо оно оставалось изолированным от авангарда рабочего класса и от организаций антифашистского Сопротивления»¹.

Вместе с тем настоящее исследование призвано показать поляризацию общественных сил внутри заговора 20 июля 1944 г. Оно подтверждает, что цели

прогрессивных сил, группировавшихся вокруг Штауффенберга и его соратников, находились в непримиримом противоречии с целями реакционного большинства заговорщиков. Вместе с тем в группе Штауффенберга действовали самые активные и решительные элементы, фактическое и потенциальное влияние которых было гораздо большим, нежели обычно предполагалось. Однако группа Штауффенберга в целом «не смогла оказать определяющего влияния на общий характер заговора, диктовавшийся теми элементами, которые объединялись вокруг Карла Гёрделера»². Отсюда проистекает то огромное, не лишенное трагизма противоречие, которое заключается в том, что, хотя 20 июля 1944 г. и определялось актом Штауффенберга, сам же заговор по своей глубочайшей сути противоречил взглядам и стремлениям самого Штауффенберга.

Жизненный путь Штауффенберга побуждает поставить вопрос о твердых этических нормах и силе их воздействия на политические решения. Восходящие к христианству жизненные принципы, противоречия, своеобразно «очеловеченная» интерпретация элитарного мышления Стефана Георге, все еще поверхностное соприкосновение с миром идей социализма и, наконец, постепенное восприятие и внутреннее осмысление окружавших его военно-политических реальностей — все это позволило Штауффенбергу преодолеть традиции и предрассудки собственного классового происхождения и встать на сторону борцов против варварства и бесчеловечности.

Такое явление не ново в истории классовой борьбы. Возникновение левого, прогрессивного крыла заговора лишь вновь подтверждает слова Карла Маркса и Фридриха Энгельса, констатировавших в «Манифесте Коммунистической партии»: «...В те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее»³.

Штауффенберг не смог завершить свое дело до конца, ибо пал жертвой могущественного аппарата вражеской власти, а также и потому, что еще многими крепкими нитями оставался связан со своим классом. Он воплощал тем не менее ту часть этого класса, которая шла навстречу силам, олицетворяющим будущее.

Таким образом, Штауффенберг выступает в качестве ключевой фигуры того прогрессивного меньшинства заговора 20 июля 1944 г., которое обращало свой взор в будущее, к новой, демократической Германии и уже видело очертания новой исторической перспективы для немецкого народа,— правда, при этом гораздо больше догадываясь и предчувствуя, нежели зная и сознавая.

Детально описывая путь полковника Штауффенберга и его друзей, мы стремились поставить в центр внимания те проблемы, которые сохранили свою актуальность и в наши дни. Тем самым мы хотели ясно показать, что позиция Штауффенберга не только формально противостояла позиции группы Гёрделера, но и открывала возможность сотрудничества непролетарских антифашистов с рабочим классом во имя свержения Гитлера, то есть несла в себе элементы концепции Народного фронта. Наверняка не случайно, что установление контакта группы Штауффенберга — Лебера с руководителями КППГ в Берлине, а также внимательное ознакомление представителей этой группы с деятельностью НКСГ имели место как раз в то время, когда немецкое движение антифашистского Сопротивления достигло своего широчайшего размаха и действенности, когда оперативное руководство КППГ могло опираться на более чем десять тысяч активных борцов, когда к НКСГ и Союзу немецких офицеров в Советском Союзе примкнул еще ряд крупных групп генералов, офицеров и солдат. Взгляды прогрессивного крыла заговорщиков были настолько аналогичны взглядам офицеров и солдат, группировавшихся вокруг Национального комитета «Свободная Германия», что в одном гестаповском донесении даже говорилось о тождестве мировоззрения и образа мыслей по обе стороны Восточного фронта⁴.

Это признание, вышедшее из-под пера врага, еще раз подтверждает один из важнейших выводов данного исследования: Штауффенберг и его друзья принадлежат к антифашистско-демократическому Сопротивлению, к той борьбе, которую самоотверженно вели лучшие сыны и дочери немецкого народа. Штауффенберг предчувствовал, в каком направлении пойдет будущая Германия, на какие силы она должна опереться, чтобы навсегда исключить повторение такой катастрофы, как фашизм. Штауффенберг приветствовал такой ход развития. В ряде случаев он выходил за рамки одного лишь предчувствия и приходил к примечательным выводам и заключениям. Концепция группы Штауффенберга содержит широкий спектр возможностей подхода к гуманизму, демократии и социальной реформе, ко всему тому, что осуществлено в Германской Демократической Республике в процессе антифашистско-демократической революции.

Необходимо поставить 20 июля и его резонанс во взаимосвязь с общественным развитием Германии после ее освобождения от фашизма. При этом можно оттолкнуться от характерного события недавнего прошлого.

В связи с 25-летием 20 июля представители западногерманской общественности опубликовали обращение, представляющее интерес не столько своим содержанием (забота о пропаганде связанных с заговором представлений), сколько подписями тех, кто теперь «примкнул» в этом обращении к 20 июля⁵. Здесь мы встречаем имена таких влиятельных представителей финансового капитала, как Герман Йозеф Абс, Х. Трёгер и Курт Бирренбах, таких ведущих политиков ХДС/ХСС, как Эрнст Бенда и Эрик Блюменфельд, барон фон Гуттенберг, Эрнст Леммер, Эрнст Майоника, Герман Пюндер и барон Рихард фон Вайцеккер. Среди социал-демократов, подписавших обращение, наряду с Вилли Брандтом и Гербертом Венером мы находим также профессора доктора Вилли Брундерта, который в период после 1945 г. проводил в провинции Саксония-Ангальт политику, удобную концернам, бывшего советника военно-административного суда Карло Шмида, а также Эмиля

Хенка, о котором уже говорилось выше. В числе подписавшихся и священнослужители бундесвера: епископ Лиле, епископ Шарф и «способный к изменениям» Генрих Грюбер. В списке подписавшихся не обошлось и без кардинала Дёпфнера, покровителя Дефреггера — убийцы Филетто. Нет только подписи Ойгена Герстенмайера, зато он представлен своим доверенным лицом Кольмером — руководителем «Благотворительной помощи» евангелической церкви ФРГ.

Весьма печально видеть в подобном обществе таких людей, как Эберхард Бетге, Генрих Бёлль, Гельмут Гольвицер и Роберт Шолль. Имя Бёлля стоит рядом с Майоникой, которого несколько лет назад писатель назвал «самым большим скалозубом» в западногерманском ХДС. В отношении Бёлля можно еще добавить, что его подпись под обращением воспринимается еще более странно, если вспомнить, что в своей книге «Письмо молодому католику» он в 1958 г. предостерегающе писал: «Стало уже обычным каждый раз, как только ставят под сомнение позицию официальной католической церкви в Германии в период нацизма, упоминать имена тех мужчин и женщин, которые страдали в концентрационных лагерях и тюрьмах или же были казнены. Но эти люди, такие, как прелат Лихтенберг, отец Дельп и многие другие, действовали отнюдь не по приказу церкви — им приказала другая инстанция, само имя которой вызывает сегодня подозрения: совесть»⁶.

В этой связи Бёлль говорит и о людях 20 июля. И если он ставит в пример молодому, ищущему совета военному служащему бундесвера графа Шверина фон Шваненфельда, соратника Клауса фон Штауффенберга, то даваемая писателем характеристика в конечном счете относится и к самому Штауффенбергу. Слова Бёлля, обращенные к «молодому католику», лишь еще резче подчеркивают тот фактический путь, который проделан в ФРГ со времени «Письма»:

«Это был христианин и офицер, вступивший в союз с людьми, совершенно чуждыми ему по происхождению и своей политической традиции — с марксистами и профсоюзными функционерами. Дух этого братства, этого союза не сохранился, не стал определять после-

военную политику. Мы могли бы иметь традицию — именно такую, но создается впечатление, что внести этот дух в современную политику было бы невозможно: арену ныне занимают примитивные тактики, люди, лишенные памяти, жизнерадостные, здоровые, которые «не глядят назад» и не отдают дани тому преданному анафеме бремени, которое зовется размышлением и которое они, называя его «болезненным состоянием», третируют как своего рода яд для так называемых интеллигентов...»⁷

Таким образом, недифференцированный подход к Сопротивлению в целом и к 20 июля в частности приносит весьма сомнительные плоды; путаница по этому комплексу вопросов даже в гуманистических западногерманских слоях чрезвычайно велика.

Следует более тщательно проанализировать список подписавших обращение и обратить внимание на имена, кажущиеся с первого взгляда менее известными. К примеру, на профессора д-ра Э. Вёрмана из Гёттингена. Биографические сведения его *prima vista* * дают немного: экономист-аграрник, родился в 1899 г., в 1930 г. — доцент в Данциге, в 1933 г. — профессор по вопросам сельскохозяйственного производства в Университете Галле, с 1948 г. — профессор в Гёттингене⁸. Но многое становится яснее, когда узнаешь, что он принадлежал в Галле к кружку заговорщиков, группировавшемуся вокруг крупного помещика Венцеля-Тойченталя, казненного после 20 июля⁹. Вёрман уцелел и во время борьбы за осуществление демократической земельной реформы отстаивал в тогдашней советской оккупационной зоне интересы крупного помещичьего землевладения. В документе, озаглавленном «Точка зрения ХДС провинции Саксония-Ангальт по вопросу о земельной реформе», говорится:

«30 августа всем членам правления союза был разослан и в тот же день обсужден ими на расширенных заседаниях проект КППГ по вопросу о земельной реформе. На это заседание правления был приглашен от сельскохозяйственной палаты также г-н профессор д-р Вёрман (беспартийный, крупнейший специалист в

* На первый взгляд (лат.).

провинции и всей Германии по вопросам сельского хозяйства). Последний сделал подробное сообщение относительно экономических последствий принятия предложения КПГ. Он заявил... что реформа ляжет на сельское хозяйство неоправданным бременем. Она — можно уже сейчас с большой уверенностью сказать — привела бы к возникновению голода. Правление присоединилось к этой точке зрения и высказало в отношении проекта КПГ точку зрения, оформленную в виде документа от 31 августа»¹⁰. Документ подписан д-ром Хервегеном — именно тем самым Хервегеном, который вместе с ранее названным профессором Брундертом был осужден в 1950 г. Верховным судом ГДР за экономические преступления. Итак, круг замкнулся¹¹.

Этот круг становится еще уже, если добавить, что упомянутый документ был направлен д-ру Гермесу — тому самому д-ру Гермесу, которого прогрессивные элементы ХДС тогдашней советской оккупационной зоны сместили со всех его постов и который (что важно для нашей темы) в первый день памяти жертв фашизма, 9 сентября 1945 г., выпустил газету «Нойе цайт» в таком виде, что 20 июля занимало в ней монопольное место. Шапка на первой полосе гласила: «Погибшие 20 июля», а в передовой статье д-р Гермес писал: ХДС «вырос непосредственно из круга участников и жертв 20 июля» и опирается «в значительной мере на духовную подготовку, сделанную этим кругом». Однако из участников заговора Гермес назвал при этом прежде всего Кайзера и Гёрделера¹².

Все эти концепции связаны между собой и, таким образом (мы могли бы эту констатацию подкрепить многочисленными другими примерами), в центр заговора реакционными историками и политиками ставится его империалистическая фракция. Если сделать на этом основании некоторые обобщения, приходишь к следующим выводам.

Поскольку после провала заговора 20 июля и в результате победы Советской Армии осуществление его империалистического, гёрделеровского варианта стало невозможно, после освобождения Германии была предпринята попытка выдать уцелевших граж-

данских представителей заговора за подлинных «представителей Соппротивления» и в качестве таковых внедрить их в общественную жизнь как в советской, так и в западных оккупационных зонах. Таким образом пытались насколько возможно спасти гёрделеровский вариант, — вариант монополистического капитала и крупного землевладения.

В советской оккупационной зоне это пытались сделать при помощи основанных в конце июня — начале июля 1945 г. буржуазных партий, прежде всего ХДС. К основателям этой партии принадлежал ряд лиц, связанных с 20 июля, в первую очередь Якоб Кайзер и вдова полковника Вильгельма Штеле Хильдегард Штеле, а также такие представители Крайзауского кружка, как Теодор Штельцер, Паулус ван Хузен и Ганс Лукашек.

Если учесть тот факт, что Учредительный манифест ХДС говорил о четкой, проникнутой стремлением к лучшему будущему позиции, которой ХДС и ныне придерживается в качестве одной из правительственных партий ГДР, становится ясно следующее. С одной стороны, представители гёрделеровского варианта сначала пробовали прикрыться признанием этой позиции на словах, чтобы на практике задержать процесс антифашистско-демократической революции. С другой стороны, произошла известная поляризация, приведшая к тому, что некоторые вошедшие в Учредительный манифест положения крайзауских документов получили «левую» интерпретацию¹³. Поэтому весьма примечательно, что авторы изданной западно-берлинским христианско-демократическим движением за мир толковой книги «ХДС в ГДР, или Чему мы можем поучиться у наших братьев и сестер» писали:

«Филологический анализ показывает, кстати, определенное родство этого документа с политическими разработками, возникшими в Крайзауском кружке... Подписавшие данный документ (за немногими исключениями) остались верны тем замыслам, которые можно рассматривать как указывающие путь в будущее. Но другие подписавшие берлинский Учредительный манифест понимали его в духе политически и социально реакционных элементов Крайзауского

кружка. Они пытались интерпретировать его в пользу хода развития, ведущего к реставрации прошлого. Поэтому не случайно некоторые подписавшие берлинский манифест позже стали министрами в Бонне»¹⁴.

Далее, такой анализ показал бы, что в процессе антифашистско-демократической революции в тогдашней советской оккупационной зоне тот прежний конфликт в среде буржуазии, которым характеризовалось 20 июля, был пережит ею вновь, уже в иных общественных условиях, и преодолен тем, что представители гёрделеровской линии (три этапа: конец 1945 г. — Гермес, конец 1947 г. — Кайзер, конец 1949 г. — Хикман) были окончательно разбиты. Позитивные элементы концепций кружка Штауффенберга после их переработки и дальнейшего развития в соответствии с прогрессом социально-политического развития были восприняты и интегрированы в борьбу подлинно левых буржуазных слоев в ГДР.

Пожалуй, полезно сказать здесь и следующее. Мы видели, что формулировки Штауффенберга и его друзей порой были еще весьма расплывчаты, но, бросая взгляд назад, мы открываем в них и те моменты, которые могут быть интерпретированы прогрессивно. Западногерманская историография, состоящая на службе крупной буржуазии, хочет осудить такой подход методологически, чтобы тем самым избежать высказываний по существу. Приведенные выше ссылки на Учредительный манифест ХДС и связанные с ним явления поляризации позволяют сделать интересное заключение по аналогии. Некоторые позиции Учредительного манифеста ХДС тоже были относительно расплывчатыми и двойственными; они могли толковаться и так и этак; их фактическая интерпретация определялась практикой борьбы рабочего движения и эффективностью его политики союза с другими трудящимися классами и слоями, а также гуманистической последовательностью буржуазных сил. Именно это можно ретроспективно сказать по аналогии и о концепции кружка Штауффенберга, объединявшего патриотических офицеров и гражданских лиц.

Вот почему эти люди тоже заслуживают тех почестей, которые оказываются в ГДР борцам Сопро-

тивления из всех слоев народа. Это делается и в историографии и, что еще более важно, в осуществлении их общественного завещания по воспитанию молодого поколения; это находит свое отражение в нашей борьбе против империалистической войны и неонацизма, за мир и социалистическое сообщество людей.

На торжественном заседании по случаю 25-летия 20 июля, состоявшемся в Доме Национального совета Национального фронта демократической Германии, бывший узник Бухенвальда, профессор-историк д-р Вальтер Бартель сказал: «Историография ГДР расценивает Штауффенберга как человека, который в процессе многолетней внутренней борьбы с замкнутым кастовым духом своего окружения осознал нужды, заботы и подлинные интересы своего народа и был на пути к тому, чтобы пойти вместе с решающей антифашистской и антиимпериалистической силой — рабочим классом... Полковник Штауффенберг навсегда вошел в великую плеяду немецких патриотов, заветы которых ГДР осуществляет как закономерно возникшее в процессе многовековой истории нашего народа государство мира и свободы, гуманизма и социальной справедливости»¹⁵.

Из этих положений мы и исходим, с этой отправной точки зрения и написана данная работа. Поэтому бесполезно, подобно некоторым западногерманским рецензентам первого издания этой книги, ставить вопрос, не служит ли она «рекламированием» Штауффенберга и его друзей в интересах ГДР. Подобное утверждение вытекает либо из поверхностного ознакомления с книгой, либо из намерения смазать политическое значение объективного научного изучения данного объекта исследования и тем самым дискредитировать его в глазах определенного круга читателей. Ведь Штауффенберг, и это следует подчеркнуть со всей категоричностью, имел прогрессивные, ориентированные в будущее представления о новой Германии, во многих пунктах приближавшиеся к программным заявлениям движения «Свободная Германия». Штауффенберг желал спасти немецкий народ от фашизма и от последствий агрессивной политики, он

хотел создания Отечественного фронта всех демократических сил, включая коммунистов. В этой связи для социал-демократов из числа его друзей в конечном счете приобрел решающее значение вопрос о единстве рабочего движения.

Штауффенберг, Лебер, Мольтке и их соратники пали в борьбе за свои цели. Их устремленные в будущее идеи осуществлены в процессе антифашистско-демократической революции в тогдашней советской оккупационной зоне, то есть в иных исторических условиях, нежели те, которые они предвидели в 1943 или 1944 гг. В этом смысле мы устанавливаем не теряющую актуальности связь между Штауффенбергом и нашей действительностью, в этом смысле он с нами, с ГДР, как и со всеми демократическими, миролюбивыми силами ФРГ и Западного Берлина.

Анализируя различные варианты 20 июля, следует с учетом данной проблематики принимать во внимание двойственность определенных политических решений, что, однако, не имеет ничего общего со спекулятивным вопросом, жил бы Штауффенберг сегодня в ГДР или в ФРГ.

Тем самым мы подошли к некоторым оценкам 20 июля в Западной Германии. То, что не удалось в тогдашней советской оккупационной зоне, протащили в 1945—1947 гг. и позднее в Западной Германии. Гёрделеровский вариант стал здесь исходной концепцией для всех акций монополистической буржуазии и для касты крупных помещиков, направленных против попыток демократических сил связать борьбу против фашизма и милитаризма с тенденциями социального преобразования (в качестве примера назовем Аленекую программу западногерманского ХДС от февраля 1947 г.).

Поскольку непосредственно в период после 1945 г. гёрделеровский вариант носил еще совершенно недифференцированный отпечаток антинацизма и антифашизма, он смог стать идеологическим прикрытием политики монополистической буржуазии и других реакционных сил в процессе реставрации старых условий власти. Вскоре после 1947 г. он превратился

в одно из многих средств, которыми империалистические силы Западной Германии пользовались преимущественно для того, чтобы получить себе алиби; он стал средством для их маскировки перед границей, особенно перед странами антигитлеровской коалиции. Эти силы использовали события, связанные с 20 июля, даже для того, чтобы выдвигать гегемонистские притязания, скажем, против Англии (например, «упрекая» английское правительство в том, что оно не пошло на «предложения» гёрделеровцев и бросило последних «на произвол судьбы»).

И разумеется, совсем не случайно, что именно генералы Шпейдель и Хойзингер сыграли руководящую роль в создании бундесвера. Они считались уцелевшими участниками заговора, а тем самым — «борцами Сопротивления». О графе Кильманзегге, бывшем командующем сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе, гамбургский журнал «Шпигель» писал: «Полковник граф Кильманзегг принадлежит, таким образом, к кругу борцов Сопротивления, возглавлявшемуся его другом полковником графом Штауффенбергом»¹⁶. Откуда автору указанной статьи известно об «участии в Сопротивлении» избобличенного военного преступника Кильманзегга, читателю так и остается непонятно. А среди граждан ФРГ распространением мифов о 20 июля тем временем занимался гестаповский агент Ойген Герстенмайер, ставший впоследствии председателем западногерманского бундестага¹⁷.

Так взгляды гёрделеровской группы влились во внутри- и внешнеполитическую концепции правых кругов Западной Германии (преимущественно в виде восстановления монополий и политики «европейского объединения»¹⁸). Более того: они дали возможность западногерманскому империализму под антинацистской маскировкой достигнуть империалистических военных целей уже после проигранной войны и несмотря на понесенное в ней поражение. Одновременно они яростно использовались для форсирования идейно-политической борьбы против Востока, то есть против страны-победительницы — Советского Союза, против Польши и Чехословакии, но прежде всего против

антифашистско-демократической революции на Востоке Германии, причем делалось это под лозунгом борьбы против «тоталитаризма».

На попрание политического мародерства подвизаются в ФРГ и некоторые историки.

Эти примеры не единичны. Они характеризуют основную тенденцию общественной оценки 20 июля реакционными кругами ФРГ и Западного Берлина. Характерно, к примеру, то, что написал нам один западноберлинский священник: «Хотя я лично... играл лишь совершенно незначительную второстепенную роль, меня приглашают на ежегодно устраиваемые в [Западном] Берлине торжества памяти 20 июля. Но я не хожу на них, потому что там борьба против Гитлера сочетается со злобной враждебностью в отношении СЕПГ и ГДР»¹⁹.

Подобные действия реакционных кругов ФРГ и Западного Берлина говорят о логическом и последовательном осуществлении гёрделеровской линии — в данном случае о задуманной ими еще в 1944 году попытке расколоть антигитлеровскую коалицию и, опираясь на западные державы, продолжить войну против одного лишь Советского Союза. Возникший вскоре после создания ФРГ союз гёрделеровцев с бывшими нацистами следует понимать не как противоречие, а как продолжение усилий некоторых участников 20 июля установить сотрудничество с эсэсовскими главарями.

Характерным для этой тенденции политики реакционных сил является высказывание бывшего военного министра ФРГ фон Хасселя, относящееся к 1964 г.: «Деяние 20 июля никоим образом не является нормой для поведения сегодняшних солдат. Оно совершалось в чрезвычайной исторической ситуации, которая не должна и не может повториться»²⁰. Такие чрезвычайные ситуации могли бы, по Хасселю, возникать только в «тоталитарных» государствах, но отнюдь не в ФРГ, возглавлявшейся тогда правительством ХДС/ХСС.

Однако нынешний солдат бундесвера имеет дело с такой ситуацией, когда тон задают отнюдь не прежние антинацистские оппозиционные элементы, а в

первую очередь бывшие гитлеровские офицеры, призывавшие держаться «до последнего».

Так, 3 сентября 1952 г. в заявлении христианско-демократического боннского правительства говорилось, что «все мы признательны тем носителям вооруженной силы нашего народа, которые в рамках высоких солдатских традиций с честью воевали на суше, на воде и в воздухе» в годы второй мировой войны²¹. Солдату бундесвера заявляют, что «как трагически повиновавшиеся, так и мужественно неповиновавшиеся стоят ныне в одном строю»²². Эта формула «как... так и...» создала курьезную ситуацию, при которой солдат бундесвера должен одновременно чтить и уважать память не только полковника Штауффенберга, но и в первую очередь его убийц и всех тех прочих еще живых нацистских офицеров, которые нанесли Штауффенбергу удар в спину.

Однако в последние годы участники заговора все более отходят в культивируемых бундесвером традициях на задний план. При этом предпринимаются попытки полностью интегрировать все прогрессивные силы заговора в гёрделеровскую группу, свести на нет принципиальные противоречия между Гёрделером и Штауффенбергом. Это особенно типично для биографии Штауффенберга, написанной Крамарцем. В то же время предпринимаются попытки преподнести всех гитлеровских генералов и офицеров как более или менее тайных борцов Сопротивления путем пустой болтовни о «жертвенном пути генералов и адмиралов». Причем военнотружущим бундесвера внушают, что главные достоинства, служащие образцом, — это такие «солдатские добродетели», как «выполнение долга», «повиновение» и т. п.²³.

Однако империалистический вариант 20 июля 1944 г. открывает возможность и для других тактических шагов.

Цента Баймлер вполне справедливо заметила после телевизионной передачи «Ганс Баймлер, наш камрад», что в Западной Германии «официально упоминаются только люди 20 июля»²⁴. А в органе крупной буржуазии «Цайт» несколькими неделями ранее можно было прочесть следующее: «В наших знаниях о прошлом,

несомненно, имеется огромный пробел там, где речь идет об участии в борьбе против [фашистского] режима представителей более широких народных кругов и слоев»²⁵. Иными словами: при помощи пропагандистских манипуляций, лихорадочного распространения антикоммунизма и не в последнюю очередь путем осуществленного в 1956 г. запрещения КПГ буржуазная дворцовая оппозиция была поднята в ФРГ на уровень «Сопrotивления», а 20 июля придана монопольная ключевая функция в нем.

Однако огромную роль коммунистических борцов Сопrotивления сегодня уже больше невозможно полностью игнорировать. Поэтому их для вида даже вынуждены оценивать позитивно, но в действительности пытаются ставить в один ряд с буржуазной «дворцовой революцией» или даже подчинять ей²⁶.

Так, в изданной в 1967 г. западноберлинским центром политического образования брошюре о мемориальном музее в бывшей каторжной тюрьме Плётцензее говорится: «Акт 20 июля стал выдающимся событием и символом германского Сопrotивления. Но Сопrotивление имело гораздо более широкие рамки... Одними из первых жертв политических преследований стали коммунисты... Однако в то время, как руководство, нашедшее прибежище в Москве, находилось в плену своей чуждой действительности доктрины, многие коммунисты в Германии начали на свой страх и риск идти собственными идеологическими и политическими путями и сотрудничать с социал-демократами, христианами и буржуазными кругами, против которых раньше боролись»²⁷.

Аналогичным образом прибегает к маскировке в этом вопросе и автор биографии Фрица Дитлофа фон дер Шуленбурга Альберт Кребс. Он «извиняет» Шуленбурга за согласие на установление контактов с коммунистами смехотворным утверждением, будто Зефков и Якоб (имена которых он не называет, но подразумевает) были «старыми немецкими коммунистами», выступавшими против режима Сталина, а потому, «наоборот», рассматривались Москвой «как раскольники и ренегаты». Шуленбург хотел, мол, только узнать,

«каковы были эти люди, с которыми ему пришлось бы иметь в будущем дело как статс-секретарю»²⁸.

Итак, старый тезис о 20 июля 1944 г. как «наивысшей точке» Сопротивления отнюдь не сдан в архив; напротив, он дополнен новым более «гибким» вариантом антикоммунизма. Это относится и к той ситуации, которая начала складываться в ФРГ в конце 1969 г. По существу, высказывания Хенке, уже охарактеризованные нами²⁹, все еще определяют социал-демократическое отношение к Сопротивлению. Пользуясь заранее учитываемой неосведомленностью многих людей, представители этой линии запросто отрицают тот факт, что КПГ на своих Брюссельской (1935 г.) и Бернской (1939 г.) конференциях, а также в решениях ЦК выработала четкую стратегическую и тактическую концепцию создания широкого антифашистско-демократического Народного фронта, служившую руководящей нитью для подпольных организаций движения Сопротивления. Но западногерманскому и западноберлинскому читателю стараются внушить, будто коммунистические борцы Сопротивления действовали вопреки воле руководства КПГ, будто они отказались от своей партии и от своего мировоззрения. Вряд ли есть необходимость приводить здесь более наглядное доказательство лживости подобных утверждений, чем тот факт, что, к примеру, Антон Зефков и Франц Якоб, устанавливая контакт с группой Штауффенберга, действовали полностью в духе решений руководства своей партии, поскольку ЦК КПГ сам уже давно сотрудничал во имя свержения Гитлера с представителями буржуазии, с социал-демократами, христианами, офицерами вермахта и другими некоммунистическими элементами в движении «Свободная Германия»³⁰.

В заключение можно указать на примечательное обстоятельство, весьма наглядно показывающее рассмотренный нами процесс поляризации группы Штауффенберга и группы Гёрделера.

К числу подписавших Учредительный манифест ХДС от 26 июня 1945 г. принадлежал и крайзаусец д-р Теодор Штельцер. Хотя на первом публичном митинге ХДС в начале июля 1945 г., состоявшемся в

Берлине в здании театра на Шиффсбауердамм, Штельцер был единственным оратором, наиболее определенно выступившим за сотрудничество с коммунистами в деле строительства новой жизни³¹, в дальнейшем он эмигрировал из советской зоны, был затем одно время премьер-министром земли Шлезвиг-Гольштиния, а впоследствии занимал и другие важные посты в ФРГ (например, председателя западногерманской комиссии ЮНЕСКО)³². Но в душе Штельцера все еще продолжало жить наследие Штауффенберга. В середине 60-х годов он выступал по западногерманскому телевидению, а 22 сентября 1967 г., за несколько недель до своей кончины³³, сделал привлекавшее всеобщее внимание заявление, в котором подвел итог своей жизни и высказал свое отношение к вопросам современности. Он назвал «коренной политической ошибкой Федеративной республики» то, что господствующие в ней буржуазные круги не пожелали «со всей последовательностью признать политическую несостоятельность немецкой буржуазии в истории германского национального государства»³⁴. Отсюда, констатировал Штельцер, проистекает ошибочная внутренняя и внешняя политика. «Мы были очевидцами того, — сказал он далее, — как в национал-социалистские времена безобидные буржуа становились хищными волками. Что можем мы сделать, чтобы не допустить повторения? Для этого нам нужны самокритика, самоосознание и лишенная всяких иллюзий оценка положения». Штельцер осудил начатое Аденауэром вооружение Западной Германии и интегрирование ФРГ в систему западных военных союзов, ибо это «означает наш раскол на необозримые времена». Исходя из данного положения, он говорил: «Поэтому действительность требует от нас преобразования. А оно невозможно без сотрудничества с государствами Востока и особенно с ГДР. Однако оно требует взаимного признания на основе равноправия и понимания того, что мы должны ориентироваться на длительное сосуществование обоих германских государств. Это преобразование не может быть направлено ни против ГДР, ни против Федеративной республики, ни против России... Упорствование ФРГ на исключительном

праве представлять весь немецкий народ заранее исключает всякое сотрудничество».

Штельцер сформулировал свои требования в виде пяти задач западногерманской внешней политики: признание ГДР; признание границы по Одру — Нейсе; аннулирование и осуждение Мюнхенского соглашения; достижение договоренности между обоими германскими государствами о разоружении, безатомной зоне и нераспространении ядерного оружия; гарантии особого статуса и жизнеспособности Западного Берлина обоими германскими государствами. Он закончил свое заявление словами: «Моим друзьям и мне пришлось шагать и по возвышенностям, и по низменностям и самим избавиться от многих предвзятых взглядов и иллюзий. Чуть ли не каждому из нас пришлось отдать свою жизнь или поставить ее на карту. На основе этого опыта я считаю необходимым, чтобы эти названные мною пять пунктов явились составной частью будущей конструктивной западногерманской внешней политики».

Выступление этого буржуазного политического деятеля, приговоренного Фрайслером к смертной казни, говорит о реалистическом политическом мышлении и чувстве патриотической ответственности. Оно свидетельствует о том, что Штельцер преодолел барьеры антикоммунизма. Он действовал в духе заветов своих товарищей, павших в борьбе против фашистской системы.

Штауффенберг и его друзья в кульминационный момент своей борьбы искали контактов с представителями немецких революционных рабочих. Их трагедия в том, что они «не смогли своевременно и достаточно широко осуществить союз с подлинно антифашистским движением Сопротивления, возглавлявшимся Коммунистической партией Германии, и что поэтому в заговоре доминировала империалистическая концепция Гёрделера»³⁵. Эта проблема становится очевидной и с точки зрения непролетарского антифашиста. Мартин Нимёллер в уже цитировавшемся нами в начале книги письме констатировал, что со своей сегодняшней точки зрения он должен сказать, что не стал бы принимать участие в 20 июля³⁶.

И тем не менее борьба и гибель Штауффенберга и его соратников, их стремление достигнуть новых берегов — это завет, который должен быть осуществлен всеми миролюбивыми и прогрессивными силами, чтобы когда-нибудь не стало еще раз «слишком поздно». Заговор 20 июля 1944 г. со всеми его противоречиями показывает, что пагубный антикоммунизм должен быть преодолен ради обеспечения мира во всем мире. Для Штауффенберга и его друзей, для выполнения их заветов, для понимания уроков истории, как и прежде, остаются в силе слова, сказанные Генрихом Манном в 1948 г.:

«Немецкое движение Сопротивления боролось не против какого-либо чужеземного агрессора; оно было вызвано к жизни торжествующим насилием, которое повсюду торжествовало лишь по видимости и только у самих немцев реально. Сопротивление являлось делом меньшинства; и все же, дабы принести плоды, оно должно было заставить массы, которые были еще далеки от него и не желали думать, осознать их нравственные права. Жертвы в собственных рядах были неизбежны. Манифесты, скрепленные печатью смерти, стяжали себе право на бессмертие. Они служили бы призывом и в будущем, а сопротивление насилию уже нашло бы людей, умудренных опытом борьбы. Стоит народу пожелать, и он вспомнит своих самых достойных борцов. И тогда не к чему было бы больше умирать — ведь и те, кто пал за свободу, предпочли бы победить, не погибнув»³⁷.

Примечания

¹ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5. Berlin, 1966, S. 415.

² Ibid., S. 413/414.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 433.

⁴ «Kaltenbrunner-Berichte», S. 193.

⁵ «Aufruf der „Aktionsgemeinschaft 20. Juli 1944“» (geschäftsführend Gotthold Müller, München), abgedruckt im «Rheinischer Merkur» vom 18. Juli 1969.

⁶ Heinrich Böll. Erzählungen — Hörspiele — Aufsätze. Köln/Berlin (W), 1961, S. 368 f. Это полностью относится к Штауффенбергу, который в беседе с католическим епископом Берлина, позднее ставшим кардиналом графом Преизингом, об-

суждал весной 1944 г. необходимость политического переворота, выдвигая при этом вопрос об оправдании покушения. В данной связи весьма показательно, что Крамарц (op. cit., S. 160), ссылаясь на графа Александра фон Штауффенберга, сообщает: «После краха [фашизма] кардинал Преизинг писал матери Штауффенберга, что хотя он и не мог дать ее сыну благословение церкви, однако не смог отказать ему в своем личном пасторском благословении».

⁷ H. Böll. Op. cit., S. 394 f; vgl. hierzu auch: Heinz Plavius. Bölls Ästhetik des Humanen, in: «Sonntag», Nr. 52 vom 25. September 1966.

⁸ Peter Hermes. Die Christlich-Demokratische Union und die Bodenreform in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands im Jahre 1945. Saarbrücken, 1963, S. 170.

⁹ Vgl. etwa Theodor Steltzer. Op. cit., S. 165; T. von Schlabrendorf. Offiziere gegen Hitler. Frankfurt a. Main und Hamburg, 1962, S. 178; ferner H. Etzrodt. Das Geschlecht Wentzel. Eisleben, 1937. Согласно этим данным, Венцель имел в 1937 г. 15816 моргенов земли, а также 5614 моргенов пахотной земли.

¹⁰ P. Hermes. Op. cit., S. 116.

¹¹ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik», Teil III. Berlin, 1967, S. 245. Там говорится: «Группа незаконно перевела в кассы концерна «Дойче континентальгаз АГ» в Западной Германии более 100 млн. марок народной собственности».

¹² «Neue Zeit» vom 12. September 1945. Такая линия проводилась уже в первом номере «Neue Zeit» от 22 июля 1945 г.; напечатанная в нем статья являлась настоящим гимном Гёрделеру.

¹³ Vgl. hierzu: «Die Thesen zur Geschichte der Christlich-Demokratischen Union Deutschlands. Dokumente der CDU», Band VI, vor allem S. 68. Там говорится: «...Концерны и крупное землевладение также направили своих посредников в партию и предавались надежде, что под маской демократии сумеют найти орудие для спасения своих прежних господствующих позиций, обрести платформу организованной оппозиции или обструкции против создания новых, демократических условий на Востоке Германии. Правда, тогда в целом они еще были вынуждены в значительной мере скрывать свои подлинные намерения от членов партии и общественности. С другой стороны, им удалось, например, протащить в берлинский Учредительный манифест некоторые программные пункты реакционного или по крайней мере двойственного характера, которые они впоследствии хотели использовать в реакционных целях своей политики, служащей интересам крупной буржуазии. Не только в берлинском кругу авторов Учредительного манифеста, но и в правлениях быстро возникавших земельных и районных организаций они первоначально сумели обеспечить себе ряд ключевых позиций. Все эти явления и влияния поначалу в немалой мере затруднили объединение прогрессивных членов союза и обретение ими самопонимания, а также потребовали в первые годы существования партии сложного процесса идейно-политического разъяснения в собственных рядах, постоянной борьбы с враждебными взгля-

дами и постоянных усилий по определению своего места в общей борьбе».

¹⁴ «CDU in der DDR oder: Was wir von unseren Brüdern und Schwestern lernen können». Im Auftrage der Westberliner Verständigungshilfe (des Christlichen Friedensdienstes) herausgegeben von Klaus Ehrler. Köln, 1969, S. 47.

¹⁵ «25. Jahrestag des 20. Juli 1944. Veranstaltung anlässlich des 25. Jahrestages des 20. Juli 1944 im Hause des Nationalrates am 18. Juli 1969 in Berlin». Sonderdruck. Berlin, 1969, S. 12. Vgl. auch: G. Förster. Legende und Wahrheit über den 20. Juli 1944». «Neues Deutschland» vom 19. Juli 1969.

¹⁶ «Der Spiegel», Nr. 33 vom 8. August 1966, S. 30.

¹⁷ Vgl. hierzu: «Vom SD-Agenten P 38/546 zum Bundestagspräsidenten. Die Karriere des Eugen Gerstenmaier. Dokumentarbericht», herausgegeben vom Nationalrat der Nationalen Front des demokratischen Deutschland. Berlin, 1969.

¹⁸ Профессор д-р Рената Римек писала по этому вопросу в «Deutsche Volkszeitung» от 18 июля 1967 г.: «Когда ныне знакомишься с ходом мыслей гёрделеровской группы, думаешь, что они с небольшими вариантами предвосхитили концепцию развития боннского государства: сильный вермахт как «школа нации», базирующаяся на германском притязании на руководство и направленная против Советского Союза «европейская политика»; терпимое отношение к неонацистской партии и возвращение потерянных восточных провинций при одновременном упорствовании на сохранении в силе Мюнхенского соглашения 1938 г., которого Гитлер добился вымогательством».

¹⁹ Письмо священника Р., адресованное Гюнтеру Вирту.

²⁰ Kai-Uve von Hassel. Verantwortung für die Freiheit. Auszüge aus Reden und Veröffentlichungen in den Jahren 1963/64. Boppard am Rhein, 1965, S. 420; цит. по: G. Förster. Op. cit., S. 1460/61.

²¹ Цит. по: «Zeitschrift für Militärgeschichte», Heft 3/1964, S. 335/336.

²² Ibid., S. 335/336.

²³ Vgl.: G. Förster. Op. cit.

²⁴ «Neues Deutschland» vom 12. September 1969.

²⁵ «Die Zeit», Hamburg, Nr. 39/1969, цит. по: «Neues Deutschland» vom 13. September 1969.

²⁶ Здесь следует прежде всего упомянуть некоторые западногерманские телевизионные передачи, посвященные 25-й годовщине 20 июля.

²⁷ Friedrich Zipfel, Eberhard Aleff. Gedenkstätte Plötzensee. Berlin (W), 1967, 8. Auflage, S. 5.

²⁸ A. Krebs. Op. cit., S. 289.

²⁹ См. стр. 122—123 настоящей книги.

³⁰ Vgl.: «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5.

³¹ «Neue Zeit», vom 22. Juli 1945.

³² P. Hermes. Op. cit., S. 169.

³³ Теодор Штельцер умер 27 октября 1967 г. в Мюнхене. При погребении Гюнтер Вирт возложил на его могилу венок от

Национального совета Национального фронта демократической Германии.

³⁴ «Stimme der Gemeinde zum kirchlichen Leben, zur Politik, Wirtschaft und Kultur», Heft 22/1967, S. 683 f. Следующие цитаты также заимствованы из того же источника. Речь идет о стенографической записи выступления Штельцера по телевидению.

³⁵ Prof. Dr. Heinrich Scheel. Festansprache anlässlich des 20. Jahrestages des 20. Juli 1944 in Berlin, in: «Mitteilungsblatt der AeO», Heft 8 (1964), S. 6.

³⁶ Письмо Гюнтеру Вирту. См. также: гл. I, прим. 1.

³⁷ Heinrich Mann. Widerstehe dem Übel (1948), in «Essays», Bd. 3. Berlin, 1962 (oder: Heinrich Mann. Ausgewählte Werke in Einzelausgaben, Bd. 13, S. 387).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Полковник Клаус фон Штауффенберг и заговор против Гитлера (Предисловие)</i>	5
<i>Предисловие ко второму немецкому изданию</i>	20
I	
Юность и военная карьера 1907 — 1933 гг.	24
II	
Офицер в фашистской Германии 1933—1943 гг.	60
III	
В борьбе за свободную Германию 1943—1944 гг.	150
IV	
Попытка переворота 20 июля 1944 г.	252
V	
Заключительные замечания	366

Издательство «ПРОГРЕСС»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ:

Анатомия агрессии. (Новые документы.) Перевод с немецкого.

Сборником «Анатомия агрессии» продолжается публикация архивных документов по истории второй мировой войны, начатая книгой «Анатомия войны» («Прогресс», 1971).

Новый сборник посвящен фашистским планам создания «новой Европы», проектам завоевания и организации «колоний». Материалы сборника показывают, что в разработке этих агрессивных планов и проектов германские монополии играли ведущую роль. Большинство документов из государственных архивов ГДР, охватывающих период с апреля 1940 по июнь 1944 года, публикуется впервые. Объединенные в одной книге, эти документы обладают большой разоблачительной силой — они вскрывают сложный механизм государственно-монополистической политики и структуры гитлеровского «третьего рейха».

Издательство «ПРОГРЕСС»

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ:

Вальдхайм К. Австрийский путь.
Перевод с немецкого.

Австрийский дипломат Курт Вальдхайм, Генеральный секретарь ООН, в своей книге излагает основные моменты истории Австрии 1918—1970 годов, показывает становление Австрии как нейтральной державы. В книге подробно анализируются отношения Австрии с великими державами, причем большое внимание уделяется отношениям с Советским Союзом, показывается значение добрососедских контактов с другими европейскими государствами, а также раскрывается участие Австрии в деятельности ООН. Несомненный интерес представляют высказывания автора о роли нейтральных стран на мировой арене, в частности об их вкладе в разрядку напряженности на Европейском континенте.

КУРТ ФИНКЕР

ЗАГОВОР

20 июля 1944 года

ДЕЛО ПОЛКОВНИКА

ШТАУФФЕНБЕРГА

Художник *И. С. Клейнгард*

Художественный редактор

В. А. Пузанков

Технический редактор

З. С. Кондрашова

Корректор

Р. М. Прицкер

Сдано в производство 31.08.74.

Подписано к печати 9.12.75.

Бумага тип. № 3 84×108¹/₃₂ бум. л. 6¹/₈. Печ. л. 20,58.

Уч.-изд. л. 20,60. Тираж 100 000. Изд. № 17392.

Цена 97 коп. Заказ 944.

Издательство «Прогресс» Государственного
комитета Совета Министров СССР

по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли.

Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская
типография № 2 имени Евгении Соколовой

Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли.

198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

97 коп.